

ВОЛГОГРАДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY

Volume 23. No. 4

ISSN 2587-8115 (Print)

ISSN 2587-6899 (Online)

LEGAL CONCEPT

2024

ПРАВОВАЯ ПАРАДИГМА

Том 23. № 4

ISSN 2587-8115 (Print)
ISSN 2587-6899 (Online)

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION

LEGAL CONCEPT

2024

Volume 23. No. 4

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ПРАВОВАЯ ПАРАДИГМА

2024

Том 23. № 4

LEGAL CONCEPT

PRAVOVAYA PARADIGMA

2024. Vol. 23. No. 4

Academic Periodical

First published in 1996

4 issues a year

**Mainstream issue: “Legal Discourse in Procedural Law:
Theoretical Discussion and Practical Expediency”**

Founder:

Federal State Autonomous
Educational Institution of Higher Education
“Volgograd State University”

The journal is registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Registration Certificate **ПН № ФЦ77-69269** of March 29, 2017)

The journal is included into “**The Index of Peer-Reviewed Academic Journals and Publications That Must Publish the Main Academic Results of Candidate’s Degree Theses and Doctoral Degree Theses**” that came in force on December 1, 2015

The journal is included into the **Russian Science Citation Index**

The journal is also included into the following Russian and international databases: **CrossRef** (USA), **Google Scholar** (USA), **ProQuest** (USA), **SciUp** (Russia), “**CyberLeninka**” **Scientific Electronic Library** (Russia), “**Socionet**” **Information Resources** (Russia), **IPRbooks E-Library System** (Russia), **E-Library System “University Online Library”** (Russia)

Editorial Staff:

Prof., Dr. *A.O. Inshakova* – Chief Editor (Volgograd)
Prof., Dr. *A.Ya. Ryzhenkov* – Deputy Chief Editor (Volgograd)
Assoc. Prof., Cand. *I.V. Baltutite* – Executive Secretary (Volgograd)
Assoc. Prof., Cand. *E.O. Osadchenko* – Copy Editor (Volgograd)

Editorial Board:

Prof., Dr. *A.Kh. Abashidze* (Moscow); Dr. *L.A. Bukalero* (Moscow); Prof., Dr. *A.I. Goncharov* (Volgograd); Prof., Dr. *N.I. Grachev* (Volgograd); Prof., Dr. *M.L. Davydova* (Volgograd); Prof., Dr. *T.V. Deryugina* (Moscow); Prof., Dr. *V.V. Dolinskaya* (Moscow); Prof., Dr. *N.Yu. Erpyleva* (Moscow); Prof., Dr. *L.G. Efimova* (Moscow); Prof., Dr. *E. Kovalski* (Warsaw, Poland); Prof., Dr., Acad. *N.S. Kuznetsova* (Kiev, Ukraine); Prof., Dr. *V.P. Kamyshanskiy* (Krasnodar); Prof., Dr. *D.K. Labin* (Moscow); Prof., Dr. *L.V. Lobanova* (Volgograd); Prof., PhD *Massimo La Torre* (Catanzaro, Italy); Prof., Dr. *I.A. Mikhaylova* (Moscow); Assoc. Prof., Dr. *N.V. Pavlichenko* (Moscow); Dr. *J.L. Perez Alvarado* (Dominican Republic); Prof., Dr. *V.F. Ponka* (Moscow); Prof., Dr. *S.B. Rossinskiy* (Moscow); Assoc. Prof., Dr. *V.A. Rudkovskiy* (Volgograd); Prof., Dr., Acad. of RANH *V.A. Ruchkin* (Volgograd); Assoc. Prof., Dr. *A.V. Serebrennikova* (Moscow); Prof., Dr. *E.E. Frolova* (Moscow); Prof., Dr. *O.A. Yastrebov* (Moscow)

Editor of English texts is *D.A. Novak*

Making up by *E.S. Reshetnikova*

Technical editing by *N.M. Vishnyakova, M.V. Gaybal, N.V. Goreva, Yu.I. Nedelkina, E.S. Reshetnikova, I.V. Smetanina*

Passed for printing on Dec. 11, 2024.

Date of publication: Dec. 30, 2024. Format 60×84/8.

Offset paper. Typeface Times.

Conventional printed sheets 18.7. Published pages 20.1.

Number of copies 500 (1st printing 1–32 copies).

Order 126. «C» 41.

Open price

Address of the Printing House:

Bogdanova St, 32, 400062 Volgograd.

Postal Address:

Prosp. Universitetsky 100, 400062 Volgograd.

Publishing House

of Volgograd State University.

E-mail: izvolgu@volsu.ru

Address of the Editorial Office and the Publisher:

Prosp. Universitetsky 100, 400062 Volgograd.

Volgograd State University.

Tel.: (8442) 40-02-72. Fax: (8442) 46-18-48

E-mail: vestnik5@volsu.ru

Journal website: <https://j.volsu.com>

English version of the website: <https://j.volsu.com/index.php/en/>

LEGAL CONCEPT

ПРАВОВАЯ ПАРАДИГМА

2024. Т. 23. № 4

Научный журнал

Основан в 1996 году

Выходит 4 раза в год

**Главная тема номера: «Государство как оплот цивилизации
и конституционно-правовых ценностей»**

Учредитель:

Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение
высшего образования
«Волгоградский государственный университет»

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-69269 от 29 марта 2017 г.)

Журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук», вступивший в силу с 01.12 2015 г.

Журнал включен в базу Российского индекса научного цитирования (РИНЦ)

Журнал также включен в следующие российские и международные базы данных: CrossRef (США), Google Scholar (США), ProQuest (США), SciUp (Россия), Научная электронная библиотека «КиберЛенинка» (Россия), Соционет (Россия), Электронно-библиотечная система IPRbooks (Россия), Электронно-библиотечная система «Университетская библиотека онлайн» (Россия)

Редакционная коллегия:

д-р юрид. наук, проф. А.О. Иншакова – главный редактор (г. Волгоград)
д-р юрид. наук, проф. А.Я. Рыженков – зам. главного редактора (г. Волгоград)
канд. юрид. наук, доц. И.В. Балтутите – ответственный секретарь (г. Волгоград)
канд. юрид. наук, доц. Э.О. Осадченко – технический секретарь (г. Волгоград)

Редакционный совет:

д-р юрид. наук, проф. А.Х. Абашидзе (г. Москва); д-р юрид. наук, проф. Л.А. Букалерева (г. Москва); д-р юрид. наук, д-р экон. наук, проф. А.И. Гончаров (г. Волгоград); д-р юрид. наук, проф. Н.И. Грачев (г. Волгоград); д-р юрид. наук, проф. М.Л. Давыдова (г. Волгоград); д-р юрид. наук, проф. Т.В. Дерюгина (г. Москва); д-р юрид. наук, проф. В.В. Долинская (г. Москва); д-р юрид. наук, проф. Н.Ю. Ерпылева (г. Москва); д-р юрид. наук, проф. Л.Г. Ефимова (г. Москва); д-р права, проф. Е. Ковальски (г. Варшава, Польша); д-р юрид. наук, проф., акад. Н.С. Кузнецова (г. Киев, Украина); д-р юрид. наук, проф. В.П. Камышанский (г. Краснодар); д-р юрид. наук, проф. Д.К. Лабин (г. Москва); д-р юрид. наук, проф. Л.В. Лобанова (г. Волгоград); проф., PhD Массимо Ла Торре (г. Катанзаро, Италия); д-р юрид. наук, проф. И.А. Михайлова (г. Москва); д-р юрид. наук, доц. Н.В. Павличенко (г. Москва); д-р юрид. наук Х.Л. Перес Альварадо (Доминиканская Республика); д-р юрид. наук, проф. В.Ф. Понька (г. Москва); д-р юрид. наук, проф. С.Б. Россинский (г. Москва); д-р юрид. наук, доц. В.А. Рудковский (г. Волгоград); д-р юрид. наук, проф., акад. РАЕ В.А. Ручкин (г. Волгоград); д-р юрид. наук, доц. А.В. Серебренникова (г. Москва); д-р юрид. наук, проф. Е.Е. Фролова (г. Москва); д-р юрид. и экон. наук, проф. О.А. Ястребов (г. Москва)

Редактор английских текстов Д.А. Новак

Верстка Е.С. Решетниковой

Техническое редактирование Н.М. Вишняковой,

М.В. Гайваль, Н.В. Горевой, Ю.И. Неделькиной,

Е.С. Решетниковой, И.В. Сметаниной

Подписано в печать 11.12 2024 г.

Дата выхода в свет: 30.12 2024 г. Формат 60×84/8.

Бумага офсетная. Гарнитура Таймс. Усл. печ. л. 18,7.

Уч.-изд. л. 20,1. Тираж 500 экз. (1-й завод 1–32 экз.).

Заказ 126. «С» 41.

Свободная цена

Адрес типографии: 400062 г. Волгоград, ул. Богданова, 32.

Почтовый адрес: 400062 г. Волгоград,

просп. Университетский, 100. Издательство Волгоградского

государственного университета. E-mail: izvolgu@volsu.ru

Адрес редакции и издателя:
400062 г. Волгоград, просп. Университетский, 100.
Волгоградский государственный университет.
Тел.: (8442) 40-02-72. Факс: (8442) 46-18-48
E-mail: vestnik5@volsu.ru

Сайт журнала: <https://j.jvolsu.com>
Англояз. сайт журнала: <https://j.jvolsu.com/index.php/en/>

СОДЕРЖАНИЕ

ГЛАВНАЯ ТЕМА НОМЕРА

<i>Грачев Н.И.</i> Государство-цивилизация как политическая форма существования многополярного мира	6
<i>Мун В.А., Урываев А.В.</i> Государственно-правовое регулирование демографической политики в СССР в 1920–1930-е годы	18
<i>Алимова Е.Н.</i> Правоограничения в сфере охраны здоровья (зарубежный опыт правового регулирования)	27
<i>Ушаков А.В.</i> Конституционно-правовые аспекты нормативно-правового регулирования в области реализации и защиты социальных прав детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей	33
<i>Епифанов А.Е.</i> Из зарубежного опыта по обеспечению правового статуса несовершеннолетних мигрантов	38
<i>Кайль Я.Я., Усанова В.А.</i> Неочевидность выбора вида гражданского судопроизводства при защите прав ребенка	44
<i>Олимзода Джомии Джамшиед.</i> Правовые проблемы гражданского оборота оружия среди физических лиц (гражданского населения)	52
<i>Лебедева Ю.В., Сазонова А.В.</i> Правовые аспекты защиты китов и радиоактивное загрязнение Мирового океана	59

ВОПРОСЫ

ЧАСТНОПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

<i>Иниакова А.О.</i> Специальный инвестиционный контракт как инструмент государственной поддержки инвестиционной деятельности в России	67
<i>Егоров Г.Г., Деркачева Т.В.</i> Особенности использования нейросетей при краудфандинге в РФ: нормативно-правовой статус	75
<i>Туешова Е.С.</i> Цифровой рубль и цифровая валюта: дискурс о соотношении понятий	85
<i>Шубенкова К.В., Малахова Е.П.</i> Особенности правового регулирования цифровых финансовых активов в РФ	92
<i>Федосеев П.С.</i> О некоторых вопросах правового регулирования кондиционных обязательств	98

<i>Осадченко Э.О.</i> Новации семейного законодательства России: анализ законодательных инициатив и тенденций правоприменения	104
<i>Касаткин Д.М.</i> Злоупотребление правом участника общества при предъявлении требования о предоставлении информации	113
<i>Матыцин Д.Е.</i> Законодательное регулирование и модернизация оборота электронных эквивалентов обязательств и требований хозяйствующих субъектов в России и некоторых зарубежных странах	119
<i>Крюкова Е.С., Инюшкин А.Н.</i> Генетическое тестирование как комплексная услуга: источники и содержание правовой регламентации	130
<i>Фёдорова Ю.А.</i> Теории причинно-следственных связей. Проблемы установления связей между незаконным деянием и вредоносным последствием	137

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ПРЕСТУПНОСТИ И ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

<i>Архипцев И.Н., Сарычев А.В., Гальцова Ю.А.</i> Военные преступления Украины в отношении гражданского населения в ходе специальной военной операции	145
---	-----

ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ПРАВО: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

<i>Россинский С.Б.</i> Судебное следствие по уголовному делу: собрание или исследование доказательств?	155
<i>Азарова Е.С.</i> Формы усмотрения в отечественной правовой теории	164
<i>Ромашова М.В.</i> Уголовно-процессуальный механизм обеспечения эффективности заключительного этапа производства дознания	169
<i>Фантров П.П.</i> Совершенствование стадии возбуждения уголовного дела	178
<i>Шинкарук В.М.</i> Значение заключения эксперта для формирования внутреннего убеждения участников судебного разбирательства	187

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО И СРАВНИТЕЛЬНОЕ ПРАВОВЕДЕНИЕ

<i>Лебедева Ю.В.</i> Правовое определение «ядерной установки» по законодательству Франции и в праве ЕС	194
--	-----

CONTENTS

MAINSTREAM ISSUE

<i>Grachev N.I.</i> The State-Civilization as a Political Form of Existence of a Multipolar World	6
<i>Mun V.A., Uryvaev A.V.</i> The State Legal Regulation of Demographic Policy in the USSR in the 1920s and 1930s	18
<i>Alimova E.N.</i> Legal Restrictions in Healthcare (Foreign Experience of the Legal Regulation)	27
<i>Ushakov A.V.</i> Constitutional and Legal Aspects of the Legal Regulation Regarding the Realization and Protection of the Social Rights of Orphans and Legally Free Children	33
<i>Epifanov A.E.</i> From Foreign Experience in Ensuring the Legal Status of Underage Migrants	38
<i>Kayl Ya.Ya., Usanova V.A.</i> The Non-Obviousness of the Type Selection of Civil Proceedings in the Protection of Children's Rights	44
<i>Olimzoda Jomii Jamshed.</i> Legal Problems of Arms in Civil Circulation Among Individuals (Civilians)	52
<i>Lebedeva Yu.V., Sazonova A.V.</i> The Legal Aspects of Whale Protecting and Radioactive Pollution of the World Ocean	59

PRIVATE LAW REGULATION ISSUES: HISTORY AND CONTEMPORANEITY

<i>Inshakova A.O.</i> The Special Investment Contract as an Instrument of State Support for Investment Activities in Russia	67
<i>Egorov G.G., Derkacheva T.V.</i> Features of Using Neural Networks in Crowdfunding in the Russian Federation: A Legal Status	75
<i>Tueshova E.S.</i> Digital Ruble and Digital Currency: A Discourse on the Relationship of Concepts	85
<i>Shubenkova K.V., Malakhova E.P.</i> Features of the Legal Regulation of Digital Financial Assets in the Russian Federation	92
<i>Fedoseev P.S.</i> On Some Issues of the Legal Regulation of Unjust Enrichment Obligations	98

<i>Osadchenko E.O.</i> Innovations in the Family Legislation of the Russian Federation: Analysis of the Legislative Initiatives and Law Enforcement Trends	104
<i>Kasatkin D.M.</i> Abuse of the Right of a Company Member When Submitting a Request for Information	113
<i>Matytsin D.E.</i> The Legislative Regulation and Modernization of the Turnover of Electronic Equivalents of Obligations and Claims of Business Entities in Russia and Some Foreign Countries	119
<i>Kryukova E.S., Inyushkin A.N.</i> Genetic Testing as a Comprehensive Service: The Sources and Content of the Legal Regulation	130
<i>Fedorova Yu.A.</i> The Theories of Causation. The Problems of Establishing Causation Between an Illegal Act and a Harmful Consequence ...	137

CRIME PREVENTION AND LEGAL LIABILITY DIFFERENTIATION

<i>Arkhiptsev I.N., Sarychev A.V., Galtsova Ju.A.</i> War Crimes of Ukraine Against the Civilian Population During the Special Military Operation	145
---	-----

PROCEDURAL LAW: THEORY AND LAW ENFORCEMENT ISSUES

<i>Rossinsky S.B.</i> The Judicial Inquiry of a Criminal Case: Collecting or Examining Evidence?	155
<i>Azarova E.S.</i> Forms of Discretion in Russian Legal Theory	164
<i>Romashova M.V.</i> The Criminal Procedure Mechanism for Ensuring the Effectiveness of the Final Stage of the Investigation	169
<i>Fantrov P.P.</i> Improving the Stage of Initiation of a Criminal Case	178
<i>Shinkaruk V.M.</i> The Importance of Expert Opinion for Forming Moral Certainty of Parties to a Trial	187

INTERNATIONAL LAW AND COMPARATIVE JURISPRUDENCE

<i>Lebedeva Yu.V.</i> The Legal Definition of a "Nuclear Installation" Under French Law and in EU Law	194
---	-----

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2024.4.1>

UDC 342.22
LBC 67.0

Submitted: 30.07.2024
Accepted: 10.09.2024

THE STATE-CIVILIZATION AS A POLITICAL FORM OF EXISTENCE OF A MULTIPOLAR WORLD

Nikolay I. Grachev

Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation,
Volgograd, Russian Federation

Introduction: one of the key worldviews of the resurgent state ideology of Russia is the idea of a state-civilization, which acted as the doctrinal basis of the Concept of Foreign Policy of the Russian Federation. According to a number of scientists and politicians, it is the state-civilization that will become the main political form of a multipolar world. However, there is still no consensus in the scientific literature on the content of this concept and its qualification features. **Methods:** the methodological framework for the research is the civilizational approach in combination with the general scientific and special methods of cognition: system analysis, synthesis, induction, deduction, comparative, historical and legal. The scientific novelty of the paper lies in the fact that it identifies and analyzes the political and legal features of the state-civilization, as well as identifies some methodological approaches for further research on this issue. The **results** of the study consist in establishing the continuity of modern civilizational states in relation to the great empires of the past and determining the unity of their political and legal nature with the imperial form of organization, which determines the specificity of their common features. **Conclusions:** the state-civilization has almost all the features of classical empires, with certain deviations and variations caused by the processes of the decline of globalization and the formation of a multipolar world. But its genesis has not yet been completed, therefore, the author's characteristic of the state-civilization can only be considered as its basic, typical model, in whose relation its specific modifications may approach or move away depending on the prevailing market conditions and their own distinctive features.

Key words: state-civilization, civilizational approach, local civilizations, empire, sovereignty, multipolar world, geopolitics, great power.

Citation. Grachev N.I. The State-Civilization as a Political Form of Existence of a Multipolar World. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2024, vol. 23, no. 4, pp. 6-17. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2024.4.1>

УДК 342.22
БК 67.0

Дата поступления статьи: 30.07.2024
Дата принятия статьи: 10.09.2024

ГОСУДАРСТВО-ЦИВИЛИЗАЦИЯ КАК ПОЛИТИЧЕСКАЯ ФОРМА СУЩЕСТВОВАНИЯ МНОГОПОЛЯРНОГО МИРА

Николай Иванович Грачев

Волгоградская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации,
г. Волгоград, Российская Федерация

Актуальность исследования: одной из ключевых мировоззренческих установок возрождающейся государственной идеологии России является идея государства-цивилизации, выступившая доктринальным базисом Концепции внешней политики Российской Федерации. По мнению ряда ученых и политиков именно государство-цивилизация станет основной политической формой многополярного мира. Однако в научной литературе еще не сложилось единого мнения о содержании этого понятия и его квалификационных признаках. **Методологической основой** исследования является цивилизационный подход в совокупности с общенаучными и специальными методами познания: системным анализом, синтезом, индукцией, дедукцией, сравнительным, историко-правовым. **Научная новизна** статьи заключается в том, что в ней выявлены и проанализированы политико-правовые признаки государства-цивилизации, а также определены некоторые методологические подходы дальнейших исследований по данной проблематике. **Результаты** исследования состоят в установлении преемственности современных государств-цивилизаций по отношению к великим империям прошлого и определении единства их политико-правовой природы с имперской формой организации, чем и обуславливается специфичность присущих им общих признаков. **Выводы:** государство-цивилизация обладает практически всеми признаками классических империй с определенными отклонениями и вариациями, вызванными процессами заката глобализации и становления многополярного мира. Но его генезис еще не закончен, поэтому, авторская характеристика государства-цивилизации может рассматриваться лишь как его базовая, типовая модель, по отношению к которой ее конкретные модификации могут приближаться или отдаляться в зависимости от сложившейся конъюнктуры и собственных отличительных особенностей.

Ключевые слова: государство-цивилизация, цивилизационный подход, локальные цивилизации, империя, суверенитет, многополярный мир, геополитика, великая держава.

Цитирование. Грачев Н. И. Государство-цивилизация как политическая форма существования многополярного мира // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2024. – Т. 23, № 4. – С. 6–17. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2024.4.1>

Введение

Определение современной России как государства-цивилизации в многочисленных выступлениях Президента РФ В.В. Путина, начиная с 2012 г. [24; 27], и ее официальное признание в этом качестве в Концепции внешней политики Российской Федерации [17], ставит перед отечественной правовой наукой задачи перевода данного понятия на язык юриспруденции и закрепление его в конституционном законодательстве.

Концепция внешней политики РФ дает в основном геополитическую характеристику Российского государства, как «обширной евразийской и евро-тихоокеанской державы, сплотившую русский народ и другие народы в культурно-цивилизационную общность Русского мира», указывая на такие его признаки как: самобытность; тысячелетний опыт самостоятельной государственности; умение обеспечить гармоничное сосуществование различных народов, этнических, религиозных и языковых групп; статус великой державы, как одного из немногих суверенных центров мира и одной из двух крупнейших ядерных держав; наличие уникальной миссии по поддержанию глобального баланса сил и выстра-

иванию многополярной международной системы, обеспечению условий для мирного и поступательного развития человечества [17]. Однако это описание почти не касается внутренних политико-правовых качеств государства-цивилизации, что вызывает необходимость выявления и установления содержания общих политико-правовых атрибутов этой формы современного государства, позволяющие отличить его от других типов государственности, определив тем самым его место в научной типологии государств и на современной политической карте мира.

Основное содержание

Считается, что термин «государство-цивилизация» был впервые использован американским политологом Л. Паем в 1990 г., для квалификации КНР как страны с уникальным типом культуры, социальной и политической организации, которую невозможно втиснуть в модель национального государства, в связи с чем она не может быть использована для описания исторической эволюции Китая и его политико-правовой характеристики [39]. Аналогичные аргументы для обоснования особой культурной и политической идентичности

Индии в качестве «цивилизационного государства» использовал в 1993 г. индийский историк Р. Кумар [38]. В 2000-е гг. о цивилизационной специфике России, для которой неприменима и неприемлема матрица «государства-нации», заговорили и российские ученые [2; 28].

Но широкую известность понятие «государство-цивилизация» получило благодаря книге британского политолога М. Жака, долгое время преподававшего в университетах Китая и Японии, «Когда Китай правит миром: конец западного мира и рождение нового мирового порядка» [36], которая появилась в 2008 г. в США и в 2009 г. в Великобритании. Определив состояние мирового порядка как «раскол современности», М. Жак положил в основание идентификации государства-цивилизации принципы исторической преемственности и культурного единства большого географического ареала, ставшего итогом длительного процесса культурного синкретизма, проживающих там народов и этнических групп.

Огромную роль в научном культивировании концепта «государства-цивилизации» в научном сообществе сыграла книга профессора из КНР Чжан Вэнвэя «Китайская волна: Подъем цивилизационного государства», вышедшая в 2012 г. и ставшая мировым бестселлером, в которой уникальные черты Китая представлены в сопоставлении с современной западной цивилизацией по критериям демократии, культуры и государственной организации [42]. После этого поток публикаций, посвященных государству-цивилизации многократно возрос, а список государств, обращающихся в своих планах к цивилизационному проекту существования, постоянно расширяется. В настоящий период к ним уже относятся и такие страны как Турция, Бразилия, Япония, Индонезия, Иран и США [37; 40; 41].

В основе понятия государства-цивилизации находится цивилизационный подход к обществу и государству, который основным субъектом исторического процесса видит не социальные классы, нации или индивидов, как марксизм, консерватизм или либерализм, а локальные цивилизации, рассматриваемые как самостоятельные, самобытные этно-социальные и культурные целостности, занимающие значительный географический ареал, имеющие единую природную среду обитания, ис-

торию, традиции, организацию хозяйства и быта, постоянно воспроизводимые социально-нравственные ценности и принадлежит к единой исторически сложившейся культуре и в ней существуют [7]. Но именно такое понимание цивилизации еще со второй половине XIX века предлагал выдающийся русский философ Н.Я. Данилевский [9], намного опередивший идеи О. Шпенглера, А. Тойнби и Ф. Броделя. А в начале 1920-х гг. теория евразийства (Н.Н. Алексеев) выдвинула концепт государства-мира, который по сути аналогичен современному понятию государства-цивилизации [23]. В 1990-е – начале 2000-х гг. российские ученые А.Г. Дугин, Н.Н. Моисеев, А.С. Панарин также писали о России именно как о государстве-цивилизации, хотя и не употребляли этот термин [13; 21, с. 3–30; 25]. Продуцирование же данного понятия и его распространение за рубежом с конца 2000-х годов было вызвано новой геополитической реальностью, связанной с переходом от однополярного мира к многополярному, что потребовало обновления методологии социально-политических исследований.

Из самой категории «государство-цивилизация» следует, что оно образуется из наложения друг на друга или совпадения политико-правовой и цивилизационной традиций. Но не все государства, которые относят сегодня к этому типу, представляют собой локальные цивилизации и не все цивилизации обладают развитыми традициями суверенной государственности. С. Хантингтон видит в современном мире всего восемь локальных цивилизаций: западную, конфуцианскую, японскую, исламскую, индуистскую, латиноамериканскую, православно-славянскую и африканскую, каждая из которых имеет собственные «стрежневые государства», играющие в них доминирующую роль, выступающие источниками внутрицивилизационного порядка и способных образовать политически единый цивилизационный блок. Именно между ними проходят сейчас линии социо-культурного разлома, вдоль которых должны развернуться самые значительные геополитические и военные конфликты будущего [32, с. 54–60]. А.Г. Дугин насчитывает семь цивилизаций, три из которых объединены в огромные континентальные государства-цивилизации:

Великий Китай, Большая Индия и Россия-Евразия. А четвертная – коллективный Запад, в перспективе – тоже единое государство-цивилизация, либо, в случае освобождения Европы от патронажа США, два таких государства. Остальные цивилизации – исламский мир, Латинская Америка и Африка остаются политически разделенными, хотя и здесь цивилизационно ориентированные силы ищут пути политической консолидации. И многополярное устройство, к которому движется человечество, может быть построено только на основе государств-цивилизаций, уже становящихся основными геополитическими акторами [15].

Таким образом, в научной литературе пока не сложилось единого мнения о числе существующих государств-цивилизаций, содержании этого понятия и его квалификационных признаках. Попытки нащупать их индуктивным путем делаются отдельными авторами, в том числе применительно и к России [16, с. 85]. Но серьезных обобщающих работ по данной проблематике практически нет.

В то же время, достаточно полное наложение друг на друга политической формы и цивилизации, позволяющей последней органично существовать в рамках единого государства, происходит только в империи. Теоретически между пониманием империи и концептом государства-цивилизации нет сколь-нибудь значимых, различий. Поэтому, применение термина «цивилизация» по отношению к какому-либо государству подспудно подразумевает, что оно было и де факто остается империей либо стремиться ее построить, сформировать или восстановить. По своей политической форме – такое государство имперское, а с точки зрения этно-культурной идентификации – цивилизационное. Исторически, именно империя всегда выступала как государственно-территориальная форма существования локальной цивилизации [1, с. 120], будучи для нее традиционной. Поэтому, в качестве сущностного свойства государства-цивилизации можно констатировать его связь с империей, его подобие внешним формам ее организации. Но если раньше империи порождали цивилизации, то теперь цивилизации, оказавшись перед лицом новых геополитических вызовов, порождают новые метагосударствен-

ные образования неоимперского типа. Они не являются копией прежних империй, но целый ряд их структурных и статусных характеристик оказываются востребованными и воспроизводятся в новых условиях лишь с незначительными вариациями [18, с. 205-206], что диагностируется как «новое движение по имперским траекториям» [4, с. 505] или «внезапный возврат к империям в постимперскую эпоху» [22, с. 252]. Поэтому, современные государства-цивилизации следует рассматривать как определенную модификацию имперской государственности, ее новую форму применительно к эпохе постмодерна. Их основополагающие признаки практически идентичны. Различными – являются формы и способы проявления, связанные с историческим временем их существования и современной фазой развития (становление, расцвет, инерция, упадок или восстановление). Вместе с традиционными особенностями это создает цивилизационную среду как уникальный набор факторов исторического местаразвития таких государств, для каждого из которых предопределен «свой адаптационный оптимум институциональных форм и механизмов» [3, с. 53], чем и обуславливаются специфичность воплощения присущих им признаков. Тем самым понимание государства-цивилизации основывается на единстве его природы с империей как особым правовым состоянием (статусом) государства.

1. Государство-цивилизация – это объединение различных народов и государственных образований в рамках единой общекультурной парадигмы, основанной на стандартах государствообразующего народа, при сохранении этно-культурных особенностей, входящих в него территорий, в чем прослеживается их преемственность по отношению к великим империям прошлого.

Не всякая цивилизация в своем развитии достигает политической формы империи, и не любая империя смогла породить локальную цивилизацию. Однако такое соединение происходило в истории достаточно часто. Именно империи Древности и Средневековья развиваясь и раздвигая свои границы формировали локальные цивилизации, и некоторые из них существуют до сих пор. Уже в самом понятии «цивилизация» распознается посыл

к пространственной экспансии, распространению культурного, политического и иного влияния, свойственного империям [14, с. 536]. Не случайно, в геополитическом развитии современных Индии, Китая и России прослеживается тенденция к образованию обширных «цивилизационных зон», объединяющих культурно близкие им страны. В конкретных контекстах они именуется как «русский мир», «синосфера» и «индосфера», первоначально используемых для обозначения областей их лингвистического и культурного влияния, но все больше применяемых к той политической роли, которую они играют в собирании «больших пространств» с близкой идентичностью, способных в перерасти в политически единые макрорегиональные «миры-цивилизации» [29, с. 92–93]. В этом смысле их можно назвать «стержневыми государствами» или «государствами континентального типа» [32, с. 238; 19, с. 735], выступающими базовыми ячейками нового мирового порядка, основанного на многополярности. К такого рода государствам можно отнести и США, которые обладают абсолютно своеобразной многонациональной и даже многорасовой культурой и являются крупнейшим геоэкономическим и геополитическим центром неоимперского типа, претендующим на осуществление функции стратегического управления миром.

2. Долгая временная продолжительность существования цивилизаций в рамках единого государства, обладающего институциональной способностью к реформированию и регенерации, что проявляется в прохождении нескольких циклов подъема и упадка и увеличении таким образом времени своего существования по сравнению с другими государственными формами.

История Китая – пример непрерывного развития государства-цивилизации на протяжении четырех тысячелетий. Еще во время существования первых в его истории единых централизованных государств – империй Цинь (221–206 гг. до н. э.) и Хань (206 г. до н. э. – 220 г. н. э.) сложились важнейшие политико-правовые институты, ставшие основой традиционной формы его государственной организации, которые просуществовали без серьезных изменений до начала XX в., несмотря на многократные социально-поли-

тические катаклизмы, ставившие страну на грань гибели [6, с. 284]. В XX в. маоизм, как китайская версия коммунистической идеологии, инкорпорировал в свою доктрину многие национальные ценности и стал по сути продолжением цивилизационной традиции, что позволило в дальнейшем интерпретировать марксистские идеи в классическом конфуцианско-даосском духе. Поэтому стремительное возвышение Китая, на глазах одного поколения ставшего второй сверхдержавой мира, для многих китайцев – лишь начало его возвращения на законные позиции глобального лидера, а то и гегемона, рассматриваемое как очередное обновление имперской традиции китайской государственности [4, с. 299–502].

Более, чем тысячелетний путь развития Российского государства в какой-то степени напоминают историю Китая. Российская Федерация выступает исторической и геополитической наследницей и преемницей предшествующих ей имперских форм – Киевской Руси, Московского царства, Российской Империи, СССР, в которые облекалась и существовала на территории центральной зоны евразийского континента российская цивилизация. Возникая часто посредством исторического разрыва, эти формы представляют собой абсолютно закономерные с точки зрения логики русской истории фазы ее развития. Хотя между ними имеются важные содержательные различия, их сущностные характеристики и организационные основания остаются практически неизменными на протяжении последних пяти столетий. На настоящем этапе границы российской цивилизации значительно шире границ Российского государства. Поэтому его модель требует определенной реконструкции, позволяющей ему вернуть в зону своего влияния отделившиеся национальные образования ближней периферии и тем самым привести свои политические границы в соответствие с цивилизационными.

Цивилизации Индии и США не могут похвастаться длительностью своего существования в рамках одного государства, но Индия является одной из древнейших цивилизаций планеты. С момента получения политической независимости ее стратегической целью является превращение в мировую державу.

Она выступает ведущим государством Южной Азии, занимая лидирующее положение в Ассоциации сотрудничества стран Южной Азии (СААРК) и во всем бассейне Индийского океана. Ее уже признают региональной державой и наиболее вероятным кандидатом на статус глобального центра влияния наряду с Китаем и США. Фактически она представляет собой формирующуюся империю [20].

Что касается США, то уже «отцы-основатели» США Дж. Вашингтон и А. Гамильтон, характеризовали их как «восходящую» и «самую интересную в мире империю» [30, с. 29; 33, с. 201]. Имперскими и империалистическими по своей сути, начиная с доктрины Монро (1823 г.) и заканчивая последней Стратегией национальной безопасности Администрации Байдена-Харрис 2022 г. [12; 35], являются официальные международные документы США, в основе которых лежат идеи избрности и исключительности американской нации и особой мировой миссии США, которые до наших дней определяют основной вектор американской внешней политики [26], теперь – под идеологическим покровом повсеместного «распространения демократии» и «защиты прав человека». В них уже давно и явно просматривается претензия на вечность своего существования (что всегда было присуще имперским концептам времени), проявляющаяся в господствующем с начала 1990-х гг. дискурсе «конца истории», провозглашенным Ф. Фукуямой после победы США над СССР в «холодной войне» [31], что делает политическую модель либеральной демократии, по мнению американского истеблишмента, единственно возможной формой организации власти и управления во всем мире и свидетельствует об окончании социо-культурной эволюции человечества.

3. Государство-цивилизация, как и империя, *обладает огромной территорией, распространяет свое политическое влияние на обширные географические пространства и имеет особый характер своей организации*, в основе которой находится не столько формально-правовое деление, сколько внутренняя геополитическая структура, где, исходя из роли тех или иных регионов страны в становлении государства, их хозяйственного и культурного значения, центрист-

ремительных и центробежных тенденций выделяются: *правительствующий центр*, как место нахождения верховной власти и принятия важнейших политических решений; *неотчуждаемое ядро (паттерн)*, как территория происхождения государства и его центральная зона, обеспечивающая его устойчивость и воспроизводство; *периферия* – окраинные составные части государства, культурно близкие ядру, но находящиеся за его пределами, – подразделяемая на *ближнюю (внутреннюю)*, тесно связанную с центром, и *дальнюю (внешнюю)*, не всегда хорошо контролируемую; *лимитроф(ы)*, или *фронтир* – территории по окраинам, с размытым, неопределенным культурным и правовым статусом, опосредующие отношения государства-цивилизации с миром других стран, народов и цивилизаций, благодаря которым оно пульсирует, расширяясь или сжимаясь на отдельных отрезках исторического развития [8, с. 206–207]. Такую территориальную структуру, могут иметь лишь те государства, которые претендуют на великодержавный имперский статус и участвуют в геополитическом разделе современного им мира.

4. Государство-цивилизация включают в себя разностатусные территориальные образования, находящиеся в разной степени политической, административной и правовой зависимости от верховной власти с сохранением у некоторых из них политической автономии или собственной государственности, исходя из чего *в его территориальном устройстве присутствует своеобразное сочетание федерализма и конфедерализма, централизации, децентрализации и самоуправления, правовые конструкции содружеств, протектората и других форм зависимости периферийных образований при наличии стойкой тенденции к унитаризму и централизации* [8, с. 210–220].

С одной стороны, цивилизационное государство не может быть сугубо унитарным и жестко централизованным, с другой – элементы конфедерализма, федерализма и автономии носят здесь достаточно оригинальный характер, поскольку в правовом положении его периферийных и лимитрофных частей, присутствует наличие значительной асимметрии, а конкретные варианты распределения полномочий

между центральной, региональными и местными властями могут сильно различаться от территории к территории соответственно их статусу. Не случайно, по своему внутреннему устройству Индия, Россия и США являются федерациями, а Китай – государством с развитой национально-территориальной автономией. Вместе с тем, к ним вполне применимо понятие неформальных или консенсусных империй [22, с. 270], в которых дальняя периферия представлена формально суверенными государствами, основными методами управления которыми выступают механизмы «мягкой силы», состоящие в продвижении своих культурных и идеологических ценностей, дипломатическом и экономическом понуждении, неэквивалентном обмене в торговле, контроле за различными секторами экономики и т. д.

В связи этим, уже указывалось на лидирующее положение Индии в Южной Азии. Такое же положение занимает КНР в Азиатско-Тихоокеанский регионе, где она пытается осуществить экономическую и геополитическую интеграцию от Филиппин и Индонезии до Бирмы, базой которой выступает господство ее военно-морского флота в Южно-Китайском море и контроль над своими сателлитами – Северной Кореей, Бирмой, Лаосом, Камбоджей, Восточным Тимором – в Юго-Восточной Азии [11]. Официально провозгласив своей стратегической целью возрождение величия китайского государства и китайской нации [5], в качестве основного инструмента ее достижения Китай использует методы «мягкой силы», считая, что они способны превратить его в могучую державу путем осуществлении экономических и других не военных глобальных проектов по всему миру. Осуществляя экономическую экспансию в Латинскую Америку и Африку, он также ведет курс на создание независимой финансовой зоны юаня, превращения его в резервную валюту, наряду с долларом и евро [10, с. 436].

Лидерами в использовании механизмов мягкой силы по отношению к зависимой периферии являются США. Они не завоевывают территории и не уничтожают противников и союзников в политико-правовом смысле, сохраняя за ними формальный суверенитет, но навязывают им удобные для себя режимы, договоры и союзы. Они предпочитают пользо-

ваться своим верховенством не прямо, а через промежуточные институты, в которых играют преобладающую роль (НАТО, ООН, МВФ, Мировой банк) [34, р. 117–140]. Однако, в последние 30 лет США все больше действуют в традициях классической империи. Имея зависимые от себя государства и владения в Океании (Американское Самоа, Гуам, Северные Марианские острова), в Центральной Америке и Карибском бассейне (Пуэрто-Рико, Виргинские острова), выступающие как зона их внутренней периферии, они в качестве внешней периферии стали рассматривать, по- существу весь земной шар, проводя гегемонистскую политику и используя свои вооруженные силы на всех материках и океанах [22, с. 264–289; 34, р. 167–197]. По существу США действуют в рамках проекта построения глобальной либерально-демократической империи, перед лицом которой ни одно национальное государство не способно отстоять свой суверенитет.

Современная Россия, принимая усилия по сохранению своего суверенитета и возрождению себя в качестве великой державы выглядит, с этой точки зрения, как обороняющаяся и возрождающаяся империя. Она лишь пытается восстановить свои цивилизационные границы и постепенно возвращает свое влияние на постсоветском пространстве, где ее усилиями и при ее руководящей роли было создано несколько межгосударственных организаций конфедеративного типа с целью развития интеграционных процессов в центральной Евразии: СНГ, Союзное Государство России и Беларуси, ОДКБ, ЕАЭС. С 2008 г. Россия осуществляет фактический протекторат над Абхазией и Южной Осетией, что позволяют ей иметь стратегический выход в Закавказье. В 2014 г. Россия вернула себе Крым, а в сентябре 2022 г. включила в свой состав ДНР и ЛНР, Запорожскую и Херсонскую области бывшей Украины. Однако, несмотря на целый ряд геополитических успехов в последние 10–15 лет, только наличие у России практически всех видов современного оружия позволяет ей иметь статус великой державы.

5. На международной арене государство-цивилизация выступает как великая держава, один из центров многополярного мира и субъект глобальной политики, внешний суверенитет которой не подле-

жит никакому сомнению, не нуждается в признании других государств и воспринимается всеми безоговорочно. Более того, великие державы во все времена выступают абсолютным субъектом права признания или непризнания всех иных государств в качестве полноправных членов международного сообщества. Они оказывают систематическое, регулярное влияние на политику других государств, культивируют их зависимость от себя, имеет свои сателлиты и протектораты, формирует вокруг себя межгосударственные коалиции для решения собственных геополитических и глобальных задач.

6. Внутренний суверенитет государства-цивилизации имеет специфически характер, состоящий в господстве непрямых форм и методов осуществления верховной власти по отношению к значительной части периферии. Его верховная власть осуществляет прямое управление достаточно обширной частью государственной территории, ее национальным ядром и некоторыми другими регионами. Но в отношении большинства периферийных территорий оно осуществляет жесткий внешнеполитический, военный и финансовый контроль, определяет общее направление правовой и культурно-воспитательной политики, но позволяет существовать двум значимым элементам их статуса, делающим управление ими косвенным: 1) сохранение их государственного или автономного статуса в юридически оформленных границах государства-цивилизации; 2) формальное признание независимости и сложившихся здесь форм организации, для государств, находящихся в пределах одной с ними цивилизации, но за пределами его юридических границ. Здесь реализация верховной власти государства-цивилизации происходит посредством автохтонных структур, которые пользуются значительной автономией в решении дел внутреннего значения, взамен выполнения ее воли в вопросах внешнеполитического значения. Однако, внешний суверенитет позволяет цивилизационному государству достаточно полно контролировать и внутреннюю политику, зависимых стран. Они всегда остаются под надзором его верховной власти, откуда и происходит институт ее полномочных представителей на периферии и ли-

митрофах, пользующихся большой свободой усмотрения на подконтрольных территориях. Такая организация похожа на гегемоническую конфедерацию, где государство-гегемон, определяет содержание общесоюзных решений и представляет союз на международной арене. Тем самым единый и полный суверенитет государства-цивилизации включает в себя множество ограниченных, неполных суверенитетов, входящих в его цивилизационное и геополитическое пространство государств и государствовподобных образований.

7. Государство-цивилизация имеет диверсифицированную правовую систему, поскольку включает в себя присоединенные к нему или вошедшие в его состав периферийные и лимитрофные этно-политические образования, организационные особенности которых оставляют в самых различных сферах их жизнедеятельности, в том числе и в области права, определенное наследие, с которыми его верховная власть вынуждена считаться. Кроме того, одним из источников права в них являются различного рода договоры и соглашения с государствами, находящимися в зоне их политического влияния. Это предполагает отсутствие строго унифицированного права и многообразие его источников при определении статуса отдельных территорий, физических и юридических лиц, принадлежащих к ним. И хотя существующее разнообразие культурных условий и норм требует определенной степени унификации законодательства, единства правовых основ налоговой, финансовой, образовательной и иных подсистем жизни общества, в тех отраслях жизни, которые прямо не затрагивают общегосударственные интересы, правовое регулирование происходит на основе локальных и местных обычаев, традиций и норм.

8. В результате наличия в своем устройстве элементов конфедерализма, федерализма и автономии государство-цивилизация формирует двойную или даже множественную (многоуровневую) этно-политическую идентичность своих граждан и этнических общностей, входящих в его состав.

Такое государство не только полиэтнично, но и надэтнично. Оно носит цивилизационно-формирующий характер и выстраиваются как сложная система, состоящая из общего культурного и политического мира, в котором

нет дискриминации по этническому и культурному признаку и включающего в себя меньшие по объему национальные миры. Поэтому народы и нации составляющие государство-цивилизацию обычно имеют: общецивилизационную и общегосударственную идентичность, которые могут и не совпадать, если цивилизация еще не составляет политического единства, растекаясь за границы стречневого государства; этно-национальную идентичность государственного или политически автономного образования в составе государства-цивилизации; идентичность отдельного (локального) этнического сообщества, не всегда имеющего какую-то форму территориальной автономии. Однако культурную и политическую основу идентичности населения государства-цивилизации, ее ядро составляют государствообразующий народ, чьи базовые этнокультурные признаки – язык, религия, обычаи, традиции, нравы, право и др. – становятся господствующими, определяют стереотипы поведения в цивилизационно едином социуме и, в конечном счете, обуславливают структуру общественных отношений, экономический уклад, организацию власти и управления и т. д. Все другие этносы сохраняют собственную идентичность, но их развитие происходит на основе господствующей общецивилизационной парадигмы, предусматривающей принятие основных социально-нравственных ценностей государствообразующего народа.

Выводы

Таким образом, современное государство-цивилизация обладает практически всеми признаками, присущими прежним классическим империям, с незначительными отклонениями и модификациями, вызванными особенностями настоящего исторического периода, главными из которых является крах попытки однополярной глобализации и становление многополярного мира. Ведущую роль в этом процессе играют государства-цивилизации, выполняющие функцию центров формирования макрорегиональных геополитических единств неоимперского типа: Индия – Южно-Азиатского, Китай – Азиатско-Тихоокеанского, Россия – Евразийского, США – Евро-Атлантического, хотя геополитические пре-

тензии у каких-то из них могут простираться гораздо дальше. Но поскольку генезис многополярного мира и государств-цивилизаций еще не закончен, характеристика последних, описанная выше, может рассматриваться лишь как базовая, типовая модель, не претендующая на абсолютную полноту. По отношению к ней конкретные модификации государства-цивилизации могут лишь приближаться или отдаляться в зависимости от сложившейся конъюнктуры и собственных отличительных свойств, определение которых нуждается в специальных исследованиях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бабурин, С. Н. Мир империй: территория государства и мировой порядок / С. Н. Бабурин. – СПб. : Юрид. центр «Пресс», 2005. – 769 с.
2. Багдасарян, В. Э. Россия как государство-цивилизация / В. Э. Багдасарян // Геоэкономическая формула мироустройства: Россия в новом универсуме : материалы постоянно действующего семинара. Вып. 1. М. : Науч. эксперт, 2009. – С. 102–106.
3. Багдасарян, В. Э. Россия и Запад: цивилизационные различия / В. Э. Багдасарян, Сильвестр (Лукашенко), архимандрит. – Ярославль : Специализир. полиграф. комбинат, 2023. – 304 с.
4. Бербэнк, Д. Взлет и падение великих империй / Д. Бербэнк, Ф. Купер. – М. : АСТ, 2015. – 529 с.
5. Ван Вей. Некоторые вопросы социально-политического курса «Китайская мечта о великом возрождении китайской нации» / Вей Ван // Власть. – 2018. – № 7. – С. 237–243.
6. Васильев, Л. С. Проблемы генезиса китайского государства (Формирование основ социальной структуры и политической администрации) / Л. С. Васильев. – М. : Наука, 1983. – 327 с.
7. Грачев, Н. И. Империя как форма государства: понятие и признаки / Н. И. Грачев // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5. Юриспруденция. – 2012. – № 2 (17). – С. 21–22.
8. Грачев, Н. И. Формы государственного устройства в современном мире: основы теории и конституционно-правовая практика / Н. И. Грачев. – Волгоград : ВА МВД России, 2020. – 524 с.
9. Данилевский, Н. Я. Россия и Европа / Н. Я. Данилевский. – М. : Книга, 1991. – 576 с.
10. Делягин, М. Г. Империя в прыжке. Китай изнутри. Как и для чего алеет Восток / М. Г. Делягин, В. В. Шеянов. – М. : Кн. мир, 2015. – 672 с.
11. Дергачев, В. Особенности китайской геополитики. Вестник аналитики / В. Дергачев. – 2008. № 2. – URL: <http://dergachev.ru/analit/9.html>

12. Доктрина Монро. – URL: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.f4128a7c-666c00a3-45f26609-74722d776562/https/en.wikipedia.org/wiki/Monroe_Doctrine?
13. Дугин, А. Г. Основы геополитики. Геополитическое будущее России. Мыслить пространством / А. Г. Дугин. – М. : Арктогея-центр, 1999. – 928 с.
14. Дугин, А. Г. Четвертый путь. Введение в Четвертую Политическую Теорию / А. Г. Дугин. М. : Академ. проект, 2014. – 683 с.
15. Дугин, А. Государство-Цивилизация / А. Дугин. – URL: <https://izborsk-club.ru/22879>
16. Журавлева, Л. А. Государство-цивилизация: понятие, сущность, структура / Л. А. Журавлева [и др.] // Образование и право. – 2023. – № 9. – С. 80–88.
17. Концепция внешней политики Российской Федерации : утв. Указом Президента РФ от 31.03.2023 г. № 229. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
18. Каспэ, С. И. Империя и модернизация: Общая модель и российская специфика / С. И. Каспэ. – М. : РОССПЭН, 2001. – 256 с.
19. Киссинджер, Г. Дипломатия / Г. Киссинджер. – М. : Ладомир, 1997. – 847 с.
20. Лунев, С. И. Индия как один из новых центров глобального влияния / С. И. Лунев // Сравнительная политика. – 2012. – № 2 (8). – С. 90–104.
21. Моисеев, Н. Н. Современный антропогенез и цивилизационные разломы. Эколого-политологический анализ / Н. Н. Моисеев // Вопросы философии. – 1995. – № 1. – С. 3–30.
22. Мюнклер, Г. Империи. Логика господства над миром: от Древнего Рима до США / Г. Мюнклер. – М. : Кучково поле, 2015. – 400 с.
23. Основы Евразийства. – М. : Арктогея-центр, 2002. – 800 с.
24. О чем говорил Владимир Путин на заседании дискуссионного клуба «Валдай». – URL: <https://rg.ru/2023/10/05/o-chem-govoril-vladimir-putin-na-zasedanii-diskussionnogo-kluba-valdaj.html>
25. Панарин, А. С. Православная цивилизация в глобальном мире / А. С. Панарин. – М. : Алгоритм, 2002. – 496 с.
26. Петречук, А. И. Концептуальные основы американской геополитики. Доктрина Монро / А. И. Петречук // Электронный научный журнал «Архонт». – 2018. – № 3 (6). – С. 134–145.
27. Послание Президента Федеральному Собранию. – 2012 (12 дек.). – URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/17118>
28. Ремизов, М. В. Проект «государство-цивилизация» / М. В. Ремизов // Конституция России. Новый строй. – М. : Ин-т нац. стратегии, 2005. – С. 55–70.
29. Спиридонова, В. И. Цивилизационная самоидентификация как ответ на неолиберальный кризис / В. И. Спиридонова // Философские науки. – 2023. – Т. 66, № 1. – С. 77–97.
30. Федералист : полит. эссе А. Гамильтона, Дж. Медисона и Дж. Джея. – М. : Прогресс, 1993. – 568 с.
31. Фукуяма, Ф. Конец истории? / Ф. Фукуяма // Вопросы философии. – 1990. – № 3. – С. 84–118.
32. Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон. – М. : АСТ, 2003. – 603 с.
33. Шлезингер, А. мл. Циклы американской истории / А. Шлезингер мл. – М. : Прогресс, 1992. – 688 с.
34. Bacevich, A. American Empire: The Realities and Consequences of U.S. Diplomacy / A. Bacevich. – Cambridge : Harvard University Press, 2002. – 302 p.
35. Biden-Harris Administration's National Security Strategy. – URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/10/Biden-Harris-Administrations-National-Security-Strategy-10.2022.pdf>
36. Jacques, M. When China Rules the World. The Rise of the Middle Kingdom and the End of the Western World / M. Jacques. – URL: https://vk.com/doc503855822_538002665?hash=tSE017OGKYZY1CAAtJ7GcwfPwF3hR0l26lruCm7W6UD
37. Jain, A. Comparing Civilization-State Models. China, Russia, India / A. Jain // Journal of Indo-Pacific Affairs. – 2021. – Vol. 4, № 3. – P. 93–125.
38. Kumar, R. L'Inde: État-nation ou État-civilisation? / R. Kumar // Hérodote: stratégies, géographies, idéologies. – 1993. – № 10. – P. 43–60. – URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k56209715/texteBrut>
39. Pye, L. W. Erratic State, Frustrated Society / L. W. Pye // Foreign Affairs. – 1990. – Vol. 69, № 4. – P. 56–74.
40. Rachman, G. “China, India and the Rise of the ‘Civilization State’” / G. Rachman // Financial Times. Retrieved. – 2019, July 1. – URL: <https://www.ft.com/content/b6bc9ac2-3e5b-11e9-9bee-efab61506f44>
41. Therborn, G. States, Nations, and Civilizations / G. Therborn // Fudan Journal of the Humanities and Social Sciences. – 2021. – № 14. – P. 225–242.
42. Zhang, W. W. The China Wave: Rise of a Civilizational State / W. W. Zhang. – Beijing : World Century Publishing Corporation, 2012. – 192 p.

REFERENCES

1. Baburin S.N. *Mir imperiy: territoriya gosudarstva i mirovoy poriyadok* [World of Empires: State Territory and World Order]. Saint Petersburg, Yurid. tsentr «Press», 2005. 769 p.
2. Bagdasaryan V.E. *Rossiya kak gosudarstvotivilizatsiya* [Russia as a State-Civilization].

Geoekonomicheskaya formula miroustroystva: Rossiya v novom universume: materialy postoyanno deystuyushchego seminar. Vyp. 1 [Geo-Economic Formula of the World Order: Russia in the New Universe. Proceedings of the Ongoing Seminar. Vol. 1]. Moscow, Nauch. ekspert Publ., 2009, pp. 102-106.

3. Bagdasaryan V.E., Sylvester (Lukashenko), archimandrite. *Rossiya i Zapad: tsivilizatsionnyye razlichiya* [Russia and the West: Civilizational Differences]. Yaroslavl, Spetsializir. poligraf. kombinat, 2023. 304 p.

4. Burbank D., Cooper F. *Vzlet i padeniye velikikh imperiy* [The Rise and Fall of Great Empires]. Moscow, AST Publ., 2015. 529 p.

5. Wang Wei. Nekotoryye voprosy sotsialno-politicheskogo kursa «Kitayskaya mechta o velikom vozrozhdenii kitayskoy natsii» [Some Issues of the Socio-Political Course “Chinese Dream of the Great Revival of the Chinese Nation”]. *Vlast* [Power], 2018, no. 7, pp. 237-243.

6. Vasiliev L.S. *Problemy genezisa kitayskogo gosudarstva (Formirovaniye osnov sotsialnoy struktury i politicheskoy administratsii)* [Problems of the Genesis of the Chinese State (Formation of the Foundations of the Social Structure and Political Administration)]. Moscow, Nauka Publ., 1983. 327 p.

7. Grachev N.I. Imperiya kak forma gosudarstva: ponyatiye i priznaki [Empire as a Form of State: Concept and Characteristics]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 5. Yurisprudentsiya* [Bulletin of VolSU. Series 5. Jurisprudence], 2012, no. 2 (17), pp. 21-22.

8. Grachev N.I. *Formy gosudarstvennogo ustroystva v sovremennom mire: osnovy teorii i konstitutsionno-pravovaya praktika* [Forms of Government in the Modern World: Fundamentals of Theory and Constitutional and Legal Practice]. Volgograd, VA MVD Rossii, 2020. 524 p.

9. Danilevsky N.Ya. *Rossiya i Yevropa* [Russia and Europe]. Moscow, Kniga Publ., 1991. 576 p.

10. Delyagin M.G., Sheyanov V.V. *Imperiya v pryzhke. Kitay iznutri. Kak i dlya chego aleyet Vostok* [Empire in Leaps. China from the Inside. How and Why the East Turns Red]. Moscow, Kn. mir Publ., 2015. 672 p.

11. Dergachev V. *Osobennosti kitayskoy geopolitiki. Vestnik analitiki* [Features of Chinese geopolitics. Analytics Bulletin], 2008, no. 2. URL: <http://dergachev.ru/analit/9.html>

12. *Doktrina Monro* [Monroe Doctrine]. URL: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.f4128a7c-666c00a3-45f26609-74722d776562/ https://en.wikipedia.org/wiki/Monroe_Doctrine?

13. Dugin A.G. *Osnovy geopolitiki. Geopoliticheskoye budushcheye Rossii. Myslit prostranstvom* [Fundamentals of Geopolitics.

Geopolitical Future of Russia. Think in Space]. Moscow, Arktogeya-center, 1999. 928 p.

14. Dugin A.G. *Chetvertyy put. Vvedeniye v Chetvertuyu Politicheskuyu Teoriyu* [Fourth Way. Introduction to the Fourth Political Theory]. Moscow, Academ. project Publ., 2014. 683 p.

15. Dugin A. *Gosudarstvo-Tsivilizatsiya* [State-Civilization]. URL: <https://izborsk-club.ru/22879>

16. Zhuravleva L.A., Zarubina E.V., Ruchkin A.V., Simachkova N.N., Chupina I.P. *Gosudarstvo-tsvivilizatsiya: ponyatiye, sushchnost, struktura* [State-Civilization: Concept, Essence, Structure]. *Obrazovaniye i pravo* [Education and Law], 2023, no. 9, pp. 80-88.

17. Kontseptsiya vneshney politiki Rossiyskoy Federatsii: utv. Ukazom Prezidenta RF ot 31.03.2023 № 229 [Concept of Foreign Policy of the Russian Federation. Approved by Decree of the President of the Russian Federation Dated March 31, 2023, No. 229]. *SPS “ConsultantPlus”*.

18. Kaspe S.I. *Imperiya i modernizatsiya: Obshchaya model i rossiyskaya spetsifika* [Empire and Modernization: General Model and Russian Specifics]. Moscow, ROSSPEN, 2001. 256 p.

19. Kissinger G. *Diplomatiya* [Diplomacy]. Moscow, Ladimir Publ., 1997. 847 p.

20. Lunev S.I. *Indiya kak odin iz novykh tsentrov globalnogo vliyaniya* [India as One of the New Centers of Global Influence]. *Sravnitel'naya politika* [Comparative Politics], 2012, no. 2 (8), pp. 90-104.

21. Moiseev N.N. *Sovremennyy antropogenez i tsivilizatsionnyye razlomy. Ekologo-politologicheskii analiz* [Modern Anthropogenesis and Civilizational Fault Lines. Ecological and Political Analysis]. *Voprosy filosofii* [Questions of Philosophy], 1995, no. 1, pp. 3-30.

22. Munkler G. *Imperii. Logika gospodstva nad mirom: ot Drevnego Rima do SShA* [Empires. Logic of Domination over the World: From Ancient Rome to the USA]. Moscow, Kuchkovo pole Publ., 2015. 400 p.

23. *Osnovy Yevraziystva* [Fundamentals of Eurasianism]. Moscow, Arktogeya-center, 2002. 800 p.

24. *O chem govoril Vladimir Putin na zasedanii diskussionnogo kluba «Valday»* [What Vladimir Putin Spoke About at the Meeting of the Valdai Discussion Club]. URL: <https://rg.ru/2023/10/05/o-chem-govoril-vladimir-putin-na-zasedanii-diskussionnogo-kluba-valdaj.html>

25. Panarin A.S. *Pravoslavnaya tsivilizatsiya v globalnom mire* [Orthodox Civilization in a Global World]. Moscow, Algorithm Publ., 2002. 496 p.

26. Petrechuk A.I. *Kontseptualnyye osnovy amerikanskoj geopolitiki. Doktrina Monro* [Conceptual Foundations of American Geopolitics. Monroe Doctrine]. *Elektronnyy nauchnyy zhurnal «Arkhont»* [Electronic Scientific Journal “Archon”], 2018, no. 3 (6), pp. 134-145.

27. Poslaniye Prezidenta Federalnomu Sobraniyu. 2012 (12 dek.) [Address of the President to the Federal Assembly. 2012, Dec. 12]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/17118>
28. Remizov M.V. Projekt «gosudarstvo-tsvivilizatsiya» [Project “State-Civilization”]. *Konstitutsiya Rossii. Novyy stroy* [Constitution of Russia. New System]. Moscow, In-t nats. strategii, 2005, pp. 55-70.
29. Spiridonova V.I. Tsvivilizatsionnaya samoidentifikatsiya kak otvet na neoliberalnyy krizis [Civilizational Self-Identification as a Response to the Neoliberal Crisis]. *Filosofskiy nauki* [Philosophical Sciences], 2023, vol. 66, no. 1, pp. 77-97.
30. *Federalist: polit. esse A. Gamiltona, Dzh. Medisona i Dzh. Dzheya* [Federalist. Political Essays by A. Hamilton, J. Madison and J. Jay]. Moscow, Progress Publ., 1993. 568 p.
31. Fukuyama F. Konets istorii? [End of History?]. *Voprosy filosofii* [Questions of Philosophy], 1990, no. 3, pp. 84-118.
32. Huntington S. *Stolknoveniye tsvivilizatsiy* [Clash of Civilizations]. Moscow, AST Publ., 2003. 603 p.
33. Shlesinger A. Jr. *Tsikly amerikanskoy istorii* [Cycles of American History]. Moscow, Progress Publ., 1992. 688 p.
34. Bacevich A. *American Empire: The Realities and Consequences of the U.S. Diplomacy*. Cambridge, Harvard University Press, 2002. 302 p.
35. *Biden-Harris Administration’s National Security Strategy*. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/10/Biden-Harris-Administrations-National-Security-Strategy-10.2022.pdf>
36. Jacques M. *When China Rules the World. The Rise of the Middle Kingdom and the End of the Western World*. URL: https://vk.com/doc503855822_538002665?hash=tSE017OGKYZY1CAatJ7GcwFPwF3hR0l26lruCm7W6UD
37. Jain A. Comparing Civilization-State Models. China, Russia, India. *Journal of Indo-Pacific Affairs*, 2021, vol. 4, no. 3, pp. 93-125.
38. Kumar R. L’Inde: État-nation ou État-civilisation? *Hérodote: stratégies, géographies, idéologies*, 1993, no. 10, pp. 43-60. URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k56209715/texteBrut>
39. Pye L.W. Erratic State, Frustrated Society. *Foreign Affairs*, 1990, vol. 69, no. 4, pp. 56-74.
40. Rachman G. “China, India and the Rise of the ‘Civilization State’”. *Financial Times*. Retrieved, 2019, July 1. URL: <https://www.ft.com/content/b6bc9ac2-3e5b-11e9-9bee-efab61506f44>
41. Therborn G. States, Nations, and Civilizations. *Fudan Journal of the Humanities and Social Sciences*, 2021, no. 14, pp. 225-242.
42. Zhang W.W. *The China Wave: Rise of a Civilizational State*. Beijing, World Century Publishing Corporation, 2012. 192 p.

Information About the Author

Nikolay I. Grachev, Doctor of Sciences (Jurisprudence), Professor, Department of Constitutional and Administrative Law, Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Istoricheskaya St, 130, 400089 Volgograd, Russian Federation, grachev.n.i@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0799-1903>

Информация об авторе

Николай Иванович Грачев, доктор юридических наук, профессор кафедры конституционного и административного права, Волгоградская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации, ул. Историческая, 130, 400089 г. Волгоград, Российская Федерация, grachev.n.i@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0799-1903>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2024.4.2>

UDC 347.61/.64
LBC 67.3

Submitted: 11.09.2024
Accepted: 11.10.2024

THE STATE LEGAL REGULATION OF DEMOGRAPHIC POLICY IN THE USSR IN THE 1920s AND 1930s

Victoria A. Mun

Kutafin Moscow State Law University, Moscow, Russian Federation

Alexey V. Uryvaev

Volgograd Institute of Management – Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration, Volgograd, Russian Federation

Introduction: the 1920s and 1930s in the Soviet Union were marked by drastic changes in various social institutions, including demographic policy. After the overthrow of the old ways and the establishment of egalitarian principles, the Soviet government began a radical reassessment and transformation of family law. During this period, a number of measures were implemented aimed at regulating demographic processes, including population growth, migration and family planning. These measures were shaped by the ideological and economic imperatives of the Soviet state, which sought to create a socialist society and accelerate industrialization. The state-legal regulation of demographic policy in the USSR in the 1920s and 1930s was characterized by a complex interaction of factors, including the legacy of the Russian Empire, the influence of Marxist-Leninist ideology and the pragmatic needs of the Soviet economy. The Soviet government, through a combination of legislative acts, administrative decrees and propaganda campaigns, sought to shape the demographic behavior of its citizens so that it would be more rational and effective in terms of reproductive choice. The **purpose** of the study is to reveal the main features of the state-legal regulation of demographic policy in the USSR in the 1920s and 1930s, including the main legislative and administrative measures taken by the Soviet government, the ideological and economic context wherein these measures were implemented, as well as the impact of this policy on the demographic development of the Soviet Union. **Methods:** the methods of historicism, systematics, analysis and comparative law. **Results:** the study analyzes the main legislative and administrative measures of state-legal regulation of demographic policy in the Soviet Union in the 1920s and 1930s. An attempt is made to comprehend the ideological and economic context wherein these measures were implemented, as well as their subsequent impact on the demographic development of the Soviet Union. **Conclusions:** during the period under review, the state took measures aimed at strengthening marriage as a legal institution, complicating the divorce procedure, and introducing moral norms into family relations. The interests of children and ensuring their well-being in the family were in the center of attention. However, these measures were not without contradictions. The attempts to restore traditional values in a rapidly changing society led to the fact that many citizens could not adapt to the new norms. All attempts to increase the birth rate without solving the underlying economic, political and social problems proved futile. The lack of appropriate regulatory legal acts, combined with the inconsistency of public policy with the interests of citizens, made these efforts ineffective. This flawed approach did not bring the desired demographic boost in the long run, which underscores the need for a more comprehensive and citizen-oriented strategy. Thus, the demographic policy in the USSR in the 1920s and 1930s reflected a complex and contradictory process of restructuring moral and legal norms in accordance with the new conditions of development of society.

Key words: demographic policy, fertility, abortion, family, motherhood, childhood, fatherhood, marriage.

Citation. Mun V.A., Uryvaev A.V. The State Legal Regulation of Demographic Policy in the USSR in the 1920s and 1930s. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2024, vol. 23, no. 4, pp. 18-26. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2024.4.2>

ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ В СССР В 1920–1930-е ГОДЫ

Виктория Анатольевна Мун

Университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Российская Федерация

Алексей Владимирович Урываев

Волгоградский институт управления – филиала РАНХиГС, г. Волгоград, Российская Федерация

Введение: 1920–1930-е гг. в Советском Союзе ознаменовались кардинальными изменениями в различных социальных институтах, включая демографическую политику. После свержения старых укладов и установления эгалитарных принципов советское правительство приступило к радикальной переоценке и трансформации семейного законодательства. В этот период был реализован ряд мер, направленных на регулирование демографических процессов, включая рост населения, миграцию и планирование семьи. Эти меры были сформированы идеологическими и экономическими императивами советского государства, стремившегося создать социалистическое общество и ускорить индустриализацию. Государственно-правовое регулирование демографической политики в СССР в 1920–1930-е гг. характеризовалось сложным взаимодействием факторов, включая наследие Российской империи, влияние марксистско-ленинской идеологии и прагматические потребности советской экономики. Советское правительство посредством сочетания законодательных актов, административных указов и пропагандистских кампаний стремилось формировать демографическое поведение своих граждан так, чтобы оно было более рациональным и эффективным с точки зрения репродуктивного выбора. Целью данного исследования является раскрытие основных особенностей государственно-правового регулирования демографической политики в СССР в 1920–1930-е гг., включая основные законодательные и административные меры, принятые советским правительством, идеологический и экономический контекст, в котором эти меры реализовывались, а также влияние этой политики на демографическое развитие Советского Союза. **Методы:** методы историзма, системности, анализа и сравнительно-правовой. **Результаты:** в исследовании проведен анализ основных законодательных и административных мер государственно-правового регулирования демографической политики в Советском Союзе в 1920–1930-е гг. Предпринята попытка осмысления идеологического и экономического контекста, в котором эти меры были реализованы, а также их последующее влияние на демографическое развитие Советского Союза. **Выводы:** в рассматриваемый период государством были предприняты меры, направленные на укрепление брака как юридического института, усложнение процедуры развода, введение моральных норм в семейные отношения. В центре внимания оказались интересы детей и обеспечение их благополучия в семье. Однако данные меры не были лишены противоречий. Попытки восстановить традиционные ценности в условиях быстро меняющегося общества привели к тому, что многие граждане не могли приспособиться к новым нормам. Все попытки повысить рождаемость без решения лежащих в их основе экономических, политических и социальных проблем оказались тщетными. Отсутствие соответствующих нормативно-правовых актов в сочетании с несоответствием государственной политики интересам граждан сделало эти усилия неэффективными. Этот ошибочный подход не принес желаемого демографического подъема в долгосрочной перспективе, что подчеркивает необходимость более комплексной и ориентированной на граждан стратегии. Таким образом, демографическая политика в СССР в 1920–1930-е гг. отразила сложный и противоречивый процесс перестройки моральных и правовых норм в соответствии с новыми условиями развития общества.

Ключевые слова: демографическая политика, рождаемость, аборт, семья, материнство, детство, отцовство, брак.

Цитирование. Мун В.А., Урываев А.В. Государственно-правовое регулирование демографической политики в СССР в 1920–1930-е гг. // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2024. – Т. 23, № 4. – С. 18–26. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2024.4.2>

Введение

Обращение внимания на институт семьи в настоящее время обусловлен актуализацией государственно-правовых мер в целях защиты семьи и сохранения традиционных семейных ценностей на фоне мировой тенденции развала института семьи. Как справедливо отметила А.О. Иншакова, «семья – это нечто больше, чем группа людей, это уют, поддержка, любовь, которые сопровождают нас на протяжении всей жизни» [8, с. 8]. Сфера регулирования воспроизводства населения является одной из самых сложных предметов правового регулирования: «общество, государство и гражданский оборот заинтересованы в благополучии и стабильности института семьи, но с другой стороны, законодатель регулирует лишь имущественные отношения членов семьи, оставляя неимущественные отношения для регулирования самим супругам, исходя из их нравственных, моральных и (или) религиозных представлений» [11, с. 36]. Очевидно, что для выработки наиболее эффективной стратегии демографической политики требуется осмысление исторического опыта реализуемых государственных мер в данной области для создания условий, при которых будет обеспечена безопасность как отдельной семьи, так и нашей страны в целом.

1930-е гг. в Советском Союзе ознаменовались кардинальными изменениями в различных сферах жизни, в том числе в сфере семейного права. После революционной ломки традиционных ценностей и установления принципов равенства полов и «свободной любви», наступил период переосмысления и корректировки семейного законодательства. В это время советское правительство реализовало ряд мер, направленных на регулирование демографических процессов, включая рост населения, миграцию и планирование семьи. Данные меры были сформированы идеологическими и экономическими императивами советского государства, стремившегося создать социалистическое общество и ускорить индустриализацию. Государственно-правовое регулирование демографической политики в СССР в 1920–1930-х гг. характеризовалось сложным взаимодействием факторов, включая наследие Российской империи, влияние марксистско-ленинской идеологии и прагматические потребнос-

ти советской экономики. Советское правительство посредством сочетания законодательных актов, административных указов и пропагандистских кампаний стремилось формировать демографическое поведение своих граждан так, чтобы оно было более рациональным и эффективным с точки зрения репродуктивного выбора. Цель настоящего исследования заключалась в выявлении основных особенностей государственно-правового регулирования демографической политики в СССР в 1920–1930-е гг., в том числе основных законодательных и административных мер, принятых советским правительством, идеологического и экономического контекста, в котором эти меры реализовывались, а также влияния проводимой политики на демографическое развитие Советского Союза.

Факторы, обусловившие реформирование права в 1930-х гг.

Первая половина XX в. характеризуется бурным периодом в истории России, отмеченным разрушительными демографическими потрясениями, которые оказали глубокое воздействие на население страны. Первая волна потрясений была вызвана Первой мировой войной и последующей Гражданской войной, за которой последовал сильный голод в 1921–1922 годы. Второй волной стала принудительная коллективизация сельского хозяйства, раскулачивание и последовавший за этим голод 1932–1933 годов. Эти катастрофические события в совокупности с событиями Великой Отечественной войны и ее последствиями привели к одному из самых серьезных демографических кризисов XX века. В период с 1927 по 1936 г., по подсчетам российских ученых, сверхсмертность в стране составила 7,35 млн человек [4]. Причем процесс роста смертности развивался по нарастающей вплоть до 1933 года. Людские потери России в результате голода только в 1933 г. составили 2,4 млн человек. Снизилась и продолжительность жизни более чем в два раза по сравнению с 1928 годом. Период голода был отмечен ростом смертности по многим причинам, в том числе и от опасных инфекций [1, с. 134].

Серьезное негативное воздействие на численность населения СССР оказали массо-

вые переселения и репрессивная политика: супруги оказывались разлученными, многие из них умирали. Семьи распались, дети теряли связь с родителями, попадая в специализированные учреждения, условия содержания в которых, вредило их здоровью. Распространенными становились неполные семьи, а также бездетность [7].

Масштабная коллективизация на рубеже 1920–1930-х гг. оказала пагубное воздействие на продовольственную безопасность Советского Союза, вызвав катастрофическое падение производительности сельского хозяйства. В период с 1928 по 1932 гг. поголовье скота сократилось на половину, а посевные площади сократились на треть [6, с. 85–86]. Сельскохозяйственный кризис имел далеко идущие последствия, усугубив и без того шаткую продовольственную ситуацию и поставив советских людей на грань голода.

Ситуация усугублялась массовым, стихийным приростом городского населения РСФСР за счет сельского (в 1929–1930 гг. население российских городов увеличилось на 2883,5 тыс. человек) [9].

Урбанизация, в свою очередь, оказывала непосредственное влияние на уровень рождаемости. Коэффициент рождаемости в России в 1920–1930-х гг., снизился на 36 %. Особенно быстро снижалась рождаемость в 1934–1936 гг., что объясняется последствиями голода. При этом, по мнению демографов Е.М. Андреева, Л.Е. Дарского, Т.Л. Харьковской главным инструментом снижения рождаемости в России был аборт, легализованный в России в 1920 году. Так, например, если в 1927 г. в Москве было совершено 75 абортов, то в 1934 г. – 285 [1, с. 137–138]. Неконтролируемые аборты стали способом регулирования рождаемости в условиях социально-экономического кризиса.

На этом фоне демографических потрясений советское правительство было вынуждено отреагировать комплексом мер, направленных на регулирование демографических процессов и смягчение последствий этих кризисов. Государственно-правовое регулирование демографической политики в СССР в 1920–1930-е гг. представляло собой сложное и многогранное явление, сформированное взаимодействием идеологических, экономичес-

ких и прагматических факторов. Последующие законодательные и административные меры, принятые советским правительством, будут направлены на повышение уровня рождаемости, укрепление советской семьи и в конечном счете выход из демографической катастрофы.

Реализация демографической политики в СССР в 1930-х гг.

В 1936 г. в рамках политики поощрения увеличения рождаемости и укрепления основ советской семьи, Постановлением ЦИК и СНК СССР № 1134 от 27 июня 1936 г. [15] (далее – Постановление от 27 июня 1936 г.) был установлен строгий запрет на проведение абортов, кроме случаев, когда продолжение беременности представляло угрозу жизни женщины или было связано с наследственными заболеваниями.

К основным запретам, предпринятым в связи «установленной вредностью абортов», можно отнести: 1) запрет на аборты во всех медицинских учреждениях, кроме случаев медицинских показаний (статья 1, 3); 2) уголовная ответственность для медицинских работников, проводящих аборты без наличия медицинских показаний (статья 2); 3) введение контроля за соблюдением закона со стороны государственных органов (статья 4).

Одновременно в Постановлении от 27 июня 1936 г. предусматривалось увеличение материальной помощи государства роженицам, что включало выплаты пособий в период беременности и после родов (статьи 5, 6, 7). Устанавливалась государственная помощь многодетным матерям, обеспечивалась дополнительная финансовая поддержка семьям, воспитывающим шесть и более детей (статья 10).

С целью снижения материнской и младенческой смертности, создания благоприятных условий для рождения и воспитания детей, а также обеспечения доступности и качества медицинской помощи во время родов предусматривались следующие меры (статьи 11, 12, 13): расширение сети родильных домов по всей стране, ремонт существующих учреждений для улучшения условий пребывания рожениц, обеспечение родильных домов

необходимым оборудованием и квалифицированным персоналом для оказания качественной помощи.

В целях улучшения условий для воспитания и развития детей в безопасной и стимулирующей среде, а также обеспечения доступности ухода за детьми для работающих родителей предусматривалось (статьи 14, 15, 17, 19, 21): расширение сети детских яслей и молочных кухонь, ремонт существующих детских яслей; подготовка квалифицированных воспитателей для работы в яслях.

Постановление от 27 июня 1936 г. ужесточало ответственность за невыплату алиментов, что включало в себя более строгие санкции для неплательщиков, в том числе возможность тюремного заключения – до двух лет тюремного заключения (статья 31).

В целом нужно отметить, что иски о взыскании алиментов на несовершеннолетних детей практически стали бесспорными, поскольку суды выносили решение, не определяя размер взыскиваемых алиментов, а только удостоверяя факт наличия обязательства. Такой подход позволял сокращать время рассмотрения данной категории дел, что было важным обстоятельством в условиях распространения исков о взыскании алиментов [2, с. 73].

Изменения затронули и бракоразводный процесс. С целью снижения числа разводов, борьбы «с легкомысленным отношением к семье» и сохранения семьи, процедура расторжения брака усложнялась: теперь требовалось личное присутствие обоих разводящихся супругов в ЗАГС, повышался размер оплаты регистрации разводов – первый развод 50 рублей, второй – 150 рублей, третий и последующие – 300 рублей (статья 28). Для сравнения среднемесячная заработная плата по состоянию на март 1936 г. у рабочего, занятого, к примеру, в строительстве составляла 222 рубля; в мелкой промышленности – 158 рублей; в совхозах, колхозах и других сельхозпредприятиях – 137 рублей [19, с. 8].

Одновременно, советское государство утвердило систему поддержки многодетных семей, включая введение специальных пособий, расширение инфраструктуры учреждений для ухода за детьми, таких как родильные дома и детские ясли. Кроме того, были увеличены размеры алиментных выплат и уси-

лены меры ответственности за уклонение от их уплаты.

Данные меры были частью общего курса государства на укрепление семейных уз и обеспечение благополучия детей. Ужесточение наказаний за невыплату алиментов подчеркивало важность материальной поддержки детей от обоих родителей, а изменения в процедуре развода отражали стремление к сохранению семьи как основы общества. Безусловно, предпринятые меры оказали значительное влияние на общественное сознание и социальную практику того времени.

Другая мера по стимулированию прироста населения заключалась в защите интересов беременных женщин при приеме на работу. Так, в соответствии с Постановлением ЦИК и СНК СССР от 5 октября 1936 г., за отказ в трудоустройстве женщин или за сокращение их зарплаты по причине беременности предусматривалось уголовное наказание в виде исправительно-трудовых работ на срок до 6 месяцев или штрафа до 1000 рублей [16].

Впервые в истории конституционного права институт материнства и детства был закреплён в Конституции СССР 1936 г. [10], уравнивавшей права мужчин и женщин во всех сферах общественной деятельности.

Основной Закон также предусматривал государственную защиту интересов матери и ребенка. Эти нормы были впервые включены в Конституцию РСФСР 1937 г. [17], продемонстрировав важность и значимость данного института для советского общества.

Последствия государственной политики по стимулированию рождаемости в 1930-х гг.

Анализ последствий реализации Постановления от 27 июня 1936 г. можно проследить по динамике рождаемости в СССР в 1933–1940 гг. Так, в абсолютных цифрах рождаемости в 1933 г. родилось 3 415 450 детей, 1934 г. – 3 393 055, 1935 г. – 4 888 604, 1936 г. – 5 330 207, 1937 г. – 6 407 411, 1938 г. – 6 315 057, 1939 г. – 6 286 216, 1940 г. – 5 605 050 [18].

Стоит отметить, что наблюдавшийся в 1936 г. и далее всплеск рождений открыл новые проблемы перед государством, которые

заклучались в потребности создания адекватных условий для рождения и воспитания детей. Несмотря на предпринимаемые государством меры, все еще ощущалась острая нехватка яслей, детских садов, органов здравоохранения. Требовались своевременные меры по поддержке семей, а также детей-сирот, беспризорных и безнадзорных детей.

Действительно, реализация Постановления от 27 июня 1936 г. привела к сокращению количества абортотв и росту рождаемости на всей территории РСФСР, однако на непродолжительное время [12]. На фоне нерешенных социальных и экономических потребностей населения официальный запрет искусственно прерывания беременности привел к увеличению «самоабортов», нелегальных абортов, неполных абортов, производившихся вне лечебных учреждений [3]. Как следствие, в 1940 г. материнская смертность от аборта составляла 51 %, в начале 1950-х эта доля превысила 70 %, и подавляющее большинство из них – от внебольничных абортов [5].

Одновременно ужесточалась уголовная ответственность за производство абортов. По материалам, предоставленным в Министерство юстиции СССР областными судами Ивановской, Свердловской, Харьковской и Саратовской областей, а также делами, рассмотренными судами г. Москвы и Московской области, число осужденных по делам о «преступных самоабортах» за 1949 г. увеличилось на 74 %. Число осужденных возросло, по сравнению с 1948 г. в Украинской ССР – на 39,8 %, в РСФСР – на 58,2 %, в Грузинской ССР – на 92,9 %, в Азербайджанской ССР – на 145 % [13, л. 77–83].

Рассматривая в качестве действенной меры борьбы с данными правонарушениями уголовную ответственность, Министерство юстиции СССР обращало внимание на «недопустимость применения либеральных мер наказания по ст. 140 и 140а УК, так как это ослабляет борьбу с данными преступлениями» [13, л. 5]. Отмечая увеличение числа случаев необоснованного применения судами к лицам, осужденным за производство незаконных абортов исправительно-трудовых работ и условного наказания, Минюст СССР призывал всеми мерами усилить борьбу с этим видом преступлений [14]. Постановление от 27 июня 1936 г. действовало вплоть до 1955 года.

Выводы

Введение новых законодательных актов и изменений в существующие законы имело значительное влияние на социальную и демографическую политику СССР в рассматриваемый период. Она была направлена на увеличение рождаемости и укрепление семейных ценностей, отражая стремление государства к улучшению демографической ситуации. Переход от свободы брака и развода к укреплению института семьи отражал смену политического курса и попытку восстановить традиционные моральные ценности.

В рассматриваемый период государством были предприняты меры, направленные на укрепление брака как юридического института, усложнение процедуры развода, введение моральных норм в семейные отношения. В центре внимания оказались интересы детей и обеспечение их благополучия в семье. Однако данные меры не были лишены противоречий. Попытки восстановить традиционные ценности в условиях быстро меняющегося общества привели к тому, что многие граждане не могли приспособиться к новым нормам. Все попытки повысить рождаемость без решения лежащих в их основе экономических, политических и социальных проблем оказались тщетными. Отсутствие соответствующих нормативно-правовых актов в сочетании с несоответствием государственной политики интересам граждан сделало эти усилия неэффективными. Этот ошибочный подход не принес желаемого демографического подъема в долгосрочной перспективе, что подчеркивает необходимость более комплексной и ориентированной на граждан стратегии при решении данного вопроса. Таким образом, демографическая политика в СССР в 1920–1930-е годы. отразила сложный и противоречивый процесс перестройки моральных и правовых норм в соответствии с новыми условиями развития общества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андреев, Е. М. Демографическая история России: 1927–1957 / Е. М. Андреев, Л. Е. Дарский, Т. Л. Харькова. – М. : Информатика, 1998. – 187 с.
2. Антокольская, М. В. Лекции по семейному праву : учеб. пособие / М. В. Антокольская. – М. : Юрист, 1995. – 144 с.

3. Афанасова, Е. Н. Реализация государственной политики запрещения аборт на территории Восточной Сибири во второй половине 1930-х гг. / Е. Н. Афанасова // Вестник ИрГТУ. – 2012. – № 7 (66). – С. 227–231.

4. Бадмаева, Е. Н. Демографическая история СССР в 1920–1930-е гг.: к проблеме современной историографии / Е. Н. Бадмаева, Э. У. Омакаева // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2020. – № 4 (65). – С. 15–21. – DOI: 10.21672/1818-510X-2020-65-4-015-021

5. Вишнеvский, А. Г. Запрет аборта: освежите вашу память / А. Г. Вишнеvский, В. И. Сакевич, Б. П. Денисов // Демоскоп Weekly. – 2016. – № 707-708. – URL: <http://demoscope.ru/weekly/2016/0707/tema01.php>

6. Голанд, Ю. М. Кризисы, разрушившие НЭП / Ю. М. Голанд. – М.: МНИИПУ, 1991. – 94 с.

7. Жиромская, В. Б. От военных потерь к консенсуальному браку: особенности демографического развития / В. Б. Жиромская // Вестник РУДН. Серия «История России». – 2007. – № 3. – С. 5–20.

8. Иншакова, А. О. Роль семьи в условиях современного многокультурного этноса: вектор законодательного развития / А. О. Иншакова // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2024. – Т. 23, № 2. – С. 6–15. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2024.2.1>

9. Кондрашин, В. В. Голод 1932–1933 гг. в Российской Федерации (РСФСР) / В. В. Кондрашин // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. – 2010. – № 1. – С. 6–20.

10. Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик (утв. Постановлением Чрезвычайного VIII Съезда Советов СССР от 05.12.1936 г.) // Известия ЦИК СССР и ВЦИК. – 1936. – 6 дек. (№ 283).

11. Матьцин, Д. Е. Перспективы правового регулирования имущественных отношений супругов при заключении брачного договора с применением цифровых технологий / Д. Е. Матьцин, Н. В. Квициния // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2024. – Т. 23, № 2. – С. 34–41. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2024.2.4>

12. Мун, В. А. Государственно-правовое регулирование демографических процессов в России в первой половине XX века / В. А. Мун, Т. С. Горячева // Гражданское общество в России и за рубежом. – 2023. – № 3. – С. 15–19. – DOI: 10.18572/2221-3287-2023-3-15-19

13. Опись дел Народного комиссариата (Министерства) юстиции СССР. 1936–1956: переписка по делам о преступных абортах и самоабортах // Государственный архив Российской Федерации. – Ф. Р. 9492. – Оп. 1а. – Д. 648. – Л. 5, 77–83.

14. Опись дел Народного комиссариата (Министерства) юстиции СССР. 1936–1956: переписка

по делам о преступных абортах и самоабортах // Государственный архив Российской Федерации. – Ф. Р. 9492. – Оп. 1а. – Д. 736. – Л. 7–8.

15. Постановление ЦИК СССР № 65, СНК СССР № 1134 от 27.06.1936 г. «О запрещении аборт, увеличении материальной помощи роженицам, установлении государственной помощи многодетным, расширении сети родильных домов, детских яслей и детских садов, усилении уголовного наказания за неплатеж алиментов и о некоторых изменениях в законодательстве о разводах» // Собрание законодательства СССР (СЗ СССР). – 1936. – № 34. – Ст. 309.

16. Постановление ЦИК СССР № 76, СНК СССР № 1813 от 05.10.1936 г. «Об уголовной ответственности за отказ в приеме женщин на работу и за снижение им заработной платы по мотивам беременности» // СЗ СССР. – 1936. – № 51. – Ст. 419.

17. Постановление Чрезвычайного XVII Всероссийского Съезда Советов от 21.01.1937 г. «Об утверждении Конституции (Основного Закона) Российской Советской Федеративной Социалистической Республики» (вместе с Конституцией) // Собрание узаконений РСФСР. – 1937. – № 2. – Ст. 11.

18. Тимофеева, Т. Ф. Процесс рождаемости в СССР в 1930-е годы и его правовое регулирование / Т. Ф. Тимофеева // Марийский юридический вестник. – 2007. – № 5. – С. 69–73.

19. Численность и заработная плата рабочих и служащих в СССР: (Итоги единовременного учета за март 1936 г.). – М.: Ред.-изд. упр. ЦУНХУ Госплана СССР и В/О «Союзоргучет», 1936. – 309 с.

REFERENCES

1. Andreev E.M., Darsky L.E., Kharkova T.L. *Demograficheskaya istoriya Rossii: 1927–1957* [Demographic History of Russia: 1927–1957]. Moscow, Informatika Publ., 1998. 187 p.

2. Antokolskaya M.V. *Lekcii po semejnomu pravu: ucheb. posobie* [Lectures on Family Law: Textbook]. Moscow, Yurist Publ., 1995. 144 p.

3. Afanasova E.N. Realizaciya gosudarstvennoj politiki zapreshcheniya abortov na territorii Vostochnoj Sibiri vo vtoroj polovine 1930-h gg. [Implementation of State Policy to Prohibit Abortions in Eastern Siberia in the Second Half of the 1930s]. *Vestnik IrGTU* [Bulletin of IrSTU], 2012, no. 7 (66), pp. 227–231.

4. Badmaeva E.N., Omakaeva E.U. Demograficheskaya istoriya SSSR v 1920–1930-e gg.: k probleme sovremennoj istoriografii [Demographic History of the USSR in the 1920–1930s: To the Problem of Modern Historiography]. *Kaspijskij region: politika, ekonomika, kultura* [Caspian Region: Politics, Economics, Culture], 2020, no. 4 (65), pp. 15–21. DOI: 10.21672/1818-510X-2020-65-4-015-021

5. Vishnevsky A.G., Sakevich V.I., Denisov B.P. Zapret aborta: osvezhite vashu pamyat [Abortion Ban: Refresh Your Memory]. *Demoskop Weekly*, 2016, no. 707-708. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2016/0707/tema01.php>
6. Goland Yu.M. *Krizisy, razrushivshie NEP* [Crises That Destroyed the NEP]. Moscow, MNIIPU. 1991. 94 p.
7. Zhyromskaya V.B. Ot voennykh poter k konsensualnomu braku: osobennosti demograficheskogo razvitiya [From Military Losses to a Consensual Barque: Features of Demographic Development]. *Vestnik RUDN. Seriya «Istoriya Rossii»* [Bulletin of RUDN. Series “History of Russia”], 2007, no. 3, pp. 5-20.
8. Inshakova A.O. Rol semyi v usloviyakh sovremennogo mnogokulturnogo etnosa: vektor zakonodatelnogo razvitiya [Role of the Family in the Context of a Modern Multicultural Ethnos: Vector of Legislative Development]. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2024, vol. 23, no. 2, pp. 6-15. DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2024.2.1>
9. Kondrashin V.V. Golod 1932–1933 gg. v Rossijskoj Federacii (RSFSR) [Famine of 1932–1933 in the Russian Federation (RSFSR)]. *Zhurnal rossijskih i vostochnoevropejskih istoricheskikh issledovanij* [Journal of Russian and East European Historical Research], 2010, no. 1, pp. 6-20.
10. Konstituciya (Osnovnoj Zakon) Soyuza Sovetskikh Socialisticheskikh Respublik (utv. Postanovleniem Chrezvychajnogo VIII Syezda Sovetov SSSR ot 05.12.1936 g.) [Constitution (Basic Law) of the Union of Soviet Socialist Republics]. *Izvestiya CIK SSSR i VCIK* [Izvestiya of the Central Executive Committee of the USSR and the All-Russian Central Executive Committee], 1936, Dec. 6, no. 283.
11. Matytsin D.E., Kvitsinia N.V. Perspektivy pravovogo regulirovaniya imushchestvennyh otnoshenij suprugov pri zaklyuchenii brachnogo dogovora s primeneniem cifrovyykh tekhnologij [Prospects for Legal Regulation of Property Relations of Spouses When Concluding a Marriage Contract Using Digital Technologies]. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2024, vol. 23, no. 2, pp. 34-41. DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2024.2.4>
12. Mun V.A., Goryacheva T.S. Gosudarstvenno-pravovoe regulirovanie demograficheskikh processov v Rossii v pervoj polovine XX veka [State and Legal Regulation of Demographic Processes in Russia in the First Half of the Twentieth Century]. *Grazhdanskoe obshchestvo v Rossii i za rubezhom* [Civil Society in Russia and Abroad], 2023, no. 3, pp. 15-19. DOI: 10.18572/2221-3287-2023-3-15-19
13. Opis del Narodnogo komissariata (Ministerstva) yusticii SSSR. 1936–1956: perepiska po delam o prestupnykh abortah i samoabortah [Inventory of Cases of the People’s Commissariat (Ministry) of Justice of the USSR. 1936–1956. Correspondence on Cases of Criminal Abortions and Self-Abortions]. *Gosudarstvennykh arhiv Rossijskoj Federacii* [State Archives of the Russian Federation], f. R. 9492, inv. 1a, d. 648, l. 5, 77-83.
14. Opis del Narodnogo komissariata (Ministerstva) yusticii SSSR. 1936–1956. Perepiska po delam o prestupnykh abortah i samoabortah [Inventory of Cases of the People’s Commissariat (Ministry) of Justice of the USSR. 1936–1956. Correspondence on Cases of Criminal Abortions and Self-Abortions]. *Gosudarstvennykh arhiv Rossijskoj Federacii* [State Archives of the Russian Federation], f. R. 9492, inv. 1 a, d. 736, l. 7-8.
15. Postanovlenie CIK SSSR № 65, SNK SSSR № 1134 ot 27.06.1936 g. «O zapreshchenii abortov, uvelichenii materialnoj pomoshchi rozhenicam, ustanovlenii gosudarstvennoj pomoshchi mnogosemejnym, rasshirenii seti roditelnykh domov, detskikh yaslej i detskikh sadov, usilenii ugovolnogo nakazaniya za neplatezh alimentov i o nekotorykh izmeneniyah v zakonodatelstve o razvodah» [Resolution of the Central Executive Committee of the USSR No. 65, Council of People’s Commissars of the USSR No. 1134 of June 27, 1936 “On the Prohibition of Abortions, Increasing Financial Assistance to Women in Labor, Establishing State Assistance to Large Families, Expanding the Network of Maternity Hospitals, Nurseries and Kindergartens, Strengthening Criminal Penalties for Non-Payment of Alimony and on Certain Changes in the Legislation on Divorces]. *Sobranie zakonodatelstva SSSR* [Collection of Legislation of the USSR], 1936, no. 34, art. 309.
16. Postanovlenie CIK SSSR № 76, SNK SSSR № 1813 ot 05.10.1936 g. «Ob ugovolnoj otvetstvennosti za otkaz v prieme zhenshchin na rabotu i za snizhenie im zarabotnoj platy po motivam beremennosti» [Resolution of the Central Executive Committee of the USSR No. 76, Council of People’s Commissars of the USSR No. 1813 of October 5, 1936 “On Criminal Liability for Refusing to Hire Women and for Reducing Their Wages Due to Pregnancy”]. *Sobranie zakonodatelstva SSSR* [Collection of Legislation of the USSR], 1936, no. 51, art. 419.
17. Postanovlenie Chrezvychajnogo XVII Vserossijskogo Syezda Sovetov ot 21.01.1937 g. «Ob utverzhenii Konstitucii (Osnovnogo Zakona) Rossijskoj Sovetskoy Federativnoj Socialisticheskoy Respubliki» (vmeste s Konstituciej) [Resolution of the Extraordinary 17th All-Russian Congress of Soviets of January 21, 1937 “On Approval of the Constitution (Basic Law) of the Russian Soviet Federative Socialist Republic” (Together with the Constitution)]. *Sobranie uzakonenij i rasporyazhenij RSFSR* [Collection of Laws and Regulations of the RSFSR], 1937, no. 2, art. 11.
18. Timofeeva T.F. Process rozhdaemosti v SSSR v 1930-e gody i ego pravovoe regulirovanie [Birth Rate Process in the USSR in the 1930s and Its Legal Regulation]. *Marijskij yuridicheskij vestnik* [Mari Legal Bulletin], 2007, no. 5, pp. 69-73.

19. *Chislennost i zarabotnaya plata rabochih i sluzhashchih v SSSR: (Itogi edinovremennogo ucheta za mart 1936 g.)* [Number and Wages of Workers and

Employees in the USSR: (Results of a One-Time Accounting for March 1936)]. Moscow, Red.-izd. upr. TsUNKhU Gosplana SSSR i V/O «Soyuzorguchet», 1936. 309 p.

Information About the Authors

Victoria A. Mun, Candidate of Sciences (Jurisprudence), Associate Professor, Department of History of State and Law, Kutafin Moscow State Law University, Sadovaya-Kudrinskaya St, 9, 125993 Moscow, Russian Federation, vamun@msal.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3010-1094>

Alexey V. Uryvaev, Candidate of Sciences (Jurisprudence), Associate Professor, Department of Theory of Law and Public Law Disciplines, Volgograd Institute of Management – Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Gagarina St, 8, 400005 Volgograd, Russian Federation, yesza@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0007-1430-9809>

Информация об авторах

Виктория Анатольевна Мун, кандидат юридических наук, доцент кафедры истории государства и права, Университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА), ул. Садовая-Кудринская, 9, 125993 г. Москва, Российская Федерация, vamun@msal.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3010-1094>

Алексей Владимирович Урываев, кандидат юридических наук, доцент кафедры теории права и государственно-правовых дисциплин, Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, ул. им. Гагарина, 8, 400005 г. Волгоград, Российская Федерация, yesza@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0007-1430-9809>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2024.4.3>

UDC 346.7

LBC 67.407

Submitted: 18.09.2024

Accepted: 18.10.2024

LEGAL RESTRICTIONS IN HEALTHCARE (FOREIGN EXPERIENCE OF THE LEGAL REGULATION)

Elena N. Alimova

Astrakhan State University named after V.N. Tatishchev, Astrakhan, Russian Federation

Introduction: in the proclaimed era of the fourth Industrial Revolution, decision-making, especially in healthcare, not based on scientific knowledge can pose a serious danger to individuals and society as a whole. Of particular importance in this context is the state approach to the legal regulation of socially significant phenomena. Thus, in recent decades, significant changes have taken place in the European Union and the United States in the field of gender identity issues, from the active introduction of medicinal and surgical methods for the treatment of gender dysphoria, including in minors, to doubts about the scientific and legal validity of the decisions taken. The **purpose** of the paper is to study the nature of legal restrictions in healthcare through the example of a study of ways to legally regulate the issues of gender identity, based on the assertion that gender refers to socially constructed characteristics that vary from society to society and may change over time. The research is aimed at understanding the properties, features and functions of legal restrictions in healthcare. The study of the mechanism of the legal regulation of public relations, its elements, as well as the study of public relations and legal facts as an integral part of this mechanism, has theoretical and practical significance, especially in socio-legal forecasting. **Methods:** in the course of the conducted research, the formal legal method, the method of comparative law analysis, and the general scientific research methods were used. **Results:** legal restrictions in healthcare always have a bioethical fundamental basis. The inclusion of the definition of “social well-being” in the definition of health by the World Health Organization (WHO) obliges national governments to take into account the changing social order and changes within the social structure of society when legally regulating the field of healthcare. **Conclusions:** the active introduction into healthcare practice of treatment methods based on anti-scientific rhetoric of populist discourses satisfying the demands of political regimes can pose a serious danger to individuals and society as a whole.

Key words: gender nonconformity, minor, state, law, medical care, legal restriction, children’s rights, self-identification.

Citation. Alimova E.N. Legal Restrictions in Healthcare (Foreign Experience of the Legal Regulation). *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2024, vol. 23, no. 4, pp. 27-32. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2024.4.3>

УДК 346.7

ББК 67.407

Дата поступления статьи: 18.09.2024

Дата принятия статьи: 18.10.2024

ПРАВООГРАНИЧЕНИЯ В СФЕРЕ ОХРАНЫ ЗДОРОВЬЯ (ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ)

Елена Николаевна Алимова

Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева, г. Астрахань, Российская Федерация

Введение: в провозглашенную эпоху четвертой промышленной революции принятие решений, особенно в сфере охраны здоровья, не основанных на научном знании, может представлять серьезную опасность для отдельных лиц и общества в целом. Особое значение в рассматриваемом контексте приобретает государственный подход к правовому регулированию социально значимых явлений. Так за последние десятилетия в Европейском союзе и США в сфере решения вопросов гендерной идентичности произошли значительные изменения от активного внедрения медикаментозных и хирургических методов лечения гендерной дисфории, в том числе у несовершеннолетних, до сомнений в научной и правовой обоснованности принятых решений. **Целью** настоящей статьи является изучение природы правовых ограничений в сфере охраны

здоровья на примере исследования способов правового регулирования вопросов гендерной идентичности, основанной на утверждении, что гендер относится к социально сконструированным характеристикам, которые варьируются от общества к обществу и могут меняться с течением времени. Исследование направлено на понимание свойств, особенностей и функции правовых ограничений в сфере охраны здоровья. Изучение механизма правового регулирования общественных отношений, его элементов, а также изучение общественных отношений и юридических фактов как неотъемлемой части этого механизма, имеет теоретическое и практическое значение, особенно в области социально-правового прогнозирования. Исследование также направлено на понимание свойств, особенностей и функций правовых ограничений в сфере охраны здоровья. **Методы:** в ходе проведенного исследования использовался формально-юридический метод, метод сравнительно-правового анализа, общенаучные методы исследования. **Результаты:** правовые ограничения в сфере охраны здоровья всегда имеют биоэтическую фундаментальную основу. Включение Всемирной организацией здравоохранения (ВОЗ), в определение здоровья дефиниции «социальное благополучие» обязывает национальные правительства при правовом регулировании сферы охраны здоровья учитывать меняющийся социальный порядок и изменения внутри социальной структуры общества. **Выводы:** активное внедрение в практику здравоохранения методов лечения основанных на антинаучной риторике популистских дискурсов удовлетворяющих запросы политических режимов может представлять серьезную опасность для отдельных лиц и общества в целом.

Ключевые слова: гендерное несоответствие, несовершеннолетний, государство, закон, медицинская помощь, правовое ограничение, права детей, самоидентификация.

Цитирование. Алимова Е. Н. Правоограничения в сфере охраны здоровья (зарубежный опыт правового регулирования) // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2024. – Т. 23, № 4. – С. 27–32. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2024.4.3>

Введение

Демография, размер и организация общественных групп занимают центральное место в социальной эволюции. Любые человеческие сообщества, даже самые ранние, едва вышедшие из стадного состояния, не способны обеспечить свою жизнедеятельность и выживаемость без элементарных регуляторов поведения своих членов. Относительно этих регуляторов употребляются самые разные термины: социальные нормы, обычай, право, обычное право, моонормы, нормы, соционормативные функции, в которые вкладываются, в зависимости от исходных позиций (и даже специализации) авторов, подчас самые различные значения [1; 2, с. 105].

Многие нормы регулируют действия бесчисленного множества коллективов и ролей, но лишь в определенной части их действий. Поэтому коллектив обычно функционирует под контролем большого числа специальных норм. В нем всегда наличествует множество ролей, хотя почти каждая значительная роль исполняется во множестве конкретных коллективов. Тем не менее социальные системы состоят из комбинаций этих структурных компонентов. Чтобы достичь стабильной институционализации, коллективы и роли должны

«руководствоваться» конкретными ценностями и нормами, а сами ценности и нормы институционализируются только постольку, поскольку они «воплощаются в жизнь» конкретными коллективами и ролями [3, с. 19]. Государство же является аппаратом публичного управления, которое специализируется на административном применении политической власти в коллективных целях, а общество – структурированным рыночным хозяйством, общением и работой частных лиц. При этом политика как выражение политической воли граждан выполняет функцию проведения в жизнь таких частных интересов, которые имеют общественное значение [4, с. 382]. Дифференцируясь, государство имеет тенденцию сосредотачиваться на двух основных функциональных комплексах. Первый охватывает ответственность за поддержание целостности социального сообщества перед лицом глобальных угроз, с особым, но не исключительным акцентом на его легитимном нормативном порядке. Сюда же относится функция принуждения и, по крайней мере, некоторая доля участия в осуществлении интерпретации. К тому же общий процесс дифференциации сферы управления ведет к обособлению областей, в которых допускается открытое формулирование и узаконение новых норм, так что частью

этого функционального комплекса становится законодательная деятельность. Второй комплекс включает все виды исполнительной деятельности государства, которая связана с коллективными действиями в любых ситуациях, указывающих на необходимость каких-то мер в «общественных» интересах. Границы этой ответственности простираются от безусловно значимых дел, таких, как защита территориальных пределов или поддержание общественного порядка, до почти что любого вопроса, который считается «затрагивающим общественные интересы» [3, с. 31–32].

Однако на практике вопросы, представляющие общественный и частный интерес в отдельных случаях требуют баланса прав и обязанностей. Так, антипрививочное движение в период новой коронавирусной инфекции основанное на утверждении, что вакцины вредны и не безопасны, способствовало распространению недостоверной информации о клинических последствиях вакцинации в период, когда обязательная вакцинация от новой коронавирусной инфекции была направлена на сохранение здоровья всего общества в целом и сохранение жизней лиц, наиболее подверженных осложнениям от инфекции. Сфера охраны здоровья граждан является средой, в которой политика реализуется в обществе через законы, нормативные акты, действия и решения с целью содействия хорошему самочувствию конкретного лица и обеспечения достижения целей в области здоровья всего общества. Кроме того, рассматриваемая сфера состоит из немедицинских факторов, влияющих на самоопределение человеком своего здоровья, к одному из которых можно отнести социальный контекст. В различные возрастные периоды жизни человека социальная среда может оказывать влияние на его представление о себе, его самоидентификацию. В жизни также могут быть критические этапы, в которые социальная среда оказывает более сильное влияние на показатели здоровья. При этом механизм изменений социальной среды отличен от изменений биологического организма, и зависит от множества культурных, технических, экономических и др. факторов.

Социальный контекст гендерной идентичности основан на положении, что гендер относится к социально сконструированным

характеристикам, которые варьируются от общества к обществу и могут меняться с течением времени. В соответствии с обновленной 11 версией международной классификации болезней гендерная дисфория (гендерное несоответствие) характеризуется значительным и устойчивым несоответствием между индивидуально испытываемой гендерной принадлежностью и приписываемым полом. Гендерный вариант поведения и предпочтения сами по себе не являются основанием для установления диагноза в этой группе. Если гендерное несоответствие не является основанием для установления диагноза, то традиционные подходы к правовому регулированию организации и оказания медицинской помощи в рамках лечения конкретных заболеваний перестают существовать.

В 2024 г. Европейская академия педиатрии выступила с заявлением о клиническом ведении детей и подростков с гендерной дисфорией, обозначив, что подходы к решению вопросов гендерной идентичности, путем применения блокаторов полового созревания и гендерно-подтверждающего лечения европейских детей в настоящее время подвергаются критическому пересмотру [7]. Об опасности гендер-подтверждающего ухода заявила и один из основателей национальной педиатрической гендерной программы Финляндии, отметив, что за годы работы у подавляющего большинства несовершеннолетних, обратившихся с намерением о смене пола, регистрировались тяжелые психические расстройства. Некоторые дети происходили из семей с многочисленными психосоциальными проблемами. При таких условиях достижение идентичности – это результат успешного развития подростка, а не его отправная точка [8].

На законодательном уровне, в тринадцати из двадцати восьми государств-членов Европейского союза действуют общие хирургические правила в отношении возраста, в котором дети могут обращаться с просьбой об операции по смене пола [5]. Так, минимальный возраст для юридического признания пола в Великобритании составляет 18 лет, при этом возраст для доступа к медицинскому лечению гендерной идентичности определяется Национальной службой здравоохранения, а не Законом о признании пола. Хирургическое лечение

недоступно для лиц моложе 18 лет. Лечение блокаторами полового созревания и гормонами, подтверждающими гендерный фактор доступно лицам в возрасте 16 лет и старше. В Норвегии в Законе об изменении пола закреплено, что с юридической точки зрения гендер означает пол человека, зарегистрированный в национальном реестре населения, Дети, достигшие 16-летнего возраста, могут подать заявление на изменение законного пола. Во Франции в соответствии с рассматриваемым в сенате законопроектом, направленным на регулирование медицинской помощи несовершеннолетним с гендерной дисфорией, предлагается запретить назначение пациенту в возрасте до 18 лет гормональной терапии, направленной на развитие вторичных признаков пола, с которым идентифицирует себя несовершеннолетний, а также хирургические операции по смене пола. Дания, так же присоединилась к списку стран, резко ограничивших гендерный переход молодежи, после систематических обзоров фактических данных, проведенных в Европе, и последующего изменения парадигмы «гендерного утверждения» в пользу осторожного, ориентированного на развитие подхода, который отдает приоритет психосоциальной поддержке и не инвазивному разрешению гендерного дистресса.

В США 2023 г. стал рекордным по числу принятых отдельными штатами законов, запрещающих медицинское лечение и различные хирургические процедуры для несовершеннолетних. Ряд законодателей квалифицирует гендерно-ориентированные процедуры для несовершеннолетних как «жестокое обращение с детьми». Тем не менее запрет на гендерно ориентированный уход за несовершеннолетними может рассматриваться как ограничение конституционных прав. Верховный суд США планирует рассмотреть законность усилий государства по запрету гендерно ориентированной медицинской помощи несовершеннолетним.

Однако, пациенты, не получившие ожидаемого эффекта от лечения гендерной дисфории, и решение проблем с психическим здоровьем после проведения хирургических процедур все чаще обращаются в судебные органы за надлежащей правовой защитой. Многие пациенты сожалеют о гендерно ориентированном лечении и считают, что им был причинен вред.

В 2020 г. Королевский суд Великобритании в рамках рассмотрения иска бывшей пациентки клиники, оказывающей медицинскую помощь несовершеннолетним по гендерным вопросам к Национальной службе здравоохранения пришел к выводу об отсутствии доказательной базы использования блокаторов полового созревания у несовершеннолетних с гендерной дисфорией, отметив, что при таких обстоятельствах трудность достижения осознанного согласия еще более усугубляется. Судебный орган отнес подобное лечение к экспериментальному, указав, что экспериментальное лечение никогда не могло бы быть согласовано. Так же, в судебном акте отмечено, что сочетание пожизненного и изменяющего жизнь лечения, предоставляемого детям, с очень ограниченными знаниями о том, в какой степени оно принесет или не принесет им пользу, дает серьезные основания для беспокойства, а учитывая долгосрочные последствия клинических вмешательств, и тот факт, что предложенное лечение пока еще является инновационным и экспериментальным, клиницисты могут рассматривать их как случаи, когда следует запрашивать разрешение суда до начала клинического лечения [9].

В апреле 2024 г. председателем независимого обзора услуг по обеспечению гендерной идентичности для детей и молодежи Национальной службы здравоохранения Великобритании предоставлен отчет, в котором обозначено, что инновации важны, если медицина хочет двигаться вперед, но должен быть соразмерный уровень мониторинга, надзора и регулирования, который не сдерживал бы прогресс и в то же время предотвращал проникновение непроверенных подходов в клиническую практику [6].

Правовые ограничения в сфере охраны здоровья всегда имеют биоэтическую фундаментальную основу. Деятельность государственных органов в сфере здравоохранения направлена на предоставление эффективных медицинских услуг, поддержание, и обеспечение здоровья всего общества. Активное внедрение в практику здравоохранения методов лечения основанных на антинаучной риторике популистских дискурсов удовлетворяющих запросы политических режимов может представлять серьезную опасность для отдель-

ных лиц и общества в целом. Правовые ограничения в сфере охраны здоровья – это любые ограничения установленные законом или нормативным актом и реализующие защитную функцию права. Ограничения могут быть направлены на побуждение к действию, например требование об обязательной вакцинации или препятствующие осуществлению определенных действий, запрет на процедуры смены пола. Медицинские услуги не могут являться основой для социальной интеграции человека и его самоидентификации. Затрагивая физическое тело, хирургические операции в рамках гендерно ориентированной помощи необратимо меняют анатомию отдельных органов в соответствии с представлением человека о себе. Должно ли государство ограничить человека в принятии решений в его отношении, когда базовый принцип любого медицинского вмешательства основан на тезисе «не навреди»? Неизбежно любое законное ограничение рассматривается, как ущемляющее права человека и рассматривается на предмет конституционности. Здоровье человека представляет особую сферу действия правовых ограничений, которые подлежат детальному изучению, особенно в эпоху стремительной интеграции биологического организма и технологических инноваций. Правовые ограничения в сфере охраны здоровья всегда имеют биоэтическую фундаментальную основу. Национальные правительства при правовом регулировании сферы здравоохранения должны учитывать меняющийся социальный порядок и изменения внутри социальной структуры общества, но противоречивые законы и судебные решения могут создавать глубокую неопределенность и наносить особенно серьезный ущерб в ситуациях, когда государственная политика в такой сфере как охрана здоровья формируется без учета современных научных данных.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Елифанов, А. Е. Проблемы обеспечения и защиты прав и свобод человека в глобализирующемся мире / А. Е. Елифанов, В. М. Абдрашитов // Материалы конференций, проходивших в

рамках «Недели науки МЭСИ»: сб. науч. тр. – М.: [б. и.], 2012. – С. 435–441.

2. Ковлер, А. И. Антропология права / А. И. Ковлер. – М.: НОРМА, 2002. – 480 с.

3. Парсонс, Т. Система современных обществ / Т. Парсонс. – М.: Аспект Пресс, 1998. – 270 с.

4. Хабермас, Ю. Вовлечение другого: очерки политической теории / Ю. Хабермас. – СПб.: Наука, 2008. – 415 с.

5. Access to Sex Reassignment Surgery. – URL: <https://fra.europa.eu/en/publication/2017/mapping-minimum-age-requirements-concerning-rights-child-eu/access-sex-reassignment-surgery>

6. Dr Hilary Cass Has Submitted Her Final Report and Recommendations to NHS England in Her Role as Chair of the Independent Review of Gender Identity Services for Children and Young People. – URL: <https://cass.independent-review.uk/home/publications/final-report/>

7. European Academy of Paediatrics Statement on the Clinical Management of Children and Adolescents with Gender Dysphoria. – URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC10875134/>

8. Gender-Affirming Care Is Dangerous. I Know Because I Helped Pioneer It. – URL: <https://www.thefp.com/p/gender-affirming-care-dangerous-finland-doctor>

9. Quincy Bell and Mrs A against The Tavistock Clinic and Portman NHS Trust. – URL: <https://www.judiciary.uk/wp-content/uploads/2020/12/Bell-v-Tavistock-Judgment.pdf>

REFERENCES

1. Epifanov A.E., Abdrashitov V.M. Problemy obespecheniya i zashchity prav i svobod cheloveka v globaliziruyushchemsya mire [Problems of Ensuring and Protecting Human Rights and Freedoms in a Globalizing World]. *Materialy konferentsiy, prokhodivshikh v ramkakh «Nedeli nauki MESI»: sb. nauch. tr.* [Proceedings of the Conferences Held as Part of the MESI Science Week Collection of Scientific Papers]. Moscow, s.n., 2012, pp. 435–441.

2. Kovler A.I. *Antropologiya prava* [Anthropology of Law]. Moscow, NORMA Publ., 2002. 480 p.

3. Parsons T. *Sistema sovremennykh obshchestv* [The System of Modern Societies]. Moscow, Aspect Press, 1998. 270 p.

4. Habermas J. *Vovlecheniye drugogo: ocherki politicheskoy teorii* [Engaging the Other. Essays in Political Theory]. Saint Petersburg, Nauka Publ., 2008. 415 p.

5. Access to Sex Reassignment Surgery. URL: <https://fra.europa.eu/en/publication/2017/mapping->

minimum-age-requirements-concerning-rights-child-eu/access-sex-reassignment-surgery

6. *Dr Hilary Cass Has Submitted Her Final Report and Recommendations to NHS England in Her Role as Chair of the Independent Review of Gender Identity Services for Children and Young People*. URL: <https://cass.independent-review.uk/home/publications/final-report/>

7. *European Academy of Paediatrics Statement on the Clinical Management of Children and*

Adolescents with Gender Dysphoria. URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC10875134/>

8. *Gender-Affirming Care Is Dangerous. I Know Because I Helped Pioneer It*. URL: <https://www.thefp.com/p/gender-affirming-care-dangerous-finland-doctor>

9. *Quincy Bell and Mrs A Against The Tavistock Clinic and Portman NHS Trust*. URL: <https://www.judiciary.uk/wp-content/uploads/2020/12/Bell-v-Tavistock-Judgment.pdf>

Information About the Author

Elena N. Alimova, Postgraduate Student, Department of Theory and History of State and Law, Astrakhan State University named after V.N. Tatishchev, Tatishcheva St, 20a, 414056 Astrakhan, Russian Federation, alimova.elen@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0008-9970-0379>

Информация об авторе

Елена Николаевна Алимова, аспирант кафедры теории и истории государства и права, Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева, ул. Татищева, 20а, 414056 г. Астрахань, Российская Федерация, alimova.elen@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0008-9970-0379>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2024.4.4>

UDC 341.231.14
LBC 67.400.3

Submitted: 23.09.2024
Accepted: 23.10.2024

CONSTITUTIONAL AND LEGAL ASPECTS OF THE LEGAL REGULATION REGARDING THE REALIZATION AND PROTECTION OF THE SOCIAL RIGHTS OF ORPHANS AND LEGALLY FREE CHILDREN

Alexey V. Ushakov

Volgograd Interdistrict Bar Association, Volgograd, Russian Federation

Introduction: the paper analyzes the constitutional and legal features of the statutory regulation at the federal and regional levels in the field of protection of the social rights of citizens in the Russian Federation. As the practice of law enforcement and human rights activities shows, the constitutional social rights of Russian citizens with the status of orphans and legally free children are most often violated. **Purpose:** to this end, the court rulings in the field of protection of the social rights are studied. Using the **methods** of scientific cognition, primarily the system analysis of judicial and regulatory legal acts, the features of forming the legal positions of the judicial authorities of the Russian federal and regional levels are revealed. **Results:** the study has revealed the existence of controversial issues of the statutory regulation. **Conclusions:** in the course of implementing the statutory regulation in the field of the realization of the social rights of citizens of this category, the federal and regional legislators formulate the legal norms that contradict the Constitution of the Russian Federation, which can be eliminated by recourse to the Constitutional Court of the Russian Federation or by amending the law.

Key words: Constitutional Court of the Russian Federation, protection of rights and freedoms, orphans and legally free children, Constitution of the Russian Federation.

Citation. Ushakov A.V. Constitutional and Legal Aspects of the Legal Regulation Regarding the Realization and Protection of the Social Rights of Orphans and Legally Free Children. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2024, vol. 23, no. 4, pp. 33-37. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2024.4.4>

УДК 341.231.14
ББК 67.400.3

Дата поступления: 23.09.2024
Дата принятия: 23.10.2024

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ НОРМАТИВНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В ОБЛАСТИ РЕАЛИЗАЦИИ И ЗАЩИТЫ СОЦИАЛЬНЫХ ПРАВ ДЕТЕЙ-СИРОТ И ДЕТЕЙ, ОСТАВШИХСЯ БЕЗ ПОПЕЧЕНИЯ РОДИТЕЛЕЙ

Алексей Викторович Ушаков

Волгоградская межрайонная коллегия адвокатов, г. Волгоград, Российская Федерация

Введение: в статье проанализированы конституционно-правовые особенности нормативно-правового регулирования федерального и регионального уровня в области защиты прав детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. С этой целью изучены нормативно-правовые акты и вынесенные судебные постановления в области защиты прав граждан данной категории. С помощью методов научного познания, в первую очередь системного анализа судебных и нормативно-правовых актов, выявлены недостатки правового регулирования федерального и регионального уровня. **Результаты:** в ходе исследования выявлено наличие необходимости изменения нормативно-правового регулирования. **Выводы:** в ходе осуществления нормативно-правового регулирования в области реализации социальных прав граждан указанной категории федеральным и региональным законодателем формулируются правовые нормы, противоречащие Конституции РФ, которые возможно устранить путем обращения в Конституционный Суд РФ либо внести изменения в закон.

Ключевые слова: Конституционный Суд РФ; защита прав и свобод; дети-сироты и дети, оставшиеся без попечения родителей; Конституция РФ.

Цитирование. Ушаков А. В. Конституционно-правовые аспекты нормативно-правового регулирования в области реализации и защиты социальных прав детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2024. – Т. 23, № 4. – С. 33–37. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2024.4.4>

Введение

Нормативные положения, предусмотренные Федеральным законом от 21 декабря 1996 г. № 159-ФЗ «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» (в редакции от 04.08.2023 № 461-ФЗ), а также принятые нормы регионального законодательства всегда являлись объектом пристального внимания научного сообщества и правозащитников [3].

Общественные отношения в этой сфере социальной защиты регулируются федеральным и региональным законодательством, который, определяет общие принципы, содержание и меры государственной этой категории граждан [6, с. 34].

Федеральным законом 4 августа 2023 года были предусмотрены ограничения, связанные с судимостью и фактами уголовного преследования, предусмотрены с момента внесения изменений в Федеральный закон № 159-ФЗ в связи с принятием Федерального закона от 04.08.2023 № 461-ФЗ. Согласно п. 5 ч. 2 ст. 8.1 Закона были установлены ограничения для реализации социальных права (права на получение жилья) рассматриваемой категории лиц, **связанные с наличием у гражданина судимости и (или) факта уголовного преследования за умышленное преступление** [3].

Схожая норма содержалась и в пп. 1 ч. 2 ст. 1.1 Закона Волгоградской области от 05 февраля 2013 г. № 5-ОД «Об обеспечении дополнительных гарантий прав на жилое помещение детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, лиц из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в Волгоградской области» (в редакции Закона Волгоградской области от 28.12.2021 № 128-ОД) [4].

Эта норма была принята региональным законодателем в декабре 2021 года, т.е. ранее нормы Федерального закона № 159-ФЗ и предусматривала в качестве условия для от-

каза в получении социальной выплаты на приобретение жилого помещения лицами, имеющими судимости за любое, а не только за умышленное, преступление.

Сложившаяся практика защиты социальных и жилищных прав и законных интересов

Как показывает проведенный анализ, правоприменительная практика при рассмотрении вопросов по предоставлению мер государственной поддержки в связи с этими изменениями стала сводиться к отказам органов региональной власти в предоставлении таких мер при наличии судимости у заявителя, вне зависимости от того, погашена она, снята или нет.

В связи с этим граждане, имеющие такой социальный статус, стали перед выбором способов защиты своих прав.

Так, 08.08.2023 гр-н М., имеющий статус сироты, обратился в Волгоградский областной суд с административным иском о признании недействующим в части нормативно-правового акта, а именно пп. 1 ч. 2 ст. 1.1 Закона Волгоградской области от 05 февраля 2013 г. № 5-ОД «Об обеспечении дополнительных гарантий...» (в редакции Закона Волгоградской области от 28.12.2021 № 128-ОД).

Основанием для обращения в суд послужило письмо Комитета строительства Волгоградской области от 02.06.2023, согласно которому, рассмотрев заявление и предоставленные документы, направленные в целях предоставления жилищного сертификата М., заявителю отказано в его выдаче в связи с тем, что в представленной справке органов внутренних дел о наличии/отсутствии судимости или факта уголовного преследования М. имеются сведения об осуждении его в 2012 и 2014 годах.

Действительно, согласно сведениям о судимости и фактах уголовного преследования, М. был ранее осужден 04.12.2012 по ч. 3 ст. 30 ст. 158 ч. 2 п.«а,в» к наказанию в виде штрафа

в размере 20000 руб., который им оплачен 10.12.2012, а также 05.08.2014 мировым судьей по ч. 1 ст. 115 УК РФ к наказанию в виде штрафа в размере 5000 руб., штрафы оплачены 19.12.2014 в полном объеме, в связи с чем судимости считаются погашенными, **а гражданин – юридически несудимым.**

Основанием для подготовки письма явился Закон Волгоградской области от 05 февраля 2013 г. № 5-ОД на основании которого М. отказано в предоставлении жилищного сертификата, одним из оснований отказа является **наличие судимости** [4].

Таким образом, учитывая наличие возможности получить дополнительные меры социальной поддержки в виде реализации права на получение жилья, гр-н М. не смог реализовать свое право на жилище по причине ограничений, установленных оспариваемым нормативным правовым актом.

Решением Волгоградского областного суда от 07.11.2023 М. отказано в удовлетворении административного иска.

Однако апелляционная и кассационная инстанции полностью поддержали М. в своем праве на предоставление мер социальной поддержки.

Апелляционным определением Третьего апелляционного суда общей юрисдикции от 20.03.2024 решение Волгоградского областного суда отменено, и по делу принято новое решение, согласно которому признан недействующим со дня принятия п. 1 ч. 2 ст. 1.1 Закона Волгоградской области.

В итоге М., получил сертификат и приобрел себе квартиру в г. Кропоткин Краснодарского края.

Конституционно-правовое регулирование указанной проблемы правоприменения

Общественные отношения, связанные с социальным обеспечением детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, регулируются Законом, который, как указано в его преамбуле, определяет общие принципы, содержание и меры государственной поддержки этой категории детей-сирот [3].

При этом, ограничения, связанные с судимостью и фактами уголовного преследования сирот, действуют до сих пор.

В свою очередь, Конституционный Суд РФ неоднократно рассматривал проблему **правовых последствий судимости, выходящих за рамки уголовно-правовых отношений** [2].

В силу правовой позиции Конституционного Суда РФ, изложенной в Постановлении от 19 марта 2003 г. № 3-П, «...допуская в силу ч. 3 ст. 55 Конституции РФ в отношении лиц, имеющих судимость, возможность закрепления федеральным законом определенных, сохраняющихся **в течение разумного срока после отбытия ими уголовного наказания дополнительных обременений**, которые обусловлены в том числе общественной опасностью таких лиц, адекватны ей и связаны с обязанностью нести ответственность за виновное поведение, Конституция Российской Федерации вместе с тем требует безусловного соблюдения предусмотренных ею гарантий личности и исходит из необходимости обеспечения справедливости соответствующих ограничений, их соразмерности защищаемым конституционным ценностям (Постановление Конституционного Суда РФ от 15 июля 1999 г. № 11-П) [5].

Соответствующие правовые позиции Конституционного Суда РФ, в частности, детализированы в Постановлении от 18 июля 2013 г. № 19-П применительно к трудовой деятельности в сфере образования несовершеннолетних, в Постановлении от 10 октября 2013 г. № 20-П применительно к реализации пассивного избирательного права и др. [5].

Таким образом, анализ этих правовых позиций позволяет говорить о наличии неопределенности в части соответствия норм п. 5 ч. 2 ст. 8.1 Федерального закона от 21 декабря 1996 г. № 159-ФЗ «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» (в редакции от 04.08.2023 № 461-ФЗ) в следующем:

– ограничения, связанные с судимостью и выходящие за рамки уголовно-правовых отношений, могут быть установлены федеральным законодателем в соответствии с ч. 3 ст. 55 Конституции РФ [1].

Они не могут носить безусловный и бессрочный характер, должны учитывать социализацию ребенка-сироты, его

отношение к исполнению трудовых обязанностей, а также иные факторы. Между тем оспоренные нормы, вопреки правовым позициям Конституционного Суда РФ, содержат безусловный и не ограниченный никакими сроками запрет на получение мер социальной поддержки;

– рассматриваемые нормы допускают возможность применения ограничений, связанных с судимостью и уголовным преследованием, по отношению к фактическим обстоятельствам, которые имели место до их вступления в силу. Это ведет к утрате права на получение социальной выплаты гражданами, которые ранее приобрели его на законном основании, что, в свою очередь, нарушает вытекающий из Конституции РФ принцип поддержания доверия к закону и действиям государства, лежащий в основе правовой определенности как важнейшего качества нормативного правового регулирования в условиях правового государства.

Таким образом, установленные ограничения противоречат нормам Конституции РФ и правовым позициям Конституционного Суда РФ.

Выводы

До настоящего времени сохраняется неопределенность в части соответствия норм п. 5 ч. 2 ст. 8.1 Федерального закона от 21 декабря 1996 г. № 159-ФЗ нормам Конституции РФ.

Полагаем верным в данной ситуации разрешить правовую неопределенность, а также массовые нарушения прав детей-сирот, имевших когда-либо судимость, лишь путем обращения в Конституционный Суд РФ с запросом о соответствии статьям 7, ч. 3 ст. 40, ч. 3 ст. 55 Конституции РФ правовых норм и ограничений, сформулированных в п. 5 ч. 2 ст. 8.1 Федерального закона от 21 декабря 1996 г. № 159-ФЗ, затрагивающего реализацию прав и законных интересов детей-сирот на получение дополнительных мер государственной поддержки [1].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Конституция Российской Федерации : [принята всенародным голосованием 12 дек. 1993 г. (с учетом поправок, внесенных ФЗ РФ о поправ-

ках к Конституции РФ от 25.03.2004 № 1-ФЗ, от 14.10.2005 № 6ФЗ, от 12.07.2006 № 2-ФЗ, от 30.12.2006 № 6-ФЗ, от 21.07.2007 № 5ФЗ, от 21.03.2014 № 6-ФЗ), Законами РФ о поправке к Конституции Российской Федерации от 30.12.2008 № 6-ФЗ, от 30.12.2008 № 7-ФЗ, от 05.02.2014 № 2-ФЗ, от 21.07.2014 № 11-ФЗ, от 14.03.2020 № 1-ФЗ]. – М. : Проспект, 2020.

2. О Конституционном Суде Российской Федерации : федер. конституц. закон от 21.07.1994 № 1-ФЗ : (в ред. от 26.07.2018) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1994. – № 13. – Ст. 1447.

3. Федеральный закон от 21 декабря 1996 г. № 159-ФЗ «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» : (в ред. от 04.08.2023 № 461-ФЗ) // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://www.pravo.gov.ru>

4. Закон Волгоградской области от 5 февраля 2013 г. № 5-ОД «Об обеспечении дополнительных гарантий прав на жилое помещение детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, лиц из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в Волгоградской области» : (в ред. Закона Волгоградской области от 28.12.2021 № 128-ОД) // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://www.pravo.gov.ru>

5. Официальный сайт Конституционного Суда Российской Федерации. – URL: <http://www.ksrf.ru/ru/Pages/default.aspx>.

6. Матыцин, Д. Е. Перспективы правового регулирования имущественных отношений супругов при заключении брачного договора с применением цифровых технологий / Д. Е. Матыцин, Н. В. Квициния // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2024. – Т.23, № 2. – С. 34–41. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2024.2.4>

REFERENCES

1. *Konstitutsiya Rossiyskoy Federatsii: prinyata vsenarodnym golosovaniyem 12 dek. 1993 g. (s uchetom popravok, vnesennykh FKZ RF o popravkakh k Konstitutsii RF ot 25.03.2004 № 1-FKZ, ot 14.10.2005 № 6FKZ, ot 12.07.2006 № 2-FKZ, ot 30.12.2006 № 6-FKZ, ot 21.07.2007 № 5FKZ, ot 21.03.2014 № 6-FKZ), Zakonami RF o popravke k Konstitutsii Rossiyskoy Federatsii ot 30.12.2008 № 6-FKZ, ot 30.12.2008 № 7-FKZ, ot 05.02.2014 № 2-FKZ, ot 21.07.2014 № 11-FKZ, ot 14.03.2020 № 1-FKZ* [Constitution of the Russian Federation: Adopted by Popular Vote on Dec. 12, 1993 (Taking into Account the Amendments Made by the Federal Labor Code of the Russian Federation on Amendments to the Constitution of the Russian Federation Dated Mar. 25,

2004 No. 1-FKZ, Dated Oct. 14, 2005 No. 6-FKZ, Dated July 12, 2006 No. 2-FKZ, Dated Dec. 30, 2006 No. 6-FKZ, Dated July 21, 2007 No. 5-FKZ, Dated Mar. 21, 2014 No. 6-FKZ), the Laws of the Russian Federation on the Amendment to the Constitution of the Russian Federation Dated Dec. 30, 2008 No. 6-FKZ, Dated Dec. 30, 2008 No. 7-FKZ, Dated Febr. 5, 2014 No. 2-FKZ, Dated July 21, 2014 No. 11-FKZ, Dated Mar. 14, 2020 No. 1-FKZ]. Moscow, Prospekt Publ., 2020.

2. O Konstitucionnom Sude Rossijskoj Federacii: feder. konstituc. zakon ot 21.07.1994 № 1-FKZ (v red. ot 26.07.2018) [On the Constitutional Court of the Russian Federation. Federal Constitutional Law of July 21, 1994 No. 1-FKZ (As Amended on July 26, 2018)]. *Sobranie zakonodatelstva Rossiyskoj Federacii* [Collection of Legislation of the Russian Federation], 1994, no. 13, art. 1447.

3. Federalnyj zakon ot 21 dekabrya 1996 g. № 159-FZ «O dopolnitelnyh garantiyah po socialnoj podderzhke detej-sirot i detej, ostavshihysya bez popecheniya roditel'ev»: (v red. ot 04.08.2023 № 461-FZ) [Federal Law No. 159-FZ of December 21, 1996 “On Additional Guarantees for the Social Support of Orphans and Children Left Without Parental Care” (As Amended on Aug. 4, 2023 No. 461-FZ)]. *Oficialnyj internet-portal pravovoj informacii* [Official Internet Portal of Legal Information]. URL: <http://www.pravo.gov.ru>

4. Zakon Volgogradskoj oblasti ot 5 fevralya 2013 g. № 5-OD «Ob obespechenii dopolnitelnykh

garantij prav na zhiloe pomeshchenie detej-sirot i detej, ostavshihysya bez popecheniya roditel'ev, lic iz chisla detej-sirot i detej, ostavshihysya bez popecheniya roditel'ev, v Volgogradskoj oblasti»: (v red. Zakona Volgogradskoj oblasti ot 28.12.2021 № 128-OD) [Law of the Volgograd Region Dated February 5, 2013 No. 5-OD “On Providing Additional Guarantees of the Rights to Housing for Orphans and Children Left Without Parental Care, Persons from Among Orphans and Children Left Without Parental Care in the Volgograd Region” (As Amended by the Law of the Volgograd Region Dated Dec. 28, 2021 No. 128-OD)]. *Oficialnyj internet-portal pravovoj informacii* [Official Internet Portal of Legal Information]. URL: <http://www.pravo.gov.ru>

5. *Oficialnyj sajt Konstitucionnogo Suda Rossijskoj Federacii* [Official Website of the Constitutional Court of the Russian Federation]. URL: <http://www.ksrf.ru/ru/Pages/default.aspx>

6. Matycin D.E., Kviciniya N.V. Perspektivy pravovogo regulirovaniya imushchestvennykh otnoshenij suprugov pri zaklyuchenii brachnogo dogovora s primeneniem cifrovyykh tekhnologij [Prospects for the Legal Regulation of Property Relations Between Spouses when Concluding a Marriage Contract Using Digital Technologies]. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2024, vol. 23, no. 2, pp. 34-41. DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2024.2.4>

Information About the Author

Alexey V. Ushakov, Lawyer, Volgograd Interdistrict Bar Association, Barricadnaya St, 24/30, 400074 Volgograd, Russian Federation, ushakov_alex@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0282-7602>

Информация об авторе

Алексей Викторович Ушаков, адвокат, Волгоградская межрайонная коллегия адвокатов, ул. Баррикадная 24/30, 400074 г. Волгоград, Российская Федерация, ushakov_alex@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0282-7602>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2024.4.5>

UDC 340.5
LBC 67.404.9

Submitted: 16.09.2024
Accepted: 30.09.2024

FROM FOREIGN EXPERIENCE IN ENSURING THE LEGAL STATUS OF UNDERAGE MIGRANTS

Alexander E. Epifanov

Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Moscow, Russian Federation;
State University of Management, Moscow, Russian Federation

Introduction: The complex migration situation in the Russian Federation requires constant study of the experience of foreign countries with high rates of migration population growth for the purpose of theoretical and practical updating of legal approaches to the observance of human rights, taking into account the peculiarities of the national legal system. The root causes of migration, as a rule, are very diverse: from socio-economic factors to the desire of families to provide their children with a more promising future. However, in connection with the increase in the number of minors migrating without parents or legal representatives, the study of foreign experience in the legal regulation of the situation of children when crossing national borders may have practical significance in predicting migration trends and their national regulation. The **purpose of the study:** to consider modern foreign approaches to ensuring the rights of the child during the migration of minors. **Methods:** When writing the article, the method of analyzing the current state of migration processes in countries with the largest number of arriving migrants was used. Foreign experience in forming legal protection for minors during migration was studied using the comparative legal method. The use of the formal legal method made it possible to identify the features and current state of legal regulation of the situation of migrants. **Results:** The data reviewed indicate an increase in restrictive tendencies of legal regimes for arriving migrants, including minors, whose constant influx is considered a threat to national security and requires tougher measures to enhance stability at state borders in opposition to the globalist trends of the last decade. **Conclusions:** International legal standards in the field of children's rights oblige national states to form child protection systems based on the principles of best meeting the needs of minors for protection and well-being. However, the uncontrolled migration situation and the need to strengthen the security of national borders by strengthening border control measures are considered by national governments as sufficient grounds for derogation from accepted international legal obligations in the field of human rights and the rights of the child.

Key words: minor, migration, protection, state, parents, legal representative, detention, children's rights.

Citation. Epifanov A.E. From Foreign Experience in Ensuring the Legal Status of Underage Migrants. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2024, vol. 23, no. 4, pp. 38-43. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2024.4.5>

УДК 340.5
ББК 67.404.9

Дата поступления статьи: 16.09.2024
Дата принятия статьи: 30.09.2024

ИЗ ЗАРУБЕЖНОГО ОПЫТА ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ ПРАВОВОГО СТАТУСА НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ МИГРАНТОВ

Александр Егорович Епифанов

Академия управления МВД России, г. Москва, Российская Федерация;
Государственный университет управления, г. Москва, Российская Федерация

Введение: сложная миграционная обстановка в Российской Федерации требует постоянного изучения опыта зарубежных стран с высокими темпами миграционного прироста населения в целях теоретического и практического обновления правовых подходов к соблюдению прав человека с учетом особенностей нацио-

нальной правовой системы. Коренные причины миграции, как правило, весьма разнообразны: от социально-экономических факторов, до желания семей обеспечить своим детям более обнадеживающее будущее. Однако в связи с ростом числа миграции несовершеннолетних без сопровождения родителей или законных представителей, изучение зарубежного опыта правового регулирования положения детей при пересечении национальных границ может иметь практическое значение при прогнозировании миграционных тенденций и их национального регулирования. **Цель исследования:** рассмотреть современные зарубежные подходы к обеспечению прав ребенка при миграции несовершеннолетних, в том числе без сопровождения. **Методы:** при написании статьи был использован метод анализа современного состояния миграционных процессов в странах с наибольшим числом прибывающих мигрантов. Зарубежный опыт формирования правовой защиты несовершеннолетних при миграции изучен с использованием сравнительно-правового метода. Использование формально-юридического метода позволило выявить особенности и актуальное состояние правового регулирования положения мигрантов. **Результаты:** рассмотренные данные свидетельствуют об усилении ограничительных тенденций правовых режимов для прибывающих мигрантов, в том числе несовершеннолетних, постоянный приток которых рассматривается как угроза национальной безопасности и требует принятия более жестких мер для усиления стабильности на государственных границах в противовес глобалистским тенденциям последнего десятилетия. **Выводы:** международно-правовые стандарты в области прав ребенка обязывают национальные государства формировать системы защиты детей основанные на принципах наилучшего удовлетворения потребностей несовершеннолетних в защите и благополучии. Однако неконтролируемая миграционная ситуация и необходимость укрепления безопасности национальных границ путем усиления мер пограничного контроля рассматриваются национальными правительствами как достаточные основания для отступления от принятых международно-правовых обязательств в области прав человека и прав ребенка.

Ключевые слова: несовершеннолетний, миграция, защита, государство, родители, законный представитель, задержание, права детей.

Цитирование. Елифанов А. Е. Из зарубежного опыта по обеспечению правового статуса несовершеннолетних мигрантов // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2024. – Т. 23, № 4. – С. 38–43. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2024.4.5>

Введение

Не подлежит сомнению тот факт, что несовершеннолетние в процессе миграции подвергаются рискам и часто страдают от крайних форм насилия, эксплуатации, торговли людьми, так же, дети могут подвергнуться риску маргинализации и вовлечения в преступную деятельность. Возможность неблагоприятного исхода особо усиливается, когда дети прибывают в страну назначения без сопровождения своих родителей или вынуждены делить переполненные помещения с другими мигрантами.

На сегодняшний день на международном уровне отсутствует согласованное определение понятия «мигранты», использование которого зависит от контекста и цели. Наиболее часто термин используется в отношении лиц, проживающих за пределами страны их рождения. Доля международных мигрантов в общей численности населения, которая оставалась чуть менее 3 % в период с 1990 по 2005 г., возросла до 3,6 % к 2020 году. Вместе

с ростом численности населения мира это способствовало увеличению численности международных мигрантов во всем мире на 83 % – со 153 миллионов в 1990 г. до 281 миллиона в 2020 г. [7].

Мигранты, находящиеся в уязвимом положении, часто не в состоянии эффективно пользоваться своими правами человека, что увеличивает риск нарушений и жестокого обращения. Уязвимость ребенка усугубляется обстоятельствами его отъезда, индивидуальной способностью ребенка к сопротивлению, подверженностью насилию во время путешествия, а также тем, является ли его миграция незаконной или характеризуется ситуациями эксплуатации или жестокого обращения, такими как торговля людьми [4].

Все дети, независимо от статуса миграции или проживания их родителей, имеют право на все права, изложенные в Конвенции Организации Объединенных Наций о правах ребенка, наиболее широко ратифицированном международном документе по правам человека. К основным принципам конвенции относятся:

недискриминация, наилучшие интересы ребенка, право на жизнь, выживание и развитие, уважение взглядов ребенка [2, с. 439]. Документ также предусматривает обязательства по обеспечению совместного нахождения родителей и иных законных представителей с детьми. Несопровождаемые несовершеннолетние в ходе миграции имеют право на правовую защиту, предусмотренную международными договорами. Однако способы применения этих договоров во внутреннем законодательстве каждой страны различны [1, с. 56], даже для стран, ратифицировавших международные правовые обязательства.

Тем не менее, по данным ООН в 80 странах действуют законы и политика, позволяющие задерживать детей на основании их миграционного статуса или их родителей. По меньшей мере, 330 000 детей ежегодно лишаются свободы по всему миру в зависимости от их статуса или статуса их родителей. Как указал специальный докладчик по вопросам насилия в отношении детей и председатель Целевой группы ООН по детям, лишенным свободы: «Задержание детей иммигрантами никогда не отвечает их наилучшим интересам; это форма насилия и нарушение прав детей». За официальной статистикой скрываются отдельные дети, которые переживают целый ряд событий, связанных с миграцией, многие из которых травмирующие. Дети-мигранты находятся в состоянии особой уязвимости и нуждаются в надлежащей защите.

В соответствии с законом об иммиграции и гражданстве США допускается задержание неграждан США («иностранных») в соответствии с действующим законодательством), в том числе несовершеннолетних, находящихся в процедуре выдворения, пока рассматриваются основания для ее осуществления, либо иные требования о предоставлении убежища или другой помощи. При этом минимальные национальные стандарты обращения, устройства и освобождения задержанных детей изложены в мировом соглашении Флореса, которое предусматривает помещение несопровождаемых детей в лицензированные учреждения предоставляющие услуги по интернатному, групповому или патронатному уходу за детьми. Особенно подчеркивается, что цель положения о лицензировании подоб-

ных учреждений состояла в обеспечении необходимой защиты прав детей в виде регулярного и всеобъемлющего надзора со стороны независимого агентства по защите детей. В соответствии с Законом о национальной безопасности 2002 г. Управление по расселению беженцев, относящееся к Министерству здравоохранения и социальных служб обязано предоставлять жилье несопровождаемым детям до тех пор, пока они не будут переданы родителям или проверенным спонсорам, которые, как правило, являются членами семьи, проживающими в США. Срок задержания несовершеннолетних регулируется Законом о повторной авторизации жертв торговли людьми Уильяма Уилберфорса от 2008 г. и должен составлять 72 часа, при отсутствии чрезвычайных обстоятельств, после чего несопровождаемые несовершеннолетние должны быть переданы в Управление по расселению беженцев.

30 апреля 2024 г. в США в ответ на резкий рост числа задержанных детей [3] Министерством здравоохранения и социальных служб, Управлением по делам детей и семей приняты новые правила по содержанию несовершеннолетних мигрантов, которые уже не требуют независимого надзора за содержанием под стражей несопровождаемых детей-мигрантов. Кроме того, новые правила отменяют требования к лицензированию мест содержания для несовершеннолетних, что позволило частично расторгнуть мировое соглашение Флореса [8]. Расторжение мирового соглашения Флореса может отрицательно сказаться на положении детей, так как именно в соответствии с рассматриваемым соглашением юристы, представляющие детей-мигрантов, имеют возможность посещать учреждения, в которых содержатся несовершеннолетние и документировать условия содержания. Против решения о частичном расторжении соглашения Флореса решительно выступили юристы Национального центра молодежного права, Центра по правам человека и конституционному праву и Защиты прав детей [5].

Пересмотр миграционных правил состоялся и в Европейском Союзе (ЕС). 10 апреля 2024 г. Европейский парламент проголосовал за новый свод правил миграции, регулирующих миграцию и устанавливающих общую

систему предоставления убежища на уровне ЕС, предназначенных для управления миграцией и ее нормализации в долгосрочной перспективе. После многих лет борьбы парламент ЕС согласился на компромисс по реформе миграционного законодательства, которая предусматривает, прежде всего, ужесточение правил пограничного контроля и ускорение процедуры депортации. По данным агентства ЕС по предоставлению убежища, в прошлом году было подано около 1,1 миллиона заявлений о предоставлении убежища, что является рекордным показателем с 2016 г. [9]. Новый Пакт ЕС о миграции и предоставлении убежища представляет собой спорную политическую основу, в которой излагается план управления миграцией в странах ЕС. Новые правила вводят ускоренные пограничные процедуры и обширные меры задержания, которые могут привести к ненадлежащей обработке ходатайств о предоставлении убежища и повышению риска нарушений прав человека. Акцент пакта на экстернализации пограничного контроля посредством партнерских отношений со странами, не входящими в ЕС, способствует увеличению случаев отклонения прошений в предоставлении убежища, что потенциально ставит под угрозу жизни и права человека. Право детей на защиту и заботу изложены в статье 24 Хартии Европейского Союза об основных правах. Оперативная идентификация детей необходима для обеспечения особой защиты, на которую имеют право дети. Считается, что пакт подрывает основные права мигрантов, и предусматривает такие меры, как задержание детей в целях их идентификации, которые являются явным нарушением их прав по международному праву и повышают риск пропажи ребенка, жестокого обращения и торговли людьми. Только регистрация детей-мигрантов и признание их прав, включая доступ к образованию, может иметь решающее значение для обеспечения их безопасности. В новом пакте не учитывается и важность воссоединения детей со своими семьями, включая братьев и сестер.

Дополнительным европейским инструментом по укреплению государственных границ является использование «фикции отказа во въезде», которая используется для отказа в законном въезде, при фактическом физи-

ческом присутствии прибывших лиц, как правило, в транзитной зоне. Таким образом, мигранты не считаются законно въехавшими на официальную территорию страны, что ограничивает их доступ к правам и процедурам, включая процедуру предоставления убежища [6]. Между тем, дети, спасающиеся от вооруженных конфликтов, массовых убийств и насилия, имеют право искать защиты в соответствии с Женевской конвенцией ООН о статусе беженцев 1951 г., которая также обязывает страны определять статус прибывающих лиц, как статус беженца, следовательно, «прибытие» мигрантов с точки зрения международного права не может быть незаконным.

Выводы

Кризис с предоставлением убежища для мигрантов в США и Европе усугублялся на протяжении многих лет. С позиции национальной безопасности разработка всеобъемлющей системы защиты и благополучия детей, предназначенной для выполнения национальных и международных обязательств по отношению к детям, независимо от их гражданства представляется сложной задачей, о чем свидетельствуют правоограничительные тенденции, реализованные в этом году странами с высоким миграционным приростом. Укрепление безопасности внешних границ путем усиления мер пограничного контроля становится центральным лейтмотивом миграционной политики большинства национальных государств. Задержание несовершеннолетних мигрантов должно быть крайней мерой и не использоваться для принуждения к возвращению. Юридически обязательных международных стандартов управления границами не существует. Организация Объединенных Наций разработала руководящие принципы для уточнения обязательств государств, применительно к управлению границами в соответствии с существующими договорами по правам человека, которые предусматривают обязанность государства укреплять потенциал спасения и защищать людей от вреда во время спасения, запрещают чрезмерное применение силы, а задержки в пунктах пересечения границы должны быть сведены к минимуму с предоставлением соответствующей гуманитарной помощи.

Рассмотренные основные гуманитарные стандарты, как правило, соответствуют конституционным основам большинства стран, однако последние изменения, направленные на сокращение масштабов незаконной иммиграции, сосредоточены на жестких правоограничительных мерах по обеспечению правопорядка на границе, что затрагивает основные международные права лиц, ищущих убежища.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Долгих, Ф. И. Теория государства и права / Ф. И. Долгих. – М. : Ун-т «Синергия», 2023. – 464 с.
2. Епифанов, А. Е. Проблемы обеспечения и защиты прав и свобод человека в глобализирующемся мире / А. Е. Епифанов, В. М. Абдрашитов // Материалы конференций, проходивших в рамках «Недели науки МЭСИ»: сб. науч. тр. – М. : [б. и.], 2012. – С. 435–441.
3. Biden Administration Moves to End Court Pact on Child Migrant Detention. – URL: <https://www.reuters.com/legal/government/biden-administration-moves-end-court-pact-child-migrant-detention-2024-05-13/>
4. Critical Issues Affecting Migrant Children. – URL: <https://emm.iom.int/handbooks/child-migration/critical-issues-affecting-migrant-children>
5. Federal Judge Deals Significant Blow to Flores Protections, Advocates Raise Major Concerns. – URL: <https://www.childrensrights.org/news-voices/federal-judge-deals-significant-blow-to-flores-protections-advocates-raise-major-concerns>
6. Legal Fiction of Non-Entry in EU Asylum Policy. – URL: [https://www.europarl.europa.eu/thinktank/en/document/EPRS_BRI\(2024\)760347](https://www.europarl.europa.eu/thinktank/en/document/EPRS_BRI(2024)760347)
7. New Rule Proposed to Improve Child Care Access, Affordability, and Stability. – URL: <https://www.hhs.gov/about/news/2023/07/11/new-rule-proposed-improve-child-care-access-affordability-stability.html>
8. The Flores Agreement Has Protected Migrant Children for Nearly 3 Decades. Changes May Be Coming. – URL: <https://www.usnews.com/news/us/articles/2024-05-10/the-flores-agreement-has-protected-migrant-children-for-nearly-3-decades-changes-may-be-coming>

9. Pact on Migration and Asylum. – URL: https://home-affairs.ec.europa.eu/policies/migration-and-asylum/pact-migration-and-asylum_en

REFERENCES

1. Dolgikh F.I. *Teoriya gosudarstva i prava* [Theory of State and Law]. Moscow, Un-t «Sinergiya», 2023. 464 p.
2. Epifanov A.E., Abdrashitov V.M. Problemy obespecheniya i zashchity prav i svobod cheloveka v globaliziruyushchemsya mire [Problems of Ensuring and Protecting Human Rights and Freedoms in a Globalizing World]. *Materialy konferentsiy, prokhodivshikh v ramkakh «Nedeli nauki MESI»: sb. nauch. tr.* [Proceedings of the Conferences Held Within the Framework of the MESI Science Week Collection of Scientific Papers]. Moscow, s.n., 2012, pp. 435–441.
3. *Biden Administration Moves to End Court Pact on Child Migrant Detention*. URL: <https://www.reuters.com/legal/government/biden-administration-moves-end-court-pact-child-migrant-detention-2024-05-13/>
4. *Critical Issues Affecting Migrant Children*. URL: <https://emm.iom.int/handbooks/child-migration/critical-issues-affecting-migrant-children>
5. *Federal Judge Deals Significant Blow to Flores Protections, Advocates Raise Major Concerns*. URL: <https://www.childrensrights.org/news-voices/federal-judge-deals-significant-blow-to-flores-protections-advocates-raise-major-concerns>
6. *Legal Fiction of Non-Entry in EU Asylum Policy*. URL: [https://www.europarl.europa.eu/thinktank/en/document/EPRS_BRI\(2024\)760347](https://www.europarl.europa.eu/thinktank/en/document/EPRS_BRI(2024)760347)
7. *New Rule Proposed to Improve Child Care Access, Affordability, and Stability*. URL: <https://www.hhs.gov/about/news/2023/07/11/new-rule-proposed-improve-child-care-access-affordability-stability.html>
8. *The Flores Agreement Has Protected Migrant Children for Nearly 3 Decades. Changes May Be Coming*. URL: <https://www.usnews.com/news/us/articles/2024-05-10/the-flores-agreement-has-protected-migrant-children-for-nearly-3-decades-changes-may-be-coming>
9. *Pact on Migration and Asylum*. URL: https://home-affairs.ec.europa.eu/policies/migration-and-asylum/pact-migration-and-asylum_en

Information About the Author

Alexander E. Epifanov, Doctor of Sciences (Jurisprudence), Professor, Chief Researcher, Department for the Study of Problems of History of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Research Center, Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Zoi i Alexandra Kosmodemyanskikh St, 8, 125171 Moscow, Russian Federation; Professor, Department of Public Law and Legal Support of Management, State University of Management, Prosp. Ryazansky, 99, 109542 Moscow, Russian Federation, mvd_djaty@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5686-5770>

Информация об авторе

Александр Егорович Епифанов, доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник отдела по изучению проблем истории МВД России, Научно-исследовательский центр, Академия управления МВД России, ул. Зои и Александра Космодемьянских, 8, 125171 г. Москва, Российская Федерация; профессор кафедры публичного права и правового обеспечения управления, Государственный университет управления, просп. Рязанский, 99, 109542 г. Москва, Российская Федерация, mvd_djaty@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5686-5770>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2024.4.6>

UDC 347.635, 347.9
LBC 67.404.5, 67.410.1

Submitted: 30.08.2024
Accepted: 21.09.2024

THE NON-OBVIOUSNESS OF THE TYPE SELECTION OF CIVIL PROCEEDINGS IN THE PROTECTION OF CHILDREN'S RIGHTS

Yanina Ya. Kayl

Volgograd Institute of Management – Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration, Volgograd, Russian Federation

Victoria A. Usanova

Volgograd Institute of Management – Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration, Volgograd, Russian Federation

Introduction: the existence of exhaustive types of civil proceedings causes some problems with its definition when considering cases related to the protection of children's rights. The study of the order and methods of protecting children's rights is highly relevant since the protection of children's rights is the main parental duty and gives children the opportunity to grow and develop in a sense of security with the support of parents or their surrogates. First of all, it is necessary to determine the object and types of subjects of protection, as well as in what order it is necessary to implement the protection of children's rights. The **purpose** of the study: to identify, based on the characteristics of the object, the parties of the protection of children's rights, the mechanism for determining the type of civil proceedings for the successful defense of the rights and legitimate interests of the child. **Methods:** induction, deduction, analysis and formal legal methods. **Results:** the priority forms, types and methods of protecting the rights and legitimate interests of children are identified. The specific suggestions on the research topic are given. **Conclusions:** the protection of children is primarily the responsibility of parents. The choice of the form and method of protection, as well as the specific type of civil proceedings, depends on the legal requirements and the benefits being protected, as well as the interests of children.

Key words: children, parents, protection, forms of protection, methods, means of protection, types of civil proceedings.

Citation. Kayl Ya. Ya., Usanova V.A. The Non-Obviousness of the Type Selection of Civil Proceedings in the Protection of Children's Rights. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2024, vol. 23, no. 4, pp. 44-51. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2024.4.6>

УДК 347.635, 347.9
ББК 67.404.5, 67.410.1

Дата поступления статьи: 30.08.2024
Дата принятия статьи: 21.09.2024

НЕОЧЕВИДНОСТЬ ВЫБОРА ВИДА ГРАЖДАНСКОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА ПРИ ЗАЩИТЕ ПРАВ РЕБЕНКА

Янина Яковлевна Кайль

Волгоградский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Волгоград, Российская Федерация

Виктория Александровна Усанова

Волгоградский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Волгоград, Российская Федерация

Введение: наличие исчерпывающих видов гражданского судопроизводства вызывает некоторые проблемы с его определением при рассмотрении дел, связанных с защитой прав детей. Исследование порядка и

способов защиты прав детей имеет высокую актуальность, поскольку защита прав детей является основным родительским долгом и дает возможность детям расти и развиваться в условиях ощущения безопасности при поддержке родителей или лиц их замещающих. В первую очередь, необходимо определить объект и виды субъектов защиты, а также в каком порядке необходимо реализовать защиту прав детей. **Цель** исследования: выявить, исходя из особенностей объекта, субъектного состава защиты прав детей, механизм определения вида гражданского судопроизводства для успешного отстаивания прав и законных интересов ребенка. **Методы:** индукция, дедукция, анализ и формально-юридический методы. **Результаты:** определены приоритетные формы, виды и способы защиты прав и законных интересов детей. Даны конкретные предложения по теме исследования. **Выводы:** защита детей является обязанностью, в первую очередь, родителей. Выбор формы и способа защиты, а также конкретного вида гражданского судопроизводства зависит от правовых требований и защищаемых благ, а также интересов детей.

Ключевые слова: дети, родители, защита, формы защиты, способы, средства защиты, виды гражданского судопроизводства.

Цитирование. Кайль Я. Я., Усанова В. А. Неочевидность выбора вида гражданского судопроизводства при защите прав ребенка // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2024. – Т. 23, № 4. – С. 44–51. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2024.4.6>

Введение

Становясь родителем, человек приобретает дополнительные права и обязанности. Он призван охранять и защищать права своих детей при малейшем посягательстве на них. В ч. 2 ст. 38 Конституции РФ предусмотрено, что «Забота о детях, их воспитание – равное право и обязанность родителей». Вместе с тем в ч. 1 ст. 38 Конституции РФ и ст. 1 Семейного кодекса РФ провозглашается, но не конкретизируется такой тезис как «материнство, детство, семья находятся под защитой государства». Детство в Конституции РФ рассматривается как наивысшая ценность, которую необходимо охранять, а также защищать в случае возникновения угрозы. Счастливого детства ребенка обусловлено разными факторами, но во многом оно зависит от родителей или лиц их замещающих.

Ребенок с первой минуты своей жизни не самостоятелен, и в силу этого, нуждается не только в заботе родителей, но и в защите прав, свобод и законных интересов [5, с. 18]. Угрозы в период его раннего детства могут быть самыми разнообразными. Если рассматривать период начала жизни ребенка (младенчества), то оно может быть омрачено ненадлежащим уходом, недостаточной заботой о здоровье, проблемами определения: где и с кем будет проживать ребенок. Например, при отказе матери забрать ребенка из родильного дома (особенно при наличии отношений суррогатного материнства).

При суррогатном материнстве возможны совершенно противоположные ситуации требующие вмешательства для защиты прав ребенка и сопряженные с проблемами определения вида гражданского судопроизводства. Первая – это отказ суррогатной матери отдать ребенка биологическим родителям. Второй – это отказ биологических родителей забрать ребенка. И третий – это отказ органов ЗАГС зарегистрировать ребенка, поскольку, например, он рожден от одинокого мужчины [4, с. 17].

На пути взросления ребенок может столкнуться уже другими угрозами как внешними, так и внутренними. Угрозы и риски благополучной жизни и развитию ребенка могут быть: физические (жизни, здоровью), психические (эмоционального развития), материальные. Чем взрослее ребенок, тем менее значительными становятся угрозы физические, но все больше происходит воздействие на его эмоциональное (моральное) и материальное (финансовое) состояние.

Таким образом, на протяжении всей жизни ребенка вплоть до достижения им 18-ти летнего возраста возникают различные угрозы его беззаботного детства. Разумные и заботящиеся о своем ребенке родители/законные представители стараются минимизировать риски для ребенка (его прав и законных интересов), создавая режим его безопасности.

В случае нарушения или угрозы нарушения прав ребенка, родители законные представители могут самостоятельно предпринять

превентивные меры охраны/защиты или обратиться за помощью в уполномоченные органы: органы опеки, прокуратуру или в суд. Обращение в суд родителей может быть, как самостоятельным, так и при участии соответствующих государственных органов. В некоторых случаях государственные и иные уполномоченные органы могут обратиться в суд самостоятельно, например, в ситуации, когда родители не защищают интересы ребенка или интересы ребенка и родителей противоречат друг другу.

Объекты, субъекты, формы, способы защиты прав ребенка

Объектом защиты являются права и свободы, присущие детям в силу рождения – право на жизнь, право на имя, право на заботу родителей, право на воспитание в семье, право на общение с родственниками и близкими людьми, свобода перемещения, свобода слова и т. п. Помимо прав и свобод у ребенка имеются или могут возникать законные интересы, которые также следует отстаивать при их нарушении. Если права, детей нарушаются, то они становятся объектом защиты различными уполномоченными субъектами.

Прямое указание на субъектов защиты можно увидеть в ст. 56 СК РФ, где определено, что права и законные интересы ребенка – это объект защиты, а защищающие (субъекты) – это, в первую очередь, родители (в том числе лица, их заменяющие), во вторую очередь – это орган опеки и попечительства, прокурор и суд, а также сам ребенок, признанный полностью дееспособным при достижении полного совершеннолетия (ч. 1 ст. 36 СК РФ).

В законодательстве критерии и требования к родителям не раскрываются, лишь перечисляется, что ими являются отец и мать. В качестве родителя можно понимать – лицо, записанное в книге актов гражданского состояния в отношении конкретного ребенка как отец или мать. Неважно, это биологические родители или усыновители.

В качестве лиц, замещающих родителей могут выступать опекуны, попечители, лица, у которых ребенок находится временно, в том числе пока идет спор о ребенке. Чаще всего это близкие родственники (бабушка, дедушка, тетя, дядя).

Основания, формы и порядок участия органов опеки и попечительства предусмотрены в семейном и гражданско-процессуальном законодательстве. Это две формы – инициативная, когда они самостоятельно обращаются в суд и содействующая, когда они привлекаются в процесс для дачи заключения по делу.

Суд самостоятельно не инициирует судебную защиту и лишь посредством вынесения судебных постановлений защищает интересы ребенка.

Гражданское процессуальное законодательство раскрывает механизм реализации права ребенка на судебную защиту до достижения им 18 лет (ст. 37 ГПК РФ), определяя порядок как ребенок может быть субъектом защиты и объективно отстаивать свои интересы. Например, в соответствии с ч. 2 ст. 56 СК РФ при невыполнении или ненадлежащем выполнении родителем(ями) обязанностей по воспитанию, образованию либо при злоупотреблении родительскими правами, ребенок вправе самостоятельно обращаться за защитой своих прав в орган опеки и попечительства, а с 14 лет – в суд.

Ребенок также выступает специфическим участником судебного процесса, когда по достижении им 10-летнего возраста спрашивают его мнение при разрешении специфических вопросов, напрямую влияющих на его детство и будущее: при усыновлении, при смене имени, отчества, фамилии, при лишении родителей родительских прав, определении места проживания с одним из родителей. Судебная практика знает даже такие случаи, когда несовершеннолетний ребенок инициирует процесс о лишении себя родителей. Несмотря на то, что в ст. 70 ГПК РФ ребенок не указан как субъект, которому предоставлено такое право, суд не считает это препятствием к принятию заявления к своему производству.

Имеется временной разрыв с 10 до 14 лет, когда нарушение прав ребенка возможно со стороны родителя, но защита ребенком их самостоятельно не регулируется. В период до 14 лет ребенок может только обратиться в органы опеки и попечительства, а они уже решают стоит ли им вмешиваться в отношения родителей и ребенка.

Из содержания правовых норм, правоприменительной практики и научных разработок

в сфере юриспруденции следует, что судебная форма защиты является основной и наиболее эффективной формой защиты прав, поскольку имеет несомненное преимущество перед административной, нотариальной защитой или тем более самозащитой. Но как указано ранее, для ребенка как для субъекта она возможна не ранее, чем по достижению им 14 летнего возраста.

В качестве внесудебной защиты прав, свобод и законных интересов ребенка можно при необходимости использовать возможности нотариата и/или медиации. В нотариальном порядке могут родители договориться о выплате алиментов на ребенка/детей, а также определить вопросы недвижимого имущества, выделить долю в имуществе (особенно при условии покупки жилья за счет средств материнского капитала). Медиатор, в том числе вместе с нотариусом, также может принять участие при решении вопроса с кем останется ребенок жить при разводе родителей, а также при определении порядка общения с ним.

Медиация показала свою эффективность при рассмотрении дел об определении места жительства ребенка. Судебная форма защиты не является эффективной при рассмотрении спора об определении места жительства ребенка, поскольку только родители знают и любят своего ребенка, могут учитывать его индивидуальные потребности и понимать: где, с кем и при каких условиях ему будет комфортно проживать. Судья же не может вынести объективное судебное решение и определить с кем из родителей ребенку лучше остаться. Это представляется весьма сложным, а иногда и невозможным. Такое судебное решение не может защитить в полной мере истинные интересы ребенка.

Следует согласиться с А.Я. Рыженковым, что «защита семейных ценностей осуществляется не только правовыми средствами, но и с помощью других способов воздействия (например, моральных) на состояние общественных отношений. В рамках права многие аспекты семейных ценностей не могут быть урегулированы в суде (любовь к ребенку, привязанность родителей и детей), поскольку право может воздействовать только на внешнюю сторону многих общественных отношений, поэтому в сферу его действия попадают лишь

наиболее значимые аспекты семейных отношений» [7, с. 19].

Если через внесудебные формы невозможно защитить права ребенка по каким-то причинам, то родители/родитель/законные представители обращаются в суд. Важным условием успешного достижения желаемого результата является правильное определение производства, в рамках которого будут рассмотрены те или иные требования. При неправильном определении суда, вида производства защита прав невозможна или затруднительна.

Основные гражданско-правовые способы защиты прав граждан, в том числе и детей определены в ст. 12 ГК РФ. В иных отраслях права, нормативных актах отсутствует в систематизированном виде перечень возможных способов защиты прав ребенка. В семейном праве способы защиты прав рассредоточены по всему Семейному кодексу РФ, что затрудняет его выбор. Батурина Н.И., Котельников Н.В. также указывают, что «СК не содержит разграничений на общие и специальные способы защиты семейных прав, как это характерно для гражданского законодательства... Данный подход может объясняться тем, что такого рода отношения должны строиться на чувствах взаимной любви, взаимопомощи, уважения и иных подобных чувствах между ее участниками, что не характерно для гражданских правоотношений» [1, с. 28–29].

В гражданском судопроизводстве выбор способа защиты, как правило, осуществляется из вариантов, предлагаемых ГК РФ.

Защита – это реакция юрисдикционного (уполномоченного органа) на определенные нарушения/посягательства на блага гражданина/ребенка. В зависимости от заявленных требований выбирается вид судопроизводства, в том числе гражданского. Истцу законодатель предоставил право менять свои требования, заявленные суду, однако такая замена возможна, во-первых, в силу волеизъявления самого лица, а, во-вторых, если такое изменение не меняет вид судопроизводства (например, вместо гражданского судопроизводства в случае замены получится административное). В некоторых случаях суду предоставлено право выходить за рамки заявленных требований и применять дискрецию, но такие действия не могут быть совершены произвольно.

Следует не согласиться с О.А. Беловой в том, что «автор предлагает внесение изменений в Закон о защите прав потребителей, чтобы в случае невозможности реализовать требование истца вследствие возникновения форс-мажорных обстоятельств предоставить суду возможность самостоятельно заменить такое требование на аналогичное без нарушения интересов потребителя» [2, с. 98]. Замена исковых требований в одностороннем порядке со стороны суда приведет к нарушению диспозитивного права истца. При обращении в суд только заявителю принадлежит право определения способа защиты. Данный тезис подтверждается подходами, из которых исходит правоприменительная практика: «Определение предмета спора, избрание средств гражданского судопроизводства не входят в компетенцию суда, поскольку в силу п. 1 ст. 9 ГК РФ граждане и юридические лица по своему усмотрению осуществляют надлежащие им права» [6]. Суд лишь отвечает на поставленные перед ним требования и только в исключительных случаях может выйти за его пределы (ч. 3 ст. 196 ГПК РФ), но не заменить требования. К таким исключительным случаям в интересах защиты прав детей можно отнести:

1) при вынесении решения о расторжении брака суд обязан определить, с кем из родителей будут проживать несовершеннолетние дети после развода;

2) определить, с кого из родителей и в каких размерах взыскиваются алименты на их детей (абз. 2, 3 ч. 2 ст. 24 СК РФ);

3) наследственные споры с определением долей всех наследников при восстановлении срока на принятие наследства и признании наследника принявшим наследство (п. 1 ст. 1155 ГК РФ);

4) суд апелляционной инстанции в интересах законности вправе проверить решение суда первой инстанции в полном объеме. Под интересами законности с учетом положений ст. 2 ГПК РФ понимается необходимость проверки правильности применения судом первой инстанции норм материального и процессуального права ..., а также в целях защиты семьи, материнства, отцовства, детства, ... (п. 46 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22.06.2021 № 16 «О применении судами норм гражданского процессуального законо-

дательства, регламентирующих производство в суде апелляционной инстанции»).

В п. 5 Постановления Пленума ВС РФ от 19 декабря 2003 г. № 23 «О судебном решении» разъяснено, что выйти за пределы заявленных требований означает разрешить требование, которое не заявлено, удовлетворить требование истца в большем размере, чем оно было заявлено.

Выход за пределы заявленных требований суд может осуществить следующими способами:

1) разрешить требование, тесно связанное с заявленным, даже если истец этого не требует (в случаях, прямо указанных в законе (ст. 36, 39 ГПК, ч. 2 ст. 24 СК РФ));

2) попросить истца уточнить исковые требования, а при его пассивности сделать это за него (уточнить основание иска, изменить размер исковых требований; заменить способ при альтернативной защите), а также привлечь по своей инициативе иных участников процесса [3, с. 95].

Современное состояние видов гражданского судопроизводства

Современное гражданское судопроизводство представлено 4 основными видами. К ним в первую очередь относятся: исковое, приказное, особое производство и производство по административным делам.

Самое распространенное гражданское судопроизводство – это исковое. В процессе защиты прав детей чаще всего используется оно, т.к. ситуация зачастую сопровождается наличием спора. Этот спор может быть связан как с конфликтом о праве ребенка, так и о правах/обязанностях родителей в отношении детей. Традиционно в исковом производстве рассматриваются такие требования родителей, которые связаны с определением места жительства детей, определением размера алиментов, прав детей на жилую площадь, порядок общения с родственниками и т. п. В случае обращения в суд государственных органов в защиту прав детей, эти требования чаще всего обращены к родителям, реже к другим лицам или организациям. К таким требованиям относятся – лишение/ограничение в родительских правах, обязанности забрать ребенка из

роддома, детского дома, взыскание алиментов при оставлении ребенка на попечение государства, а также – предоставление государством жилого помещения ребенку-сироте, предоставление иного имущества или средств реабилитации детям-инвалидам.

Уполномоченные органы обращаются в суд если между родителями имеются противоречия или органы опеки привлекаются в суд в защиту прав ребенка, когда родитель не может представлять его интересы. Например, отец завещал все свое имущество несовершеннолетнему ребенку, а мать оспаривает завещание. В таком случае мать выступает истцом. А ребенок – ответчиком, следовательно, мать не может защищать интересы ребенка, так как между ними имеются противоречия.

Приказное производство может быть использовано в бесспорных ситуациях, когда на основании представленных письменных документов выдается судебный приказ. Чаще всего приказное производство используется для взыскания алиментов, если нет спора об отцовстве и/или нет иных требований об алиментах на других детей.

Если ребенок до достижения 18 лет трудится на основании договора, то данный вид можно использовать для взыскания в его пользу начисленной, но невыплаченной заработной платы.

Особое производство традиционно считается наиболее «семейным» видом гражданского судопроизводства, поскольку здесь сосредоточены такие требования, которые в большей степени относятся к защите детей/семьи. К наиболее распространенным требованиям особого производства относятся: усыновление, об объявлении несовершеннолетнего полностью дееспособным, установления отцовства, установления иждивения, факта регистрации рождения, брака, расторжения брака, смерти если такой факт не устанавливался либо имеются недостатки в его оформлении.

Однако особое производство и приказное возможны к применению только при отсутствии спора о праве. Если в дело вступают граждане, которые оспаривают заявленное требование, то рассматривать его возможно только в исковом производстве. Здесь есть две проблемы. С одной стороны, законодатель строго следит за соблюдением правил опре-

деления вида судопроизводства, императивно предписывая сначала использовать приказное производство и только при наличии спора – исковое (ч. 1 ст. 135 ГПК РФ суд возвращает исковое заявление, если оно подлежит рассмотрению в порядке искового заявления).

Такое же правило применимо и к особому производству, если нет изначально спора и заявленное требование прямо предусмотрено подразделом IV, то необходимо соблюдать данный порядок, а только при наличии спора о праве суд оставляет заявление без рассмотрения и разъясняет право заявителя на обращение в суд с исковым заявлением (ст. 263 ГПК РФ).

С другой стороны, суды сами произвольно меняют вид с бесспорного на спорный вид судопроизводства (исковой), субъективно предполагая, что теоретически возможен спор. Например, в судебной практике Волгоградского региона имел место случай, когда по заявлению о рассмотрении в особом производстве дела о фактическом принятии наследства несовершеннолетним ребенком, суд оставляет заявление без движения, указывая, что предполагает наличие спора о праве, так как возможно имеются наследники 1 очереди. Только после подтверждения отсутствия родственников 1 очереди суд принял и положительно рассмотрел дело в особом производстве о фактическом принятии наследства и включения квартиры в наследственную массу (квартира переходила несколько раз по наследству, но ни разу юридически не оформлялась).

Нарушение прав ребенка возможно не только со стороны граждан, организаций, но и государственных и муниципальных органов и их должностных лиц. Например, несовершеннолетний ребенок может владеть недвижимостью и ему необходимо платить налоги. Однако налоги могут быть неверно исчислены. В таком случае оспаривание незаконного начисления будет проходить по правилам КАС РФ. Кроме того, с участием несовершеннолетнего может быть возбуждено исполнительное производство. При исполнении могут выноситься решения, совершаться действия или бездействие и если все эти деяния нарушают права ребенка, то они также будут обжаловаться по правилам КАС РФ. Данное производство сходно с исковым (по правилам ГПК РФ), однако это единственный вид гражданского

судопроизводства, который с 2015 года оформлен в виде отдельного кодекса.

В КАС РФ имеются некоторые незначительные особенности производства, которые, впрочем, нивелируются тем, что если заявлены одновременно два требования, которые невозможно разделить, например, оспаривание действий, решений или бездействия государственного органа или должностного лица, и просьбы о взыскании компенсации морального или материального вреда, то такое дело будет рассматриваться по правилам гражданского судопроизводства (ст. 33.1 ГПК РФ). По правилам сложения сложного и упрощенного процесса, законодатель исходит из того, что дело должно быть рассмотрено в более простом процессе, поэтому используется исковое производство по правилам ГПК РФ.

Развитие принципов рыночной экономики, усложнение социально-экономических процессов в российском государстве, недостаточность времени у родителей для защиты прав и законных интересов детей требует особого внимания со стороны государства по созданию надежной системы защиты указанного объекта. Демографическая ситуация в стране делает бесценным жизнь, здоровье и благополучие каждого ребенка.

Исследование отношений в данной области основано на необходимости выявления проблем, связанных с определением вида гражданского судопроизводства для эффективной судебной защиты прав, свобод и законных интересов детей в целях разработки предложений по изменению действующего законодательства и улучшению механизмов правоприменительной практики, а соответственно совершенствованию системы безопасности детей.

Исследования в данной области имеют важное значение для общества в целом. Понимание и осознание роли родителей/законных представителей и их ответственности способствует формированию более здорового и эмоционально благополучного общества.

Выводы

Таким образом, законодательно предусмотрено четыре самостоятельных вида гражданского судопроизводства, которые активно

используются для защиты прав детей. Вместе с тем следует констатировать, что зачастую имеется стремление свести их к исковому производству, которое регулируется ГПК РФ. Однако, каждый вид гражданского судопроизводства обладает своими особенностями, которые дают возможность ускоренного, упрощенного или иного специального рассмотрения вопроса о защите прав несовершеннолетних, что зачастую имеет важное значение. В итоге при неправильном определении вида судопроизводства суд может вернуть, оставить без рассмотрения заявление или отменить судебный акт с одной лишь целью – обратиться с исковым заявлением и рассматривать дело по правилам искового производства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Батурина, Н. И. Способы защиты семейных ценностей по семейному законодательству Российской Федерации / Н. И. Батурина, Н. В. Котельников // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2024. – Т. 23, № 2. – С. 26–33. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2024.2.3>
2. Белова, О.А. Трансформация судебной защиты прав потребителей в условиях санкционного давления на Российскую Федерацию / О. А. Белова // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2023. – Т. 22, № 3. – С. 96–101. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2023.3.13>
3. Кайль, Я. Я. Актуальные проблемы гражданского процессуального права : учебник / Я. Я. Кайль. – М. : ИНФРА-М, 2022. – (Высшее образование: Магистратура). – DOI: 10.12737/1864665
4. Кайль, Я. Я. Острые вопросы суррогатного материнства, требующие правового регулирования / Я. Я. Кайль, В. А. Усанова // Семейное и жилищное право. – 2022. – № 5. – С. 17–20.
5. Усанова, В. А. Понятие и содержание права детей на заботу, или В чем заключается родительский долг? / В. А. Усанова, Я. Я. Кайль // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2023. – № 4. – С. 74–81. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2023.4.9>
6. Решение Невинномысского городского суда Ставропольского края от 4 марта 2021 г. по делу № 2-1832/2020. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/mDR99crGNb5P/>
7. Рыженков, А. Я. Защита семейных ценностей в российском праве: вопросы теории и практики / А. Я. Рыженков // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2024. – Т. 23, № 2. – С. 16–25. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2024.2.2>

REFERENCES

1. Baturina N.I., Kotelnikov N.V. Sposoby zashchity semejnyh cennostej po semejnemu zakonodatelstvu Rossijskoj Federacii [The Ways to Protect Family Values Under the Family Law Legislation of the Russian Federation]. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2024, vol. 23, no. 2, pp. 26-33. DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2024.2.3>
2. Belova O.A. Transformaciya sudebnoj zashchity prav potrebitelej v usloviyah sankcionnogo davleniya na Rossijskuyu Federaciju [The Transformation of Consumers' Remedy in the Context of Sanctions Pressure on the Russian Federation]. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2023, vol. 22, no. 3, pp. 96-101. DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2023.3.13>
3. Kajl Ya.Ya. *Aktualnye problemy grazhdanskogo processualnogo prava: uchebnyk* [Actual Problems of Civil Procedural Law: Textbook]. Moscow, INFRA-M Publ., 2022 (Vysshee obrazovanie: Magistratura). DOI: 10.12737/1864665
4. Kajl Ya.Ya., Usanova V.A. Ostrye voprosy surrogatnogo materinstva, trebuyushchie pravovogo regulirovaniya [Acute Issues of Surrogacy Requiring Legal Regulation]. *Semejnoe i zhilishchnoe pravo*, 2022, no. 5, pp. 17-20.
5. Usanova V.A., Kajl Ya.Ya. Ponyatie i sodержanie prava detej na zabotu, ili V chyom zaklyuchaetsya roditelskij dolg? [Concept and Content of Children's Right to Care or What Is the Parental Duty?]. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2023, no. 4, pp. 74-81. DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2023.4.9>
6. *Reshenie Nevinnomysskogo gorodskogo suda Stavropolskogo kraja ot 4 marta 2021 g. po delu № 2-1832/2020* [Decision of Nevinnomyssk City Court of Stavropol Territory from March 4, 2021 on the Case No. 2-1832/2020]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/mDR99crGNb5P/>
7. Ryzhenkov A.Ya. Zashchita semejnyh cennostej v rossijskom prave: voprosy teorii i praktiki [Protection of Family Values in Russian Law: Issues of Theory and Practice]. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2024, vol. 23, no. 2, pp. 16-25. DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2024.2.2>

Information About the Authors

Yanina Ya. Kayl, Candidate of Sciences (Jurisprudence), Associate Professor, Department of Civil Law Disciplines, Volgograd Institute of Management – Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Gagarina St, 8, 400131 Volgograd, Russian Federation, grajd-vlgr@ranepa.ru, yanika@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5116-7666>

Victoria A. Usanova, Candidate of Sciences (Jurisprudence), Associate Professor, Department of Civil Law Disciplines, Volgograd Institute of Management – Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Gagarina St, 8, 400131 Volgograd, Russian Federation, grajd-vlgr@ranepa.ru, vau_77@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4071-3350>

Информация об авторах

Янина Яковлевна Кайль, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин, Волгоградский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, ул. Гагарина, 8, 400131 г. Волгоград, Российская Федерация, grajd-vlgr@ranepa.ru, yanika@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5116-7666>

Виктория Александровна Усанова, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин, Волгоградский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, ул. Гагарина, 8, 400131 г. Волгоград, Российская Федерация, grajd-vlgr@ranepa.ru, vau_77@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4071-3350>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2024.4.7>

UDC 347
LBC 67.404

Submitted: 05.09.2024
Accepted: 02.10.2024

LEGAL PROBLEMS OF ARMS IN CIVIL CIRCULATION AMONG INDIVIDUALS (CIVILIANS)

Olimzoda Jomii Jamshed

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Y. Kikot,
Moscow, Russian Federation

Introduction: arms belong to things whose circulation capacity is of a specific nature, established in the norms of current civil legislation. Its circulation among the civilians is characterized by accessibility to transfer ownership or possession to other entities; the presence of value expression or real value; the establishment of specific grounds and requirements for acquisition and inclusion in civil circulation in a limited form. Despite the consolidation of the concepts of arms, arms in circulation, and the regulation of the legal status of civilian arms in Russian legislation, certain terminological and practical issues in the field of arms in circulation among the civilians remain unresolved. In doctrinal sources, the term also remains too abstract, which makes it advisable to revise it, as well as to determine the characteristic signs of arms in circulation among the civilians. The **purpose** of the paper is to define the essence of the concept of arms in circulation among individuals, highlighting its characteristic features. To achieve this goal, the general scientific (the method of analysis and synthesis, systemic, dialectical) and the special (formal legal, comparative law) research **methods** are applied. Research **results:** the paper reveals the peculiarities of arms in civil circulation among individuals. The intersectoral nature of legal relations associated with the arms in circulation among the civilians is established: in addition to the civil law aspect, the provisions and norms of economic, customs, family, and administrative law are also involved. It is revealed that in Federal Law No. 150-FZ of December 13, 1996 "On Arms", the general term "arms in circulation" outlines a limited list of actions available for implementation in relation to the analyzed objects of civil rights (things, property, goods). **Conclusions:** the approach is justified, whereby arms in civil circulation among individuals should be understood as a set of public legal relations arising in the process of transfer of rights and obligations between civilians regarding transactions or other actions in relation to a certain object (arms) that has the ability to be in limited civil circulation and be under the control of state bodies in order to satisfy public and private interests.

Key words: object of civil rights, arms, civilian arms, arms in circulation, civilians.

Citation. Olimzoda Jomii Jamshed. Legal Problems of Arms in Civil Circulation Among Individuals (Civilians). *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2024, vol. 23, no. 4, pp. 52-58. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2024.4.7>

УДК 347
ББК 67.404

Дата поступления статьи: 05.09.2024
Дата принятия статьи: 02.10.2024

ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГРАЖДАНСКОГО ОБОРОТА ОРУЖИЯ СРЕДИ ФИЗИЧЕСКИХ ЛИЦ (ГРАЖДАНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ)

Олимзода Жомии Джамшед

Московский университет МВД России им. В.Я. Кикотя, г. Москва, Российская Федерация

Введение: оружие относится к вещам, способность которых к обороту носит специфический характер, устанавливаемый в нормах действующего гражданского законодательства. Его оборот среди гражданского населения характеризуется доступностью к передаче в собственность или владение другим субъектам; наличием ценностного выражения или реальной стоимости; установлением специфических оснований и требований приобретения и включения в гражданский оборот в ограниченном виде. Несмотря на закрепление в российском законодательстве понятий оружия, оборота оружия, регламентации правового статуса

гражданского оружия, отдельные терминологические и практико-прикладные вопросы в сфере оборота оружия среди гражданского населения остаются неразрешенными. В доктринальных источниках обозначенный термин также остается слишком абстрактным, что обуславливает целесообразность его пересмотра, а также определения характерных признаков оборота оружия среди гражданского населения. **Целью** статьи является определение сущности понятия оборота оружия среди физических лиц с выделением его характерных признаков. Для достижения поставленной цели, применены общенаучные (метод анализа и синтеза, системный, диалектический) и специальные (формально-юридический, сравнительно-правовой) **методы** исследования. **Результаты исследования:** в статье раскрываются особенности гражданского оборота оружия среди физических лиц. Установлен межотраслевой характер правоотношений, связанных с оборотом оружия среди гражданского населения: помимо гражданско-правового аспекта, задействованы также положения и нормы хозяйственного, таможенного, семейного, административного права. Выявлено, что в Федеральном законе от 13.12.1996 г. № 150-ФЗ «Об оружии» общий термин «оборот оружия» очерчивает ограниченный перечень действий, доступных для осуществления в отношении анализируемых объектов гражданских прав (вещей, имущества, товаров). **Выводы:** обоснован подход, согласно которому под гражданским оборотом оружия среди физических лиц должна пониматься совокупность публичных правоотношений, возникающих в процессе перехода прав и обязанностей между гражданскими лицами по поводу совершения сделок или других действий в отношении определенного объекта (оружия), обладающего способностью находиться в ограниченном гражданском обороте и пребывать под контролем государственных органов с целью удовлетворения государственных и частных интересов.

Ключевые слова: объект гражданских прав, оружие, гражданское оружие, оборот оружия, гражданское население.

Цитирование. Олимзода Джомии Джамшиед. Правовые проблемы гражданского оборота оружия среди физических лиц (гражданского населения) // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2024. – Т. 23, № 4. – С. 52–58. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2024.4.7>

Введение

В современном обществе прослеживается трансформация подходов к владению оружием физическими лицами, что логично обусловило целесообразность обращения к проблемам правовой регламентации и практики осуществления гражданского оборота оружия.

Активизация современной общественной и научной дискуссии связана с обострением общественно-политических процессов и некоторым ухудшением криминогенной ситуации, в результате чего усилился акцент на защите населения от незаконных посягательств на жизнь, здоровье, честь, достоинство и иные права человека, провозглашенные на конституционном уровне высшими ценностями. Наряду с другими аспектами усиления степени защищенности общественного порядка, общественной безопасности, населения и личности, обсуждается и вопрос упрощения оборота оружия среди гражданского населения, что отчасти соответствует социальной потребности в регулировании права на самозащиту.

Оборотоспособность

как ключевое свойство вещей

Раскрывая специфику гражданского оборота оружия среди физических лиц, следует прежде всего кратко охарактеризовать сущность оборота оружия в целом. Общее определение понятия «оборот» применительно к анализируемым общественным отношениям трактуется как движение ценностей в обществе или как форма обмена объектами права собственности путем купли-продажи, а также непосредственного использования. В приведенном определении ключевыми являются два взаимосвязанных критерия: «ценность» и «объект собственности», закрепляемые нормами гражданского законодательства. По отношению к объекту права собственности, которое имеет ценность, законодатель применяет термин «вещь» (статья 128 Гражданского кодекса Российской Федерации [1], далее – ГК РФ). При этом, соответствующие объекты обладают свойством свободного отчуждения или перехода от одного лица к другому (статья 129 ГК РФ).

Тем самым, вещи, которые имеют стоимостное выражение или могут быть оцене-

ны (то есть, являются ценностями), выступают объектом права собственности и могут находиться в свободном обращении. Значимой их характеристикой является, соответственно, оборотоспособность – то есть, свойство выступать объектом гражданского оборота, под которым понимается юридическая форма экономического оборота определенных благ, имеющих ценность (денежный эквивалент) [7, с. 9–10; 9, с. 245].

В научной литературе высказывается мнение, что оборот вещей также относится к гражданскому обороту; при этом, вещи могут выступать и в качестве товара, и в качестве имущества; оборот при этом реализуется либо свободно для всех, либо доступно только для ограниченного круга субъектов [5, с. 117]. То есть оборот вещей в качестве имущества или товара представляет собой совокупность отношений между субъектами хозяйствования и другими участниками – субъектами частного права. Учитывая равенство возможностей для субъектов хозяйствования реализовать свои потребности относительно владения, пользования и распоряжения общедоступным товаром, такой оборот должен быть свободным.

Согласно содержанию статьи 129 ГК РФ, оборот – это способность свободного отчуждения ценностей или перехода от одного лица к другому в порядке правопреемства (наследование, реорганизация юридического лица) либо иным способом, если они не ограничены в обороте. Ограничения в обороте традиционно устанавливаются для вещей, применение которых может представлять угрозу для жизни и здоровья человека, безопасности общества и государства, а также потребление или использование которых должно осуществляться с ограничениями в целях сохранения соответствующих объектов.

Оружие в числе вещей, ограниченных в обороте

К вещам, ограниченным в обороте, относится в том числе и оружие. При этом, сущность последнего как вещи очевидна, хотя и не констатируется в нормах национального российского законодательства. Для сравнения, исходя из содержания Директивы ЕС «О контроле за приобретением и владением оружием»,

все виды оружия можно определить как «вещь», учитывая такие признаки как «возможность переноса в пространстве», «материальность конструкции», «технические условия» и т. д. [4].

Традиционно вещь в гражданском праве является предмет материального мира, в отношении которого могут возникать гражданские права и обязанности. Федеральный закон от 13 декабря 1996 г. № 150-ФЗ «Об оружии» [2] (далее – Федеральный закон № 150-ФЗ) определяет оружие как устройства и предметы, конструктивно предназначенные для поражения живой или иной цели, подачи сигналов.

Исходя из указанного, учитывая разрешительный характер пребывания оружия в обращении физических лиц, не наделенных специальными характеристиками, применение признака «свободный оборот» относительно оружия среди гражданского населения не представляется возможным. Соответственно, оружие недопустимо рассматривать в качестве товара, обладающего признаками общедоступности и оборотоспособности. В текущем своем правовом статусе гражданское оружие не может рассматриваться как товар, участвующим в свободном товарообороте, поскольку не является общедоступным товаром.

При этом, закономерно гражданское оружие имеет режим имущества, что проистекает из его способности удовлетворять потребности субъектов гражданского права и выступать объектом владения, пользования и распоряжения, пусть и с некоторыми ограничениями [11, с. 98]. В целом, имущество представляет собой круг интересов финансового характера, и каждый вправе мирно владеть имуществом, а также пользоваться гарантией запрета лишения имущества, за исключением случаев его изъятия в интересах общества и на условиях, предусмотренных законом. Тем самым, государством обеспечивается защита права владения имуществом, что, однако же, не гарантирует способность безусловную возможность приобретать имущество путем наследования или заключения сделок [6, с. 30–31].

Таким образом, еще одним условием законного владения имуществом и, следовательно, основанием для оборота имущества является правовая обеспеченность (гарантирование) такого владения. Применительно к

проблематике статьи следует отметить, что в статье 3 Федерального закона № 150-ФЗ указан перечень оружия, на которое граждане могут приобрести право собственности в случае получения соответствующего разрешения. То есть, для физических лиц, не обладающих специальным служебным статусом, оборот вещей, включая оружие, концептуально опирается на два критерия:

- способность к гражданскому обороту (в рамках гражданского права);
- определенность формы такого оборота (в рамках разрешительной системы административного права).

В Федеральном законе № 150-ФЗ под оборотом оружия и основных частей огнестрельного оружия предлагается понимать его производство, куплю-продажу или иные способы передачи, коллекционирование и экспонирование, а также иные действия, направленные на обеспечение права владения, пользования и распоряжения, включая трансграничное перемещение.

Междисциплинарный характер оборота оружия среди гражданского населения

Приведенное определение дает основания утверждать, что понятие оборота оружия среди гражданского населения находится на стыке регулирования нормами, отнесенными к различным отраслям права:

- гражданского и семейного – относительно ношения, коллекционирования и других способов реализации права собственности в отношении оружия;
- хозяйственного права – касаясь производства, хранения, транспортировки, торговли оружием;
- таможенного права – относительно ввоза оружия в Российскую Федерацию и вывоза оружия из Российской Федерации;
- административного права – в отношении учета, передачи, изъятия, уничтожения оружия и прочих сходных действий с ним.

Содержащееся в статье 3 Федерального закона № 150-ФЗ определение отражает перечень действий, приведенных в Протоколе против незаконного изготовления и оборота огнестрельного оружия, его составных ча-

стей и компонентов, а также боеприпасов к нему (дополнение к Конвенции Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности) [3] (далее – Протокол к Конвенции ООН). Эти действия, включающие конструирование, разработку, сбор, испытания, производство, изготовление, переработку, ремонт, сертификацию, реализацию, продажу, передачу, дарение, награждение, приобретение, хранение, обслуживание, учет, регистрацию, охрану, ношение, применение, транспортировку, перевозку, пересылку, экспорт, импорт, конфискацию, возмездное изъятие, принудительную реализацию, исследование, коллекционирование, экспонирование, уничтожение оружия, позволяют отграничивать легальный оборот оружия от нелегального. Соответственно, в пункте «е» статьи 3 Протокола к Конвенции ООН, незаконный оборот раскрывается как «ввоз/вывоз, приобретение, продажу, доставку, перемещение или передачу огнестрельного оружия, его составных частей и компонентов, а также боеприпасов к нему с территории или по территории одного Государства-участника на территорию другого Государства-участника, если любое из заинтересованных Государств-участников не дает разрешения на это согласно положениям настоящего Протокола или если огнестрельное оружие не имеет маркировки».

Сравнительный анализ положений Протокола к Конвенции ООН положений Федерального закона № 150-ФЗ позволяют констатировать, что в российском законодательстве под оборотом оружия учтены не все возможные виды (случаи) легального владения им. В частности, оставлены вне поля зрения законодателя такие действия как награда, ремонт, владение и тому подобное.

Отдельные проблемы оборота оружия среди гражданского населения

В вопросе владения оружием существует еще один проблемный аспект, связанный с отнесением отдельных видов оружия к оборотоспособным, а других – к ограниченным в обороте или и вовсе запрещенным к использованию физическими лицами, не обладающими специальным статусом [8, с. 73]. В контексте оружия признаками полной, ограничен-

ной или отсутствующей оборотоспособности можно назвать его способность как имущества удовлетворять определенные блага лица, быть объектом действий, с которыми связано возникновение, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей, удовлетворение экономических или духовных потребностей лица.

Кроме того, важно принимать во внимание, что гражданский оборот предусматривает предоставление права лицу возможности свободно распоряжаться имуществом путем возмездной или безвозмездной передачи в собственность или владение другим субъектам на основании правопреемства, договоров купли-продажи, аренды, наследования, административных актов. Указанное проистекает из тезиса о том, что все имущественные правоотношения являются частью гражданского оборота [10, с. 22–24]. Закономерно, что большинство видов оружия подпадает под категорию объектов, изъятых из гражданского оборота, а потому в случае их приобретения посредством соблюдения ряда разрешительных процедур в контексте гражданско-правовой регламентации они будут считаться неотделимыми от лица (государства при запрете для участия в обороте или от лица, владеющего оружием, при получении им соответствующего разрешения).

Выводы

1. Понятие оборотоспособности объектов гражданского права касается только тех предметов и вещей, которые имеют реальную или потенциальную возможность участвовать в гражданском обороте, то есть обладают следующими признаками:

- наличие свободы распоряжаться вещью (например, переход права собственности на вещь);
- наличие ценности (стоимости) вещи (денежный эквивалент вещи).

2. Оборота оружия обладает спецификой, не свойственной базовым гражданским отношениям. Оборота гражданского оружия является подсистемой осложненного механизма отношений, включающего гражданские, таможенные, семейные, административные отношения. Кроме того, государственное регулирование и

меры государственной поддержки в данном вопросе представляет собой совокупность мер в направлении защиты общества от нежелательных последствий такого оборота.

Обобщение признаков оборота оружия среди гражданского населения позволяет обосновать вывод о том, что под таковым целесообразно понимать совокупность правоотношений, возникающих в процессе перехода прав и обязанностей между гражданскими лицами по поводу совершения сделок или других действий в отношении определенного объекта (оружия), обладающего способностью находиться в ограниченном гражданском обороте и пребывать под контролем государственных органов с целью удовлетворения государственных и частных интересов.

3. К характеристикам оружия как объекта гражданского оборота (вещи, имущества) предложено относить:

- доступность к передаче в собственность или владение другим субъектам;
 - наличие ценного выражения или реальной стоимости;
 - установление специфических оснований и требований приобретения и включения в гражданский оборот в ограниченном виде.
4. Понятие оборота оружия среди гражданского населения имеет следующие признаки:
- имущественный характер отношений;
 - движение (процесс) перехода прав относится к гражданскому, хозяйственному, семейному, таможенному, административному законодательству;
 - юридические факты (сделки) относительно оружия находятся под государственным контролем.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ : (ред. от 11.03.2024) // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.
2. Федеральный закон от 13.12.1996 № 150-ФЗ «Об оружии» : (ред. от 25.12.2023) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 51. – Ст. 5681.
3. Протокол против незаконного изготовления и оборота огнестрельного оружия, его составных частей и компонентов, а также боеприпасов к нему, дополняющий Конвенцию Организации Объединенных Наций против транснациональной

организованной преступности : (Принят резолюцией 55/255 Генеральной Ассамблеи от 31 мая 2001 года). – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/crimepro.shtml

4. Directive (EU) 2021/555 of the European Parliament and of the Council of 24 March 2021 on Control of the Acquisition and Possession of Weapons (codification). – URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/dir/2021/555/oj>

5. Виниченко, Ю. В. Оборотоспособность и правовой режим объектов гражданских прав: соотношение понятий / Ю. В. Виниченко // Известия БГУ. – 2013. – № 6. – С. 116–120.

6. Донгак, А. Т. Защита права собственности / А. Т. Донгак // Вестник магистратуры. – 2021. – № 3-1 (114). – С. 30–31.

7. Иншакова, А. О. Оборот объектов гражданских прав имущественного характера: основные понятия, виды, тенденции законодательного развития / А. О. Иншакова // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2020. – Т. 19, № 1. – С. 6–15. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2020.1.1>

8. Кечкин, С. А. Виды гражданского оружия в Российской Федерации / С. А. Кечкин // Вестник науки и образования. – 2021. – № 16-2 (119). – С. 72–74.

9. Криволапова, Л. В. Правовая специфика гражданского оборота / Л. В. Криволапова // Известия ОГАУ. – 2012. – № 6 (38). – С. 244–247.

10. Николаева, Т. Г. Имущественные отношения в гражданском праве: понятие и признаки / Т. Г. Николаева // БГЖ. – 2015. – № 2 (11). – С. 22–24.

11. Старцев, А. М. Особенности гражданско-правового режима оружия как объекта правоотношений (на примере гражданского оружия) / А. М. Старцев // Вестник Московского университета МВД России. – 2014. – № 12. – С. 98–101.

REFERENCES

1. Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii (chast pervaya) ot 30.11.1994 № 51-FZ: (red. ot 11.03.2024) [Civil Code of the Russian Federation (Part One) of Nov. 30, 1994, No. 51-FZ]. *Sobranie zakonodatelstva RF* [Collection of Legislation of the Russian Federation], 1994, no. 32, art. 3301.

2. Federalnyj zakon ot 13.12.1996 № 150-FZ «Ob oruzhii»: (red. ot 25.12.2023) [Federal Law “On Arms” of Dec. 13, 1996, No. 150-FZ]. *Sobranie zakonodatelstva RF* [Collection of Legislation of the Russian Federation], 1996, no. 51, art. 5681.

3. *Protokol protiv nezakonnogo izgotovleniya i oborota ognestrelnogo oruzhiya, ego sostavnyj chastej i komponentov, a takzhe boeprizasov k nemu,*

dopolnyayushchij Konvenciyu Organizacii Obyedinennyh Nacij protiv transnacionalnoj organizovannoj prestupnosti: (Prinyat rezolyuciej 55/255 Generalnoj Assamblei ot 31 maya 2001 goda) [Protocol Against the Illicit Manufacturing of and Trafficking in Firearms, Their Parts and Components, and Ammunition, Supplementary to the United Nations Convention Against Transnational Organized Crime]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/crimepro.shtml

4. Directive (EU) 2021/555 of the European Parliament and of the Council of 24 March 2021 on Control of the Acquisition and Possession of Weapons (Codification). URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/dir/2021/555/oj>

5. Vinichenko Yu.V. Oborotosposobnost i pravovoj rezhim obyektov grazhdanskih prav: sootnoshenie ponyatij [Turnover and Legal Regime of Objects of Civil Rights: the Relationship of Concepts]. *Izvestiya BGU* [News of BGU], 2013, no. 6, pp. 116-120.

6. Dongak A.T. Zashchita prava sobstvennosti [Protection of Property Rights]. *Vestnik magistratury* [Bulletin of the Magistracy], 2021, no. 3-1 (114), pp. 30-31.

7. Inshakova A.O. Oborot obyektov grazhdanskih prav imushchestvennogo haraktera: osnovnye ponyatiya, vidy, tendencii zakonodatelnogo razvitiya [The Circulation of Property Objects of Civil Law Rights: Basic Concepts, Types, Trends of Legislative Development]. *Legal Concept*, 2020, vol. 19, no. 1, pp. 6-15. DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2020.1.1>

8. Kechkin S.A. Vidy grazhdanskogo oruzhiya v Rossijskoj Federacii [Types of Civilian Weapons in the Russian Federation]. *Vestnik nauki i obrazovaniya* [Bulletin of Science and Education], 2021, no. 16-2 (119), pp. 72-74.

9. Krivolapova L.V. Pravovaya specifika grazhdanskogo oborota [Legal Specifics of Civil Turnover]. *Izvestiya OGAU* [News of the OGAU], 2012, no. 6 (38), pp. 244-247.

10. Nikolaeva T.G. Imushchestvennye otnosheniya v grazhdanskom prave: ponyatie i priznaki [Property Relations in Civil Law: the Concept and Signs]. *BGZh*, 2015, no. 2 (11), pp. 22-24.

11. Starcev A.M. Osobennosti grazhdansko-pravovogo rezhima oruzhiya kak obyektov pravootnoshenij (na primere grazhdanskogo oruzhiya) [Features of the Civil Law Regime of Weapons as an Object of Legal Relations (Using the Example of Civil Weapons)]. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii* [Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2014, no. 12, pp. 98-101.

Information About the Author

Olimzoda Jomii Jamshed, Junior Scientific Assistant, Department of Civil and Labor Law, Civil Procedure, Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Y. Kikot, Akademika Volgina St, 12, 117997 Moscow, Russian Federation, jomii.olimzoda@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0009-0356-2619>

Информация об авторе

Олимзода Джомии Джамшед, адъюнкт кафедры гражданского и трудового права, гражданского процесса, Московский университет МВД России им. В.Я. Кикотя, ул. Академика Волгина, 12, 117997 г. Москва, Российская Федерация, jomii.olimzoda@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0009-0356-2619>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2024.4.8>

UDC 341
LBC 67.91

Submitted: 19.08.2024
Accepted: 20.09.2024

THE LEGAL ASPECTS OF WHALE PROTECTION AND RADIOACTIVE POLLUTION OF THE WORLD OCEAN

Yulia V. Lebedeva

Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

Alexandra V. Sazonova

Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

Introduction: the issue of the protection of cetaceans is regulated by a fairly large number of universal international treaties, including the International Convention for the Regulation of Whaling and the Convention on the Conservation of Migratory Species of Wild Animals, but despite this, the trend of reducing their numbers continues. Over the past decade, the problem of radioactive waste emissions into the World Ocean has worsened. **Purpose:** to study the possibility of introducing legal, financial and environmental system tools to increase the cetacean population as the main public good and a mechanism for regulating climate change processes (the circulation of carbon dioxide in the atmosphere and aquatic environment). **Methods:** the methodological framework for this research is a set of methods of scientific cognition based on the logical, system-structural, comparative, strategic, associative methods and information analysis. **Results:** the authors' position reasoned in the work is based on the statistical data from the United Nations, foreign and domestic scientific publications on climate change, pollution of the oceans and whale protection. New solutions for the settlement of these problematic processes are proposed. **Conclusion:** as a result of the study, the key role of cetaceans in the processes associated with climate change is identified, and the economic benefits of financial support for the programs aimed at increasing the population of these large mammals are determined. The radioactive pollution of the World Ocean has a negative impact on the habitat and the growth of the whale population.

Key words: whale protection, radioactive waste, radiation pollution of the World Ocean, international law, IAEA, Fukushima.

Citation. Lebedeva Yu. V., Sazonova A. V. The Legal Aspects of Whale Protection and Radioactive Pollution of the World Ocean. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2024, vol. 23, no. 4, pp. 59-66. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2024.4.8>

УДК 341
ББК 67.91

Дата поступления статьи: 19.08.2024
Дата принятия статьи: 20.09.2024

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ЗАЩИТЫ КИТОВ И РАДИОАКТИВНОЕ ЗАГРЯЗНЕНИЕ МИРОВОГО ОКЕАНА

Юлия Вячеславовна Лебедева

Министерство иностранных дел Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация

Александра Викторовна Сазонова

Министерство иностранных дел Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация

Введение: вопрос защиты китообразных регулируется достаточно большим количеством универсальных международных договоров, в том числе и «Международной конвенцией по регулированию китобойного промысла» и «Конвенцией по сохранению мигрирующих видов диких животных», но несмотря на это продолжается тенденция сокращения их численности. За последнее десятилетие усугубилась проблема выбросов радиоактивных отходов в Мировой океан. **Цель:** исследование возможности внедрения правовых, финансовых и экологических системных инструментов для увеличения популяции китообразных как осно-

го общественного блага и механизма регулирования процессов изменения климата (циркуляции углекислого газа в атмосфере и водной среде). **Методы:** методологическую базу данного исследования составляет совокупность методов научного познания на основе логического, системно-структурного, сравнительного, стратегического, ассоциативного методов и информационного анализа. **Результаты:** аргументированная в работе авторская позиция опирается на статистические данные ООН, зарубежных и отечественных научных публикациях по вопросу изменения климата, загрязнения Мирового океана и защиты китов. Предложены новые решения по урегулированию данных проблемных процессов. **Вывод:** в результате исследования выявлена ключевая роль китообразования в процессах, связанных с изменением климата, а также определена экономическая выгода финансовой поддержки программ, направленных на увеличение популяции этих крупных млекопитающих. Радиоактивное загрязнение Мирового океана отрицательно сказывается на среде обитания и росте численности популяции китов.

Ключевые слова: защита китов, радиоактивные отходы, радиационное загрязнение Мирового океана, международное право, МАГАТЭ, Фукусима.

Цитирование. Лебедева Ю. В., Сазонова А. В. Правовые аспекты защиты китов и радиоактивное загрязнение Мирового океана // *Legal Concept = Правовая парадигма*. – 2024. – Т. 23, № 4. – С. 59–66. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2024.4.8>

Введение

В настоящее время проблема китов рассматривается следующими универсальными международными договорами, в частности: «Международной конвенцией по регулированию китобойного промысла» 1946 г., «Конвенцией по сохранению мигрирующих видов диких животных» (Боннской конвенцией) 1979 г., «Соглашением по сохранению малых китообразных Балтийского моря, северо-восточной Атлантики, Ирландского и Северного морей» (ASCOBANS) 1992 г., «Соглашением по сохранению китообразных Черного и Средиземного морей и прилегающей Атлантической акватории» 1996 г. Несмотря на то что вопрос защиты этих крупных обитателей планеты уже регулируется положениями международных конвенций, но проблема остается открытой. В настоящее время перед ООН стоит задача определить ключевые правовые и антропогенные факторы, которые влияют на правовой статус китов и их влияние на экосистему Мирового океана. За последние десять лет радиоактивное загрязнение вод Мирового океана стала наиболее актуальной проблемой, особенно после того как была выявлена биоаккумуляция цезия-137 в пищевой цепочке косаток, обнаруженных в лососе, в Северо-Восточной части Тихого океана после аварии на АЭС «Фукусима-1» [18]. Вопрос о восстановлении численности популяции китов может рассматриваться, учитывая и положительный опыт. В частности, позитивным примером может служить история, связанная с возрождением целой экосистемы всего лишь одним

волком, перешедшим по ледяному мосту с континентальной части Канады на остров Рояль. Нарушение баланса в положительную сторону привело к цепной реакции природных явлений – в данном случае не только к восстановлению численности волков, но и к гармоничному процессу оживления острова по пищевой цепочке [5]. Если в рамках небольшой территории одно животное способно изменить внешний облик целого острова, то в масштабах планеты один кит может спасти Землю, и речь идет не только об экосистеме и юридических аспектах, но и об экологической и экономической выгодах в глобальном масштабе.

Значимость китов для экосистемы

Киты могут стать для мировой системы уникальным общественным благом, которое необходимо защищать не только ради гармонии окружающей среды, но в том числе из экономической целесообразности.

В исследовании МВФ «Природное решение проблемы изменения климата» были представлены новые возможные «стратегии защиты китов», которые «способны ограничить выбросы парниковых газов и изменить процессы климатического сдвига». Так, например, «один кит по стоимости приравнивается к 1 000 деревьев именно благодаря своим биологическим способностям потреблять, транспортировать, сохранять большие объемы углекислого газа», даже после своей смерти [1].

Польза от этих удивительных обитателей планеты имеет глобальное измерение, так

как места кормовой базы совпадают, в том числе с регионами, которые на данный момент особенно страдают от изменения климата и нуждаются в новых решениях проблемы. К таким регионам относятся малые островные развивающиеся государства (МОРГ). Согласно информации, упомянутой в исследовании, кормовые территории формируются за счет большого количества фитопланктона, который в свою очередь производит более 50 % кислорода и потребляет 37 млрд тонн углекислого газа [1], что составляет объем выбросов в атмосферу за год.

По результатам, проводимых в течение десятилетий исследований и их анализа относительно роли китов в экосистеме океана, крупнейшие животные на Земле представляют собой важнейший механизм циркуляции углекислого газа и кислорода под водой, несмотря на их небольшую численность [10]. Киты фактически формируют температуру, обеспечивая химический и биологический балансы и перенося питательные вещества, что увеличивает численность различных рыб [3].

В соответствии с докладом, подготовленным для секретариата Тихоокеанской региональной программы по окружающей среде (Pacific regional Environment Programme), киты могут помочь в прямом смысле этого слова странам выполнить климатические обязательства по сокращению выбросов, установленные Парижским соглашением (12 декабря 2015 г.) [1]. Каким же образом это осуществить и как обратить последствия экономической деятельности? Как упоминалось ранее, кит в стоимостном значении может быть приравнен к деревьям именно в связи с его способностью потреблять большое количество углекислого газа. Следовательно, большее количество китов может уравновесить нагрузку на страны, особенно активно задействованные в производственных цепочках – крупные развитые государства. А если рассматривать МОРГ, где поступления от туризма в бюджет достигает 30 %, а сами они являются держателями 15–30 % пятидесяти крупнейших экономических зон и берега которых представляют собой важнейшие кормовые базы для китов, то видна четкая стратегия действий в глобальном масштабе [8].

Антропогенные факторы снижения численности китов

По данным Международного энергетического агентства (МЭА), объемы выбросов углекислого газа в 2023 г. достигли рекордной цифры – 37,4 млрд тонн [6]. Основным источником загрязнения стал сектор транспортных перевозок в результате резкого снятия ковидных ограничений.

Согласно статистическим данным ООН, на Китай, США и ЕС приходится половина выбросов всей планеты [4]. Анализируя ситуацию по странам и сравнивая регионы наиболее активных выбросов с кормовыми базами китов, было зафиксировано совпадение территориальных кормовых баз, миграционных путей китообразных и стран с большим объемом выбросов в атмосферу [4].

В этой связи задача должна отвечать принципу «загрязнитель платит» и в грамотном финансовом распределении затрат на программы по восстановлению численности китов. Для этого необходимо провести целенаправленное изучение других факторов, влияющих на изменение популяции китов. Кроме прямого загрязнения атмосферы следует учесть загрязнение водной среды судами и радиоактивное загрязнение вод Мирового океана, что пагубно влияет на всю экосистему и на популяцию китов, в том числе.

Решением этой проблемы, по мнению исследователей «Института профессионального и организационного развития МВФ», могут стать разработанные финансовые механизмы, увеличивающие численность китов, такие как субсидирование и компенсации компаниям, выделенные за потери от изменения или удлинения маршрутов судов, совпадающих с передвижением китовых стай и их кормовых баз. Также по подсчетам МВФ, возможно, достигнуть отметки в 1,7 млрд тонн поглощаемого углекислого газа ежегодно [1], если будет восстановлена допромысловая численность китов, а это означает, что необходимо разработать определенную систему расчетов, при которой станет ясна общая сумма ежегодных расходов на данную программу.

В качестве механизма учета численности китообразных чаще всего используются метки, но они не всегда отражают реальные

цифры. Дело в том, что маячки на плавниках могут держаться недолго, а миграционные пути в рамках Мирового океана изменяются. И все же даже приблизительные данные о численности китов в районах кормовых баз и экономических зон могли бы дать толчок к фиксации их численности и введению в действие экологических программ, направленных на борьбу, в том числе с климатическим сдвигом.

Радиоактивное загрязнение Мирового океана

С появлением и дальнейшим развитием атомных технологий с конца 1940-х гг. и по настоящее время в морскую среду попали различные искусственные радионуклиды либо в результате военных операций, промышленных сбросов, медицинских выбросов, либо ядерных аварий. Это привело к их широкому распространению, круговороту по водам Мирового океана и поглощению биотой как локально, вблизи точек сброса, так и глобально, радиации в различных дозах. Исследования различных способов взаимодействия радиоактивных веществ с морской средой стала заниматься морская радиоэкология [14] и уже в 1960 г. загрязнение вод морей и океанов в результате сброса в них радиоактивных отходов (РАО) было признано МАГАТЭ международной проблемой значительного масштаба [11].

Глубины океана использовались в качестве кладбища для ядерных материалов с самого начала работы над атомными проектами разными странами. Исследование, проведенное в 2019 г., выявило, по меньшей мере, 18 000 радиоактивных объектов, разбросанных по дну Северного Ледовитого океана. В период с 1948 по 1982 гг. правительство Великобритании отправило в глубины океана «почти 70 000 тонн ядерных отходов, а США, Франция, Швейцария, Япония и Нидерланды использовали океан для утилизации радиоактивных материалов, хотя и в гораздо меньших количествах» [12]. Сброс РАО в воды Мирового океана ведет к тому, что рыба, планктон и водоросли становятся радиоактивными, в свою очередь заражая более крупных особей кто питается ими в пищевой цепочке.

В частности, у китов идет накопления цезия-137 в жировых тканях, сокращая их продолжительность жизни.

Хотя международные договоры теперь запрещают сбрасывать радиоактивные материалы в море, правительство Великобритании изучает возможность «захоронения до 750 000 кубометров РАО, включая более 100 тонн плутония, под морским дном у берегов Камбрии» [12] на северо-западе Англии. Британские официальные лица утверждают, что «такого рода геологическое захоронение позволяет сохранять РАО стабильными и безопасными в течение сотен тысяч лет» [12], хотя такие происшествия, как утечка жидких радиоактивных веществ в 2014 г. на объекте по захоронению РАО в полукилометре под соляными пластами в Нью-Мексико (США), демонстрируют что, использования морских вод для репозитория не допустимо, так как ведет к радиоактивному заражению, что, в свою очередь, вызывает мутацию или гибель морских обитателей.

Еще одной эпохальной вехой в загрязнении вод Мирового океана стала утечка радиоактивной воды в Тихий океан в марте 2011 г. в Японии в результате аварии на Фукусиме из-за землетрясения и последующего за ним цунами, которые вывели из строя системы охлаждения, вызвав расплавление реактора и взрывы на АЭС «Фукусима-Дайити». После восстановления инфраструктуры «Фукусимы-1», японский оператор ТЕРСО начал сбрасывать воду, оставшуюся после охлаждения разрушенных реакторов и прошедших очистку от большинства радионуклидов. В общем объеме Япония сольет по подводному тоннелю в километре от «Фукусимы-1» в океан «более 1 млн тонн радиоактивной воды с апреля 2023 г. до 31 марта 2025 г.» [15]. В июле 2024 г. Япония провела уже седьмой сброс в воды Тихого океана объемом 31,2 тыс. тонн. При этом «концентрация радиоактивных веществ в воде была превышена более чем в 14 млн раз – она составляет 22 млрд беккерелей при норме в 1,5 тыс.» [16]. Хотя МАГАТЭ в июле 2023 г. открыло свой офис на АЭС «Фукусима-1» и заявляла, что сотрудники МАГАТЭ будут отслеживать радиационный фон воды, как в день сброса, так и осуществлять последующий мониторинг [17].

Японская общественность и некоторые эксперты по морской флоре и фауне неоднократно высказывали опасения, что радиоактивный материал в море может концентрироваться среди крупных морских существ, в том числе и китов, находящихся на вершине пищевой цепочки и живущих в течение длительного времени. При этом правительство Японии запретило вылов рыбы в районах вблизи поврежденной АЭС, а японские местные органы власти и рыболовецкие кооперативы Японии проводят регулярные проверки морепродуктов на радиацию вдоль тихоокеанского побережья [13]. Однако уже с июня 2011 г. японские китобойи неоднократно обнаруживали следы радиоактивного цезия в океанских гигантах, выловленных у берегов северного японского острова Хоккайдо в Тихом океане, у которых показатели составляли 31 беккерель и 24,3 беккереля цезия на килограмм [13]. Необходимо отметить, что полураспад цезия-137 составляет 32 года, а полураспад трития – 12,4 года. При этом Япония продолжает охотиться на китов в нарушение международного моратория, который разрешает убивать морских млекопитающих только для «научных исследований» [15]. Такой безответственный подход к водам Мирового океана уже дал свои результаты, в частности, многие страны (Китай, Южная Корея, Россия и другие страны) уже отказались покупать морепродукты у Японии [17], заботясь о своей национальной продовольственной безопасности населения.

Регулируемый туризм и правовой статус китов как решение проблемы

В настоящее время обсуждаются идеи создания экологической, правовой и финансовой системы туризма [8]. На данный момент в мировом масштабе китовый туризм практически нигде не урегулирован или находится под запретом. При этом если брать в расчет тот факт, что 30 % бюджета МОРГ покрывается именно туристическими услугами, то повышение туристического налога, а также другие компенсационные меры способны внести существенный вклад в финансовые программы по увеличению численности китообразных. Параллельно приравнивание правового статуса китов к статусу человека решило бы проблему их незащищен-

ности. Этот шаг уже был сделан в рамках программы VI Международного Культурного Форума в Санкт-Петербурге в 2017 г. – представлена «Декларация о правах и свободе дельфинов и китов», в которой прописано, что «морские млекопитающие признаются личностями», «обладающими самосознанием, наделенными разумом и чувствами» [9]. В основе документа лежит исследование интеллекта китообразных ученого Лори Марино, доказавшей сложность строения их мозга и наличие участков, отвечающих за коммуникацию и познание [19].

Именно такой подход может в дальнейшем гарантировать их дополнительную юридическую защиту к разработанным финансовым и экологическим программам, позволить определить их место в мировой системе. Интересен тот факт, что Индия, занимающая 4-е место в мире по выбросам углекислого газа, стала первой страной, которая признала китообразных разумными существами. За ней последовали Коста-Рика, Чили и Венгрия [20].

Россия играет ключевую роль в данных процессах, так как речь, прежде всего, идет о ее географической расположенности относительно крупнейших кормовых баз в Арктике и на Дальнем Востоке, так называемых «столовых для китов» [2]. В этой связи необходимо расширить правовое регулирование данного вопроса. В России уже действует Федеральный закон Российской Федерации № 166-ФЗ, который в новой редакции от 29 мая 2024 г., запрещает «осуществление промышленного рыболовства и прибрежного рыболовства в отношении китообразных» (п. 7 ст. 26) [7]. В дальнейшем новый правовой статус китов мог бы поспособствовать не только защите этих важных для экосистемы существ, но и создал бы новые возможности, касающиеся тенденций климатического развития.

Вывод

Проведенный кросс научный анализ проблемы статуса китообразных в мировой экологической, экономической и правовой системах, а также пользы этих важных существ, выявил, что киты, благодаря своим биологическим особенностям, представляют собой уникальный механизм, способный повлиять на уровень загрязнения атмосферы и водной

системы, на их температуру, а также на количество рыбы и рыбных ресурсов в Мировом океане. Задачи по поиску новых решений и возможных программ, способные отрегулировать баланс и увеличить популяцию китов, реализуются путем создания четкой юридической системы по защите этого редкого и значимого вида млекопитающих.

Разработка новых стратегий должна осуществляться с учетом не только кризисных факторов и финансовой выгоды, но и с пониманием, что наша планета – это единый живой организм, имеющий свою сложную организацию, ведь численность китов напрямую связана как с антропогенной деятельностью, так и с проблемой изменения климата и защиты вод Мирового океана, как всеобщего ресурса человечества, от радиационного загрязнения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Природное решение проблемы изменения климата / Р. Чами, С. Озтосун, Т. Косимано, К. Фулленкамп // Финансы и развитие. – 2019. – № 12. – С. 34–38. – URL: <https://www.imf.org/external/russian/pubs/ft/fandd/2019/12/pdf/natures-solution-to-climate-change-chami.pdf>
2. РИА «Новости». Популяция китов в тихоокеанских водах устойчиво растет : очерк о работе российских ученых в Субарктике // Арктикфонд. – Б.м. : Северный (Арктический) федер. ун-т им. М.В. Ломоносова, 2024. – URL: <https://arctic.narfu.ru/main/news/490-populyatsiya-kitov-v-tikhookeanskikh-vodakh-ustojchivo-rastet>
3. Киты помогают Тихоокеанским островам избавляться от углекислого газа. – 2024. – 25 апр. – URL: <https://tass.ru/plus-one/4208940/amp>.
4. Statistics of UNEP. – URL: <https://www.unep.org/interactives/emissions-gap-report/2023/>
5. The Far-Reaching Effects of Genetic Process in a Key-Stone Predator Species, Grey Wolves // Science Advances. – 2023. – 23 Aug. – URL: <https://www.science.org/doi/10.1126/sciadv.adc8724>
6. Executive Summary – CO₂ Emissions in 2023, Statistics of the International Energy Agency. – URL: <https://www.iea.org/interactives/emissions-gap-report/2023/>
7. Федеральный закон Российской Федерации № 166-ФЗ от 20.12.2004 г. «О рыболовстве и сохранении водных биологических ресурсов» // Собрание законодательства РФ. – 27.12.2004. – № 52 (ч. 1). – Ст. 5270.
8. Знаете ли Вы? – Факты о малых островных государствах // сайт ООН. – URL: <https://www.un.org/ru/events/islands2014/didyouknow.shtml>
9. Декларация о правах и свободе дельфинов и китов. – Ноябрь 2017 г. – URL: <https://www.dolphinembassy.org/declaration-ru?lang=ru>
10. Whales as Marine Ecosystem Engineers / J. Roman, J. A. Esters, L. Morissette, C. Smith, D. Costa, J. McCarty, J. B. Nation, S. Nicol, A. Pershing, V. Smetacek. – URL: https://www.researchgate.net/publication/263782441_Whales_as_marine_ecosystem_engineers
11. Radioactive Waste Disposal into the Sea // Safety Series. – 1961. – № 5. – P. 174.
12. Bradley, J. Radioactive Waste, Baby Bottles and Spam: the Deep Ocean Has Become a Dumping Ground / J. Bradley // The Guardian. – 2024. – March, 12. – URL: <https://www.theguardian.com/environment/2024/mar/12/radioactive-waste-baby-bottles-and-spam-the-deep-ocean-has-become-a-dumping-ground>
13. Japan Finds Radiation Taces in Whales. – 2011. – June, 15. – URL: <https://phys.org/news/2011-06-japan-whales.html>
14. Batlle, J. Radioactivity in the Marine Environment / J. Batlle and J. Vives // Encyclopedia of Sustainability Science and Technology / ed. R. A. Meyers. – N. Y. : Springer, 2012. – P. 8387–8425.
15. На «Фукусиме» завершили седьмой с августа сброс слаборадиоактивной воды. – 16.07.2024. – URL: <https://ria.ru/20240716/fukusima-1960066200.html>
16. Новикова, А. Утечка на АЭС «Фукусима-1»: концентрация радиоактивных веществ в воде превышена в 14 млн раз / А. Новикова. – 07.02.2024. – URL: <https://www.gazeta.ru/social/2024/02/07/18242935.shtml>
17. Слив подсчитан: Япония сбросит в океан более 1 млн т радиоактивной воды. – 23.08.2023. – URL: <https://prim.rbc.ru/prim/23/08/2023/64e5cf4a9a7947163505764d>
18. Alava, J. J. Modeling 137Cs Bioaccumulation in the Salmon-Resident Killer Whale Food Web of the Northeastern Pacific Following the Fukushima Nuclear Accident / J. J. Alava, F. Gobas // The Science of the Total Environment. – 2016. – Vol. 544. – Febr. 15. – P. 56–67.
19. Marino, L. Cetaceans and Primates: Convergence in Intelligence and Self-Awareness / L. Marino // Journal of Cosmology. – 2011. – № 14. – P. 1063–1079.
20. Bertoni, F. More-Than-Human Intelligence: of Dolphins, Indian Law And The Multispecies Turn / F. Bertoni, U. Beisel. – 2013. – Nov. 22. – URL: <https://www.societyandspace.org/articles/more-than-human-intelligence-of-dolphins-indian-law-and-the-multispecies-turn>

REFERENCES

1. Chami R., Oztocun S., Kosimano T., Fullenkamp K. Prirodnoe reshenie problemy izmeneniya klimata [Natural Solution to Climate Change]. *Finansi i razvitie* [Finance and Development], 2019, no. 12, pp. 34-38. URL: <https://www.imf.org/external/russian/pubs/ft/fandd/2019/12/pdf/natures-solution-to-climate-change-chami.pdf>
2. RIA «Novosti». Populyatsiya kitov v tihookeanskih vodah ustojchivo rastet: ocherk o rabote rossiiskih uchenih v Subarktike [Whale Population in the Pacific Waters Is Steadily Growing, an Essay on the Work of Russian Scientists in the Subarctic]. *Arktik-fond* [Arctic Fund]. S.I., Severnii (Arkticheskii) feder. un-t im. M.V. Lomonosova, 2024. URL: <https://arctic.narfu.ru/main/news/490-populyatsiya-kitov-v-tihookeanskikh-vodakh-ustojchivo-rastet>
3. *Kity pomogayut Tihookeanskim ostrovam izbavlyatsya ot uglekislogo gaza* [Whales Help Pacific Islands Get Rid of Carbon Dioxide], 2024, Apr. 25. URL: <https://tass.ru/plus-one/4208940/amp>
4. *Statistics of UNEP*. URL: <https://www.unep.org/interactives/emissions-gap-report/2023/>
5. The Far-Reaching Effects of Genetic Pprocess in a Key-Stone Predator Species, Grey Wolves. *Science Advances*, 2023, 23 Aug. URL: <https://www.science.org/doi/10.1126/sciadv.adc8724>
6. *Executive Summary – CO₂ Emissions in 2023, Statistics of the International Energy Agency*. URL: <https://www.iea.org/interactives/emissions-gap-report/2023/>
7. Federalny zakon Rossiiskoi Federatzii № 166-FZ ot 20.12.2004 «O ribolovstve i sohraneniі vodnih biologicheskikh resursov» [Federal Law of the Russian Federation No. 166-FZ of December 20, 2004 “On Fishing and Conservation of Aquatic Biological Resources”]. *Sobranie zakonodatelstva RF* [Collection of Legislation of the Russian Federation], 2004, Dec. 27, no. 52 (Part 1), art. 5270.
8. *Znaete li Vy? – Fakti o malih ostrovnih gosudarstvah* [Did You Know? – Small Island States Facts]. URL: <https://www.un.org/ru/events/islands/2014/didyouknow.shtml>
9. *Deklaratsiya o pravah i svobode delfinov i kitov* [Declaration on the Rights and Freedom of Dolphins and Whales], 2017, November. URL: <https://www.dolphinembassy.org/declaration-ru?lang=ru>
10. Roman J., Esters J.A., Morissette L., Smith C., Costa D., McCarty J., Nation J.B., Nicol S., Pershing A., Smetacek V. *Whales as Marine Ecosystem Engineers*. URL: https://www.researchgate.net/publication/263782441_Whales_as_marine_ecosystem_engineers
11. Radioactive Waste Disposal into the Sea. *Safety Series*, 1961, no. 5, p. 174.
12. Bradley J. Radioactive Waste, Baby Bottles and Spam: the Deep Ocean Has Become a Dumping Ground. *The Guardian*, 2024, March 12. URL: <https://www.theguardian.com/environment/2024/mar/12/radioactive-waste-baby-bottles-and-spam-the-deep-ocean-has-become-a-dumping-ground>
13. *Japan Finds Radiation Taces in Whales*, 2011, June 15. URL: <https://phys.org/news/2011-06-japan-whales.html>
14. Batlle J., Vives J. Radioactivity in the Marine Environment. Meyers R.A., ed. *Encyclopedia of Sustainability Science and Technology*. New York, Springer, 2012, pp. 8387-8425.
15. *Na “Fukusime” zavershili sedmoi s avgusta sbros slaboradioaktivnoi vody* [Fukushima Completes Seventh Low-Radioactive Water Discharge Since August], 2024, July 16. URL: <https://ria.ru/20240716/fikusima-1960066200.html>
16. Novikova A. *Utechka na AES “Fukusima-1”: kontzentrazia redioaktivnih veshestv v vode previshena v 14 mln raz* [Leak at the Fukushima-1 Nuclear Power Plant: Concentration of Radioactive Substances in Water Exceeded by 14 Million Times], 2024, Febr. 7. URL: <https://www.gazeta.ru/social/2024/02/07/18242935.shtml>
17. *Sliv podchitan: Yaponiy sbrosit v okean bolee 1 mln t radioaktivnoi vodi* [Drain Calculated: Japan Will Dump More Than 1 Million Tons of Radioactive Water into the Ocean], 2023, Aug. 23. URL: <https://prim.rbc.ru/prim/23/08/2023/64e5cf4a9a7947163505764d>
18. Alava J.J., Gobas F. Modeling 137Cs Bioaccumulation in the Salmon-Resident Killer Whale Food Web of the Northeastern Pacific Following the Fukushima Nuclear Accident. *The Science of the Total Environment*, 2016, vol. 544, Febr. 15, pp. 56-67.
19. Marino L. Cetaceans and Primates: Convergence in Intelligence and Self-Awareness. *Journal of Cosmology*, 2011, no. 14, pp.1063-1079.
20. Bertoni F., Beisel U. *More-Than-Human Intelligence: of Dolphins, Indian Law and the Multispecies Turn*, 2013, Nov. 22. URL: <https://www.societyandspace.org/articles/more-than-human-intelligence-of-dolphins-indian-law-and-the-multispecies-turn>

Information About the Authors

Yulia V. Lebedeva, Candidate of Sciences (Jurisprudence), Advisor, Historical and Documentary Department, Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Smolenskaya-Sennaya Sq., 32/34, 119200 Moscow G-200, Russian Federation, y.lebedeva.68@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4902-1657>

Alexandra V. Sazonova, Bachelor of the Moscow State Institute of International Relations of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Master of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Third Secretary of the 1st Department of the CIS Countries, Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Smolenskaya-Sennaya Sq., 32/34, 119200 Moscow G-200, Russian Federation, alexanomad@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0007-1740-6508>

Информация об авторах

Юлия Вячеславовна Лебедева, кандидат юридических наук, советник Историко-документального департамента МИД России, Министерство иностранных дел Российской Федерации, Смоленская-Сенная площадь, 32/34, 119200 г. Москва Г-200, Российская Федерация, y.lebedeva.68@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4902-1657>

Александра Викторовна Сазонова, бакалавр Московского государственного института международных отношений МИД России, магистр Дипломатической академии МИД России, третий секретарь Первого Департамента стран СНГ МИД России, Министерства иностранных дел Российской Федерации, Смоленская-Сенная площадь, 32/34, 119200 г. Москва Г-200, Российская Федерация, alexanomad@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0007-1740-6508>

ВОПРОСЫ ЧАСТНОПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2024.4.9>

UDC 347.4

LBC 67.404.2

Submitted: 13.09.2024

Accepted: 26.09.2024

THE SPECIAL INVESTMENT CONTRACT AS AN INSTRUMENT OF STATE SUPPORT FOR INVESTMENT ACTIVITIES IN RUSSIA

Agnessa O. Inshakova

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Introduction: the paper deals with the analysis of the legal support for the special investment contract (SPIC), which is one of the most effective instruments of state support for investment activities in Russia. It allows stimulating the creation, modernization and development of industrial production, the development and introduction of modern technologies, which contributes to the growth of the country's economy and improves the quality of life of the population. **Purpose:** to study the special investment contract as a tool that is used to attract investments in various sectors of the economy; to study the formation and current state of the legislative regulation of the use of the special investment contract in Russia and in foreign countries for the implementation of various strategic projects and programs, including the implementation of infrastructure projects, programs for the development of tourism, industry, agriculture and other sectors of the economy. **Methods:** the methodological framework for the research is made up of the general scientific and specific scientific methods of cognition, among which the methods of analysis, synthesis, the empirical method of legal modeling, dogmatic (formal-logical) and formal-legal methods, as well as the method of legal forecasting play a special role. **Results:** the special investment contract is studied in the work as an effective tool for attracting investments in various sectors of the economy, which allows the state to implement its strategic projects without spending its own funds and provides investors with certain guarantees and preferences, which makes investing in projects more attractive. It is established that the SPIC contributes to the development of scientific and technological progress and innovations in the country's economy, serves to increase the competitiveness of domestic producers on the world market and improve product quality, and is also an effective tool to stimulate the creation of new industries. The regulation of special investment contracts is studied using the example of the Russian legislation and some foreign countries. The novelties of the actively developing federal legislation regulating special investment contracts are analyzed. In particular, the expansion of the scope of application of the special investment contract is established. The differences in the legislative regulation in Russia and abroad are revealed. It is established that international investment contracts are aimed at reducing risks for foreign investors, at promoting international competition, which prohibits discriminatory treatment of foreign investors, guaranteeing them both national and most-favored-nation treatment. **Conclusions:** the main advantages and disadvantages of the special investment contract, as well as the risks from its use, are identified. The methodological recommendations are given for the preparation of the special investment contract in order to minimize risks and ensure its effectiveness. It is established that, in general, the legislative regulation of special investment contracts in various countries is aimed at ensuring transparency, protecting investors and ensuring the responsible management of investment funds. It is argued that the current foreign policy and economic situation in the country, at times, actualizes the problem of improving the investment legislation, which includes the legislation on the SPIC, which is one of the forms of public-private partnership. The proposal to adopt a unified legislative act, which would regulate all possible forms of public-private partnership, is substantiated.

© ИншакOVA A.O., 2024

Key words: investments, investment activity, investment legislation, investment in projects, special investment contract, state support for investment activities.

Citation. Inshakova A.O. The Special Investment Contract as an Instrument of State Support for Investment Activities in Russia. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2024, vol. 23, no. 4, pp. 67-74. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2024.4.9>

УДК 347.4
ББК 67.404.2

Дата поступления статьи: 13.09.2024
Дата принятия статьи: 26.09.2024

СПЕЦИАЛЬНЫЙ ИНВЕСТИЦИОННЫЙ КОНТРАКТ КАК ИНСТРУМЕНТ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОДДЕРЖКИ ИНВЕСТИЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РОССИИ

Агнесса Олеговна Иншакова

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Введение: статья посвящена анализу правового обеспечения специального инвестиционного контракта (СПИК), который является одним из наиболее эффективных инструментов государственной поддержки инвестиционной деятельности в России. Он позволяет стимулировать создание, модернизацию и освоение производства промышленной продукции, разработку и внедрение современных технологий, что способствует росту экономики страны и улучшению качества жизни населения. **Цель:** исследование специального инвестиционного контракта в качестве инструмента, который используется для привлечения инвестиций в различные сектора экономики; изучение становления и современного состояния законодательного регулирования использования специального инвестиционного контракта в России и в зарубежных странах для реализации различных стратегических проектов и программ, в том числе реализации инфраструктурных проектов, программ развития туризма, промышленности, сельского хозяйства и других секторов экономики. **Методы:** методологическую основу исследования составили общенаучные и частнонаучные методы познания, среди которых особую роль играют методы анализа, синтеза, эмпирический метод правового моделирования, догматический (формально-логический) и формально-юридический методы, а также метод правового прогнозирования. **Результаты:** специальный инвестиционный контракт исследован в работе как эффективный инструмент для привлечения инвестиций в различные сектора экономики, который позволяет государству реализовывать свои стратегические проекты, не тратя свои собственные средства, и предоставляет инвесторам определенные гарантии и преференции, что делает инвестирование в проекты более привлекательным. Установлено, что СПИК способствует развитию научно-технического прогресса и инноваций в экономике страны, служит повышению конкурентоспособности отечественных производителей на мировом рынке и улучшению качества продукции, а также является эффективным инструментом стимулирования создания новых производств. Регулирование специальных инвестиционных контрактов изучено на примере российского законодательства и некоторых зарубежных стран. Проанализированы новеллы активно развивающегося федерального законодательства, регулирующего специальные инвестиционные контракты. В частности, установлено расширение сферы применения специального инвестиционного контракта. Выявлены различия законодательного регулирования в России и за рубежом. Установлено, что международные инвестиционные контракты направлены на снижение рисков для иностранных инвесторов, на содействие международной конкуренции, которая запрещает дискриминационное обращение с иностранными инвесторами, гарантируя им как национальный режим, так и режим наибольшего благоприятствования. **Выводы:** выявлены основные преимущества и недостатки специального инвестиционного контракта, а также риски от его использования. Даны методические рекомендации по составлению специального инвестиционного контракта с целью минимизации рисков и обеспечения его эффективности. Установлено, что в целом законодательное регулирование специальных инвестиционных контрактов в различных странах направлено на обеспечение прозрачности, защиту инвесторов и обеспечение ответственного управления инвестиционными фондами. Утверждается, что современная внешнеполитическая и экономическая ситуация в стране в разы актуализирует проблему по совершенствованию инвестиционного законодательства, в состав которого входит и законодательство о СПИК, являющемся одной из форм публично-частного партнерства. Обосновано предложение о принятии унифицированного законодательного акта, в котором были бы урегулированы все возможные формы публично-частного партнерства.

Ключевые слова: инвестиции, инвестиционная деятельность, инвестиционное законодательство, инвестирование в проекты, специальный инвестиционный контракт, государственная поддержка инвестиционной деятельности.

Цитирование. Иншакова А. О. Специальный инвестиционный контракт как инструмент государственной поддержки инвестиционной деятельности в России // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2024. – Т. 23, № 4. – С. 67–74. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2024.4.9>

Введение

Специальный инвестиционный контракт (далее – СПИК) является одним из наиболее эффективных инструментов государственной поддержки инвестиционной деятельности в России. Он позволяет стимулировать создание, модернизацию и освоение производства промышленной продукции, разработку и внедрение современных технологий, что способствует росту экономики страны и улучшению качества жизни населения. Федеральный закон от 31 декабря 2014 г. № 488-ФЗ «О промышленной политике в Российской Федерации» в ст. 3 раскрывает определение термина «промышленная продукция» как товары, произведенные в результате осуществления деятельности в сфере промышленности. Готовые продукты, произведенные в промышленности, могут использоваться в различных отраслях экономики, таких как строительство, производство транспортных средств, энергетика и др.

В современном мире, как правило, используются технологические процессы и оборудование, которые подвергаются постоянно улучшению и модернизации. Прежде всего, производство промышленной продукции – это сложный процесс, который требует использования современных технологий и материалов. Это необходимо для повышения качества продукции, снижения затрат на производство и увеличения производительности труда. В связи с этим многие предприятия ведут активную работу по внедрению новых технологий и оборудования, что требует значительных затрат и может стать препятствием для многих предприятий. В таких случаях можно использовать СПИК – инструмент, который позволяет привлекать инвестиции для реализации проектов по внедрению новых технологий и оборудования. Например, в России СПИК часто используются для реализации проектов по модернизации производства.

В рамках таких проектов предприятия могут привлечь инвестиции для закупки нового оборудования, проведения работ по модернизации производственных линий и т. д. Взамен инвестор получает определенную долю в прибыли, которую будет получать предприятие после реализации проекта.

Специальный инвестиционный контракт – это инструмент, который используется для привлечения инвестиций в различные экономические сектора. Они используются во многих странах, в том числе и в России, для реализации различных стратегических проектов и программ. СПИК были введены в России в 2015 г. и с тех пор стали очень популярными. Они используются для реализации инфраструктурных проектов, программ развития туризма, промышленности, сельского хозяйства и других секторов экономики [3, с. 109].

Законодательство, регулирующее СПИК, различается в разных странах. Например, в Германии, Франции и Японии существуют свои национальные законы, регулирующие СПИК. В Германии СПИК регулируются законом о федеральных дорожных проектах (FStrPrivFinG), который включает в себя нормы, регулирующие заключение, исполнение и прекращение СПИК. Кроме того, в некоторых странах существуют специальные организации, которые занимаются управлением СПИК. В России это Федеральное агентство по управлению государственным имуществом (Росимущество). В других странах, таких как Франция и Япония, управление СПИК осуществляется специальными агентствами и корпорациями. Однако, несмотря на различия в законодательстве, все СПИК имеют общие черты. Они представляют собой договор между инвестором и государственным органом или организацией, который обязывает инвестора вложить свои средства в проект в течение определенного времени. Взамен инвестор получает преференции, такие как налоговые льготы, гарантированная доходность и др.

Специальный инвестиционный контракт как способ стимулирования создания, модернизации, освоения производства промышленной продукции, разработки и внедрения современных технологий

СПИК считается эффективным инструментом для привлечения инвестиций в различные сектора экономики, позволяющим государству реализовывать свои стратегические проекты, не тратя на это собственные средства. В то же время СПИК предоставляет инвесторам определенные гарантии и преференции, что делает инвестирование в проекты более привлекательным.

Одним из основных преимуществ СПИК является возможность привлечения значительных объемов инвестиций в различные отрасли экономики. Благодаря этому возможно создание новых производств, модернизация существующих, освоение новых технологий и т. д. Это позволяет улучшить экономический климат в регионах, создать новые рабочие места и повысить уровень жизни населения.

Кроме того, СПИК способствует развитию научно-технического прогресса и инноваций в экономике страны. Благодаря инвестициям в разработку и внедрение новых технологий возможно повышение конкурентоспособности отечественных производителей на мировом рынке и улучшение качества продукции.

СПИК является эффективным инструментом стимулирования создания новых производств. Благодаря СПИК у инвесторов появляется возможность получить дополнительные льготы и преференции при создании новых производств. Это позволяет снизить затраты на производство и увеличить его эффективность.

Однако СПИК также имеет свои недостатки и риски. Один из главных рисков – это несоблюдение инвестором условий контракта. В этом случае государство может потерять значительные средства, выделенные на поддержку проекта. Кроме того, СПИК может привести к появлению монополистических позиций на рынке, что негативно скажется на конкуренции и ценах на продукцию.

Для того чтобы минимизировать риски и обеспечить эффективность СПИК, необходимо правильно оформлять и контролировать

выполнение контракта. Важным элементом является выбор правильного инвестиционного проекта, который должен быть рентабельным и соответствовать стратегическим интересам государства. Кроме того, необходимо установить механизмы контроля за выполнением условий контракта, а также предусмотреть меры ответственности за его нарушение.

Регулирование специальных инвестиционных контрактов в России и некоторых зарубежных странах

Специальный инвестиционный контракт – это юридический инструмент, который позволяет привлекать инвестиции для реализации проектов по модернизации и развитию производства. В СПИК участвуют различные субъекты, каждый из которых имеет свои права и обязанности. Законодательство о СПИК содержит нормы, которые регулируют заключение, исполнение и прекращение СПИК, а также права и обязанности сторон. Кроме того, законодательство может содержать определенные условия, которые должны быть выполнены при реализации проекта. Например, законодательство может предусматривать обязательное привлечение в проект местных поставщиков, использование экологически чистых технологий и т. д.

В России понятие специального инвестиционного контракта вошло в экономический оборот с принятием Федерального закона от 31 декабря 2014 г. № 488-ФЗ «О промышленной политике в Российской Федерации», а первый СПИК был подписан через полтора года – в июне 2016-го. В соответствии с п. 1 ст. 16 вышеназванного закона, по специальному инвестиционному контракту одна сторона – инвестор – в предусмотренный этим контрактом срок своими силами или с привлечением иных лиц обязуется создать либо модернизировать и (или) освоить производство промышленной продукции на территории Российской Федерации, на континентальном шельфе Российской Федерации, в исключительной экономической зоне Российской Федерации, а другая сторона – Российская Федерация или субъект Российской Федерации – в течение такого срока обязуется осуществлять меры стимулирования деятельности в сфере промышленности,

предусмотренные законодательством Российской Федерации или законодательством субъекта Российской Федерации в момент заключения специального инвестиционного контракта. Наряду с Российской Федерацией сторонами СПИК могут быть субъект Российской Федерации и (или) муниципальное образование, контракт может быть заключен и без участия Российской Федерации.

Региональные меры поддержки определяются субъектом Российской Федерации или муниципальным образованием самостоятельно и могут включать снижение региональной части ставки налога на прибыль до 0 %, снижение ставок налога на имущество, земельного и транспортного налогов и другие преференции [2].

Вышеуказанное определение СПИК соответствует механизму так называемого СПИК 1.0 (термин используется Министерством финансов России), который применяется только к ст. 16 Федерального закона «О промышленной политике в Российской Федерации». В части заключения, изменения и расторжения СПИК 1.0 утверждены Правила заключения СПИК и типовая форма СПИК для отдельных отраслей промышленности [5].

К СПИК применяются положения законодательства об инвестиционной деятельности, если иное не установлено законом и не противоречит их существу. Федеральное законодательство, касающееся специальных инвестиционных контрактов, активно развивается: в 2023 г. действует уже восьмая редакция Постановления Правительства РФ «О специальных инвестиционных контрактах для отдельных отраслей промышленности». Так, например, была расширена сфера применения инструмента. Полномочиями заключать специальные инвестиционные контракты дополнительно к Министерству промышленности и торговли России наделены Министерство энергетики Российской Федерации и Министерство сельского хозяйства Российской Федерации. Утверждены типовые формы таких контрактов для отдельных отраслей промышленности и многое другое.

В начале 2019 г. в Федеральный закон «О промышленной политике в Российской Федерации» был внесен ряд концептуальных изменений в части СПИК [6]. Механизм СПИК

был переработан и появился его второй вариант, который называют СПИК 2.0. Кроме того, в Налоговом кодексе РФ появилась новая глава 3.5 со ст. 25.16, касающаяся налогоплательщиков – участников специальных инвестиционных контрактов.

СПИК 2.0 применяется для инвестиционных проектов по внедрению или разработке и внедрению современной технологии из утвержденного перечня в целях освоения серийного производства промышленной продукции на основе этой технологии. Для таких контрактов, заключенных после вступления в силу указанного федерального закона, было принято Постановление Правительства РФ от 16 июля 2020 г. № 1048 «Об утверждении Правил заключения, изменения и расторжения специальных инвестиционных контрактов» [4].

СПИК 2.0 – это соглашение между инвестором и государством, в котором фиксируются:

- обязательства инвестора – реализовать инвестиционный проект по внедрению или разработке и внедрению технологии в целях освоения серийного производства промышленной продукции на основе этой технологии;
- обязательства государства (Российской Федерации, субъекта РФ, муниципального образования) – обеспечивать стабильность условий ведения хозяйственной деятельности и применять меры стимулирования в сфере промышленности, предусмотренные соглашением.

Сведения о заключении, изменении, расторжении и прекращении действия СПИК вносятся в реестр специальных инвестиционных контрактов. Ранее заключенные СПИК (СПИК 1.0) сохраняют свое действие и также подлежат автоматическому включению в реестр.

Законодательство, регулирующее СПИК, и практика применения инвестиционных контрактов в Российской Федерации в зарубежных странах имеет существенные различия. Так, рассматриваемые отношения в Германии регулируются Инвестиционным кодексом Германии (Kapitalanlagegesetzbuch, или KAGB). Это законодательство обеспечивает основу для создания и регулирования конкретных видов инвестиционных фондов, включая фонды прямых инвестиций и недвижимости.

В соответствии с KAGB специальные инвестиционные фонды подчиняются строгим нормативным требованиям и должны управляться лицензированным управляющим фондом. Кроме того, инвесторам в эти типы фондов предоставляется определенная юридическая защита и требования к раскрытию информации. Чтобы соответствовать правилам, установленным KAGB, управляющие фондами должны следовать определенным правилам по формированию фондов, диверсификации инвестиций, управлению рисками и отчетности. Несоблюдение этих правил может привести к штрафам и проверке со стороны регулирующих органов.

Специальные инвестиционные контракты во Франции в первую очередь регулируются Финансово-валютным кодексом Франции (*Code monétaire et financier*). Это законодательство поддерживает основу для создания и регулирования инвестиционных фондов во Франции и обеспечивается *Autorité des Marchés financiers* (AMF), который является финансовым регулирующим органом страны. Согласно французскому законодательству, инвестиционные фонды должны быть авторизованы AMF и должны соответствовать определенным нормативным требованиям, касающимся их организации, управления и отчетности. AMF несет ответственность за соблюдение этих требований и может налагать штрафы или другие санкции за их несоблюдение. Кроме того, Франция внедрила определенные директивы ЕС, касающиеся инвестиционных фондов, например Директиву об управляющих альтернативными инвестиционными фондами (AIFMD), которая обеспечивает нормативно-правовую базу для управляющих альтернативными инвестиционными фондами, включая фонды прямых инвестиций и хедж-фонды.

Специальные инвестиционные контракты в Японии в основном регулируются Законом о финансовых инструментах и биржах (FIEA). Это законодательство обеспечивает основу для создания и деятельности инвестиционных фондов в Японии и обеспечивается Агентством финансовых услуг (FSA), которое является финансовым регулирующим органом страны. Согласно японскому законодательству, инвестиционные фонды должны быть зарегистриро-

ваны в FSA и должны соответствовать определенным нормативным требованиям, касающимся их организации, управления и раскрытия информации. FSA несет ответственность за соблюдение этих требований и может налагать штрафы или другие санкции за их несоблюдение. Япония также внедрила определенные международные стандарты, относящиеся к инвестиционным фондам, такие как Принципы Международной организации комиссий по ценным бумагам (IOSCO), которые содержат рекомендации по регулированию и надзору за инвестиционными фондами.

Международные инвестиционные контракты направлены на снижение рисков для иностранных инвесторов, содействие международной конкуренции, которая запрещает дискриминационное обращение с иностранными инвесторами, гарантируя им как национальный режим, так и режим наибольшего благоприятствования. Международные инвестиционные контракты преследуют цель достижения более высоких уровней развития в развивающихся странах за счет привлечения иностранных инвестиций и защиты инвестиций и инвесторов на основе надлежащей правовой процедуры, в соответствии с обязательными договорами и правовыми механизмами [1].

Выводы

Таким образом, можно заключить, что, несмотря на различия в законодательстве, все СПИК имеют общие черты. Они представляют собой договор между инвестором и государственным органом или организацией, который обязывает инвестора вложить свои средства в проект в течение определенного времени. Взамен инвестор получает определенные преференции, такие как налоговые льготы, гарантированная доходность и др. В целом законодательное регулирование специальных инвестиционных контрактов в различных странах направлено на обеспечение прозрачности, защиту инвесторов и обеспечение ответственного управления инвестиционными фондами.

Современная внешнеполитическая и экономическая ситуация в стране в разы актуализирует проблему по совершенствованию инвестиционного законодательства, в состав которого входит и законодательство о СПИК,

являющемся одной из форм публично-частного партнерства. Полагаем, что сегодня остро стоит вопрос о совершенствовании инвестиционного законодательства и целесообразным является предложение о принятии унифицированного законодательного акта, в котором были бы урегулированы все возможные формы публично-частного партнерства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Исаев, Н. В. Специальный инвестиционный контракт в России: становление, современные реалии и перспективы развития / Н. В. Исаев // Вестник ВУиТ. – 2022. – № 2 (101). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/spetsialnyy-investitsionnyy-kontrakt-v-rossii-ctanovlenie-sovremennye-realii-i-perspektivy-razvitiya>
2. Мантуров, Д. В. Принципы и подходы к реализации региональной промышленной политики на федеральном уровне / Д. В. Мантуров // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. – 2017. – Т. 7, № 4 (25). – С. 8–18.
3. Матыцин, Д. Е. Развитие правового регулирования ключевых технологий Индустрии 4.0: цифровые токены как особые инвестиционные инструменты / Д. Е. Матыцин // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2023. – Т. 22, № 2. – С. 109–113. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2023.2.14>
4. Постановление Правительства РФ от 16.07.2020 № 1048 «Об утверждении Правил заключения, изменения и расторжения специальных инвестиционных контрактов» // Собрание законодательства РФ. – 2020. – 27 июля (№ 30). – Ст. 4911.
5. Постановление Правительства РФ от 16 июля 2015 г. № 708 «О специальных инвестиционных контрактах для отдельных отраслей промышленности» // Собрание законодательства РФ. – 2015. – 27 июля (№ 30). – Ст. 4587.
6. Федеральный закон от 02.08.2019 № 290-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О промышленной политике в Российской Федерации” в части регулирования специальных инвестиционных контрактов» // Собрание законодательства РФ. – 2019. – 5 авг. (№ 31). – Ст. 4449.

REFERENCES

1. Isaev N.V. Specialnyj investicionnyj kontrakt v Rossii: stanovlenie, sovremennye realii i perspektivy

razvitiya [Special Investment Contract in Russia: Formation, Modern Realities and Development Prospects]. *Vestnik VUiT*, 2022, no. 2 (101). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/spetsialnyy-investitsionnyy-kontrakt-v-rossii-ctanovlenie-sovremennye-realii-i-perspektivy-razvitiya>

2. Manturov D.V. Principy i podhody k realizacii regionalnoj promyshlennoj politiki na federalnom urovne [Principles and Approaches to the Implementation of Regional Industrial Policy at the Federal Level]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sociologiya. Menedzhment* [Izvestia of the South-West State University. Economics series. Sociology. Management], 2017, vol. 7, no. 4 (25), p. 8-18.

3. Matytsin D.E. Razvitie pravovogo regulirovaniya klyuchevyh tekhnologij Industrii 4.0: cifrovye tokeny kak osobyje investicionnye instrumenty [The Legal Regulation Development of Key Technologies of Industry 4.0: Digital Tokens as Special Investment Instruments]. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2023, vol. 22, no. 2, pp. 109-113. DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2023.2.14>

4. Postanovlenie Pravitelstva RF ot 16.07.2020 № 1048 «Ob utverzhdenii Pravil zaklyucheniya, izmeneniya i rastorzheniya specialnyh investicionnyh kontraktov» [Decree of the Government of the Russian Federation of July 16, 2020 No. 1048 “On Approval of the Rules for the Conclusion, Amendment and Termination of Special Investment Contracts”]. *Sobranie zakonodatelstva RF* [Collection of Legislation of the Russian Federation], 2020, July 27, no. 30, art. 4911.

5. Postanovlenie Pravitelstva RF ot 16 iyulya 2015 g. № 708 «O specialnyh investicionnyh kontraktah dlya otdelnyh otraslej promyshlennosti» [Decree of the Government of the Russian Federation of July 16, 2015 № 708 “On Special Investment Contracts for Certain Industries”]. *Sobranie zakonodatelstva RF ot 27 iyulya 2015 g.* [Collection of Legislation of the Russian Federation of July 27, 2015], no. 30, art. 4587.

6. Federalnyj zakon ot 02.08.2019 № 290-FZ «O vnesenii izmenenij v Federalnyj zakon “O promyshlennoj politike v Rossijskoj Federacii” v chasti regulirovaniya specialnyh investicionnyh kontraktov» [Federal Law of August 2, 2019 No. 290-FZ “On Amendments to the Federal Law ‘On Industrial Policy in the Russian Federation’ Regarding the Regulation of Special Investment Contracts”]. *Sobranie zakonodatelstva RF* [Collection of Legislation of the Russian Federation], 2019, August 5, no. 31, art. 4449.

Information About the Author

Agnessa O. Inshakova, Doctor of Sciences (Jurisprudence), Professor, Head of the Department of Civil and Private International Law (Base Department of the Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences), Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, ainshakova@list.ru, gimchp@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8255-8160>

Информация об авторе

Агнесса Олеговна Иншакова, доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой гражданского и международного частного права (базовая кафедра ЮИЦ РАН), Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, ainshakova@list.ru, gimchp@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8255-8160>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2024.4.10>

UDC 347.1
LBC 67.402

Submitted: 30.08.2024
Accepted: 26.09.2024

FEATURES OF USING NEURAL NETWORKS IN CROWDFUNDING IN THE RUSSIAN FEDERATION: A LEGAL STATUS

Gennady G. Egorov

Volgograd State University (Volzhsky Branch), Volzhsky, Russian Federation

Tatyana V. Derkacheva

Volgograd State University (Volzhsky Branch), Volzhsky, Russian Federation

Introduction: the development of civil society in order to achieve socially oriented goals is not possible without the active participation of representatives of society in it. The dynamics of the development of auxiliary systems for supporting these relationships, in modern conditions, increasingly begin to depend on machine analysis systems for both information and the priorities of participation of subjects in relationships that correspond to the interests of society's development and are based on neural network programming. The above-mentioned has formed the **purpose** of the study: to conduct a scientific analysis of the use of machine analysis systems in determining the legal and machine-logical prerequisites for citizens' participation in crowdfunding of an economic and civil nature. **Methods:** the methodological framework for the conducted research is the methods of scientific cognition, including such main ones as the methods of consistency, analysis and comparative law and the methods of machine analysis of social relations. **Result:** the authors have analyzed the legal status of crowdfunding in the Russian Federation, which refers to all forms of collective participation of citizens in the implementation of civil initiatives, both commercial and social, and provided the main positive and negative indicators of the use of neural networks in calculating indicators of participation in civil projects. **Conclusions:** the use of modern machine analysis systems is acceptable in practice, but it can generate a complex of legal, organizational, interpretative, impartial and ethical problems.

Key words: crowdfunding, neural networks, legal foundations of civil financing, problems of using machine logic.

Citation. Egorov G.G., Derkacheva T.V. Features of Using Neural Networks in Crowdfunding in the Russian Federation: A Legal Status. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2024, vol. 23, no. 4, pp. 75-84. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2024.4.10>

УДК 347.1
ББК 67.402

Дата поступления статьи: 30.08.2024
Дата принятия статьи: 26.09.2024

ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ НЕЙРОСЕТЕЙ ПРИ КРАУДФАНДИНГЕ В РФ: НОРМАТИВНО-ПРАВОВОЙ СТАТУС

Геннадий Геннадьевич Егоров

Волжский филиал Волгоградского государственного университета, г. Волжский, Российская Федерация

Татьяна Васильевна Деркачева

Волжский филиал Волгоградского государственного университета, г. Волжский, Российская Федерация

Введение: развитие гражданского общества, для достижения социально-ориентированных целей, не представляется возможным без активного участия в нем представителей общества. Динамика развития вспомогательных систем поддержки данных отношений, в современных условиях, все в большей степени начинает зависеть от систем машинного анализа как информации так и приоритетов участия субъектов в отношениях соответствующих интересам развития общества и основанных на нейросетевом программировании.

Отмеченное и сформировала **цель** данного исследования: провести научный анализ использования систем машинного анализа при определении правовых и машинно-логических предпосылок участия граждан в краудфандинге экономического и гражданского характера. **Методы:** методологической основой проведенного исследования выступают методы научного познания, среди которых основное место занимают методы системности, анализа и сравнительно-правовой и методы машинного анализа социальных отношений. **Результат:** авторами проведен анализ юридического статуса в Российской Федерации краудфандинга, под которым понимаются все формы коллективного участия граждан в реализации гражданских инициатив как коммерческого так и социального характера и приведены основные положительные и отрицательные показатели использования нейросетей при расчете показателей участия в гражданских проектах. **Выводы:** использование современных систем машинного анализа допустимо на практике но может порождать комплекс проблем правового, организационного, интерпретационного, беспристрастного и этического характера.

Ключевые слова: краудфандинг, нейросети, правовые основы гражданского финансирования, проблемы использования машинной логики.

Цитирование. Егоров Г. Г., Деркачева Т. В. Особенности использования нейросетей при краудфандинге в РФ: нормативно-правовой статус // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2024. – Т. 23, № 4. – С. 75–84. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2024.4.10>

Введение

Краудфандинг, или народное финансирование, уже несколько лет активно применяется в российской практике. Однако на законодательном уровне это явление не регламентировано. В судебной практике редко встречаются споры, связанные с краудфандинговыми проектами.

Таким образом, отсутствие четкой правовой базы для краудфандинга в России создает юридические риски для всех участников процесса.

В странах Восточной Европы правовая база, регулирующая краудфандинговую деятельность также несовершенна. Но при этом законодатели в муниципалитетах вводят системы налогообложения, валютные и правовые ограничения на финансирование значительно различаются в зависимости от юрисдикции размещения краудфандинговых платформ и целей проектов [1; 2].

В Российской Федерации также отсутствует комплексное законодательное регулирование краудфандинга [12], включая гражданский краудфандинг (без получения экономической выгоды), что порождает как неопределенность для участников рынка, так и комплекс юридических рисков для инвесторов и инициаторов проектов, и в то же время возникновение системы по сдерживанию развития данного инструмента для реализации социально значимых проектов.

Отмеченные проблемы и обосновывают необходимость разработку единого правового

поля для регулирования краудфандинга как в России, так и в странах Европы, что в современных условиях развития может представлять существенные трудности.

В России, несмотря на наличие нормативных актов, регулирующих пожертвования и привлечение инвестиций через краудфандинговые платформы (с экономической отдачей), отсутствует комплексное законодательство, касающееся гражданского краудфандинга.

Данная ситуация накладывает существенные ограничения на гибкость в финансировании и реализации общественных проектов и порождает возникновения препятствий по участию государства в обеспечении экономических интересов как граждан так и власти [12].

В зарубежных странах механизмы финансирования краудфандинговых проектов на основе государственно-частного (ГЧП) и муниципально-частного (МЧП) партнерства недостаточно развиты [2].

Государственная информационная поддержка и налоговые стимулы для потенциальных доноров, заинтересованных в финансировании социальных инноваций, минимальны или отсутствуют [11].

Отмеченные факторы ограничивают возможность для реализации социально значимых проектов, снижая мотивацию у потенциальных инвесторов, и как следствие недостаточное использование краудфандинга как инструмента для решения актуальных проблем общества.

Исследование

В действующих федеральных нормах права, а также комплексе подзаконных регуляторов используются различные формулировки, которые, тем не менее, позволяют выделить некоторые общие черты краудфандинга:

- привлечение денежных средств от множества инвесторов (как правило, физических лиц) через специализированные онлайн-платформы;
- наличие социальной или инновационной цели проекта;
- добровольный характер взносов;
- отсутствие прямой связи между размером взноса и получаемой инвестором выгодой.

В Распоряжении Правительства РФ от 02.06.2016 № 1083-р «Об утверждении Стратегии развития малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации на период до 2030 года» краудфандинг позиционируется как альтернативный источник финансирования для субъектов малого и среднего предпринимательства (МСП) на ранних стадиях их развития [9].

В то же время в письме ФНС России от 25.11.2016 № СД-4-3/22415@ Минфин РФ использует определение краудфандинга, заимствованное из свободной интернет-энциклопедии «Википедия»: «Краудфандинг – это форма коллективного сотрудничества, при которой люди (доноры) добровольно объединяют свои деньги или другие ресурсы (как правило, через Интернет) для поддержки проектов или инициатив других людей или организаций (реципиентов). Целями, при этом могут являться как помощь пострадавшим от стихийных бедствий, поддержка государственных инициатив (зона СВО), создания стартап-компаний и малого предпринимательства и т. п.»

Особого внимания заслуживают Разъяснения Комиссии по этике и стандартам по вопросу использования адвокатом механизма краудфандинга, утвержденные Федеральной палатой адвокатов 13.09.2018 № 04/18, в котором адвокатское сообщество под данной категорией понимает деятельность как механизм, позволяющий собирать денежные средства от неограниченного круга третьих лиц для оплаты труда адвоката и компенсации его

издержек, связанных с оказанием юридической помощи [10].

Отмеченных три подхода позволяют определить краудфандинг – как механизм, привлечения финансовые средства от неограниченного круга третьих лиц для реализации различных проектов, как коммерческого, так и некоммерческого характера [6].

Краудфандинг становится все более популярным инструментом для финансирования различных инициатив, позволяя реализовывать проекты, которые не могут получить финансирование из традиционных источников.

С 01.01.2020 г. вступил в силу Федеральный закон от 02.08.2019 № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», в котором регулируются вопросы коммерческого краудфандинга (далее – Закон) [9].

Данный Закон ограничивает сферу применения данной формы финансирования целями, связанными с предпринимательской деятельностью реципиентов (п. 5 ч. 1 ст. 2 и ст. 5 Закона). При этом анализируя этапы введения данного акта, изначальное название законопроекта – «Об альтернативных способах привлечения инвестиций (краудфандинге)», можно делать однозначный вывод об универсальности отмеченной формы финансирования. Но при этом, анализируя текст акта, можно сделать вывод об отсутствии в нем т.н. гражданского краудфандинга.

Таким образом, в России отсутствует единое законодательное регулирование краудфандинга. Коммерческий краудфандинг регулируется Законом от 02.08.2019 № 259-ФЗ, а некоммерческий краудфандинг остается не охваченным федеральным законодательством.

Это создает ряд проблем, связанных с правовой неопределенностью в данной сфере.

Необходимо разработать комплексное законодательное регулирование краудфандинга, учитывающее особенности как коммерческого, так и некоммерческого направлений.

Закон выделяет три основные категории участников данной группы отношений:

- прежде всего это операторы инвестиционных платформ, включающих юридические лица, осуществляющих деятельность по

организации привлечения инвестиций; обеспечивающих функционирование платформы, на которой взаимодействуют реципиенты и инвесторы и несущих ответственность за выявленные нарушения действующих норм законодательства;

– реципиенты (лица, привлекающие инвестиции), как физические так и юридические, при этом статус представителей власти неоднозначен;

– инвесторы / доноры, юридические и физические лица, предоставляющие средства на свой страх и риск реципиентам.

Также в отношениях допустимо участие и третьих лиц, например:

– агенты, оказывающие помощь реципиентам в подготовке и проведении краудфандинговой кампании;

– организаторы конкурсов для предоставления инвестиций.

Закон также предусматривает участие Банка России в качестве органа, осуществляющего контроль за деятельностью операторов инвестиционных платформ (глава 4 Закона).

Также в Законе определены основные группы актов, регулирующих отношения сторон:

1. Правила инвестиционной платформы, составляются оператором платформы; определяют основные условия работы платформы и являются обязательным для всех участников краудфандинговых отношений (ст. 4 Закона).

2. Договоры об оказании услуг, заключаются между оператором платформы и инвесторами, реципиентами; определяют условия предоставления оператором услуг, связанных с организацией краудфандинга; обеспечивают доступ реципиентов и инвесторов к участию в краудфандинге (ст. 3 Закона).

3. Договоры между инвестором и реципиентом, регулируют прямые отношения между участниками, вызывающие наибольшее количество практических вопросов так как зачастую не соответствуют моделям договоров, предусмотренных действующим законодательством (в первую очередь ГК РФ).

На практике, в зависимости от содержания, как свидетельствует анализ ст. 807 ГК РФ и решения Арбитражного суда г. Москвы от 05.04.2018 по делу № 40-168164/17-31-1491, используются прежде всего договор займа или договор купли-продажи с предварительной

оплатой (ст. 454 ГК РФ) или же договор пожертвования (ст. 582 ГК РФ). При этом перечень возможных форм на данных примерах не исчерпан [9].

Закон определяет следующие способы инвестирования в рамках коммерческого краудфандинга:

1. Предоставление займов (инвестор предоставляет реципиенту денежные средства на установленный срок под проценты).

2. Приобретение эмиссионных ценных бумаг (инвестор приобретает эмиссионные ценные бумаги, выпускаемые реципиентом с использованием инвестиционной платформы).

3. Приобретение утилитарных цифровых прав (инвестор приобретает утилитарные цифровые права, предоставляющие ему возможность получить от реципиента товары, услуги или результаты его интеллектуальной деятельности).

4. Приобретение цифровых финансовых активов (инвестор приобретает цифровые финансовые активы, выпускаемые реципиентом с использованием инвестиционной платформы).

Важно отметить, что действие Закон не распространяется на: эмиссионные ценные бумаги кредитных организаций, некредитных финансовых организаций; структурные облигации; ценные бумаги, предназначенные для квалифицированных инвесторов.

В настоящее время, в отсутствие специального регулирования отношений, складывающихся в рамках некоммерческого краудфандинга, участники этих отношений руководствуются общими нормами гражданского законодательства об обязательствах и договорах, которые применяются прямо или по аналогии [3].

Гражданский краудфандинг играет важную роль в решении социально-значимых проблем государства, стимулируя развитие социальных инноваций, которые, в свою очередь, являются основой инклюзивного роста.

Обеспечение экономической инклюзивности является неотъемлемым условием устойчивости экономического роста. Краудфандинг предлагает альтернативу традиционным инструментам финансирования, таким как: бюджетное финансирование; венчурный капитал; банковское кредитование; лизинг и многие другие.

Он позволяет социальным предпринимателям и некоммерческим организациям привлекать необходимые средства для реализации своих проектов от широкого круга людей, разделяющих их идеи.

Гражданский краудфандинг базируется на технологиях гражданского участия (civic technology) – информационно-коммуникационных технологиях, обеспечивающих взаимодействие органов власти (правительства), граждан (общества) и субъектов хозяйствования [12].

В рамках социальных инноваций краудфандинговые онлайн-платформы (цифровые платформы в сети Интернет), применяемые при данном финансировании, представляют собой эффективный инструмент для: финансирования социальных проектов, стартапов, бизнес-идей, научно-исследовательских работ и обеспечения высокого уровня прозрачности в процессе денежных операций [1].

Использование таких систем, в сравнении с традиционными источниками финансирования, является более предпочтительным по отношению к классическому т.к. формирует более высокую привлекательность для инициаторов инновационных проектов; создает механизмы прямого взаимодействия с донорами, исключая посредников и сокращающее транзакционные издержки; снижения влияния географических ограничений и обеспечение высокой скорости коммуникации между участниками проекта и возможность быстрого охвата широкой аудитории потенциальных доноров, привлечения крупных инвестиций и превышения заявленных в проекте сумм [10].

Гражданский краудфандинг представляет собой эффективный инструмент, открывающий широкий спектр возможностей, в том числе и для органов государственной власти. В частности использование данного механизма позволяет определить актуальные потребности и интересы граждан; выявить сферы, требующие неотложного вмешательства со стороны государства; оценить общественную реакцию на различные инициативы; повысить прозрачность и подотчетность деятельности государственных органов и укрепить доверие граждан к власти.

Более подробно эти преимущества можно охарактеризовать следующим образом [3]:

– вовлечение граждан в процесс управления: краудфандинговые платформы предо-

ставляют гражданам возможность непосредственно участвовать в определении приоритетов государственной политики и распределении бюджетных средств. Это позволяет увеличить легитимность и эффективность государственного управления;

– снижение коррупционных рисков: прозрачность финансирования проектов через краудфандинговые платформы снижает возможность злоупотреблений со стороны чиновников;

– стимулирование социальных инноваций: краудфандинг создает благоприятные условия для развития новых идей и реализации социально значимых проектов;

– повышение эффективности использования бюджетных средств: Софинансирование проектов за счет средств граждан позволяет оптимизировать расходы бюджета и направить их на решение наиболее актуальных задач;

В целом гражданский краудфандинг является ценным инструментом модернизации системы государственного управления, позволяющим повысить ее эффективность, прозрачность и подотчетность.

Гражданский краудфандинг несет значительные преимущества не только для органов государственной власти, но и для общества в целом, а также для субъектов хозяйствования.

Использование данного механизма в социальной сфере позволяет увеличить показатель общественных благ, идет процесс реализации проекты, которые не могут быть осуществлены за счет бюджетных средств или инвестиций частного сектора. Увеличить показатели вовлеченности граждан в решение социальных проблем, представители социума получают возможность непосредственно участвовать в реализации инициатив, направленных на улучшение жизни в своих сообществах. Повышение социальной активности, стимулирует граждан к более активному участию в общественной жизни [8].

В сфере коммерческой деятельности данный механизм позволяет создавать новые возможности для развития, представители предприятий имеют возможность привлекать средства для реализации новых проектов, расширения рынка сбыта и увеличения прибыли. Повысить узнаваемость бренда, как след-

ствие улучшить свой имидж. Укрепление связей с потребителями, через введения новых каналов коммуникации с потребителями и анализом их потребностей. Снизить риски, «обкатка» предприятиям новых идей и продукты без значительных финансовых вложений.

Таким образом использования в стране гражданского краудфандинга позволяет развивать экономику России, обеспечивая при этом экономию бюджетных средств власть может направлять бюджетные средства на решение приоритетных задач, используя данный механизм для финансирования менее значимых проектов. Мобилизовать свободные средства граждан. Поддерживать социальных инноваций, через создает благоприятные условия для развития новых идей и реализации социально значимых проектов. И в тоже время стимулировать технологическое развитие с помощью привлечение средства для разработки новых технологий и внедрения инновационных решений.

Анализируя современные достижения, в данной сфере, можно выделить ряд основных онлайн-платформ для гражданского краудфандинга: Growfunding (Бельгия); Spacehive (Великобритания); Goteo (Испания); PlanBee (Италия); La Ruche (Канада); Voor je Buurt (Нидерланды); ioby и Patronicity (США); Co-city (Франция) и т. п.

Эти платформы позволяют гражданам и организациям собирать средства на реализацию различных проектов, направленных на улучшение жизни в сообществах. Они предлагают широкий спектр инструментов и услуг, позволяющих создавать успешные краудфандинговые кампании.

Показателями успеха в их деятельности выступают следующие показатели:

– ценностный фактор (привлекательность идеи проекта, то есть интерес потенциальным донорам и решать их актуальные проблемы; социальная значимость проекта, сфера интереса должна иметь социальное ориентирование; компетентный показатель, участники проекта должны иметь опыт реализации);

– технологический фактор (использование современных технологий, позволяющих обеспечивать услуги с помощью современных web-сервисов или сотовых приложениях; активное использование современных социальных сетей, основанных на социальных тех-

нологиях апробации новых идей; грамотное использование контент-маркетинга);

– финансовый фактор (обоснованность заявленной суммы, то есть соразмерность вводимых средств с показателем окупаемости; привлекательность вознаграждения доноров; допустимость использования различных форм выплаты, не выходящих за сферы признанных в рамках допустимых на территории РФ);

– правовой фактор (обязательное соблюдение норм действующего законодательства страны, защищающих права всех участников данных отношений и обеспечивающих прозрачность движения средств и реализации технологий, соответствующих законодательству РФ с учетом информации составляющей коммерческую тайну проекта.

Порядок оценки эффективности краудфандинговых проектов могут обеспечить как квалифицированные специалисты так и системы цифрового анализа основанные на функционировании нейросетей различного вида. Данный подход обуславливает необходимость разработки и введения специфической системы кластеризации, отличной от классической типологии экономического финансирования в России.

Система нейросетевого анализа может быть основана на неопределенно-большом количестве показателей, которые участники имеют возможность в любой момент дополнить с целью получения максимально достоверных результатов анализа перспективности участия в проекте. Нами был проведен анализ по пяти кластерным показателям анализа нейросетевого кластера представленных на рисунке. Выделения данных показателей преследовало целью обеспечения наглядности и удобству проводимого анализа.

Система анализа данных нейросети основана на получении данных об участниках проекта, территории реализации идеи проекта, уровня динамичной подстройки работы системы, фактически определения степени допустимой погрешности, позволяющей машинному алгоритму сформировать правила обучения комплекса и создать изменения функционирования нейросети, на рисунке представлены как «аналитические запросы».

Нами предлагается следующая группировка выделенных основных правил кластер-

ного анализа, определенных на рисунке с кодами К1-К5:

1. Первый модуль основан на социальных группах / направлениях, приоритетных для инвестиционной деятельности (К1). Позволяющих объединять проекты, направленные на решение актуальных социальных проблем, имеющих высокий потенциал для привлечения инвестиций и оказания позитивного влияния на развитие общества.

2. Второй модуль анализирует показатели низкой результативностью от инвестиционных вложений (К2). Данный модуль описывает признаки проектов, которые не демонстрируют достаточной эффективности и как правило не оправдывают вложенные в них инвестиции.

3. Третий модуль позволяет определять независимые от инвестиционных вложений обстоятельства, фактически отнесенных к форс-мажорным показателям (К3). Классическим примером выступают проекты, реализация которых не требует значительных финансовых вложений и в большей степени определяется волонтерской работой и энтузиазмом участников.

4. Четвертый модуль позволяет рассчитывать соответствия целей развития социума сферам краудфандинга проектов (К4). В рамках данного цифрового кластера происходит расчет проектных показателей, на соответствующих целям и задачам в рамках конкретных социальных групп.

5. Пятый модуль ориентирован на анализ признаков угрозы достижения положитель-

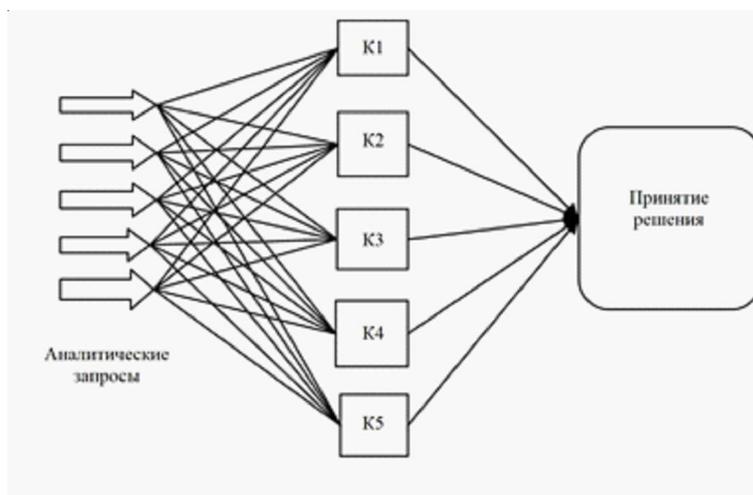
ных результатах (К5). Система проводит анализ данного проекта с определением «коэффициента риска» как с позиции финансовых так и социальных результатов.

Предложенная схема кластерного анализа, являющейся базисной для организации работы нейросетей начального уровня, позволяет провести первичный анализ эффективности анализируемых проектов с учетом выделенных факторов и определить наиболее перспективные для инвестирования проекты. И позволяет принять решение по участию в данных проектах.

Выводы

Помимо отмеченных элементов нейросетевого программирования, система также может учитывать и множество иных факторов, влияющих на успех проекта, к примеру: объем привлеченных средств; география поддержки; активность сообщества участников; опыт команды; качество представления идеи проекта и ряд других. Использование динамического комплекса факторов анализа нейросети позволяет с высокой точностью прогнозировать успешность проекта и оценить потенциальную прибыль от инвестиций.

При этом ряд вышеопределенных онлайн-платформ для оценки эффективности инвестиций в краудфандинговые проекты уже использует методы моделирования экономических систем. Этот метод позволяет учитывать макроэкономические факторы, такие как: тем-

Базовый алгоритм обработки нейросетью эффективности краудфандинговых проектов

пы роста экономики как территории так и страны; показатели уровня инфляции; банковские процентные ставки и т. п.

Использование данных площадок, основанных на использовании нейронных сетей, не возможно без обучения, включающего следующие этапы:

1. Подбор представительных данных. Для обучения сети необходимо собрать массив информации, которая максимально точно отражает изучаемую задачу. При этом сведения могут быть как заведомо ошибочными так и просто неточными.

2. Запуск алгоритма обучения, система анализирует предоставленные данные и ищет связи между входными и выходными переменными. В процессе обучения нейронная сеть постепенно улучшает свои прогнозы, минимизируя ошибки.

3. Подгонка и композиция функций. Один из самых значимых этапов на которой сеть анализируя сложную систему взаимосвязи элементов, имеющих как постоянную так и динамичную константу. В процессе обучения сеть подбирает оптимальные значения взаимосвязи элементов, позволяющий максимально точно моделировать результат, имеющий высокий показатель достоверности.

Учет этих факторов позволяет получить более точную картину потенциальной прибыли от инвестиций и оценить риски.

Ряд ученых, Ю.С. Соловьева с соавторами [10] и В.М. Казиев [7], неоднократно отмечают, что современные нейронные сети зарекомендовали себя как мощный инструмент моделирования экономических отношений любой природы, позволяя, при этом, воспроизводить чрезвычайно сложные зависимости между различными экономическими показателями. Главным преимуществом таких сетей является их нелинейность, которая соответствует нелинейному характеру функционирования экономических систем. Это позволяет им более точно отражать динамику и изменчивость экономической ситуации, по сравнению с традиционными методами моделирования, такими, к примеру, как: исследование множественной регрессии; дисперсионный анализ; общие линейные и нелинейные модели; анализ временных рядов и иных методик [4].

Главным преимуществом использования нейронных сетей выступает способностью обучаться на примерах. Это позволяет им выявлять сложные закономерности в данных и делать точные прогнозы.

Заключение

Таким образом использование нейросетей при краудфандинге имеет как положительные так и отрицательные показатели:

К положительным можно отнести:

1. Повышение точности прогнозов, работа системы базируется на большом объеме данных о прошлых проектах и подтвержденных факторов, влияющие на успех, и позволяющих им прогнозировать результат с высокой точностью [5], или определением вероятности успеха нового проекта.

2. Персонализация предложений, комплекс может динамично подстраиваться под нужды конкретного пользователя, при этом повторного обучения системы не требуется и заинтересованные участники могут динамично пересчитывать необходимые показатели, к примеру минимальной суммы дотации для достижения результата или уровня участия в проекте третьих лиц.

3. Автоматизация маркетинга, часть задач, рассылка электронных писем, таргетинг рекламы и оптимизация страниц краудфандинговых кампаний, можно автоматизировать экономия время и деньги.

4. Обнаружение мошенничества, анализирую правовые угрозы, сети могут выявлять признаки мошеннических краудфандинговых проектов.

5. Оценка рисков, нейросеть может оценивать риски, связанных с инвестированием в проекты, создавая при этом более привлекательные для инвесторов и просто участников направления.

К отрицательным критериям использования нейросетей при краудфандинге можно отнести:

1. Правовые проблемы определения статуса неросетей, как «участников» экономических отношений. Большинство ученых относят данные комплексы только лишь к вспомогательным компьютерным сервисам, ответственность за которых полностью возлагается на пользователя [5].

2. Необходимость в больших объемах данных, для поддержания эффективной работы системы требуются для обучения большие объемы данных и возможность их актуализации в интерактивном формате

3. «Черный ящик», принимаемые решения нельзя проверить по составным этапам, точнее проверка возможна, но требует настолько больших финансовых и временных затрат, что теряют рентабельность. Данная ситуация вызывает потерю у инициатор проекта и инвесторов доверия к прогнозам.

4. Склонность к предвзятости, система обучается на данных, которые могут быть не репрезентативными, и как следствие делать недостоверные прогнозы.

5. Этические проблемы, социально-философская проблема замены в принимаемых решениях человека на «бездушный» компьютер, который может быть запрограммирован на неправомерный результат.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аскеров, А. А. Краудплатформы как альтернативный источник финансирования инновационных проектов / А. А. Аскеров, И. Н. Дубина, Р. К. Сагиева // Экономика. Профессия. Бизнес. – 2019. – № 1. – С. 5–11.

2. Валько, Д. В. Краудфандинг как инструмент инвестирования в проекты устойчивого развития и его место в экосистеме зеленых финансов / Д. В. Валько // Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика. – 2021. – Т. 37, № 1. – С. 109–139.

3. Деркачева, Т. В. Формы обеспечения цифрового развития регионов в системе государственного управления / Т. В. Деркачева, Г. Г. Егоров // Проблемы устойчивого развития и эколого-экономической безопасности регионов : материалы XVII Междунар. науч.-практ. конф. – Волгоград : Сфера, 2023. – С. 167–171.

4. Егоров, Г. Г. Правовые формы обеспечения информационной безопасности в сети Интернет / Г. Г. Егоров // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2022. – Т. 21, № 4. – С. 70–76. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2022.4.9>

5. Егоров, Г. Г. Использование систем искусственного интеллекта в комплексах антикоррупционного контроля / Г. Г. Егоров, Н. А. Вайнштейн // Славянский форум. – 2024. – № 2 (44). – С. 302–317.

6. Иншакова, А. О. Политика инвестиционного и финансового регулирования предприни-

мательской деятельности в условиях цифровизации / А. О. Иншакова // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2024. – Т. 23, № 1. – С. 6–15. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2024.1.1>

7. Казиев, В. М. Введение в системный анализ и моделирование / В. М. Казиев. – М. : Интернет-Ун-т информ. технологий, 2013. – 475 с.

8. Льюнг, Ч. К. Обращение криптовалюты в доход Российской Федерации: обзор первой практики / Ч. К. Льюнг // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2023. – Т. 22, № 4. – С. 116–120. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2023.4.15>

9. Полякова, В. Э. Краудфандинг: понятие, правовое регулирование и договорные конструкции / В. Э. Полякова. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

10. Соловьева, Ю. С. Моделирование экономических процессов с применением нейросетевых технологий / Ю. С. Соловьева, Т. И. Грекова // Вестник Томского государственного университета. Управление, вычислительная техника и информатика. – 2009. – № 3. – С. 49–57.

11. Фирсова, А. А. Особенности краудфинансов в финансировании инновационных проектов / А. А. Фирсова // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. – 2018. – Т. 18, № 4. – С. 435–441.

12. Фирсов, А. В. Гражданский краудфандинг как инструмент финансового обеспечения экономического роста / А. В. Фирсов // Вестник института экономических исследований. – 2023. – № 1 (29). – С. 80–86.

REFERENCES

1. Askerov A.A., Dubina I.N., Sagieva R.K. Kraudplatformy kak alternativnyj istochnik finansirovaniya innovacionnyh projektov [Croud Platform as an Alternative Source of Financing of Innovative Projects]. *Ekonomika. Professiya. Biznes* [Economics. Profession. Business], 2019, no. 1, pp. 5-11.

2. Valko D.V. Kraudfanding kak instrument investirovaniya v projekty ustojchivogo razvitiya i ego mesto v ekosisteme zelenyh finansov [Krudfanding as an Instrument of Investing in Sustainable Development Projects and Its Place in the Green Finances Ecosystem]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ekonomika* [Bulletin of St. Petersburg University. Economy], 2021, vol. 37, no. 1, pp. 109-139.

3. Derkacheva T.V., Egorov G.G. Formy obespecheniya cifrovogo razvitiya regionov v sisteme gosudarstvennogo upravleniya [Forms of Ensuring the Digital Development of Regions in the Public Administration System]. *Problemy ustojchivogo razvitiya i ekologo-ekonomicheskoy bezopasnosti*

regionov: materialy XVII Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. [Problems of Sustainable Development and Environmental and Economic Security of the Regions. Proceeding of the 17th International Scientific and Practical Conference]. Volgograd, Sfera Publ., 2023, pp. 167-171.

4. Egorov G.G. Pravovye formy obespecheniya informacionnoj bezopasnosti v seti Internet [Legal Forms of Ensuring Information Security on the Internet]. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2022, vol. 21, no. 4, pp. 70-76. DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2022.4.9>

5. Egorov G.G., Weinstein N.A. Ispolzovanie sistem iskusstvennogo intellekta v kompleksah antikorrupcionnogo kontrolya [Using Artificial Intelligence Systems in the Complexes of Anti-Corruption Control]. *Slavyanskij forum* [Slavic Forum], 2024, no. 2 (44), pp. 302-317.

6. Inshakova A.O. Politika investicionnogo i finansovogo regulirovaniya predprinimatelskoj deyatel'nosti v usloviyah cifrovizacii [Politics of Investment and Financial Regulation of Entrepreneurial Activity in the Context of Digitalization]. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2024, vol. 23, no. 1, pp. 6-15. DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2024.1.1>

7. Kaziev V.M. *Vvedenie v sistemnyj analiz i modelirovanie* [Introduction to System Snalysis and Modeling]. Moscow, Internet-Un-t inform. tekhnologij, 2013. 475 p.

8. Lyong Ch.K. Obrashchenie kriptovalyuty v dohod Rossijskoj Federacii: obzor pervoj praktiki

[Cryptocurrency Appeal to the Income of the Russian Federation: Review of the Frst Practice]. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2023, vol. 22, no. 4, pp. 116-120. DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2023.4.15>

9. Polyakova V.E. Kraudfanding: ponyatie, pravovoe regulirovanie i dogovornye konstrukcii [Crowdfunding: Concept, Legal Regulation and Contractual Constructions]. *Access from Reference Legal System "KonsultantPlyus"*, 2024.

10. Solovyeva Yu.S., Grekova T.I. Modelirovanie ekonomicheskikh processov s primeneniem nejrosetevykh tekhnologij [Modeling of Economic Processes Using Neural Networks]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Upravlenie, vychislitel'naya tekhnika i informatika* [Bulletin of Tomsk State University. Management, Computer Technology and Computer Science], 2009, no. 3, pp. 49-57.

11. Firsova A.A. Osobennosti kraudfinansov v finansirovanii innovacionnykh proektov [Features of Crowdfinance in Financing Innovative Projects]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Ekonomika. Upravlenie. Pravo* [Izvestia of the University of Saratov. New Series. Series: Economics. Control. Right], 2018, vol. 18, no. 4, pp. 435-441.

12. Firsov A.V. Grazhdanskij kraudfanding kak instrument finansovogo obespecheniya ekonomicheskogo rosta [Civil Crowdfunding as an Instrument of Financial Support for Economic Growth]. *Vestnik instituta ekonomicheskikh issledovaniy* [Bulletin of the Institute of Economic Research], 2023, no. 1 (29), pp. 80-86.

Information About the Authors

Gennady G. Egorov, Candidate of Sciences (Jurisprudence), Associate Professor, Researcher, Educational and Scientific Laboratory for the Study of Regional Systems, Associate Professor, Department of Jurisprudence, Volgograd State University (Volzhsky Branch), 40 let Pobedy St, 11, 404133 Volzhsky, Russian Federation, egorov@vgi.volsu.ru, <http://orcid.org/0000-0002-5969-1171>

Tatyana V. Derkacheva, Candidate of Sciences (Jurisprudence), Associate Professor, Head of Legal Clinic – Laboratory of the Department of Jurisprudence, Volgograd State University (Volzhsky Branch), 40 let Pobedy St, 11, 404133 Volzhsky, Russian Federation, derkacheva.tv@vgi.volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7125-9154>

Информация об авторах

Геннадий Геннадьевич Егоров, кандидат юридических наук, доцент, научный сотрудник учебно-научной лаборатории исследования региональных систем, доцент кафедры юриспруденции, Волжский филиал Волгоградского государственного университета, ул. 40 лет Победы, 11, 404133 г. Волжский, Российская Федерация, egorov@vgi.volsu.ru, <http://orcid.org/0000-0002-5969-1171>

Татьяна Васильевна Деркачева, кандидат юридических наук, доцент, заведующая юридической клиникой – лабораторией кафедры юриспруденции, доцент кафедры юриспруденции, Волжский филиал Волгоградского государственного университета, ул. 40 лет Победы, 11, 404133 г. Волжский, Российская Федерация, derkacheva.tv@vgi.volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7125-9154>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2024.4.11>

UDC 347
LBC 67.404

Submitted: 05.08.2024
Accepted: 10.09.2024

DIGITAL RUBLE AND DIGITAL CURRENCY: A DISCOURSE ON THE RELATIONSHIP OF CONCEPTS

Ekaterina S. Tushova

Ulyanovsk State University, Ulyanovsk, Russian Federation

Introduction: in the Russian legal system, there are several objects, in defining the concept of which the legislator uses the adjective “digital.” All of them are endowed with both identical features, mainly due to the disembodied form of existence within the digital environment, and the qualitative differences caused by the peculiarities of their legal regime, as well as the functions performed in circulation. We are talking about the digital ruble as a new form of non-cash money and digital currency, which is not named in the list of objects of civil rights but, in practice, is considered in circulation as other property (which indicates the uncertainty of the legal regime). A detailed analysis of the regulatory framework allows considering both phenomena as having fundamental differences due to their belonging to different classification groups of objects of civil rights. These aspects are the basis for the author’s definition of the purpose of the study, which involves identifying the nature of the relationship between digital currencies and other objects of civil law that have a digital format of expression. **Methods:** the research is based on the method of comparative analysis, in particular, the method of comparison. **Results:** the conclusions are based on a logical analysis of the regulatory framework regarding the participation of digital currencies in circulation, Russian and foreign scientific research, and law enforcement practice. Scope of the results: the results obtained can be used to develop proposals for amendments to the legislation aimed at clarifying the legal regime of the digital ruble and cryptocurrency. **Conclusions:** based on the analysis carried out, the conclusions on the essence and nature of the dependency of the objects studied are formulated. The place of the digital currency and the digital ruble in the system of units of account is determined. The terminological inaccuracies are identified, and the ways to eliminate them are proposed.

Key words: objects of civil rights, digital rights, digital ruble, cash, non-cash funds, digital currency.

Citation. Tushova E.S. Digital Ruble and Digital Currency: A Discourse on the Relationship of Concepts. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2024, vol. 23, no. 4, pp. 85-91. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2024.4.11>

УДК 347
ББК 67.404

Дата поступления статьи: 05.08.2024
Дата принятия статьи: 10.09.2024

ЦИФРОВОЙ РУБЛЬ И ЦИФРОВАЯ ВАЛЮТА: ДИСКУРС О СООТНОШЕНИИ ПОНЯТИЙ

Екатерина Сергеевна Тушова

Ульяновский государственный университет, г. Ульяновск, Российская Федерация

Введение: в российской правовой системе существует несколько объектов, при определении которых законодатель использует прилагательное «цифровой». Все они наделены как тождественными признаками, обусловленными преимущественно бестелесной формой существования в рамках цифровой среды, так и качественными отличиями, вызванными особенностями их правового режима, а также выполняемыми в обороте функциями. Речь идет о цифровом рубле как новой форме безналичных денег и цифровой валюте, которая не названа в перечне объектов гражданских прав, но на практике рассматривается в обороте как иное имущество (что свидетельствует о неопределенности правового режима). Детальный анализ нормативно-правовой базы позволяет рассматривать оба феномена как обладающие принципиальными отличиями вследствие их принадлежности к разным классификационным группам объектов гражданских прав. Данные аспекты положены в основу определения автором цели исследования, предполагающей выявление характера соотношения между цифровыми валютами и иными, имеющими цифровой формат выражения, объектами гражданского

права. **Методы:** в основу исследования был положен метод сравнительного анализа, в частности, метод сопоставления. **Результаты:** полученные выводы базируются на проведенном логическом анализе нормативной основы, касающейся участия цифровых валют в обороте, российских и зарубежных научных исследований, правоприменительной практики. **Область применения результатов:** полученные результаты могут быть использованы для разработки предложений по внесению изменений в законодательство, направленных на уточнение правового режима цифрового рубля и криптовалюты. **Выводы:** на основе проведенного анализа были сформулированы выводы относительно природы и характера соотношения исследуемых объектов. Определено место цифровой валюты и цифрового рубля в системе расчетных единиц. Выявлены терминологические неточности и предложены пути их устранения.

Ключевые слова: объекты гражданских прав, цифровые права, цифровой рубль, наличные денежные средства, безналичные денежные средства, цифровая валюта.

Цитирование. Туешова Е. С. Цифровой рубль и цифровая валюта: дискурс о соотношении понятий // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2024. – Т. 23, № 4. – С. 85–91. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2024.4.11>

Введение

Российский законодатель испытывает необъяснимую потребность к использованию прилагательного «цифровой» в отношении различных процессов и явлений. Указание на цифровой формат применяется в отношении большого числа объектов гражданских прав, которые по перечню качественных признаков прослеживают существенные отличия. Так, в части 1 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ) [1] и федеральном законодательстве перечисляются такие объекты, как цифровые права, цифровые финансовые активы, утилитарные цифровые права, цифровые валюты и начиная с 2023 года еще и цифровой рубль [3].

Однако к настоящему времени четких представлений по поводу понятия и правовой сущности ни одного из этих явлений не сложилось. Например, авторитетные ученые находят аргументы тому, что цифровые права не являются новым объектом гражданского права, представляя собой не более чем альтернативную форму выражения прежде известных прав, осуществление которых возможно лишь с помощью специальных технологий в пределах известных информационных систем [8, с. 11].

Более того, даже на достаточно высоком профессиональном уровне можно обнаружить заблуждения относительно соотношения данных понятий. В своих предыдущих статьях мы кратко касались вопроса по поводу соотношения цифровых прав и цифровых валют, находили между ними качественные отличия и формулировали некоторые выводы. Но с взятым российским правительством курсом на внедрение

нового подвида безналичных денежных средств, а именно, цифрового рубля, данный дискурс получил новый вектор развития.

Например, в диссертации Д.В. Никитина последняя рассматривается как сложный объект, включающий и цифровые валюты частных лиц, и децентрализованные цифровые валюты, и, также, цифровые валюты центральных банков. Учитывая отнесение цифровой валюты к более общему объекту, поглощающему и частные, и государственные расчетные единицы, в соответствующей цифровой форме, ученый приходит к выводу о том, что к отношениям с цифровой валютой надлежит применять общие положения о деньгах, если иное не установлено законом либо не противоречит существу правоотношений [7, с. 14].

Стоит согласиться с тем, что экономическая близость между всеми этими объектами, действительно, существует. Все они являются в некотором роде мерой стоимости, оторванной или же иначе абстрагированной от собственной материальной ценности, которая у них отсутствует вовсе. При этом само по себе отнесение в единую группу столь различных объектов представляется неоднозначным решением.

Некоторые ученые, вероятно, ориентируясь на единый цифровой формат объективации, приходят к выводу о том, что все без исключения разновидности цифровых денег имеют одинаковую правовую природу, так как являются цифровым кодом, который в силу законов экономики неожиданно превратился в некое имущественное благо, способное к использованию как средство платежа, но не являясь

вещами по причине отсутствия у них наличной формы. Свойства такого цифрового кода, позволяющего ему участвовать в обороте в рамках различных сделок, обуславливают вывод о том, что данный объект необходимо признать нематериальным имуществом [6, с. 6].

Но, как представляется, несмотря на очевидные сходства ввиду общей цифровой формы, правовая природа у цифрового рубля и цифровой валюты все же различается.

Рассуждая в духе государственной теории денежного обращения, М. Башкатов, например, приходит к выводу о том, что криптовалюты не могут ни именоваться деньгами, ни выполнять им присущие функции [5, с. 5], приводя аргументы о необходимости их полного запрета.

К тому же, в рамках российской юрисдикции не прекращается борьба двух диаметрально противоположных концепций в отношении перспективной модели регулирования цифровых валют: модели Центрального Банка Российской Федерации (далее – ЦБ РФ, Банк России) и модели, предлагаемой Правительством Российской Федерации (далее – Правительство РФ). Если Банк России выступает с предложениями о необходимости жесткого ограничения операций с криптовалютами посредством установления масштабных запретов, то Правительством РФ предлагается создание организованного рынка криптовалют.

Но несмотря на весь перечень используемых инструментов, направленных на ограничения и запреты на свободное участие криптовалют в обороте, она широко используется и в легальном, и в теневом секторах экономики.

Поэтому неверным будет также отрицать у криптовалюты всякое отсутствие возможностей выступать в роли инструментов расчетов. Не являясь в силу прямого запрета на ее свободное обращение, деньгами, криптовалюта, несомненно, обладает имущественной ценностью, способна выступать в качестве средства альтернативного платежа, что обуславливает ее сближение с деньгами, для которых характерны свои особенности в системе объектов гражданского права. Технология распределенного реестра, которая лежит в основе криптовалюты, делает малоэффективными запреты на операции с криптовалютами.

Но на сегодняшний день, оставляя открытым вопрос о правовом режиме криптовалюты и природе права, вытекающего из обладания ею, законодатель переориентирует свое внимание на разработку концепции цифрового рубля. Федеральным законом от 24.07.2023 № 339-ФЗ перечень объектов гражданских прав был дополнен данным объектом, за которым был признан статус безналичных денежных средств. Учитывая тот факт, что понятие цифровой валюты на тот момент уже было определено законом № 259-ФЗ, вопрос относительно характера соотношения обоих феноменов не получил однозначного ответа.

Дискурс о соотношении цифрового рубля и цифровой валюты

Сложность в дифференциации понятия цифровой валюты и цифрового рубля обусловлена тем, что использование прилагательного «цифровой» в сочетании с понятием валюта создает определенную логическую базу для отождествления этих терминов между собой.

В силу актуальной редакции ст. 128 ГК РФ цифровой рубль отнесен к форме безналичных денег¹. Вопрос же о правовой природе цифровых валют – это «пища» для научных дискуссий.

Но до момента внесения изменений в ст. 128 ГК РФ, которыми цифровой рубль был определен как разновидность безналичных денежных средств, его правовая природа и характер соотношения с денежной наличностью был предметом научных дискуссий.

Например, В.В. Шумилова в своем исследовании, посвященном новой форме валют, отмечала следующее: «цифровой рубль будет полноценно выполнять в гражданском обороте все функции денег. Он как новый и альтернативный способ осуществления платежей будет сочетать в себе свойства наличных денег и безналичных денежных средств: иметь форму идентификации в виде уникального цифрового кода подобно наличным деньгам, а также не будет иметь физически осязаемой формы и предоставлять возможности для осуществления удаленных платежей и расчетов подобно безналичным денежным средствам» [9, с. 156].

Дадим оценку новому феномену с учетом Концепции цифрового рубля, предлагаемой

ЦБ РФ [4]. Документом отмечается, что внедрение цифрового рубля актуализирует конкурентоспособность отечественной экономической сферы, минимизируя затраты на транзакции в сфере расчетов и обеспечивая необходимый уровень цифрового взаимодействия. Презюмируется, что эмитентом цифрового рубля станет непосредственно мегарегулятор российского финансового рынка. Несмотря на кажущуюся близость терминологии, цифровой рубль не может быть отнесен к разновидности цифровой валюты, в том числе по смыслу, вкладываемому в данное понятие законом № 259-ФЗ.

С точки зрения правового режима, важнейшими признаками цифрового рубля выступает, во-первых, то обстоятельство, что он является обязательством Банка России, который выступает его эмитентом; и во-вторых, предусматривается размещение кошельков клиентов на платформе цифрового рубля и их не отражение на балансе кредитных организаций [6, с. 6].

Продолжая дальнейшие рассуждения, отметим, что в федеральном законе от 31.07.2020 № 259-ФЗ термин «цифровая валюта» также раскрывается непоследовательно. Не останавливаясь на недостатках юридической техники, заметим, что само по себе использование понятия «валюта» в данном контексте представляется, как минимум, спорным, с учетом законодательного запрета по использованию криптовалюты как законного средства платежа.

Федеральный закон от 10.12.2003 № 173-ФЗ «О валютном регулировании и валютном контроле» относит к валюте как наличные деньги, так и средства, хранящиеся на банковских счетах и вкладах [2]. Но в рамках платформы цифрового рубля предполагается создание персонализированного кошелька, эмитированного в цифровой среде ЦБ РФ, в связи с чем участие коммерческих банков исключается. Если использовать метод буквального толкования текста законодательного акта, то и цифровому рублю также следует отказать в праве признаваться валютой по смыслу закона № 173-ФЗ, что, в свою очередь, противоречит ст. 128 ГК РФ. Как представляется, подобная ситуация требует внесения изменений в пп.1 п. 1 ст. 1 Закона № 178-ФЗ в целях уточнения понятия валюты посредством ее дополнения признаками, учитывающими особенность цифрового рубля.

Полагаем, что терминологические несоответствия вызваны использованием в обоих случаях прилагательного «цифровой» и близких между собой понятий: рубль и валюта. Если же рассматривать цифровую валюту в понимании, предусмотренном законом № 259-ФЗ как криптовалюту, то отличия между нею и цифровым рублем как формы расчетов национальной валютой будут более явными.

Актуальным представляется и вопрос по поводу сходства в части правового режима денег и исследуемых цифровых феноменов. Здесь важно отметить несколько моментов.

По меткому выражению Е.А. Суханова, в силу частноправовых принципов свободы договора и автономии воли сторон, субъекты могут избирать различные формы расчетов, не ограничиваясь исключительно деньгами [8, с. 11]. В данном понимании, возможность осуществлять расчеты цифровой валютой представляет собой избрание договорного платежного средства, находящегося в едином ряду, например, с такими формами расчетов, как расчеты векселями, чеками и пр.

Полагаем, что цифровые валюты с экономической точки зрения являются деньгами, поскольку реализуют денежные функции. С юридической же точки зрения таковые могут рассматриваться исключительно как «частные деньги». Поэтому обладая экономической ценностью, цифровые валюты имеют ограниченную правоспособность с точки зрения реализации платежного функционала.

Определенная близость национальной валюты и цифровой валюты обусловлена и тем фактором, что деньги не являются вещью в широком смысле: они, как и любые денежные единицы, лишены потребительной стоимости. Именно поэтому деньги могут быть использованы исключительно в рамках отношений по их обмену. Что касается интересующего нас объекта, то ответ на вопрос, являются ли цифровые валюты деньгами, зависит от того, какой из существующих теорий денег придерживается исследователь. Здесь наблюдается конкуренция между правовым режимом законного платежного средства и средства платежа. И если цифровой рубль (после его внедрения на практике) в полной мере получит статус законного платежного средства, то цифровой валюте предстоит довольствоваться

ролью объекта, способного осуществлять ограниченные функции средств платежа. Проанализируем некоторые из этих функций применительно к предмету исследования.

Характерным для денег является наличие платежной силы. Номеналистская теория денег гласит, что платежная сила присваивается государством и носит неизменный характер (однако руководствуясь цивилистическими принципами добросовестности, недопустимости злоупотребления правом, извлечения выгод из собственного недобросовестного поведения, из нее возможны изъятия). Только денежные единицы, которые обладают режимом законного платежного средства, обязательны к приему по номиналу, выступают способом погашения обязательства.

Наряду с платежной силой, существует и сила покупательная, которая присваивается уже не государством, а обществом в формате общественного консенсуса. Покупательная сила представляет собой наличие ценности для конкретного лица определенного объекта. И такой покупательной силой криптовалюта обладает, что и лежит в основе ее участия в обороте.

Но законодатель вполне ожидаемо отказал цифровой валюте в праве признаваться законным средством платежа, в связи с чем она была лишена значительной части денежных функций. Однако существование всей системы запретов и ограничений, с учетом технологической сущности криптовалюты, не приведет к ее полному изъятию из оборота. Как представляется, криптовалюта не является деньгами в их государственном статусе, но учитывая наличие у нее покупательной силы и принимая во внимание общественный консенсус, она выступает в роли частных денег.

Как представляется, криптовалюту и цифровой рубль сближает между собой денежный функционал (в отношении первой, существует квази-денежный функционал, опосредованный возможностью выполнять функции альтернативного средства платежа). Определенная близость национальной валюты и цифровой валюты обусловлена и тем фактором, что деньги не являются вещью в широком смысле; они, как и любые денежные единицы, лишены потребительной стоимости.

При этом правовой режим цифрового рубля и цифровой валюты не прослеживает доста-

точной близости вследствие того, что цифровой рубль выступает в роли новой перспективной формы безналичных денег, а цифровая валюта деньгами не является, хоть и прослеживает признаки, присущие единицам расчета. Ключевое дифференцирующее свойство криптовалюты от фиатных денег в целом заключается в том, что криптовалюта непосредственно генерируется путем согласованного взаимодействия участников сети – майнеров, а затем используется частными лицами как расчетная единица с учетом их отдельного волеизъявления на этот счет, без которого акт распоряжения цифровой валютой не может состояться. Цифровой рубль же эмитируется ЦБ РФ, выполняя функцию законного средства платежа и инструмента расчетов, что позволяет погашать им любое без исключения денежное обязательство на территории Российской Федерации.

Заключение

Таким образом по результатам проведенного исследования вопроса о соотношении цифровой валюты и цифрового рубля, были сделаны следующие выводы:

– цифровая валюта лишена статуса законного средства платежа. Ключевое дифференцирующее свойство криптовалюты от фиатных денег заключается в том, что криптовалюта непосредственно генерируется участниками сети – майнерами путем согласованного взаимодействия, а затем используется частными лицами как расчетная единица с учетом их специального волеизъявления на этот счет, без которого акт распоряжения цифровой валютой не может состояться. Денежные же средства эмитируются ЦБ РФ, выполняя функцию законного средства платежа и инструмента расчетов, что позволяет погашать им любое без исключения денежное обязательство на территории Российской Федерации. Все же прочие форматы погашения обязательства требуют предварительного их одобрения со стороны контрагента, а с учетом данного обстоятельства цифровая валюта может выступать в роли частной расчетной единицы;

– будучи частными деньгами, руководствуясь принципом свободы договора, который с точки зрения содержания предполагает выбор возможностей по вопросу определения

его предмета и форм погашения обязательства, криптовалюта способна выступать и как средство платежа, и как инструмент погашения денежного долга. Цифровая валюта также может использоваться в обороте как средство накопления;

– если упрощенно обозначить правовую природу криптовалюты, то можно заметить, что такая охватывает совокупность прав субъекта, способных к осуществлению без участия третьих лиц и основанных исключительно на воле самого владельца. Криптовалюта представляет собой особую разновидность имущества, не обладающего в привычном понимании овеществленной формой, не являющаяся законным платежным средством, то есть не обязательного к приему по номиналу, но способного выполнять некоторую часть функций, присущих наличным и безналичным деньгам, будучи средством накопления и платежа в частных отношениях. Отмечается, что цифровые валюты являются объектом абсолютных прав, у них отсутствует эмитент, в отношении, складывающиеся между организаторами протокола и непосредственными обладателями объекта, носят организационный характер;

– что же касается цифрового рубля как новой разновидности расчетных единиц, то в его основе лежит уникальный цифровой код. Именно цифровая национальная валюта и предлагается к внедрению в качестве особой формы безналичных денег, обращающейся в уникальной цифровой среде, являясь при этом законным платежным средством. В этом и состоит принципиальная разница между цифровой валютой – частной криптовалютой и цифровым рублем. В отличие от криптовалюты, основу которой составляет анонимность, децентрализованность и статус объекта абсолютного права, цифровой рубль, будучи обязательством ЦБ РФ, является валютным обязательством, эмитируемым государством и носящим фиатный характер.

По результатам проведенного исследования предлагаются следующие изменения в законодательство:

– в целях устранения необоснованного смешения между терминами «цифровая валюта» и «цифровой рубль», с учетом частноправовой природы криптовалюты и отсутствия у нее статуса законного платежного средства, следу-

ет заменить в законе от 31.07.2020 № 259-ФЗ, прочих законодательных и подзаконных актах понятие цифровая валюта на термин криптовалюта. Это позволит акцентировать внимание на различии обоих феноменов между собой, в основе которого лежит следующее: цифровой рубль, будучи безналичными денежными средствами или же национальной валютой, выраженной в соответствующей форме, не является цифровой валютой (криптовалютой), которая с точки зрения правового режима носит характер частной единицы расчета;

– для дополнения понятия валюта РФ цифровым рублем как новой формой безналичных денег, предлагается изложить пп. 1 п. 1 ст. 1 Федерального закона № 173-ФЗ в следующей редакции:

«1) валюта Российской Федерации:

а) денежные знаки в виде банкнот и монеты Банка России, находящиеся в обращении в качестве законного средства наличного платежа на территории Российской Федерации, а также изымаемые либо изъятые из обращения, но подлежащие обмену указанные денежные знаки;

б) средства на банковских счетах и в банковских вкладах, а также цифровой рубль, учитываемый в индивидуальном цифровом кошельке на платформе Банка России».

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Несмотря на позицию законодателя, на сайте ЦБ РФ по состоянию на 01.08.2024 цифровой рубль все еще определяется как «цифровая форма российской национальной валюты, которую Банк России планирует выпускать в дополнение к существующим формам денег».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 11.03.2024) // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.

2. Федеральный закон от 10.12.2003 № 173-ФЗ (ред. от 11.03.2024) «О валютном регулировании и валютном контроле» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.07.2024) // Собрание законодательства РФ. – 2003. – № 50. – Ст. 4859.

3. Федеральный закон от 24.07.2023 № 339-ФЗ «О внесении изменений в статьи 128 и 140 части

первой, часть вторую и статьи 1128 и 1174 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2023. – № 31 (ч. III). – Ст. 5765.

4. Положение Банка России от 03.08.2023 № 820-П «О платформе цифрового рубля» (вместе с «Порядком урегулирования споров и разногласий») (Зарегистрировано в Минюсте России 10.08.2023 № 74716) // Вестник Банка России. – 2023. – № 58.

5. Башкатов, М. Д. Эволюция цивилистического понятия денег в современном праве : дис. ... канд. юрид. наук / Башкатов Максим Леонидович. – М., 2023. – 186 с.

6. Ефимова, Л. Г. О правовой природе безналичных денег, цифровой валюты и цифрового рубля // Цивилист. – 2022. – № 4. – С. 6–15.

7. Никитин, Д. В. Правовой режим цифровой валюты: цивилистическое исследование : дис. ... канд. юрид. наук / Никитин Дмитрий Владимирович. – Казань, 2023. – 230 с.

8. Суханов, Е. А. О гражданско-правовой природе «цифрового имущества» // Вестник гражданского права. – 2021. – № 6. – С. 7–29.

9. Шумилова, В. В. Цифровой рубль Банка России как новая форма национальной валюты // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2022. – Т. 21, № 2. – С. 156–162. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2022.2.20>

Entered into Force on July 1, 2024)]. *Sobraniye zakonodatelstva RF* [Collection of Legislation of the Russian Federation], 2003, no. 50, art. 4859.

3. Federalnyj zakon ot 24.07.2023 № 339-FZ «O vnesenii izmenenij v statyi 128 i 140 chasti pervoj, chast vtoruyu i statyi 1128 i 1174 chasti tretej Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federacii» [Federal Law of July 24, 2023 No. 339-FZ “On Amendments to Articles 128 and 140 of Part One, Part Two and Articles 1128 and 1174 of Part Three of the Civil Code of the Russian Federation”]. *Sobraniye zakonodatelstva RF* [Collection of Legislation of the Russian Federation], 2023, no. 31 (pt. III), art. 5765.

4. Polozheniye Banka Rossii ot 03.08.2023 № 820-P «O platforme tsifrovogo rublya» (vmeste s «Poryadkom uregulirovaniya sporov i raznoglasiy») (Zaregistrirvano v Minyuste Rossii 10.08.2023 № 74716) [Bank of Russia Regulation No. 820-P Dated Aug. 3, 2023 “On the Digital Ruble Platform” (Together with the “Procedure for Resolving Disputes and Disagreements”) (Registered with the Russian Ministry of Justice on Aug. 10, 2023 No. 74716)]. *Vestnik Banka Rossii* [Bulletin of the Bank of Russia], 2023, no. 58.

5. Bashkatov M.D. *Evolyuciya civilisticheskogo ponyatiya deneg v sovremennom prave: dis. ... kand. jurid. nauk* [Evolution of the Civilistic Concept of Money in Modern Law. Cand. jurid. sci. diss.]. Moscow, 2023. 186 p.

6. Efimova L.G. O pravovoj prirode beznalichnykh deneg, cifrovoj valyuty i cifrovogo rublya [On the Legal Nature of Non-Cash Money, Digital Currency and Digital Ruble]. *Civilist*, 2022, no. 4, pp. 6-15.

7. Nikitin D.V. *Pravovoj rezhim cifrovoj valyuty: civilisticheskoe issledovanie: dis. ... kand. jurid. nauk* [Legal Regime of Digital Currency: Civilistic Study. Cand. jurid. sci. diss.]. Kazan, 2023. 230 p.

8. Sukhanov E.A. O grazhdansko-pravovoj prirode «cifrovogo imushhestva» [On the Civil Nature of “Digital Property”]. *Vestnik grazhdanskogo prava* [Bulletin of Civil Law], 2021, no. 6, pp. 7-29.

9. Shumilova V.V. Cifrovoy rubl Banka Rossii kak novaya forma nacionalnoj valyuty [The Digital Ruble of the Bank of Russia as a New Form of National Currency]. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2022, vol. 21, no. 2, pp. 156-162. DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2022.2.20>

REFERENCES

1. Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii (chast pervaya) ot 30.11.1994 № 51-FZ [Civil Code of the Russian Federation (Part One) of Nov. 30, 1994 No. 51-FZ (As Amended on Mar. 11, 2024)]. *Sobraniye zakonodatelstva RF* [Collection of Legislation of the Russian Federation], 1994, no. 32, art. 3301.

2. Federalnyj zakon ot 10.12.2003 № 173-FZ (red. ot 11.03.2024) «O valyutnom regulirovanii i valyutnom kontrole» (s izm. i dop., vstup. v silu s 01.07.2024) [Federal Law of Dec. 10, 2003 No. 173-FZ (As Amended on Mar. 11, 2024) “On Currency Regulation and Currency Control” (As Amended and Supplemented,

Information About the Author

Ekaterina S. Tushova, Postgraduate Student, Department of Civil and Business Law, Ulyanovsk State University, Lva Tolstogo St, 42, 432970 Ulyanovsk, Russian Federation, katyazueva@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2641-0174>

Информация об авторе

Екатерина Сергеевна Туешова, аспирант кафедры гражданского и предпринимательского права, Ульяновский государственный университет, ул. Льва Толстого, 42, 432970 г. Ульяновск, Российская Федерация, katyazueva@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2641-0174>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2024.4.12>

UDC 346.7
LBC 67.404.9

Submitted: 03.10.2024
Accepted: 10.12.2024

FEATURES OF THE LEGAL REGULATION OF DIGITAL FINANCIAL ASSETS IN THE RUSSIAN FEDERATION

Ksenia V. Shubenkova

Volgograd State University (Volzhsky Branch), Volzhsky, Russian Federation

Elena P. Malakhova

Volgograd State University (Volzhsky Branch), Volzhsky, Russian Federation

Introduction: the Russian Federation is actively developing the field of digital financial assets and, in general, the digital economy. Based on this, the economic processes of the country are undergoing changes, the legislative framework of the state is being revised. The main **purpose** of the work is to define norms and mechanisms to ensure the rights of participants in investment processes within the digital economy. **Methods:** the methodological framework for the study is based on the methods of comparative law and system analysis. **Results:** the analysis of the current legislation of the Russian Federation made it possible to reveal the legal nature of digital financial assets and mechanisms for protecting the rights of participants who have the opportunity to purchase and use digital financial assets. **Conclusions:** legislative initiatives are aimed at creating digital assets, which is a key breakthrough in the field of the digital economy of the Russian Federation for the creation and implementation of a unique system of contractual relations. These documents will serve as the basis for streamlining interaction on investment platforms: to form an investment agreement, and to work with an investment sales manager – a service agreement.

Key words: digital financial assets, law, human rights, digital economy, cryptocurrency, contract.

Citation. Shubenkova K.V., Malakhova E.P. Features of the Legal Regulation of Digital Financial Assets in the Russian Federation. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2024, vol. 23, no. 4, pp. 92-97. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2024.4.12>

УДК 346.7
ББК 67.404.9

Дата поступления статьи: 03.10.2024
Дата принятия статьи: 10.12.2024

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЦИФРОВЫХ ФИНАНСОВЫХ АКТИВОВ В РФ

Ксения Владимировна Шубенкова

Волжский филиал Волгоградского государственного университета, г. Волжский, Российская Федерация

Елена Петровна Малахова

Волжский филиал Волгоградского государственного университета, г. Волжский, Российская Федерация

Введение: в Российской Федерации активно развивается сфера цифровых финансовых активов и в целом цифровая экономика. На основании этого претерпевают изменения экономические процессы страны, пересматривается законодательная база государства. Основная **цель** работы – определение норм и механизмов для обеспечения прав участников инвестиционных процессов в рамках цифровой экономики. **Методологическую основу** данного исследования составляют методы сравнительно-правового и системного анализа. **Результаты:** проведенный анализ действующего законодательства Российской Федерации позволил раскрыть правовую природу цифровых финансовых активов и механизмы защиты прав участников, обладающих возможностью приобретения и пользования цифровыми финансовыми активами. **Выводы:** законодательные инициативы направлены на создание цифровых активов, что является ключевым прорывом в области цифровой экономики Российской Федерации для создания и внедрения уникальной системы

договорных отношений. Эти документы будут служить основой для упорядочения взаимодействия на инвестиционных платформах: сформировать договор инвестирования, а для осуществления работы с менеджером по продаже инвестиций – договор об оказании услуг.

Ключевые слова: цифровые финансовые активы, закон, права человека, цифровая экономика, криптовалюта, договор.

Цитирование. Шубенкова К. В., Малахова Е. П. Особенности правового регулирования цифровых финансовых активов в РФ // *Legal Concept = Правовая парадигма.* – 2024. – Т. 23, № 4. – С. 92–97. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2024.4.12>

Введение

В эпоху цифровых инноваций, как жизнь общества, так и государственные структуры претерпевают существенные изменения. Развитие цифровой экономики подразумевает под собой изменения в экономических процессах, что влечет за собой необходимость пересмотра существующего законодательства в области использования цифровой валюты и защиты прав субъектов цифровой экономики.

На основании издания Указа Президента РФ от 09.05.2017 № 203, в котором утвердили «Стратегию развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы», было определено, что цифровая экономика – хозяйственная деятельность, в которой ключевым фактором производства являются данные в цифровом виде, обработка больших объемов и использование результатов анализа которых по сравнению с традиционными формами хозяйствования позволяют существенно повысить эффективность различных видов производства, технологий, оборудования, хранения, продажи, доставки товаров и услуг [4].

Для обеспечения последовательного достижения намеченных целей, Правительство Российской Федерации выпустило распоряжение № 1632-р от 28.07.2017. В данном нормативном акте была разработана и утверждена программа «Цифровая экономика Российской Федерации», которая содержит ключевые проекты, имеющие стратегическое значение для нашей страны:

- «Нормативное регулирование цифровой среды»;
- «Кадры для цифровой экономики»;
- «Информационная инфраструктура»;
- «Информационная безопасность»;
- «Цифровые технологии»;

– «Цифровое государственное управление»;

– «Искусственный интеллект» [5].

В эпоху динамичных изменений в мире финансов появились передовые финансовые технологии – в центре внимания находятся цифровые активы и криптовалюты. Несмотря на бурно растущий интерес к ним, сущность цифровых финансовых активов большинству людей остается непонятной. К тому же многие по-прежнему не имеют четкого представления о том, каким образом законодательство Российской Федерации регламентирует использование криптовалют и цифровых активов.

Цифровые активы:

определение и юридический статус

В соответствии со ст. 141.1 в Гражданском Кодексе Российской Федерации (далее – ГК РФ) официально закрепилось значение «цифровых прав».

В соответствии со ст. 141.1 ГК РФ цифровые права – это обязательственные и иные права, содержание и условия осуществления которых определяются в соответствии с правилами информационной системы, отвечающей установленным законом признакам. Осуществление, распоряжение, в том числе передача, залог, обременение цифрового права другими способами или ограничение распоряжения цифровым правом возможны только в информационной системе без обращения к третьему лицу [1].

С 1 января 2021 г. вступил в силу Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ, который направлен на регулирование правоотношений в сфере выпуска и оборота цифровых финансовых активов и цифровой валюты.

В соответствии с п. 3 ст. 1 Федерального закона «О цифровых финансовых активах,

цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 31.07.2020 № 259-ФЗ, цифровая валюта обозначает совокупность электронных данных (цифрового кода или обозначения). Они содержатся в информационной системе и (или) могут быть приняты:

- в качестве средства платежа, не являющегося денежной единицей РФ или денежной единицей иностранного государства;
- в качестве инвестиций.

Таким образом, известные многим биткойн, эфириум и др., образовавшиеся в цифровой экономике, на основании российского законодательства являются цифровой валютой.

На основании действующего законодательства запрещается принимать цифровые финансовые активы в качестве средства платежа или иного встречного предоставления за передаваемые товары, выполняемые работы, оказываемые услуги, а также иного способа, позволяющего предполагать оплату цифровым финансовым активом товаров (работ, услуг), за исключением случаев, предусмотренных Законом № 259-ФЗ для всех организаций, функционирующих на территории Российской Федерации. Данная норма затрагивает как местные компании, так и их иностранные филиалы и представительства, а также лиц, проживающих в России не менее 183 дней в течение года (ч. 5 ст. 14 Федерального закона от 31.07.2020 № 259-ФЗ).

Российская нормативно-правовая база содержит нормы, разрешающие осуществление операций и заключение договоров, связанных с цифровой валютой, предполагает защиту прав ее владельцев через судебные органы. Однако для этого необходимо, чтобы лица, владеющие цифровой валютой, информировали налоговые органы о своих активах и операциях, связанных с ними (ч. 6 ст. 14 Федерального закона от 31.07.2020 № 259-ФЗ).

В соответствии с п. 2 ст. 1 Федерального закона от 31.07.2020 № 259-ФЗ цифровыми финансовыми активами признаются цифровые права, которые предусматривают:

- денежное требование;
- возможность осуществления прав по эмиссионным ценным бумагам;
- право участия в капитале непубличного акционерного общества;

– право требовать передачи эмиссионных ценных бумаг, которые предусмотрены решением о выпуске цифровых финансовых активов [3].

Следует подчеркнуть, что применение цифровых финансовых активов в качестве законного платежного инструмента на территории РФ запрещено.

Все вышеупомянутые цифровые продукты базируются на технологии блокчейн, которая представляет собой упорядоченную по строгим правилам последовательность блоков, в которых хранится информация. Это метод, который основан на криптографии, где блоки (записи) связаны в непрерывную цепочку, что исключает возможность корректировки информации в прошлом, так как это нарушило бы целостность цепочки.

В таких регистрах записи именуются токенами, которые являются единицей учета данных в блокчейне. Доктор юридических наук Д.Е. Матыцин в своих исследованиях указывал, что в российском законодательстве токены сталкиваются с тем, что судебная практика пока не признает цифровые валюты объектом гражданских прав [9]. А.И. Гончаров и В.А. Садков в своей работе подчеркнули, что за пределами легальной дефиниции юридической конструкции цифровых финансовых активов остались такие цифровые финансовые технологии, как цифровая валюта, токены и др. [6]. А.В. Ермаков отметил необходимость законодательного закрепления безналичных денежных средств [7].

Несмотря на то что цифровые активы и криптовалюта опираются на технологию блокчейн, они не являются одним и тем же. Разница между ними в том, что цифровые активы не обладают децентрализацией, в отличие от криптовалют, для которых это является основополагающим принципом. Следует подчеркнуть, что криптовалюта функционирует как самостоятельное платежное средство, независимо от способа ее создания.

В рамках законодательства, выпуск цифровых финансовых активов осуществляется строго в соответствии с установленными правилами. Центральный банк России ведет регистр лиц, занимающихся такой деятельностью, и только зарегистрированные в Российской Федерации юридические лица имеют право на это.

Использование цифровых активов в России, как и в любой другой стране, несет в себе как существенные преимущества, так и определенные риски. К отрицательным аспектам можно отнести:

– высокая волатильность: цены на многие цифровые активы подвержены значительным колебаниям, что делает их рискованным инструментом для инвестирования;

– отсутствие четкой правовой базы: в России, как и во многих других странах, законодательство в сфере цифровых активов находится в стадии формирования, что создает правовую неопределенность и риски для инвесторов;

– высокий риск мошенничества: анонимность и децентрализованность некоторых цифровых активов создают благоприятные условия для мошеннических действий;

– экологические проблемы: процесс майнинга некоторых криптовалют требует значительных вычислительных мощностей и потребляет большое количество электроэнергии, что негативно влияет на окружающую среду;

– риск отмывания денег и финансирования терроризма: анонимность цифровых активов может использоваться для незаконных целей;

– зависимость от технологий: цифровые активы сильно зависят от развития технологий. Любые сбои или хакерские атаки могут привести к потере средств.

Положительными же аспектами являются:

– ускорение финансовых операций, так как цифровые активы позволяют проводить транзакции практически мгновенно, сокращая время и затраты на традиционные банковские переводы;

– снижение транзакционных издержек (отсутствие посредников в некоторых операциях с цифровыми активами приводит к уменьшению комиссий и других сборов);

– повышение прозрачности: технология блокчейн, на которой основаны многие цифровые активы, обеспечивает высокий уровень надежности записей о транзакциях;

– новые возможности для инвестирования: цифровые активы открывают инвесторам доступ к новым классам активов и более широким возможностям диверсификации портфеля;

– развитие инноваций: разработка и использование цифровых активов стимулирует развитие новых технологий и бизнес-моделей;

– создание новых рабочих мест, которому способствует рост рынка цифровых активов, в сфере разработки, торговли и регулирования;

– возможность обхода санкций, так как цифровые активы могут использоваться для проведения международных платежей без ограничений.

Обеспечение гарантий и защиты интересов обладателей цифровых финансовых активов

В связи с активным ростом цифровой экономики, растет и уровень мошенничества в этой области, что повышает риск потери вложений. Важно понимать, что операции с криптовалютой пока не охраняются законом, что способствует росту преступлений в этой области из-за пробелов в нормативном регулировании. В этой связи Генеральная прокуратура РФ предложила законопроект, который предусматривает признание криптовалюты и других виртуальных активов имуществом для уголовного судопроизводства в Российской Федерации.

Требования современной цифровой экономики существенно отличаются от требований традиционного и финансового секторов, поскольку цифровая среда имеет свои уникальные характеристики: высокую скорость проведения транзакций, анонимность участников, доминирование нематериальных активов, устраняются границы и иные препятствия при распространении продукции или предоставлении услуг, при этом возникают затруднения с техническими процессами.

В свете развития цифровой экономики становится очевидной необходимость в инновационных методах и стратегиях, в том числе в сфере инвестиций. В России для регулирования отношений между участниками используется юридический механизм договора. Несмотря на то что некоторые эксперты подвергают сомнению договорную основу инвестиционных договоров, утверждая, что их основанием являются универсальные полномочия, предоставляемые государственными структурами, или индивидуальные решения, принимаемые высшими государственными

органами по конкретным иностранным инвестициям, на основании чего договор является ключевым элементом для оформления взаимодействия сторон.

К.К. Лебедев в своем труде подчеркивает, что без заключения договора возникновение инвестиционных отношений невозможно [8]. В свою очередь, Д.Е. Матыцин и А.О. Иншакова пишут о том, что именно отсутствие доступа к веб-серверам и сетевым протоколам полностью лишает субъектов возможности заключить сделку с цифровыми финансовыми активами, использовать их как инвестиции, получать доход [10].

Выводы

Из всех инструментов в работе с цифровыми активами в цифровом пространстве, наиболее важным является договорная правовая форма. Это инструмент, который способен обеспечить и гарантировать защиту прав правообладателей цифровыми финансовыми активами. Законодательные органы уже выступили с инициативами по разработке комплекса договоров, которые будут регулировать правоотношения в цифровой экономике. При этом для правового регулирования взаимоотношений между инвесторами и получателями инвестиций в рамках использования инвестиционных платформ предполагается использовать инвестиционные соглашения, а для взаимоотношений с оператором – договор об оказании услуг [2]. На рынке цифровых инвестиций также применяется договор о доверительном управлении активами. Стоит подчеркнуть, что сегодня мы наблюдаем адаптацию уже известных правовых механизмов инвестирования к условиям цифровой эры, а не создание специальных правовых норм для регулирования инвестиционных сделок в цифровом мире. Именно такой договор был впервые применен для достижения инвестиционных задач Федерального закона от 02.08.2019 № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Благодаря этому уже сейчас инвестиционные договоры используются в практической деятельности и вне цифрового пространства, например в сфере строительства.

Развитие цифровых финансовых активов говорит о том, что в настоящее время цифровые права, привязанные к различным активам и оформленные через запись в сети блокчейн, доступны не только бизнесменам и инвесторам, но и обычным людям. Физическим лицам возможно приобретение цифровых финансовых активов на сумму не более 600 тыс. руб. в течение года.

Законодательство Российской Федерации разрабатывает обновленную форму договоров, которая станет основой для регулирования отношений на инвестиционных площадках. Для организации процесса инвестирования необходимо составлять инвестиционный договор, в то время как для работы с менеджером по продаже инвестиционных продуктов потребуются договор на предоставление услуг.

Для того, чтобы максимально использовать потенциал этой технологии, необходимо создать четкую и прозрачную правовую базу, обеспечить защиту прав инвесторов и предупредить возможности мошенничества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (ред. 11.03.2024). – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Федеральный закон от 02.08.2019 № 259-ФЗ. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Указ Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы». – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
5. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 28.07.2017 № 1632-р. – Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
6. Гончаров, А. И. Правовая природа цифровых финансовых активов по законодательству Российской Федерации / А. И. Гончаров, В. А. Садков // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2023. – Т. 22, № 2. – С. 82–90. – DOI: <https://doi.org/10.15688/1c.jvolsu.2023.2.11>
7. Ермаков, А. В. Цифровой рубль: проблемы определения правового режима / А. В. Ермаков // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2024. – Т. 23, № 1. – С. 99–104. – DOI: <https://doi.org/10.15688/1c.jvolsu.2024.1.13>

8. Лебедев, К. К. Инвестиционный контракт: понятие и место в системе договорного права / К. К. Лебедев // Конкурентное право. – 2020. – № 4. – С. 31–36.

9. Матыцин, Д. Е. Развитие правового регулирования ключевых технологий Индустрии 4.0: цифровые токены как особые инвестиционные инструменты / Д. Е. Матыцин // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2023. – Т. 22, № 2. – С. 109–113. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2023.2.14>

10. Матыцин, Д. Е. Использование цифровых финансовых активов в качестве инвестиций: проблемы правового регулирования / Д. Е. Матыцин, А. О. Иншакова // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2024. – Т. 23, № 1. – С. 16–26. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2024.1.2>

5. Rasporyazhenie Pravitelstva Rossiyskoy Federatsii ot 28.07.2017 № 1632-r [Decree of the Government of the Russian Federation dated 07/28/2017 No. 1632-r]. *Access from Reference Legal System "Garant"*.

6. Goncharov A.I., Sadkov V.A. Pravovaya priroda tsifrovyykh finansovykh aktivov po zakonodatelstvu Rossiyskoy Federatsii [The Legal Nature of Digital Financial Assets Under the Legislation of the Russian Federation]. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2023, vol. 22, no. 2, pp. 82-90. DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2023.2.11>

7. Ermakov A.V. Tsifrovoy rubl: problemy opredeleniya pravovogo rezhima [Digital Ruble: Problems of Determining the Legal Regime]. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2024, vol. 23, no. 1, pp. 99-104. DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2024.1.13>

8. Lebedev K.K. Investitsionny kontrakt: ponyatie i mesto v sisteme dogovornogo prava [Investment Contract: The Concept and Place in the System of Contract Law]. *Konkurentnoe pravo* [Competition Law], 2020, no. 4, pp. 31-36.

9. Matytsin D.E. Razvitie pravovogo regulirovaniya klyuchevyykh tekhnologiy Industrii 4.0: tsifrovye tokeny kak osobyie investitsionnye instrumenty [Development of Legal Regulation of Key Technologies of Industry 4.0: Digital Tokens as Special Investment Instruments]. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2023, vol. 22, no. 2, pp. 109-113. DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2023.2.14>

10. Matytsin D.E., Inshakova A.O. Ispolzovanie tsifrovyykh finansovykh aktivov v kachestve investitsiy: problemy pravovogo regulirovaniya [The Use of Digital Financial Assets as Investments: Problems of Legal Regulation]. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2024, vol. 23, no. 1, pp. 16-26. DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2024.1.2>

REFERENCES

1. Grazhdansky kodeks Rossiyskoy Federatsii (red. 11.03.2024) [The Civil Code of the Russian Federation (as amended on 03.11.2024)]. *Access from Reference Legal System "KonsultantPlyus"*.

2. Federalny zakon ot 02.08.2019 № 259-FZ [Federal Law No. 259-FZ dated 08.02.2019]. *Access from Reference Legal System "KonsultantPlyus"*.

3. Federalny zakon ot 31.07.2020 № 259-FZ [Federal Law No. 259-FZ dated 07.31.2020]. *Access from Reference Legal System "KonsultantPlyus"*.

4. Ukaz Prezidenta RF ot 9 maya 2017 g. № 203 «O Strategii razvitiya informatsionnogo obshchestva v Rossiyskoy Federatsii na 2017–2030 gody» [Decree of the President of the Russian Federation dated May 9, 2017 No. 203 "On the Strategy for the Development of the Information Society in the Russian Federation for 2017–2030"]. *Access from Reference Legal System "KonsultantPlyus"*.

Information About the Authors

Ksenia V. Shubenkova, Candidate of Sciences (Jurisprudence), Associate Professor, Department of Jurisprudence, Volgograd State University (Volzhsky Branch), 40 let Pobedy St, 11, 404133 Volzhsky, Russian Federation, shubenkova34@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2985-298X>

Elena P. Malakhova, Master's Student, Volgograd State University (Volzhsky Branch), 40 let Pobedy St, 11, 404133 Volzhsky, Russian Federation, malakh66@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0001-6697-9907>

Информация об авторах

Ксения Владимировна Шубенкова, кандидат юридических наук, доцент кафедры юриспруденции, Волжский филиал Волгоградского государственного университета, ул. 40 лет Победы, 11, 404133 г. Волжский, Российская Федерация, shubenkova34@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2985-298X>

Елена Петровна Малахова, магистрант, Волжский филиал Волгоградского государственного университета, ул. 40 лет Победы, 11, 404133 г. Волжский, Российская Федерация, malakh66@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0001-6697-9907>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2024.4.13>

UDC 347.45/.47
LBC 67.404.219

Submitted: 27.06.2024
Accepted: 26.07.2024

ON SOME ISSUES OF THE LEGAL REGULATION OF UNJUST ENRICHMENT OBLIGATIONS

Peter S. Fedoseev

Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Volgograd, Russian Federation

Introduction: the paper discusses the issues of the legal regulation of obligations arising from unjust enrichment; in particular, it discusses the opinion on an excessively wide list of grounds for the occurrence of unjust enrichment obligations, which blurs their civil nature. The author disputes the opinion that unjust enrichment may also arise in connection with the seizure of property from a person as a result of a crime or administrative misconduct, since, in the author's opinion, the concepts of "unjust" and "illegal" are not identical. In addition, the author argues that the object that creates unjust enrichment, the source of its increment, can be not only materialized objects but also other income-generating objects of civil relations. The **purpose** of the paper, first of all, is to study the legal terminology used by the legislator as a lexical basis for the legal regulation of unjust enrichment obligations, in terms of analyzing the correctness of its logical and semantic content and the ability to reflect all the variety of elements and dynamics of obligations arising from unjust enrichment. The main research **methods** are the methods of comparative jurisprudence and the logical methods of text research, which allow establishing the relationship of terms within the concept, as well as the method of legal hermeneutics used to interpret the meaning of the civil legislation norms. The **result** of the study is the author's conclusions about the need to expand the list of sources of unjust enrichment and the possibility of attributing to them unrealized objects of civil relations; in addition, the author proposes a new definition of the term "enrichment." The field of application of the results should be recognized as subsequent research works on the stated topic, in which the conclusions drawn in the paper can be used as a theoretical basis, as well as the content of the paper can be recommended for study in the courses of private law. **Conclusions:** the author has established that the legal nature of unjust enrichment obligations is not limited exclusively to subsidiary nature in relation to tort obligations. In modern private law, they may also have an independent character; the unreasonableness of enrichment does not always mean its illegality, and enrichment itself may consist not only in obtaining income in the form of cash but also in other ways of adding to the wealth of the acquirer.

Key words: obligation, obligations arising from unjust enrichment, unjust enrichment obligations, victim, non-contractual obligations.

Citation. Fedoseev P.S. On Some Issues of the Legal Regulation of Unjust Enrichment Obligations. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2024, vol. 23, no. 4, pp. 98-103. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2024.4.13>

УДК 347.45/.47
ББК 67.404.219

Дата поступления статьи: 27.06.2024
Дата принятия статьи: 26.07.2024

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ КОНДИЦИОННЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ

Петр Сергеевич Федосеев

Волгоградская академия МВД России, г. Волгоград, Российская Федерация

Введение: в статье дискутируются вопросы правового регулирования обязательств из неосновательного обогащения, в частности, обсуждается мнение о чрезмерно широком перечне оснований возникновения кондикционных обязательств, что размывает их гражданско-правовой характер. Автор оспаривает мнение о том, что неосновательное обогащение может возникать и в связи с изъятием имущества у лица в результате преступления или административного проступка, поскольку по мнению автора понятия «неосновательное» и

«незаконное» не тождественны. Кроме того, автор утверждает, что объектом, которое создает неосновательное обогащение, источником его приращения, могут быть не только овеществленные предметы, но и иные, приносящие доход объекты гражданских правоотношений. **Целью** настоящей статьи, в первую очередь, стало исследование юридической терминологии, применяемой законодателем, в качестве лексической основы правового регулирования кондикционных обязательств, в части анализа корректности ее логического и семантического содержания, способности отражать все многообразие элементов и динамики обязательств из неосновательного обогащения. Основными методами исследования стали методы сравнительного правоведения, и логические методы исследования текста, позволяющие установить взаимосвязь терминов внутри понятия, а также метод юридической герменевтики, применяемый для толкования смысла норм гражданского законодательства. **Результатом** исследования стали выводы автора о необходимости расширения перечня источников неосновательного обогащения и возможности отнесения к ним неовещественных объектов гражданских правоотношений, кроме того, автором предложено новое определение термина «обогащение». **Областью применения результатов** следует признать последующие научно-исследовательские работы по заявленной теме, в которых могут использоваться в качестве теоретической основы, выводы, сделанные в настоящей статье, а также содержание статьи может рекомендоваться для изучения в образовательном процессе при изучении дисциплин частноправового цикла. **Выводы:** автором установлено, что правовая природа кондикционных обязательств не ограничивается исключительно субсидиарным характером по отношению к деликтным обязательствам. В современном частном праве они могут иметь и самостоятельный характер, неосновательность обогащения не всегда означает его незаконность, а само обогащение может заключаться не только в получении доходов в форме денежных средств, но и в иных способах прибавления имущественного благосостояния приобретателя.

Ключевые слова: обязательство, обязательства из неосновательного обогащения, кондикционные обязательства, потерпевший, внедоговорные обязательства.

Цитирование. Федосеев П. С. О некоторых вопросах правового регулирования кондикционных обязательств // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2024. – Т. 23, № 4. – С. 98–103. – DOI: <https://doi.org/10.15688/Is.jvolsu.2024.4.13>

Введение

Обязательства из неосновательного обогащения в современном цивилистическом дискурсе занимают почетное место по количеству исследований, посвященным им. Проблемы внедоговорных обязательств исследуются в самых различных аспектах, в том числе и с позиций международного частного права. Как справедливо отмечает А.О. Иншакова, усложнение имущественного оборота и интенсивный рост инновационных технологий в российской экономике, неуклонно приводит к дифференциации форм, в которых возникают внедоговорные отношения, в том числе и кондикционные обязательства [3, с. 106].

Очевидно, что правоотношения, в рамках которых лицо приобретает или сберегает чужое имущество, не имея законных оснований, довольно распространены. Достаточно вспомнить ошибочные переводы денег на банковские карты, оплату чужих телефонных счетов по причине неверно набранной цифры телефонного номера, а также иные, более существенные случаи потери денежных средств и иного имущества в связи с ошибочными

действиями плательщика или по недобросовестности владельца имущества временного вверенного ему.

Вместе с тем нормы Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), регулирующие порядок исполнения обязательств из неосновательного обогащения, на наш взгляд, нуждаются в серьезной корректировке и уточнении ряда основополагающих для этого института терминов. Например, если мы обратимся к содержанию п. 2 ст. 1102 ГК РФ, то в ней причины приобретения неосновательного обогащения сформулированы таким образом, что это породило дискуссию о том, могут ли факты преступного или административно наказуемого завладения чужим имуществом рассматриваться в качестве неосновательного обогащения.

Кроме того, несмотря на длительную проработку вопроса, со времен опубликования «Курса советского гражданского права» и его раздела «Обязательства из причинения вреда и из неосновательного обогащения» Е.А. Флейшиц в 1951 г., нет единого мнения о том, может ли неосновательное обогащение взыскиваться самостоятельно, как предмет отдельного иска или в рамках взыскания полученного, но неис-

пользованного по договору, как это следует из положений п. 4 ст. 453 ГК РФ и подтверждается актами судебных органов [1; 5; 11]. В связи с увеличением числа объектов гражданского оборота за семьдесят три года, прошедших с момента издания труда Е.А. Флейшиц, необходимо пересмотреть и перечень благ, неосновательное сбережение которых или приращение к ним в ущерб законному владельцу, порождает обязательство из неосновательного обогащения.

В качестве цели исследования мы избрали наиболее явные проблемы правового регулирования, правоотношений, возникающих из неосновательного обогащения. По нашему мнению, одной из очевидных проблем указанного правового института является довольно спорная с точки зрения юридической техники терминология, которую использовал законодатель в нормах главы 60 Гражданского кодекса Российской Федерации.

Чтобы не утомлять читателя долгим введением, перейдем к анализу легального определения обязательства из неосновательного обогащения, сформулированного в п. 1 статьи 1102 ГК РФ. В соответствии с ним, неосновательным обогащением признается имущество, приобретенное или сбереженное приобретателем за счет потерпевшего. Исходя из этой формулировки, на первый взгляд, понятно, что речь идет об имуществе либо находившимся у приобретателя, и подлежащего возврату потерпевшему, либо об имуществе, выбывшем из владения потерпевшего и полученном приобретателем.

Очевидно, что юридически значимым для последующей динамики кондикционного обязательства является способ приобретения имущества. Так, если речь идет о приобретении имущества, в качестве неосновательного обогащения посредством совершения хищения чужого имущества, а, если толковать буквально положения статьи 1102 ГК РФ, возможен и такой способ неосновательного обогащения возможен, то в соответствии со статьей 11 ГК РФ, потерпевшему следует обратиться в суд с исковым заявлением и в порядке искового производства взыскать с похитителя или иного лица, у которого в данный момент находится принадлежащее ему имущество, вещь, ставшую предметом обязательства из неосновательного обогащения. Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что обязанная вернуть неосно-

вательно приобретенное имущество, сторона именуется уголовно-процессуальным термином «потерпевший», то есть лицо, которому преступлением причинен физический, имущественный или моральный вред, как устанавливает статья 42 УПК РФ. В то же время потерпевший в уголовном процессе не отождествляется с гражданским истцом, поскольку потерпевший может и не предъявлять гражданский иск в рамках уголовного судопроизводства.

Вместе с тем в соответствии с УПК РФ, если имеются сведения о месте нахождения имущества, имеющего значение для дела, а похищенные вещи очевидно имеют значение для дела, то производится обыск или выемка такого имущества на основании постановления следователя. Если обнаруженные вещественные доказательства, в случае громоздкости или иных причин, например, угрозы их порчи или устаревания, не могут храниться вместе с материалами уголовного дела, то следователь может их вернуть законному владельцу, предварительно их сфотографировав, приобщив к делу образец для сравнительного исследования, и, взяв с владельца расписку, обязывающую сохранять вещественное доказательство по определенному сторонами месту.

Следует отметить, что не всегда следователь передает имущество потерпевшему, помещая его на хранение в специально оборудованные помещения, однако, практика показывает, что в случае необеспечения сохранности изъятого имущества и утраты его в рамках предварительного следствия или судебного разбирательства, ответственность за утрату или недостачу таких вещей несет лицо, инициировавшее изъятие имущества [6].

Таким образом, очевидно, что институт обязательств, возникающих из неосновательного обогащения носит частноправовой характер и не может отождествляться с ответственностью за приобретение имущества преступным путем, поскольку для прекращения такого рода незаконного владения применяются уголовно-процессуальные методы.

Кроме приведенной выше есть и иные точки соприкосновения кондикционных обязательств с похожими публично-правовыми фактами незаконного приобретения и сбережения имущества, на которых следует также остановиться особо.

Нечеткость легального определения «неосновательное обогащение» приводит к тому, что в литературе высказываются мнения о том, что все факты получения имущества или денежных средств следует приравнять к фактам неосновательного обогащения. Выше мы показали, что неосновательное обогащение, последовавшее за преступным приобретением чужого имущества не может быть признано таковым и не подлежит взысканию у приобретателя в порядке, предусмотренном статьей 10 ГК РФ. Справедливости ради, необходимо обратить внимание на то, что имущество, похищенное или иным путем отчужденное от законного владельца, может и не быть обнаруженным у подозреваемого в совершении преступления. В данном случае, возникает необходимость в изъятии похищенного имущества у третьих лиц, ставших добросовестными приобретателями, или взыскания компенсации за его утрату в порядке искового производства на основании принципов состязательного гражданского судопроизводства [7].

Приобретение чужого имущества, следуя буквальному тексту ст. 1109 ГК РФ дает слишком широкий простор для признания неосновательным обогащением и других актов завладения чужим имуществом, наказуемых нормами публично-правовых отраслей. Так, факт завладения чужим имуществом без законных или договорных оснований составляет объективную сторону такого правонарушения, как предусмотренное статьей 7.1 КоАП РФ самовольное занятие чужого участка. Административный проступок по своим имущественным последствием представляет собой факт неправомерного завладения чужим имуществом и возможного получения прибыли от владения и пользования им.

Однако так же, как и в случае с совершением преступления, направленного на завладение чужим имуществом, самовольное занятие земли может стать основанием для безусловного изъятия участка из незаконного владения либо возвращения его площади к законным пределам, а доходы, полученные незаконным владельцем или неполученные законным следует взыскивать по правилам о деликтных, а не кондикционных обязательствах.

Кроме того, неосновательность обогащения, по нашему мнению, не следует отожде-

ствлять с незаконностью. Если исходить из концепции о том, что все совершаемые субъектами гражданских правоотношений действия это взаимные или односторонние сделки, то незаконное приобретение будет являться ничтожной сделкой, поскольку она совершается с противоправной целью, в то время как неправомерные последствия в принципе правомерной сделки могут стать основанием обязательства из неосновательного обогащения [4, с. 858].

Из буквального толкования статей 1102 и 1104 ГК РФ можно сделать вывод о том, что предметом обязательства из неосновательного обогащения является имущество, а из смысла пункта 1 ст. 1104 ГК РФ под ним необходимо понимать овеществленный объект. Подобная точка зрения высказывается и Т.В. Савиной и Д.В. Новаком [6; 10], которые поддерживают тезис об овеществленном предмете кондикционного обязательства, апеллируя к авторитету классика российской цивилистики – Д.Д. Гримма [2]. Указанные современные авторы аргументируют вывод об исключительно об овеществленном характере неосновательного обогащения, опровергая версию о возможности отнесения к неосновательному обогащению информации или приобретения исполнения обязанностей в пользу обогатившегося.

В свою очередь, мы полагаем, что под имуществом следует понимать не только вещи и имущественные права, что, строго говоря, противоречит ст. 1102 и 1104 ГК РФ, в которых не упоминается об овеществленном характере источника неосновательного обогащения, но и любого приносящего прибыль объекта, в том числе информации, энергии или услуг. Вместе с тем возврат неосновательно приобретенного или сбереженного не всегда может быть возвращен в натуре, о чем говорит п. 1 ст. 1105 ГК РФ, что сближает кондикционные обязательства с деликтными. Однако в таком случае, для их сепарации необходимо сделать законодательный акцент именно на законном или, по крайней мере, не противоправном приобретении сбереженного источника дохода. Сходное мнение встречается и в работе Е.А. Флейшиц, которая утверждала, что объект, приносящий доход может быть самым разнообразным: деньги, имущество с неотделимыми улучшениями, главной, по ее мнению, считается возможность не только владеть приносящим

доход имуществом, но и присвоить его полезные свойства, то есть приносимый доход в любой его форме [11, с. 210].

Полагаем, что в данном случае необходимо законодательно уточнить само определение «обогащения», взяв за отправное понятие термин «доход», который, к сожалению, также является в современной юридической практике оценочным суждением и его содержание устанавливается на основании подзаконных актов, либо путем анализа юридической доктрины. Так, в актах судебных органов, под доходом понимается полученная экономическая выгода в денежной форме, которая может присваиваться лицом, его получившим [9].

Вместе с тем, поскольку данное определение дано судом в контексте налогового спора, признать исчерпывающим для теории гражданского права невозможно. Очевидно, что денежная прибыль – это только одна из форм дохода, которую достаточно легко вычислить и обложить налогом, в то же время в гражданском обороте в качестве выгодных для контрагента действий можно признать и освобождение от обязанности и предоставление безвозмездных услуг или работ. Следовательно, доход в денежной форме соотносится с обогащением, как часть целого, поскольку выгода, полученная неосновательно должна рассматриваться не только, как имущественное приращение, но и в качестве не понесенных затрат на объекты, обычно предоставляемые за плату, например, бесплатное использование транспортного средства, переданного для тестового вождения, использование вещи, которую покупатель не собирался приобретать или иные случаи необоснованно безвозмездного использования имущества или потребления услуги.

Выводы

Подводя итог проведенного краткого исследования можно сделать вывод о том, что кондикционные обязательства действительно могут носить субсидиарный характер, как утверждает ряд исследователей, что, тем не менее, не исключает возможности самостоятельного предъявления иска, основанного на неосновательном обогащении [8, с. 63].

Кроме того, на основе анализа точек зрения по вопросу дефиниции неосновательного

обогащения, предлагаем авторское определение исследуемого термина. Наиболее корректным, по нашему мнению, будет определение неосновательного обогащения как осознанно получаемого неуполномоченным лицом денежного или иного имущественного прибавления, а также выгоды получаемой путем освобождения от денежных или иных имущественных обязательств, потребления услуг или присвоения результатов работ без эквивалентного вознаграждения их исполнителя, а также безвозмездное присвоение прибыли из иных источников [12, с. 80].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арбитражный суд города Москвы (АС города Москвы) Решение от 31 мая 2023 г. по делу № А40-22903/2023 // Судебные и нормативные акты РФ (СудАкт). – URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/fYhQVgN5pwlj/>
2. Grimm, D. D. Очерки по учению об обогащении / Д. Д. Гримм. – Дерпт : Тип. Шнакенбурга, 1891. – 106 с.
3. Иншакова, О. А. Вопросы применимого права в сфере деликтных отношений с иностранным элементом / А. О. Иншакова, Ю. А. Тымчук // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5, Юриспруденция. – 2016. – Т. 15, № 4 (33). – С. 105–114. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu5.2016.4.16>
4. Иоффе, О. С. Обязательственное право / О. С. Иоффе. – М. : Юрид. лит., 1975. – 880 с.
5. Лоренц, Д. В. Требования из неосновательного обогащения и договорные притязания / Д. В. Лоренц // Современные проблемы юридической науки : материалы IV Всерос. с Междунар. участием науч.-практ. конф. молодых исследователей, (24–25 апреля 2008 г.). Ч. 1. – Челябинск : Южно-Урал. гос. ун-т, 2008. – С. 132–135. – URL: <https://znanium.com/catalog/product/406760>
6. Новак, Д. В. Неосновательное обогащение в гражданском праве / Д. В. Новак. – М. : Статут, 2010. – 416 с.
7. Определение Верховного Суда РФ от 21 июля 2020 г. по делу № 67-КГ20-5 № 2-65/2019 // legalacts.ru. – URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoikollegii-po-grazhdanskim-delam-verkhovnogo-sudarossiiskoi-federatsii-ot-21072020-n-67-kg20-5-2-652019>
8. Попович, М. М. Гражданское право. Внедоговорные обязательства : учеб. пособие / М. М. Попович. – Вологда : ВИПЭ ФСИН России, 2015. – 83 с.
9. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 17 февраля 2009 г. № 9181/09 // Вестник ВАС РФ. – 2009. – № 6.

10. Савина, Т. В. Теоретические аспекты обязательств из неосновательного обогащения в нормах о недостойных наследниках / Т. В. Савина // Имущественные отношения в РФ. – 2021. – № 7 (238). – С. 77–84.

11. Флейшиц, Е. А. Курс советского гражданского права. Обязательства из причинения вреда и из неосновательного обогащения / Е. А. Флейшиц. – М.: Гос. изд-во юрид. лит., 1951. – 239 с.

12. Шамшева, В. В. Понятие дохода в США / В. В. Шамшева // Налоговед. – 2014. – № 7. – С. 78–83.

REFERENCES

1. Arbitrazhnyj sud goroda Moskvy (AS goroda Moskvy) Reshenie ot 31 maya 2023 g. po delu № А40-22903/2023 [Arbitration Court of the City of Moscow (AC of the City of Moscow) Decision of May 31, 2023 in Case No. А40-22903/2023]. *Sudebnye i normativnye akty RF (SudAkt)* [Judicial and Regulatory Acts of the Russian Federation (SudAkt)]. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/fYhQVgN5pwlj/>

2. Grimm D.D. *Ocherki po ucheniyu ob obogashchenii* [Essays on the Doctrine of Enrichment]. Derpt, Tip. Schnakenburga, 1891. 106 p.

3. Inshakova O.A., Tymchuk Yu.A. Voprosy primenimogo prava v sfere deliktnyh otnoshenij s inostrannym elementom [Questions of Applicable Law in the Field of Tort Relations with a Foreign Element]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 5. Yurisprudenciya* [Bulletin of the Volga. Series 5. Jurisprudence], 2016, vol. 15, no. 4 (33), pp. 105-114. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu5.2016.4.16>

4. Ioffe O.S. *Obyazatelstvennoe pravo* [Law of Obligations]. Moscow, Yurid. lit. Publ., 1975. 880 p.

5. Lorenc D.V. Trebovaniya iz neosnovatel'nogo obogashcheniya i dogovornye prityazaniya [Demands from Unjustified Enrichment and Contractual Claims]. *Sovremennye problemy yuridicheskoy nauki: materialy IV Vseros. s Mezhdunar. uchastiem nauch.-prakt. konf. molodyh issledovatelej, (24–25 aprelya 2008 g.). Ch. 1*

[Modern Problems of Legal Science. Proceedings of the 4th All-Russian with the International Participation of the Scientific and Practical Conference of Young Researchers, (April 24–25, 2008). Pt. 1]. Chelyabinsk, Yuzhno-Ural. gos. un-t, 2008, pp. 132-135. URL: <https://znanium.com/catalog/product/406760>

6. Novak D.V. *Neosnovatel'noe obogashchenie v grazhdanskom prave* [Unjustified Enrichment in Civil Law]. Moscow, Statut Publ., 2010. 416 p.

7. Opredelenie Verhovnogo Suda RF ot 21 iyulya 2020 g. po delu № 67-KG20-5 № 2-65/2019 [Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation Dated July 21, 2020 in Case No. 67-KG20-5 No. 2-65/2019]. *legalacts.ru*. URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoikollegii-pograzhdanskim-delam-verkhovnogosudarossiiskoi-federatsii-ot-21072020-n-67-kg20-5-2-652019>

8. Popovich M.M. *Grazhdanskoe pravo. Vnedogovornye obyazatelstva: ucheb. posobie* [Civil Law. Non-Contractual Obligations. Textbook]. Vologda, VIPE FSIN Rossii, 2015. 83 p.

9. Postanovlenie Prezidiuma Vysshego Arbitrazhnogo Suda RF ot 17 fevralya 2009 g. № 9181/09 [Resolution of the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation Dated February 17, 2009 No. 9181/09]. *Vestnik VAS RF* [Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation], 2009, no. 6.

10. Savina T.V. Teoreticheskie aspekty obyazatelstv iz neosnovatel'nogo obogashcheniya v normah o nedostojnyh naslednikah [Theoretical Aspects of Obligations from Unjustified Enrichment in the Norms on Unworthy Heirs]. *Imushchestvennyye otnosheniya v RF* [Property Relations in the Russian Federation], 2021, no. 7 (238), pp. 77-84.

11. Flejshic E.A. *Kurs sovetskogo grazhdanskogo prava. Obyazatelstva iz prichineniya vreda i iz neosnovatel'nogo obogashcheniya* [Course of Soviet Civil Law. Obligations from Harm and from Unjustified Enrichment]. Moscow, Gos. izd-vo yurid. lit., 1951. 239 p.

12. Shamsheva V.V. Ponyatie dohoda v SSHA [Concept of Income in the USA]. *Nalogoved* [Taxman], 2014, no. 7, pp. 78-83.

Information About the Author

Peter S. Fedoseev, Candidate of Sciences (Jurisprudence), Associate Professor, Department of Civil Law Disciplines, Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Istoricheskaya St, 130, 400075 Volgograd, Russian Federation, civilp@yandex.ru, <http://https://orcid.org/0000-0001-8261-7597>

Информация об авторе

Петр Сергеевич Федосеев, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин, Волгоградская академия МВД России, ул. Историческая, 130, 400075 г. Волгоград, Российская Федерация, civilp@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8261-7597>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2024.4.14>

UDC 347.6

LBC 67.404.5

Submitted: 04.10.2024

Accepted: 24.10.2024

**INNOVATIONS IN THE FAMILY LEGISLATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION:
ANALYSIS OF THE LEGISLATIVE INITIATIVES
AND LAW ENFORCEMENT TRENDS**

Elvira O. Osadchenko

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Introduction: the transformation and evolution of modern society, its values, and its priorities are simultaneously evidenced in fairly sustainable and stable social institutions, which include family and marriage. The multifaceted issues of demography, the family, the transmission of the cultural code, and spiritual heritage through generations currently occupy a central place in state policy – the year of 2024 has been declared the year of the family in Russia. The Russian legislator is carefully and delicately introducing changes in family law, dictated by established judicial practice and aimed at consolidating positive trends (in particular, the protection of paternity as part of alimony obligations), avoiding radical innovations (such as, for example, the introduction of the right to freedom of gender/sexual self-determination). At the same time, the events taking place in the country and disturbing the usual way of life are a powerful factor affecting the family and social condition. The **purpose** of the study is to identify the reaction of the legislator and law enforcer to the paradigmatic transformation of family and marital relations. **Methods:** the methodological framework for the study is a set of methods of scientific cognition, whose main ones are analysis, synthesis, generalization, and comparative jurisprudence. **Results:** the current state of the institution of marriage is characterized by the formation of a new type of family and the construction of new models of marriage, which entails the need to modernize the established legal foundations in this area, whose outline we can observe in the scientifically based concepts and supported by various state development programs. We can observe innovations in marital relations both in the proposed legislative initiatives and in the emerging judicial practice. **Conclusions:** in modern realities, the law enforcer is faced with such negative phenomena as sham marriages, putative marriages, and putative termination of marital relations, where the parties determine their socio-legal status based on material interest, without pursuing goals arising from the nature of marital relations. According to the author, the legislative initiative on the recognition of actually existing marital relations in a judicial application procedure at the request of one of the parties is aimed at undermining the basic principle of marriage – the mutual expressed consent of both persons wishing to marry. The transformations considered in the marriage sphere allow believing that the special military operation has also played an important role in this process, which has changed the views of many people on the meaning of marriage and its key principles.

Key words: marriage, conclusion of marriage, sham marriage, sham dissolution of marriage, recognition of actual marital relations, innovation of the family legislation.

Citation. Osadchenko E.O. Innovations in the Family Legislation of the Russian Federation: Analysis of the Legislative Initiatives and Law Enforcement Trends. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2024, vol. 23, no. 4, pp. 104-112. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2024.4.14>

НОВАЦИИ СЕМЕЙНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИИ: АНАЛИЗ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ ИНИЦИАТИВ И ТЕНДЕНЦИЙ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

Эльвира Олеговна Осадченко

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Введение: трансформация и эволюция современного общества, его ценностей и приоритетов параллельно отражается и на достаточно устойчивых и стабильных социальных институтах, к которым относятся семья и брак. Разноаспектные вопросы демографии, семьи, передачи культурного кода и духовного наследия через поколения в настоящее время занимают центральное место в государственной политике – 2024 г. в России объявлен Годом семьи. Российский законодатель осторожно и деликатно вносит изменения в сферу семейного права, продиктованные сложившейся судебной практикой и направленные на закрепление позитивных тенденций (в частности, защита отцовства в рамках алиментных обязательств), избегая радикальных новшеств (таких, например, как введение права на свободу гендерного / полового самоопределения). Одновременно события, происходящие в стране и будоражащие привычный уклад, являются мощным фактором, накладывающим отпечаток на семейно-социальное состояние. Выявление реакции законодателя и правоприменителя на парадигмальную трансформацию семейно-брачных отношений составляет цель настоящего исследования. **Методы:** методологическую основу данного исследования составляет совокупность методов научного познания, среди которых основное место занимают анализ, синтез, обобщение и сравнительное правоведение. **Результаты:** для современного состояния института брака характерно формирование нового типа семьи и построение новых моделей брака, что влечет необходимость модернизации сложившихся правовых устоев в этой сфере, абрис которых мы можем наблюдать в научно обоснованных концепциях, и поддерживаемых различными государственными программами развития. Новации брачных отношений отмечаются и в предлагаемых законодательных инициативах, и в формирующейся судебной практике. **Выводы:** в современных реалиях правоприменитель столкнулся с такими негативными явлениями, как фиктивные, мнимые браки и мнимое прекращение брачных отношений, где стороны определяют свое социально-правовое положение исходя из материальной заинтересованности, не преследуя цели, вытекающие из природы брачных отношений. Законодательная инициатива о признании фактически сложившихся брачных отношений в судебно-заявительном порядке по требованию одной из сторон, по мнению автора, направлена на подрыв базового принципа заключения брака – взаимное выраженное согласие обоих лиц, желающих вступить в брак. Рассмотренные трансформации в брачной сфере позволяют нам считать, что немаловажную роль в данном процессе оказала и специальная военная операция, поменявшая воззрение многих людей на значение брака, его ключевые принципы.

Ключевые слова: брак, заключение брака, фиктивный брак, фиктивное расторжение брака, признание фактических брачных отношений, новация семейного законодательства.

Цитирование. Осадченко Э. О. Новації семейного законодательства России: анализ законодательных инициатив и тенденций правоприменения // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2024. – Т. 23, № 4. – С. 104–112. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2024.4.14>

Введение

Институт брака берет свое начало еще со времен существования древнего Рима, уже с того периода возникла необходимость регулирования брачно-семейных отношений, где неотъемлемой целью заключения брака являлось воспитание потомства и ведение общего хозяйства. Главные устои и цели создания института брака, зародившиеся несколько

столетий назад, все еще сохраняются в современной России, и брак представляет собой взаимный, равноправный, добровольно заключенный в органах записи актов гражданского состояния союз мужчины и женщины, целью которого является создание семьи, порождение взаимные прав и обязанностей супругов. Основные вопросы, связанные с правовым регулированием этого социального института, регламентируются в статьях Семейного

кодекса РФ, который содержит положения, закрепляющие основные принципы правового регулирования брачно-семейных отношений, основания заключения и прекращения брака, права и обязанности супругов, основания признания брака недействительным, порядок заключения брачного договора и внесения в него изменений и т. д. [7].

Несмотря на формирование современного типа семьи и построения новых моделей брака, – пробный брак, открытый брак, браки-посещения, одинокое материнство [4], – сохраняют свое действие основные принципы брачно-семейных отношений на территории РФ: добровольность брачного союза; равенство прав супругов в семье; разрешение внутрисемейных споров по взаимному согласию; приоритет семейного воспитания детей, забота об их благополучии и развитии; обеспечение приоритетной защиты прав и интересов несовершеннолетних и нетрудоспособных членов семьи и т. д. Согласно Семейному кодексу РФ, условиями для заключения брака являются взаимное согласие супругов на регистрацию брака; достижение брачного возраста и отсутствие обстоятельств, препятствующих заключению брака. В Российской Федерации, согласно ст. 72 Конституции РФ, вопросы, касающиеся семейного законодательства, относятся к совместному ведению федерального центра и субъектов РФ, ввиду чего субъекты, входящие в состав российского государства, вправе самостоятельно устанавливать возраст, необходимый для заключения брака. Так, в некоторых регионах (например, в Чеченской республике, республике Адыгея, Кабардино-Балкария, Тульской области и т. п.) возраст вступления в брачно-семейные отношения снижен до 14 лет. К обстоятельствам, препятствующим заключению брака, согласно Семейному кодексу РФ, относятся: наличие близкого родства, признания лица недееспособным по решению суда ввиду наличия психического заболевания, а также наличие у лица уже зарегистрированного брака с третьим лицом.

Необходимость модернизации сложившихся правовых норм о браке

Многочисленные исследования, проведенные представителями различных наук (пе-

дагогами, психологами, философами, демографами) отмечают, что сформированные этой семейно-брачного законодательства в России и отдельные программы-развития, реализованные в России за последние пятьдесят лет, не оказывают адекватного, ожидаемого влияния на негативную динамику эволюции института семьи и брака. Реализуемая политика частично решила вопросы демографии. Но не результативна в процессах сложной кризисной трансформации, при которой изменяются вековые функции семьи и брака: наблюдается переход от детоцентрированной семьи к свободному супружескому союзу [3, с. 107–108], формирование семей при отсутствии супружеских отношений [15, с. 98], усиление социальной и материально-экономической независимости женщин [6], развитие эгалитарной философии [8], все большее появление семей группы риска [2] и пр.

Мы можем лишь констатировать, что возрастает необходимость внесения изменений в уже устоявшиеся и закрепленные ни одним тысячелетием социальные институты семьи и брака с целью более точного и прагматичного разрешения многогранных вопросов, абрис которых уже сложился в научно-обоснованных концепциях. По мнению российского социолога В.В. Локосова, под трансформацией понимается процесс существенного изменения социальной системы, который характеризуется качественными изменениями системообразующих элементов, многовекторностью и относительно высоким темпом их реализации, а также повышенным влиянием субъективных факторов [10]. Процесс трансформации предполагает под собой модернизационные изменения, протекающие внутри социальной структуры в относительно непродолжительные сроки. Б.М. Бим-Бад и С.Н. Гавров в своей монографии «Модернизация института семьи: макросоциологический и антрополого-педагогический анализ» описывают процессы изменения брачно-семейных отношений, выделяя под ключевыми причинами данного явления изменение положения женщины в обществе и увеличения количества выполняемых ей ролей, в том числе профессиональных, направленных на достижение успехов и карьерного роста; переход общества от традиционного к индустриальному и постиндустриальному типу; демокра-

тизация семьи, заключающаяся в равноправии супругов, в равном распределении между ними домашних обязанностей и в совместном принятии решений; в увеличении числа малодетных или бездетных семей; в широком распространении либеральных и демократических семей по характеру воспитания детей, заключающихся в наличии возможности у детей самостоятельно принимать решения и руководить своими действиями; в увеличении количества сожительства и незарегистрированных браков и т. д. [5]. Вышеперечисленные факторы оказывают влияние на структурную и качественную трансформацию института семьи и брака, вследствие чего они вынуждены претерпевать изменения с целью внедрения новых процессов. Законодатель, стараясь усовершенствовать сложившееся устои в корреляции с культурными, религиозными, историческими ценностями страны, вводит ряд новшеств для более детальной проработки внутренней структуры данного социального института.

Законодательные и правоприменительные новации о брачных отношениях в России

В Государственную Думу Российской Федерации был внесен ряд законопроектов, касающихся вопросов заключения брачно-семейных отношений, а также их прекращения. Так, 30 января 2024 г. был предложен законопроект Федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон “О введении в действие части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации”», заключающийся во внесении положений, касающихся в одностороннем праве лица установить факт состояния в брачных отношениях с лицом, погибшем в результате участия в специальной военной операции [13]. Данный проект закона содержит статьи, регламентирующие возможность подачи заявления о признании заключения брака с супругом, принимавшем участие в введении военных действий в зоне СВО. Ввиду увеличения на территории Российской Федерации числа сожительствующих пар без регистрации брака в органах ЗАГС, но имевших общих детей, были предложены меры, касающиеся семей, где один из супругов находился в зоне проведения специальной воен-

ной операции и участвовал в боевых действиях, в результате чего трагически погиб. В таком случае, суд с помощью вынесения соответствующего акта, может признать заключенный брак посмертно. Главным условием данного нововведения является совместное проживание не менее трех лет или не менее одного года при наличии совместного ребенка, а также ведение общего хозяйства.

Предложенный законопроект содержит пояснительную записку, подробно раскрывающую значимость и необходимость принятия данного Федерального закона, и раскрывает возможности защиты прав и интересов «фактических» семей военнослужащих, принимавших участие в специальной военной операции и погибших во время ее проведения. Инициаторы проекта подчеркивают, что в случае трагической гибели военнослужащего, семья будет лишена кормильца, но у данной семьи отсутствуют правовые механизмы защиты своих прав и законных интересов в наследственных правоотношениях, отношениях по социальному обеспечению. В случае гибели лица, признания его безвестно отсутствующим или объявлении умершим во время нахождения на территории проведения специальной военной операции, другое лицо, находившееся в незарегистрированных отношениях, вправе подать заявление в суд в одностороннем порядке о возможности регистрации брака с погибшим лицом, которое будет рассматриваться в особом судебном производстве.

Считаем, что данная мера направлена на развитие механизма правового регулирования прав и интересов лиц, состоявших в связях с лицом, трагически погибшем, безвестно отсутствующим или объявленным умершим в результате участия в мероприятиях, направленных на проведение специальной военной операции. Законопроект сулит изменения в уже устоявшиеся процессы посредством внедрения нововведения о возможной односторонней воле заключения брака, что трансформирует основы вступления в брачно-семейные отношения – взаимное согласие обоих лиц.

Анализируя предложенные инициативы, все же выскажем негативный отзыв, приводя в обоснование мнение А.Я. Рыженкова, полагающего, что процессы развития отдельных сфер неизбежно окажут влияние на кон-

цепцию брака как правового состояния, но неизменно вектор законодательной трансформации должны определять семейно-правовые принципы, согласно которым приоритет в семье имеют личные неимущественные отношения, складывающиеся на основах взаимности и добровольности союза и мужчины, и женщины [14, с. 92].

Помимо обсуждения инициатив, касающихся вопросов заключения брака в одностороннем порядке *post factum*, все более активно в правоприменительной деятельности судов поднимаются вопросы пересмотра сложившейся судебной практики о признании браков фиктивными и выявлению обстоятельств, свидетельствующих о мнимости семейных отношений. Время от времени общественность будоражат случаи, фигурантами которых становятся трагически погибшие участники СВО [16; 17].

Под фиктивным браком понимается союз мужчины и женщины, не преследующий цели создания семьи, а имеющий определенную выгоду. По мнению М.В. Антокольской, правовая природа у фиктивного брака такая же, как и у мнимой сделки, нарушающей баланс между внешней формой и внутренним содержанием брака, не совпадающие в данном случае [1, с. 336]. Впервые понятие фиктивного брака было рассмотрено в Постановлении Пленума Верховного суда СССР от 16 сентября 1949 г. № 12/8/У «О судебной практике по делам о расторжении брака», где говорится о том, что в общеисковом порядке должны рассматриваться также иски о недействительности брака, заключенного фиктивно, без намерения установить между сторонами права и обязанности супругов [12].

Таким образом, заключение фиктивного брака не преследует целей создания семьи, воспитания детей, ведения общего хозяйства, такой брак направлен на иные цели, чаще всего относящиеся к возможности получения материальной выгоды. К данной материальной выгоде может относиться получение недвижимости или завладение движимым имуществом. Кроме того, обращаясь к ст. 1142 Гражданского кодекса Российской Федерации, к наследникам первой очереди относятся супруг / супруга, дети и родители. Таким образом, если брак был заключен с

целью получения материальной выгоды, то по случаю смерти одного из супругов, второй супруг / супруга становятся наследниками первой очереди, тем самым получая в качестве наследования по закону имущество, принадлежавшее при жизни своему супругу / своей супруге. Помимо этого, заключение фиктивного брака может преследовать не только выгоду, имеющую материальную природу, но и возможность приобретения нематериальных благ, таких как: получение гражданства, эмансипация, получение права временного проживания на территории государства и т. д. [9, с. 53]. Исходя из вышеизложенного следует, что существуют различные цели заключения фиктивных браков, носящие как материальную, так и нематериальную выгоду. Для признания брака фиктивным необходимо рассмотреть следующие обстоятельства: проживают ли супруги вместе и имеют ли цель создать семью, ведут ли совместное хозяйство и иные уточняющие и более детальные вопросы. Кроме того, данные обстоятельства фиктивности брачно-семейных отношений рассматриваются судом в каждом случае в отдельном судебном порядке, что позволит доказать факт фиктивно заключенного брака и в последующем признании того недействительным.

Признание брака фиктивным может породить различного вида последствия, в том числе относящиеся к нравственной и правовой точки зрения. Рассматривая с нравственной точки зрения, фиктивные браки обесценивают институт семьи и брака, что тем самым приводит к распушенности нравов, потери значимости данного социального института, а также к низкой социальной ответственности населения [11, с. 131]. Правовая точка зрения характеризуется возможностью привлечения к юридической ответственности лиц, зарегистрировавших брак без цели создания семьи и ведения общего хозяйства. Так, ст. 292 Уголовного кодекса РФ предписывает возможность применения наказания к лицу, внесшего в официальный документ ложные сведения. Более того, в судебной практике широкое распространение имеет регистрация браков с целью получения гражданства определенного государства. В данном случае речь идет про мигрантов, желавших в упрощенном

порядке стать гражданами Российской Федерации или получения вида на жительство посредством фиктивного заключения брака с гражданином РФ. В таком случае уголовное законодательство содержит статью 322.2 УК РФ, предусматривающую уголовную ответственность за данный вид преступления.

За последние несколько лет возрастает количество фиктивных браков с лицами, принимавшими участие в специальной военной операции. Одной из главных причин широкого распространения данного факта является получение материальной выгоды. Лица, находящиеся в зоне СВО и принимающие участие в ведении боевых действий, имеют широкий спектр льгот, направленных на их социальное обеспечение. К ним относятся: материальная поддержка со стороны государства и различного рода выплаты, приоритетное право на места в детских садах и школах, льготы для поступления в высшие учебные заведения на бюджетную основу, первоочередное право на получение путевок в оздоровительные лагеря, бесплатный проезд в общественном транспорте, медицинское обследование, обеспечение лекарственными средствами, кредитные каникулы по кредитным обязательствам, освобождение от уплаты НДФЛ и страховых взносов и т. д. Таким образом, военнослужащие и их семьи имеют ряд привилегий, заключающийся в материальной поддержке со стороны государства. Вследствие этого, распространяется тенденция заключения фиктивных браков с лицами, участвующими в специальной военной операции с целью получения материальной выгоды и ряда льгот. У государства же стоит задача по борьбе с фиктивными браками и признания их недействительными.

Наряду с фиктивным браком, не меньший интерес с позиций правовых последствий, представляет собой иного рода широко сложившееся явление, – фиктивный развод. Под фиктивным разводом понимается юридическое прекращение брака с сохранением фактических брачно-семейных отношений. Иными словами, фиктивный развод представляет собой расторжение брака супругами, в последующем не влекущий прекращения брачно-семейных правоотношений. Мотивы фиктивных разводов могут быть различными: у супругов может быть цель скрыть имуще-

ство от кредиторов, избежать запрета нахождения на государственной службе и возможность занимать государственную должность, находящуюся в прямом подчинении с близким родственником, избежать обязанности декларировать свои доходы, получение материальной поддержки со стороны государства в случае наличия несовершеннолетних детей, получение государственных льгот и социального обеспечения и т. д. Таким образом, при помощи фиктивного развода люди стремятся получить собственную выгоду и преследуют поставленные цели. В последнее время в обществе возрастает тенденция распространения фиктивных разводов, но на сегодняшний день законодатель еще не ввел в действие правовую норму, имеющую неблагоприятные последствия для лиц, расторгающих брак фиктивно. Полагаем, ввиду увеличения случаев данного явления, законодатель может ввести гражданско-правовую ответственность за ложные сведения, ставящие в заблуждение органы государственной власти.

Выводы

Трансформация семейных ценностей, снижение направляющей, основоформирующей роли базовых принципов семейного права, протекающих в условиях глобальных кризисов, межэтнических конфликтов, экономических и социальных трудностей, усугубляют сложившуюся проблему деградации института семьи и брака. Значительные деформационные изменения активируют процессы новаций как сложившегося стабильного законодательства о семье и браке, так и постулатов в правоприменении.

2024 г. объявлен в России Годом семьи, преследующим цель укрепления семьи и усиления традиционных ценностей.

Рассмотренные трансформации именно в брачной сфере (законодательная инициатива о признании фактически сложившихся брачных отношений в судебно-заявительном порядке по требованию одной из сторон, возрастание мнимых и фиктивных браков с военнослужащими) позволяют нам считать, что немаловажную роль в данном процессе оказала и специальная военная операция, поменявшая мировоззрение многих людей на значение брака, его

ключевые принципы. Ввиду наличия определенных привилегий для лиц, находящихся в зоне СВО и принимавших участие в боевых действиях, увеличились показатели по заключению браков с военнослужащими, находящимися на специальной военной операции с целью получения выгоды, имеющей материальную природу (социальное обеспечение, наследование денежных выплат и пр.).

Также на сегодняшний день широкое распространение имеет и фиктивное прекращение брачных отношений по соглашению между супругами, но с фактическим сохранением брака и семьи. Такое явление также связано с наличием социального обеспечения, выплатой различных пособий и наличием льгот для лиц, расторгающих брак, но имеющих совместных несовершеннолетних детей. Фиктивные разводы, также, как и фиктивные браки, имеют негативные последствия для развития нравственности населения, обесценивающие значимость институтов семьи и брака, что может привести к низкой социальной ответственности населения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Антокольская, М. В. Семейное право : учебник / М. В. Антокольская. – М. : Юристъ, 2002. – 432 с.
2. Басина, Н. И. Специфика семей группы риска в условиях институционального кризиса: понятийный анализ / Н. И. Басина, И. А. Орос // *Norwegian Journal of Development of the International Science*. – 2020. – № 51. – С. 47–53.
3. Бондов, С. Н. Свобода развода и автономия семейной жизни: принципы современного семейного права // *Вестник Московского университета МВД России* / С. Н. Бондов. – 2010. – № 5. – С. 107–112.
4. Борисенков, В. П. Институт семьи и семейная политика в современной России: проблемы, тенденции и перспективы / В. П. Борисенков, О. В. Гукаленко // *Интернет-журнал «Наукovedение»*. – 2014. – Вып. 5 (24). – URL: <http://naukovedenie.ru/PDF/130PVN514.pdf>
5. Бим-Бад, Б. М. Модернизация института семьи: социологический, экономический и антрополого-педагогический анализ : монография / Б. М. Бим-Бад, С. Н. Гавров ; предисл. Л. С. Перепелкина. – М. : Интеллектуал. кн. ; Новый хронограф, 2010. – 352 с.
6. Дергунова, В. Сама себе каменная стена: как не оказаться без денег в браке и после развода / В. Дергунова // *Forbes Woman*. – URL: <https://www.forbes.ru/forbes-woman/496317-sama-sebe-kamennaa-stena-kak-ne-okazat-sa-bez-deneg-v-brake-i-posle-razvoda>
7. Семейное право : учебник и практикум для вузов / А. О. Иншакова [и др.] ; под ред. А. О. Иншаковой, А. Я. Рыженкова. – М. : Юрайт, 2023. – 399 с. – (Высшее образование).
8. Кортнева, В. Д. Аксиологические основания эгалитарной модели семейных отношений / В. Д. Кортнева // *Общество: философия, история, культура*. – 2022. – № 12. – С. 285–288. – DOI: <https://doi.org/10.24158/fik.2022.12.46>
9. Лагунова, Е. А. Фиктивный брак и фиктивный развод: вопросы теории и практики / Е. А. Лагунова // *Сибирский юридический вестник*. – 2019. – № 2 (85). – С. 50–57.
10. Локосов, В. В. Трансформация социетальных систем : Опыт реформ в современной России : автореф. дис. ... д-ра социол. наук / Локосов Вячеслав Вениаминович. – М., 2002. – 52 с.
11. Малова, Т. В. Сущность и структура гендерного самоопределения личности / Т. В. Малова // *Вестник Вятского государственного университета*. – 2009. – № 3. – С. 130–136.
12. Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 16.09.1949 № 12/8/У «О судебной практике по делам о расторжении брака». – Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
13. Проект Федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон “О введении в действие части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации”» от 30 января 2024 г. // Система обеспечения законодательной деятельности : Государственная Дума Российской Федерации. – URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/539969-8?ysclid=m17yjzjj58534714834#bh_note
14. Рыженков, А. Я. Принцип признания брака, заключенного в органах ЗАГС: проблемы теории и практики / А. Я. Рыженков // *Legal Concept = Правовая парадигма*. – 2020. – Т. 19, № 1. – С. 92–101. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2020.1.13>
15. Синельников, А. Б. Семья и брак: кризис или модернизация? / А. Б. Синельников // *Социологический журнал*. – 2018. – Т. 24, № 1. – С. 95–113.
16. «Сын признался, что женился фиктивно!»: мать героя, погибшего на СВО, судится с его вдовой из-за наследства // *Комсомольская правда*. – URL: <https://www.nsk.kp.ru/daily/27456/4714859/>
17. Супруги убедили участника СВО заключить фиктивный брак и присвоили деньги после его гибели. – URL: <https://www.mk.ru/social/2024/04/15/suprugi-ubedili-uchastnika-svo-zaklyuchit-fiktivnyy-brak-i-prisvoili-dengi-posle-ego-gibeli.html?ysclid=m17kgl0if153693314>

REFERENCES

1. Antokolskaya M.V. *Semeynoye pravo: uchebnyk* [Family Law. Textbook]. Moscow, Yurist Publ., 2002. 432 p.
2. Basina N.I., Oros I.A. Spetsifika semey gruppy riska v usloviyakh institutsionalnogo krizisa: ponyatiynny analiz [Specifics of Families at Risk in the Context of Institutional Crisis: Conceptual Analysis]. *Norwegian Journal of Development of the International Science*, 2020, no. 51, pp. 47-53.
3. Bondov S.N. Svoboda razvoda i avtonomiya semeynoy zhizni: printsipy sovremennogo semeynogo prava [Freedom of Divorce and Autonomy of Family Life: Principles of Modern Family Law]. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii*, 2010, no. 5, pp. 107-112.
4. Borisenkov V.P., Gukalenko O.V. Institut semyi i semeynaya politika v sovremennoy Rossii: problemy, tendentsii i perspektivy [Institute of Family and Family Policy in Modern Russia: Problems, Trends and Prospects]. *Internet-zhurnal «Naukovedeniye»*, 2014, iss. 5 (24). – Oct. URL: <http://naukovedenie.ru/PDF/130PVN514.pdf>
5. Bim-Bad B.M., Gavrov S.N. *Modernizatsiya instituta semyi: sotsiologicheskii, ekonomicheskii i antropologo-pedagogicheskii analiz: monografiya* [Modernization of the Family Institution: Sociological, Economic and Anthropological-Pedagogical Analysis. Monograph]. Moscow, Intellektual. kn. Publ., Novyy khronograf Publ., 2010. 352 p.
6. Dergunova V. Sama sebe kamennaya stena: kak ne okazatsya bez deneg v brake i posle razvoda [Stone Wall to Yourself: How Not to Find Yourself Without Money in Marriage and After Divorce]. *Forbes Woman*. URL: <https://www.forbes.ru/forbes-woman/496317-sama-sebe-kamennaa-stena-kak-ne-okazat-sa-bez-deneg-v-brake-i-posle-razvoda>
7. Inshakova A.O. et al. *Semeynoye pravo: uchebnyk i praktikum dlya vuzov* [Family Law. Textbook and Practical Training for Universities]. Moscow, Yurayt Publ., 2023. 399 p. (Vyssheye obrazovaniye [Higher Education]).
8. Kortneva V.D. Aksiologicheskiye osnovaniya egalitarnoy modeli semeynykh otnosheniy [Axiological Foundations of the Egalitarian Model of Family Relations]. *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kultura* [Society: Philosophy, History, Culture], 2022, no. 12, pp. 285-288.
9. Lagunova Ye.A. Fiktivnyy brak i fiktivnyy razvod: voprosy teorii i praktiki [Fictitious Marriage and Fictitious Divorce: Issues of Theory and Practice]. *Sibirskiy yuridicheskii vestnik*, no. 2 (85), 2019, pp. 50-57.
10. Lokosov V.V. *Transformatsiya sotsiyetalnykh sistem: Opyt reform v sovremennoy Rossii: avtoref. dis. ... d-ra sotsiol. nauk* [Transformation of Societal Systems. Experience of Reforms in Modern Russia. Dr. sociol. sci. abs. diss.]. Moscow, 2002. 52 p.
11. Malova T.V. Sushchnost i struktura gendernogo samoopredeleniya lichnosti [Essence and Structure of Gender Self-Determination of the Individual]. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2009, no. 3, pp. 130-136.
12. Postanovleniye Plenuma Verkhovnogo Suda SSSR ot 16.09.1949 № 12/8/U «O sudebnoy praktike po delam o rastorzhenii braka» [Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the USSR of Sept. 16, 1949 No. 12/8/U “On Judicial Practice in Cases of Divorce”]. *Access from Information Legal Portal “Garant”*.
13. Proyekt Federalnogo zakona «O vnesenii izmeneniy v Federalnyy zakon “O vvedenii v deystviye chasti tretyey Grazhdanskogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii”» ot 30 yanvarya 2024 g. [Draft Federal Law “On Amendments to the Federal Law ‘On the Entry into Force of Part Three of the Civil Code of the Russian Federation’ ” Dated January 30, 2024]. *Sistema obespecheniya zakonodatelnoy deyatelnosti: Gosudarstvennaya Duma Rossiyskoy Federatsii* [System of Legislative Activity Support: State Duma of the Russian Federation]. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/539969-8?ysclid=m17yjzjj58534714834#bh_no
14. Ryzhenkov A. Ya. Printsip priznaniya braka, zaklyuchennogo v organakh ZAGS: problemy teorii i praktiki [The Principle of Recognition of Marriage Concluded in the Registry Office: The Problems of Theory and Practice]. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2020, vol. 19, no. 1, pp. 92-101. DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2020.1.13>
15. Sinelnikov A.B. Semya i brak: krizis ili modernizatsiya? [Family and Marriage: Crisis or Modernization?]. *Sotsiologicheskii zhurnal*, 2018, vol. 24, no. 1, pp. 95-113.
16. «Syn priznalsya, chto zhenilsya fiktivno!»: mat geroya, pogibshogo na SVO, suditsya s yego vdovoy iz-za nasledstva [“Son Admits He Had a Sham Marriage!”: Mother of Hero Killed in Special Operation Sues His Widow over Inheritance]. *Komsomolskaya pravda*. URL: <https://www.nsk.kp.ru/daily/27456/4714859/>
17. *Suprugi ubedili uchastnika SVO zaklyuchit fiktivnyy brak i prisvoili dengi posle yego gibeli* [Couple Convinced a Participant in Special Operation to Enter into a Fictitious Marriage and Appropriated the Money After His Death]. URL: <https://www.mk.ru/social/2024/04/15/suprugi-ubedili-uchastnika-svo-zaklyuchit-fiktivnyy-brak-i-prisvoili-dengi-posle-ego-gibeli.html?ysclid=m17kgbl0if153693314>

Information About the Author

Elvira O. Osadchenko, Candidate of Sciences (Jurisprudence), Associate Professor, Department of Civil and Private International Law, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, elviraosa@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7709-4821>

Информация об авторе

Эльвира Олеговна Осадченко, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского и международного частного права, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, elviraosa@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7709-4821>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2024.4.15>

UDC 347.191
LBC 67.404

Submitted: 06.08.2024
Accepted: 05.09.2024

ABUSE OF THE RIGHT OF A COMPANY MEMBER WHEN SUBMITTING A REQUEST FOR INFORMATION

Dmitry M. Kasatkin

Saint Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering, Saint Petersburg, Russian Federation

Introduction: civil law is essential for the stability of economic turnover. The norms of this industry regulate, among other things, the forms of entrepreneurial activity, whose most common ones are business companies. In this regard, the **purpose** of the work is to study and compare the information rights of business companies' members and to assess the possibility of abuse of such rights. **Methods:** the methodological framework for the study is a set of methods of scientific cognition, including such main ones as the methods of forecasting, consistency, analysis, and comparative law. **Results:** based on the legal analysis of the norms of the Law on LLC and the Law on JSC, the differentiation of the information rights of the members of LLC and JSC is carried out. The questions are raised about the significant difference in information rights. **Conclusions:** the study reveals a significant difference in the information rights of minority and majority shareholders and a joint-stock company. It is established that the rights of members in a joint-stock company with a share from 1 to 25%, under the pretext of combating the abuse of rights on their part, are unreasonably limited by the evaluation criterion of a business purpose that must be specified for access to information. It is proposed to exclude the absence of a business purpose of the transaction when requesting information from the grounds for refusal to provide it, since this contradicts the basic principles of the civil legislation, on whose basis the good faith of the participants in legal relations is assumed until proven otherwise.

Key words: abuse of law, good faith, business company, right to information, right to provide information, limited liability company, joint stock company, business purpose.

Citation. Kasatkin D.M. Abuse of the Right of a Company Member When Submitting a Request for Information. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2024, vol. 23, no. 4, pp. 113-118. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2024.4.15>

УДК 347.191
ББК 67.404

Дата поступления статьи: 06.08.2024
Дата принятия статьи: 05.09.2024

ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕ ПРАВОМ УЧАСТНИКА ОБЩЕСТВА ПРИ ПРЕДЪЯВЛЕНИИ ТРЕБОВАНИЯ О ПРЕДОСТАВЛЕНИИ ИНФОРМАЦИИ

Дмитрий Михайлович Касаткин

Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет,
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Введение: гражданское право имеет существенное значение для стабильности экономического оборота. Нормы данной отрасли регулируют в том числе формы осуществления предпринимательской деятельности, самой распространенной из которых являются хозяйственные общества. В связи с этим цель настоящей работы – исследование и сравнение информационных прав участников хозяйственных обществ, оценка возможности злоупотребления такими правами. **Методы:** методологическую основу данного исследования составляет совокупность методов научного познания, среди которых основное место занимают методы прогнозирования, системности, анализа и сравнительно-правовой метод. **Результаты:** на основании правового анализа норм Закона об ООО и Закона об АО проводится дифференциация информационных прав участников ООО и АО. Поднимаются вопросы существенной разницы в информационных правах. **Выводы:** в результате исследования выявлена существенная разница в информационных правах миноритарных

и мажоритарных акционеров и акционерного общества. Установлено, что права участников акционерного общества с долей от 1 до 25 % под предлогом борьбы со злоупотреблением правом с их стороны необоснованно ограничены оценочным критерием деловой цели, которую необходимо указывать для доступа к информации. Предлагается исключить отсутствие деловой цели сделки при запросе информации из оснований для отказа в предоставлении, поскольку это противоречит основным началам гражданского законодательства, исходя из которых добросовестность участников правоотношений предполагается, пока не доказано иное.

Ключевые слова: злоупотребление правом, добросовестность, хозяйственное общество, право на информацию, право на предоставление информации, общество с ограниченной ответственностью, акционерное общество, деловая цель.

Цитирование. Касаткин Д. М. Злоупотребление правом участника общества при предъявлении требования о предоставлении информации // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2024. – Т. 23, № 4. – С. 113–118. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2024.4.15>

Введение

Добросовестность является одним из основополагающих начал гражданского законодательства, что имеет существенное значение для регулируемых корпоративных отношений, поскольку предполагает, что пока не доказано иное, поведение участников предполагается правомерным, соблюдающим права и законные интересы иных лиц. Поскольку данная правовая категория является оценочной, как правило, квалификация подобных обстоятельств остается на усмотрение суда, который исходит из конкретных обстоятельств дела и позиций сторон. С одной стороны, подобный подход помогает разобраться в каждом конкретном особенном случае, с другой стороны, в судебной практике часто появляются разные позиции по схожим вопросам.

При недобросовестном поведении стороны, институт злоупотребления правом позволяет отказать в защите такого права и наиболее эффективно защитить права другой стороны. Таким образом, ключевой принцип гражданского права имеет один из самых эффективных способов защиты.

В гражданском обороте предпринимательская деятельность имеет существенную роль и упоминается уже в ст. 2 ГК РФ как одно из регулируемых отношений. Наиболее распространенной формой ведения предпринимательской деятельности являются хозяйственные общества, поскольку их управленческая структура позволяет наиболее эффективно осуществлять предпринимательскую деятельность.

Ключевым аспектом при принятии решений участников хозяйственных обществ в рамках своей компетенции является информация

о множестве аспектов: финансовом состоянии компании, руководстве, коммерческих планах, существенных сделках и т. д. Однако, участники общества не всегда могут добросовестно использовать информацию. При корпоративном конфликте или иной противоправной заинтересованности необходимы разумные ограничения на доступ к конфиденциальной информации.

Права участников хозяйственного общества на доступ к информации

Доступ к информации о деятельности хозяйственных обществ в общем виде закреплен в абз. 3 п. 1 ст. 65.2 ГК РФ, который предоставляет право на доступ к информации о деятельности корпорации, когда это предусмотрено законами и учредительными документами.

В связи с этим права участников существенно различаются в зависимости от организационно-правовой формы хозяйственного общества. Так, ст. 50 Федерального закона от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» (далее – Закон об ООО) и ст. 91 Федерального закона от 26.12.1995 № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» (далее – Закон об АО) регулируется порядок предоставления информации по запросу участников.

В п. 1 ст. 50 Закона об ООО закрепляется обязанность хранения документов, предусмотренных нормативно-правовыми актами и нормативными актами общества, аналогичная обязанность предусмотрена п. 1 ст. 89 Закона об АО.

В п. 2 ст. 50 Закона об ООО указано, что все участники имеют равный доступ к одним и тем же документам юридического лица, который носит неисчерпывающий характер. Однако, в Законе об АО список предоставляемых документов ограничен, а объем предоставляемой информации зависит от доли запрашивающего лица в компании. В п. 1 ст. 91 Закона об АО содержится перечень документов, который доступен всем участникам общества, а в п. 2 – документы, доступные только участникам, владеющим не менее чем 1 % голосующих акций. Полный доступ ко всем документам имеют только акционеры, владеющие минимум 25 % акций. Внимания также заслуживают различия в формулировках определенных документов. В подп. 4 п. 2 ст. 50 Закона об ООО указывает, что предоставлению подлежат внутренние документы общества, когда подп. 4 п. 2 ст. 91 Закона об АО ограничивает перечень теми внутренними документами, которые регулируют деятельность органов общества и утверждены собранием акционеров.

Представляется, что подобный подход законодателя вызван его определенными «симпатиями» к акционерному обществу как форме организации юридического лица. Действующее законодательство позволяет сделать информацию о внутренней деятельности минимально прозрачной для миноритарных акционеров несмотря на то, что их заинтересованность обусловлена лишь желанием оценить выгоду от возможных вложений в компанию. Крупным акционерам в то же время доступны документы бухучета, которые являются основными для понимания экономического состояния [5, с. 5].

Стоит обратить внимание также на сроки, в которые предоставляется информация. Срок выдачи документов по запросу участника п. 3 ст. 50 Закона об ООО устанавливает в пять рабочих дней, а п. 11 ст. 91 Закона об АО семь рабочих дней также со дня предъявления требования. Более быстрый срок предоставления информации обусловлен скорее всего тем, что акционерное общество имеет неограниченное количество участников, что может затруднить исполнений требований при предъявлении нескольких одновременно.

Закон об ООО имеет значительное более лаконичные требования к отношениям, связанным с предоставлением информации, чем Закон об АО, что позволяет высказать предположение о том, что нормы из Закона об АО могут быть использованы по аналогии для закрытия пробелов в отношениях в обществе с ограниченной ответственностью [6, с. 53]. Такой подход представляется маловероятным. Отличия в предоставлении информации между формами хозяйственного общества в значительной степени обусловлены как тем, что в акционерном обществе может быть неограниченное количество участников с незначительными долями, так и тем, что в ООО решения по некоторым вопросам принимаются исключительно большинством голосов на общем собрании, что дает возможность любому участнику, обладая необходимой информацией, заблокировать принятие решения.

Таким образом, отличия в предоставлении информации между ООО и АО по большей части обоснованы.

Соотнесение права участника хозяйственного общества на доступ к информации с принципом добросовестности

Важный вопрос в сфере предоставления информации участникам представляет указанная в п. 4 ст. 91 Закона об АО деловая цель, которая обязательно должна быть при запросе участниками, владеющими менее 25 % акций, информации, предусмотренной п. 2 и 3 ст. 91 Закона об АО (крупные сделки, протоколы заседания совета директоров и т. д.). Подобная формулировка говорит о том, что фактически участникам приходится доказывать свою добросовестность при обращении за информацией.

Д.А. Саликов считает, что отсутствие деловой цели как основание для отказа в предоставлении информации является обязательством к доказыванию добросовестности, что противоречит основным началам гражданского законодательства. Также создается существенное преимущество в правоотношениях для органов управления акционерным обществом [8, с. 111].

Д.В. Ломакин также придерживается позиции, что акционерное общество получает

слишком много влияния на право выдачи информации. Деловая цель, с которой запрашивается информация, имеет расплывчатую формулировку как законный и обоснованный интерес, определение критериев которого до момента обращения в суд, фактически ложится на органы управления общества [4, с. 35].

А.В. Габов справедливо отмечает, что законодательное регулирование деятельности акционерных обществ вместо поиска баланса интересов акционеров и компании сосредоточено на неуклонном сокращении прав участников. Положения законодательства, регулирующие предоставление информации акционерным обществом несистемны и запутаны, что едва ли не подрывает саму возможность акционеров вести управление компанией [1, с. 117–118].

Однако, например, Д.А. Радайкин считает, что ограничение прав акционеров на доступ к информации является обоснованным, поскольку при доле в 25 % акций в компании доля риска у подобного акционера является высокой и поэтому он не будет рисковать своими вложениями, осуществляя неэффективное корпоративное управление [7, с. 334]. Однако, часто встречаются акционерные общества с небольшой капитализацией, где крупному инвестору в интересах более крупной компании достаточно легко приобрести долю для контроля над конкурентом.

В настоящий момент условия доступа к информации, существующие в Законе об АО носят оценочный характер и дают преимущество мажоритарным акционерам и органам управления. Более объективный характер носили условия доступа к информации, которые имели место до реформ 2017 г., когда доступ к информации зависел только от имущественной доли акционера в компании. В настоящий момент деловая цель, которая является условием для получения информации, является субъективным критерием для отказа, дающим акционерному обществу существенное преимущество в правоотношениях [2, с. 94].

Высказывается мнение, что уменьшение возможностей управления компанией мажоритарными акционерами вызовет повышение издержек, а следовательно снижение эффективности управления акционерным обществом, что в свою очередь повлечет за собой

уменьшение капитализации. Данные обстоятельства нанесут ущерб прежде всего интересам крупных участников общества, что снизит их заинтересованность в управлении [3, с. 178–179].

Баланс интересов между мажоритарными, миноритарными акционерами и самим акционерным обществом должен формировать прежде всего исходя из основных начал гражданского законодательства. Основным принципом является, что участники гражданского оборота добросовестны, что предполагается, пока не доказано иное. В данном случае соотносится добросовестность действий акционеров и права акционерного общества на конфиденциальность информации. При такого рода ограничениях законодательные формулировки должны быть предельно точными.

Выводы

Таким образом, можно смело утверждать, что деловая цель сделки, указание которой является обязательным условием для получения информации акционером (акционерами), владеющим от 1 до 25 % акций, не может ограничивать право на информацию о деятельности общества. Данная норма введена Федеральным законом от 29.07.2017 № 233-ФЗ. До этого момента получение акционерами информации никак ограничивалось обязательством доказывать свою добросовестность.

Вышеуказанным законом также были введены иные основания для отказа акционерным обществом в выдаче информации (п. 8 ст. 91 Закона об АО): информация уже в свободном доступе; повторный запрос в течение трех лет уже выданной ранее информации; документ относится к прошлым периодам деятельности (более трех лет до обращения); лицо не обладает правом доступа к запрашиваемым документам; документ относится к периодам, когда лицо не было акционером общества. Данные положения закрепили в законодательстве ранее уже имевшие место в судебной практике случаи явного злоупотребления правом как основания для отказа в предоставлении информации.

Предлагается исключить из ст. 91 Закона об АО понятие деловой цели как критерий для

предоставления информации акционерам с долей от 1 до 25 % акций. Исключение данного положения не сможет нанести вреда интересам акционерного общества или мажоритарным акционерам, поскольку имущественный ценз для получения информации, указанной в п. 2 и 3 Закона об АО сохранится.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Габов, А. В. Освобождение акционерного общества от обязанности предоставлять информацию акционеру / А. В. Габов // *Правоприменение*. – 2020. – Т. 4, № 3. – С. 103–122. – DOI: 10.24147/2542-1514.2020.4(3).103-122
2. Гентовт, О. И. Ограничение корпоративных прав как средство обеспечения интересов участников хозяйственных обществ : монография / О. И. Гентовт. – М. : Статут, 2022. – 214 с.
3. Куликов, В. Д. Проблема безбилетника в контексте обеспечения баланса прав и законных интересов акционеров / В. Д. Куликов // *Вопросы российской юстиции*. – 2023. – № 24. – С. 176–184.
4. Ломакин, Д. В. Право акционера на информацию: изменение подхода законодателя / Д. В. Ломакин // *Юридический вестник Самарского университета*. – 2018. – Т. 4, № 3. – С. 31–40. – DOI: 10.18287/2542-047X-2018-4-3-31-40
5. Маковская, А. Комментарий к положениям ст. 91 Федерального закона «Об акционерных обществах» и к положениям ст. 50 Федерального Закона «Об обществах с ограниченной ответственностью» о праве акционеров и участников общества на получение информации от общества (в редакции Федерального закона от 29.07.2017 № 233-ФЗ) / А. Маковская // *Хозяйство и право*. – 2019. – № 3 (506). – С. 3–21.
6. Маковская, А. А. Комментарий к положениям ст. 91 Федерального Закона «Об акционерных обществах» и к положениям ст. 50 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью» о праве акционеров и участников общества на получение информации от общества (в редакции Федерального Закона от 29.07.2017 № 233-ФЗ) / А. А. Маковская // *Хозяйство и право*. – 2019. – № 4 (507). – С. 26–54.
7. Радайкин, Д. А. Критерий надлежащей цели предоставления обществом информации по запросу акционера / Д. А. Радайкин // *Вопросы российской юстиции*. – 2021. – № 15. – С. 327–336.
8. Саликов, Д. А. Право акционера на информацию: новеллы законодательства / Д. А. Саликов // *Правовая парадигма*. – 2018. – Т. 17, № 4. – С. 108–112. – DOI: 10.15688/lc.jvolsu.2018.4.15

REFERENCES

1. Gabov A.V. Osvobozhdenie akcionernogo obshchestva ot obyazannosti predostavlyat informaciyu akcioneru [Exemption of a Joint Stock Company from the Obligation to Provide Information to a Shareholder]. *Pravoprimerenie* [Law Enforcement Review], 2020, vol. 4, no. 3, pp. 103-122. DOI: 10.24147/2542-1514.2020.4(3).103-122
2. Gentovt O.I. *Ogranichenie korporativnykh prav kak sredstvo obespecheniya interesov uchastnikov hozyajstvennykh obshchestv: monografiya* [Limitation of Corporate Rights as a Means of Ensuring the Interests of Participants in Business Companies. Monograph]. Moscow, Statut Publ., 2022. 214 p.
3. Kulikov V.D. Problema bezbiletnika v kontekste obespecheniya balansa prav i zakonnykh interesov akcionerov [Free-Rider Problem in Context of Balance of Shareholders' Rights]. *Voprosy rossijskoj yusticii* [Issues of Russian Justice], 2023, no. 24, pp. 176-184.
4. Lomakin D.V. Pravo aktsionera na informatsiiu: izmenenie podkhoda zakonodatelia [Right of the Shareholder to Information: Changing the Approach of the Legislator]. *Iuridicheskii vestnik Samarskogo universiteta* [Juridical Journal of Samara University], 2018, vol. 4, no. 3, pp. 31-40. DOI: 10.18287/2542-047X-2018-4-3-31-40
5. Makovskaya A. Kommentarij k polozheniyam st. 91 Federalnogo Zakona «Ob akcionerных obshchestvah» i k polozheniyam st. 50 Federalnogo Zakona «Ob obshchestvah s ogranichennoj otvetstvennostyu» o prave akcionerov i uchastnikov obshchestva na poluchenie informacii ot obshchestva (v redakcii Federalnogo Zakona ot 29.07.2017 № 233-FZ) [Commentary on the Provisions of Art. 91 of the Federal Law “On Joint-Stock Companies” and the Provisions of Art. 50 of the Federal Law “On Limited Liability Companies” on the Right of Shareholders and Members of the Company to Receive Information from the Company (As Amended by Federal Law No. 233-FZ Dated July 29, 2017)]. *Hozyajstvo i pravo* [Economy and Law], 2019, no. 3, pp. 3-21.
6. Makovskaya A.A. Kommentarij k polozheniyam st. 91 Federalnogo Zakona «Ob akcionerных obshchestvah» i k polozheniyam st. 50 Federalnogo Zakona «Ob obshchestvah s ogranichennoj otvetstvennostyu» o prave akcionerov i uchastnikov obshchestva na poluchenie informacii ot obshchestva (v redakcii Federalnogo Zakona ot 29.07.2017 № 233-FZ) [Commentary on the Provisions of Art. 91 of the Federal Law “On Joint-Stock Companies” and the Provisions of Art. 50 of the Federal Law “On Limited Liability Companies” on the Right of Shareholders and Members of the Company to Receive Information from the Company (As Amended by Federal

Law No. 233-FZ Dated July 29, 2017)]. *Hozyajstvo i pravo* [Economy and Law], 2019, no. 4, pp. 26-54.

7. Radaykin D.A. Kriterij nadležashchej celi predostavleniya obshchestvom informacii po zaprosu akcionera [Test for the Appropriate Purpose of Providing Information by a Joint-Stock Company at a Request of a Shareholder]. *Voprosy rossijskoj*

yusticii [Issues of Russian Justice], 2021, no. 15, pp. 327-336.

8. Salikov D.A. Pravo akcionera na informaciyu: novelty zakonodatelstva [The Shareholder's Right to Information: Novellae]. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2018, vol. 17, no. 4, pp. 108-112. DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2018.4.15>

Information About the Author

Dmitry M. Kasatkin, Assistant Lecturer, Department of Legal Regulation of Urban Planning Activities and Transport, Saint Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering, 2-ya Красноармейская St, 4, 190005 Saint Petersburg, Russian Federation, kasatkin.1997@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0008-4142-5327>

Информация об авторе

Дмитрий Михайлович Касаткин, ассистент кафедры правового регулирования градостроительной деятельности и транспорта, Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет, ул. 2-я Красноармейская, 4, 190005 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, kasatkin.1997@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0008-4142-5327>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2024.4.16>

UDC 346.7
LBC 67.404.9

Submitted: 09.10.2024
Accepted: 29.10.2024

THE LEGISLATIVE REGULATION AND MODERNIZATION OF THE TURNOVER OF ELECTRONIC EQUIVALENTS OF OBLIGATIONS AND CLAIMS OF BUSINESS ENTITIES IN RUSSIA AND SOME FOREIGN COUNTRIES¹

Denis E. Matytsin

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation;
Vozhsky Institute of Economics, Pedagogy and Law, Vozhsky, Russian Federation

Introduction: modern society has transitioned into the neo-industrial era, bringing with it technological innovations that impact social relations. The latest investment objects – crypto objects – have entered into circulation. Utilitarian digital rights, digital financial assets, and digital currencies as new objects of civil rights are called by the legislator as a set of electronic data. Cryptographic records represent electronic equivalents of obligations and claims, are allowed by the legislator as objects of investment, and are the next stage in the development of the form of non-documentary securities. All this has led to the need to create a new legislative framework for citizens and business participants in the field of banking and investment. The **purpose** of the study: the author aims to analyze two main approaches, whereby today there is a statutory regulation of public relations in the field of investment in the information space – the process of applying existing normative acts to regulate the turnover of electronic equivalents of obligations and claims of business entities and the regulation of investment relations by introducing new normative acts that will be changed and supplemented with taking into account the changes in the external environment. Research **objectives:** to achieve this goal, the main body of the legal norms regulating public relations in the field of investment in the information space, primarily the civil legislation, is studied. Among the analyzed acts regulating the turnover of electronic equivalents of obligations and claims in investments: the Civil Code of the Russian Federation, Federal Law No. 39-FZ of April 22, 1996 on the Securities Market, Federal Law No. 259-FZ of July 31, 2020 on Digital Financial Assets, Digital Currency and Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation, Federal Law No. 259-FZ of August 2, 2019 on Attracting Investments using Investment Platforms and Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation, Federal Law No. 86-FZ of July 10, 2002 on the Central Bank of the Russian Federation (Bank of Russia), and other federal laws and regulations. **Methods:** the chosen methodological approach to analyzing the statutory regulation of public relations in the field of investment in the information space, as well as the specifics of legal relations between investors of digital financial assets and other entities, have led to the use of special research methods. Among the general scientific methods, along with analysis, synthesis, deduction, and induction, the empirical method of legal modeling is used. The specific scientific methods are also used: dogmatic (formal-logical) and formal-legal, as well as the methods of legal forecasting, legal analogy, and technical-legal. **Results:** it is established that the general principles of the legal regulation of relations arising in the implementation of electronic payments determine the basic principles that should be followed when making transactions with electronic equivalents, such as the freedom of contractual relations, the principle of indivisibility, the principle of security, and the principle of transparency. These principles help regulate the turnover of electronic equivalents of obligations and claims and ensure the security and protection of the rights of participants in such transactions. The legislative regulation of electronic equivalents of obligations and claims in investments of the Russian Federation and the European Union, as well as some foreign countries such as the USA, Canada, and Germany, is compared. The concept of “Internet platform” is studied, and the legislative and doctrinal approaches that determine its essence based on the scope of application are analyzed. The essence of investing in the Internet space is revealed. It is noted that remote Internet sites related to the investment sphere should be differentiated into three groups according to the initiators of interaction: banking sites, sites of investment intermediaries, and websites of direct recipients of investments. **Conclusions:** the issues of the national legal regulation are highlighted, which require further detailed study to be fixed in the relevant legislation in order to properly regulate the sphere of legal relations under study and ensure the rights and legitimate interests of individuals and legal entities. The definition of the concept of “Internet platform”

is formulated as an economic environment through which participants in any relationship can interact and make any transactions that do not contradict the law. It is established that to profit from invested assets and (or) increase their value, Russian individuals and legal entities intensively use Internet sites and remotely participate in the turnover of investment objects. The concept of the turnover of investment objects is defined, which is a systematic transaction with cash and other objects of civil rights (property) that have a monetary value for the alienation and acquisition of rights to them, as a rule, at changing prices. The transactions provide for investors to receive offers through the Internet sites on the alienation and acquisition of rights to assets from the recipients of investments, as well as related services from investment intermediaries. It is proved that the Internet platforms are effective tools for expanding and modernizing the turnover of electronic equivalents of obligations and claims, which helps to reduce the time and financial costs of making calculations and increase the efficiency of processes in investment activities.

Key words: investment activity, new objects of civil rights, investment objects, undocumented securities, crypto objects, utilitarian digital rights, digital financial assets, digital currencies, set of electronic data, cryptographic records, electronic equivalents of obligations and claims, Internet platforms.

Citation. Matytsin D.E. The Legislative Regulation and Modernization of the Turnover of Electronic Equivalents of Obligations and Claims of Business Entities in Russia and Some Foreign Countries. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2024, vol. 23, no. 4, pp. 119-129. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2024.4.16>

УДК 346.7
ББК 67.404.9

Дата поступления статьи: 09.10.2024
Дата принятия статьи: 29.10.2024

ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ И МОДЕРНИЗАЦИЯ ОБОРОТА ЭЛЕКТРОННЫХ ЭКВИВАЛЕНТОВ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ И ТРЕБОВАНИЙ ХОЗЯЙСТВУЮЩИХ СУБЪЕКТОВ В РОССИИ И НЕКОТОРЫХ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ¹

Денис Евгеньевич Матыцин

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация;
Волжский институт экономики, педагогики и права, г. Волжский, Российская Федерация

Введение: современное общество вступило в неоиндустриальную эпоху, открывающую перед человечеством технологические новации, влияющие на общественные отношения. Вошли в оборот новейшие объекты инвестирования – криптообъекты. Утилитарные цифровые права, цифровые финансовые активы, цифровые валюты как новые объекты гражданских прав названы Законодателем совокупностью электронных данных. Криптозаписи представляют собой электронные эквиваленты обязательств и требований, допускаются Законодателем в качестве объектов инвестирования и являются следующей ступенью развития конструкции бездокументарных ценных бумаг. Все это обусловило необходимость создания новой законодательной основы для граждан и участников предпринимательской деятельности в сфере банковского обслуживания и инвестирования. **Цель исследования:** проанализировать два основных подхода, согласно которым сегодня происходит нормативное регулирование общественных отношений в сфере инвестирования в информационном пространстве – процесс применения существующих нормативных актов к регулированию оборота электронных эквивалентов обязательств и требований хозяйствующих субъектов и регулирование инвестиционных отношений путем введения новых нормативно-правовых актов, которые будут изменяться и дополняться с учетом изменения внешней среды. **Задачи исследования:** для достижения поставленной цели изучается основной массив правовых норм, регулирующих общественные отношения в сфере инвестирования в информационном пространстве прежде всего гражданского законодательства. В числе проанализированных актов, регулирующих оборот электронных эквивалентов обязательств и требований в инвестициях: Гражданский кодекс РФ, Федеральный закон от 22 апреля 1996 г. № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг», Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», Федеральный закон от 2 августа 2019 г. № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», Федеральный закон от 10 июля 2002 г. № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» и другие федераль-

ные законы и нормативные акты. **Методологическая основа исследования:** выбранный методологический подход анализа нормативного регулирования общественных отношений в сфере инвестирования в информационном пространстве, а также специфика правовых отношений между инвесторами цифровых финансовых активов и иными субъектами обусловили использование особых методов исследования. Среди общенаучных методов, наряду с анализом, синтезом, дедукцией и индукцией, применялся эмпирический метод правового моделирования. Использовались и конкретно-научные методы: догматический (формально-логический) и формально-юридический, а также методы правового прогнозирования, юридической аналогии и технико-юридический. **Результаты:** установлено, что общие принципы правового регулирования отношений, возникающих при осуществлении электронных платежей, определяют основные принципы, которыми следует руководствоваться при совершении сделок с электронными эквивалентами, такие как свобода договорных отношений, принцип неделимости, принцип безопасности, принцип прозрачности. Эти принципы помогают регулировать оборот электронных эквивалентов обязательств и требований, обеспечивать безопасность и защиту прав участников таких сделок. Сопоставляется законодательное регулирование электронных эквивалентов обязательств и требований в инвестициях РФ и Европейского союза, а также некоторых зарубежных стран, таких как США, Канада, Германия. Изучено понятие «интернет-платформа», проанализированы законодательные и доктринальные подходы, определяющие ее сущность исходя из области применения. Раскрыта суть инвестирования в интернет-пространстве. Отмечается, что дистанционные интернет-площадки, имеющие отношение к инвестиционной сфере, следует дифференцировать на 3 группы по инициаторам взаимодействия: банковские сайты; сайты инвестиционных посредников; веб-сайты прямых получателей инвестиций. **Выводы:** выделены вопросы национального правового регулирования, требующие дальнейшей детальной проработки для закрепления в соответствующем законодательстве в целях надлежащего урегулирования исследуемой сферы правоотношений и обеспечения прав и законных интересов физических и юридических лиц. Сформулировано определение концепта «интернет-платформа» как экономической среды, с помощью которой участники любых отношений могут вступать во взаимосвязь и совершать любые сделки, не противоречащие закону. Установлено, что для получения прибыли от вкладываемых активов и (или) приращения их стоимости российские физические и юридические лица интенсивно пользуются интернет-сайтами и дистанционно участвуют в обороте объектов инвестирования. Определено понятие оборота объектов инвестирования, который представляет собой систематически совершаемые сделки с денежными средствами, иными объектами гражданских прав (имуществом), имеющими денежную оценку, по отчуждению и приобретению прав на них, как правило, по изменяющимся ценам. Сделки предусматривают получение инвесторами посредством интернет-сайтов предложений об отчуждении и приобретении прав на активы от получателей инвестиций, а также сопутствующих услуг от инвестиционных посредников. Обосновано, что интернет-платформы являются эффективным инструментарием для расширения и модернизации оборота электронных эквивалентов обязательств и требований, что способствует сокращению временных и финансовых затрат на проведение расчетов и увеличению эффективности процессов в инвестиционной деятельности.

Ключевые слова: инвестиционная деятельность, новые объекты гражданских прав, объекты инвестирования, бездокументарные ценные бумаги, криптообъекты, утилитарные цифровые права, цифровые финансовые активы, цифровые валюты, совокупность электронных данных, криптозаписи, электронные эквиваленты обязательств и требований, интернет-платформы.

Цитирование. Матыцин Д. Е. Законодательное регулирование и модернизация оборота электронных эквивалентов обязательств и требований хозяйствующих субъектов в России и некоторых зарубежных странах // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2024. – Т. 23, № 4. – С. 119–129. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2024.4.16>

Введение

Современное общество вступило в неоиндустриальную эпоху, открывающую перед человечеством технологические новации, влияющие на общественные отношения. Этим обусловлена необходимость пересматривать многие правовые институты и создавать новую законодательную материю [3, с. 14].

Качественные изменения ряда сфер жизнедеятельности сопряжены с модернизацией в первую очередь ИТ-инфраструктуры, открывающей новые возможности для граждан и участников предпринимательской деятельности в сфере банковского обслуживания и инвестирования.

Предметы материального мира давно перестали являться единственным источником

и хранилищем информации, наряду с ними вошли в оборот новейшие объекты инвестирования – криптообъекты. В связи с отсутствием овеществленного документа бездокументарные ценные бумаги образуют идеальное явление, равно как и безналичные денежные средства, а также современные новеллы законодательства: утилитарные цифровые права, цифровые финансовые активы, цифровые валюты. Как новые объекты гражданских прав данные криптозаписи названы Законодателем «совокупность электронных данных» и допускаются Законодателем в качестве объектов инвестирования в дистанционных сделках [7, с. 42]. Они являются следующей ступенью развития именно конструкции бездокументарных ценных бумаг и представляют собой электронные эквиваленты обязательств и требований [6, с. 157]. Такая дефиниция юридически прозрачна и понятна, точно раскрывает сущность регулируемых отношений и функциональное предназначение самих криптообъектов – эквивалентов обязательств и требований.

Материалы и методы

С учетом специфики исследуемых правовых отношений, возникающих в информационно-коммуникационной сети между инвесторами цифровых финансовых активов и иными субъектами, были использованы соответствующие методы исследования. При помощи общенаучных методов (анализ, синтез, дедукция, индукция, эмпирический метод правового моделирования) и конкретно-научных методов (догматический (формально-логический), формально-юридический, правовое прогнозирование, юридическая аналогия, технико-юридический) были исследованы два основных, существующих на сегодняшний день подхода, согласно которым происходит нормативное регулирование общественных отношений в сфере инвестирования в информационном пространстве.

Первый подход – процесс применения существующих нормативных актов к регулированию оборота электронных эквивалентов обязательств и требований хозяйствующих субъектов, то есть законодатель не создает новые нормативные акты для регулирования инвестиционных отношений в условиях циф-

ровизации, а приспособливается регулировать такие отношения за счет нормативной базы, которая уже существует.

Второй подход – регулирование инвестиционных отношений путем введения новых нормативно-правовых актов, которые будут изменяться и дополняться с учетом изменения внешней среды. Такой подход поддерживают в основном страны романо-германской правовой семьи, к которым можно отнести Германию, Швейцарию, Россию.

Инвестиционные отношения в современной России стали предметом специального нормативного регулирования и вызывают устойчивый познавательный интерес представителей юридической доктрины. При этом достаточно отчетливо выделяются два самостоятельных направления исследований: правовые аспекты инвестирования как такового, в рамках национального правопорядка; регулирование международных инвестиций. Создание условий для инвестирования («улучшение инвестиционного климата») часто рассматривается как один из приоритетов экономического развития России.

Основной массив правовых норм, регулирующих общественные отношения в сфере инвестирования в информационном пространстве, безусловно, сосредоточен в рамках гражданского законодательства и принятых в соответствии с ним специальных нормативных актов.

В России электронные эквиваленты обязательств и требований в инвестициях регулируются Гражданским кодексом РФ, Федеральным законом от 22 апреля 1996 г. № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг», Федеральным законом от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», Федеральным законом от 2 августа 2019 г. № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», Федеральным законом от 10 июля 2002 г. № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» и другими федеральными законами и нормативными актами.

Эффективное регулирование инвестиционных отношений в информационном про-

странстве с использованием электронных эквивалентов обязательств и требований осуществляется Центральным банком. Законодатель предусматривает, в частности, нормотворческим правом Банка России установить требования по исключению конфликта интересов; установить дополнительные требования к инвестиционным платформам, в которых приобретаются ценные бумаги или утилитарные цифровые права [10]. Банк России ведет на своем веб-сайте Реестр операторов инвестиционных платформ, и каждый оператор инвестиционной платформы обязан представлять по запросу Банка России документы и информацию, связанные с осуществлением деятельности по организации привлечения инвестиций, для осуществления надзорных и иных функций [11]. Банк России участвует в определении порядка хранения и учета цифровых финансовых активов, что следует отнести к гарантийным механизмам инвестиционной стабильности [11].

Результаты

Общие принципы правового регулирования отношений, возникающих при осуществлении электронных платежей, определяют основные принципы, которыми следует руководствоваться при совершении сделок с электронными эквивалентами:

– свобода договорных отношений. Такой принцип исходит из того, что участники сделки имеют право заключать договоры между собой на основе своей воли и признания своих прав и обязанностей;

– принцип неделимости. Электронные эквиваленты обязательств и требований не могут быть разделены на части и проданы отдельно;

– принцип безопасности. Для обеспечения безопасности сделок необходимо использовать надежные технологии и системы, а также соблюдать соответствующие меры защиты персональных данных;

– принцип прозрачности. Участники сделки должны иметь право на получение информации о владельце электронных эквивалентов обязательств и требований и о его правах и обязанностях.

Эти принципы помогают регулировать оборот электронных эквивалентов обяза-

тельств и требований, обеспечивать безопасность и защиту прав участников таких сделок.

При этом стоит отметить, что в разных странах законодательное регулирование электронных эквивалентов обязательств и требований в инвестициях может различаться. Однако обычно такие инструменты предусматриваются законами, регулирующими финансовые услуги и электронные платежи.

В США, например, электронные эквиваленты обязательств и требований в инвестициях регулируются отдельными законами для каждого штата. Однако есть и федеральные законы: Securities Act of 1933 [18], Securities Exchange Act of 1934 [19], Investment Company Act of 1940 [16], Investment Advisers Act of 1940 [15], которые регулируют инвестиции и ценные бумаги в целом.

В Европейском союзе электронные эквиваленты обязательств и требований в инвестициях регулируются законодательством, включая Директиву ЕС о рынках финансовых инструментов (MiFID II) [13] и Регламент об электронной идентификации и услугах доверия для электронных транзакций на Едином Европейском рынке (eIDAS) [14].

В Канаде законодательно криптовалюты признаются платежной системой – бартером, за счет которого происходит оплата товаров и услуг, что нельзя сказать о российском праве, так как ст. 14 Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» запрещает использование цифровой валюты в качестве оплаты.

В качестве другого примера особенностей регулирования электронных эквивалентов обязательств и требований разных стран можно привести налоговое законодательство США, где налогообложение цифровых активов основывается на классификации этих активов как ценных бумаг, стоимость от продажи облагается налогом на прибыль с капитала. В России криптовалюты считаются ценностями и налог на доход может быть применен в соответствии с налоговым законодательством [17]. Это связано с тем, что на сегодняшний день, согласно ст. 128 Гражданского кодекса РФ, цифровые активы относятся к объектам гражданских прав, так как являются цифровые правами.

Даже сравнивая Россию и Германию как государства одной правовой семьи, также следует говорить о расхождениях в законодательствах. В сфере ответственности за нарушение оборота электронных эквивалентов обязательств и требований положения различны: в Германии ответственным лицом является банк, а в России – оператор электронных услуг.

В целом регулирование электронных эквивалентов обязательств и требований в инвестициях имеет свои особенности в каждой стране и зависит от законодательства, регулирующего финансовые услуги и ценные бумаги.

Таким образом, необходимо отметить вполне достойный современный уровень развития гражданско-правового регулирования оборота электронных эквивалентов во всех странах, в том числе и в России. Однако вопросы правового регулирования выпуска и обращения электронных эквивалентов обязательств и требований в инвестициях, вопросы налогообложения операций с цифровой валютой и цифровыми финансовыми активами, а также вопросы судебной защиты обладателей цифровых финансовых активов и цифровой валюты в российском законодательстве требуют дальнейшей детальной проработки для закрепления в соответствующем законодательстве в целях надлежащего нормативно-правового урегулирования данной сферы правоотношений и обеспечения прав и законных интересов физических и юридических лиц.

Научный технологический прогресс стремительно развивается, создаются новые источники цифровых процессов, которые позволяют выйти экономике на новый, современный уровень. Интернет-пространство уже давно зарекомендовало себя как очень удобную платформу для развития любых отношений в сфере предпринимательства, а интернет-площадка находит свою важность и для инвестиционных отношений. Пандемия 2020–2022 гг. повлекла закономерное увеличение дистанционной инвестиционной активности. Число российских граждан, открывших брокерские счета, в 2024 г. превысило 32,4 млн чел., инвестиции физических лиц в ценные бумаги и другие инвестиционные инструменты выросли до 299 млрд руб. [8].

В течение 5–8 последних лет огромный скачок произошел по причине развития ком-

пьютерной техники и программного обеспечения, это позволяет в настоящее время с большой скоростью передавать гигантские объемы информации. Вследствие этого теперь можно получать на мониторе компьютера изображение и звук сразу нескольких лиц и вести с ними диалог в прямом эфире, вне зависимости от географического местонахождения контактирующих между собой лиц. Следует отметить, что само оборудование, электронные устройства, серверы, материальные и нематериальные активы, из которых состоит Интернет, принадлежат конкретным лицам, которые в большинстве своем являются непубличными (негосударственными) субъектами. Основной инструментарий этого процесса развития – цифровые платформы.

Законодатель не дает определения понятию «интернет-платформа», в связи с чем в научной литературе существуют различные точки зрения, определяющие сущность исходя из области применения.

А.И. Боровик в своей работе оценивает «платформу» как компьютерную программу или совокупность компьютерных программ [2, с. 14].

В политическом смысле «платформа» означает политическую программу партии [9, с. 552].

Существуют и другие мнения, но они не представляют должного значения для указания сущности платформы в среде информационных технологий для осуществления предпринимательской и инвестиционной деятельности.

Понятие «интернет-платформа» появилось в должном значении в документах только в 2009 г., в новой редакции программы «Электронная Россия», где ее описание означало электронную среду для взаимодействия участников различных отношений.

По своей сути значение «интернет-платформа» приравнивается к описанию в ст. 1225 Гражданского кодекса РФ такого результата интеллектуальной деятельности как программы для электронных вычислительных машин.

Регулирование интернет-платформ и информационных систем в Российской Федерации осуществляется рядом законодательных актов, которые определяют порядок хранения, обработки и распространения информации в сети Интернет, а также устанавливают ответственность за нарушение.

Одним из основных законов в данной сфере является Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации». Он устанавливает правила охраны информации, регулирует право на получение и распространение информации, а также обязанности провайдеров услуг в сфере информационных технологий.

В 2019 г. были внесены поправки Федеральным законом от 1 мая 2019 г. № 90-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О связи” и Федеральный закон “Об информации, информационных технологиях и о защите информации”», который объявляет о создании национальной системы управления интернет-трафиком и ограничивает доступ на территории России к веб-сайтам и сервисам за нарушение российского законодательства.

Также в 2019 г. был принят еще один Федеральный закон № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ». Данный закон закрепляет особенности регулирования инвестиционной деятельности. В своем названии закон содержит акцент на интересы прежде всего получателей инвестиций – как юридических лиц, так и индивидуальных предпринимателей. Законодатель тем самым видит приоритетную задачу в том, чтобы создать в этом законе жизнеспособный правовой режим «привлечения инвестиций», который помогал бы хозяйствующим субъектам любых отраслей и видов экономической деятельности на возвратной, платной, срочной основе получать от широкого круга лиц (условно – розничных инвесторов) капитал на свои предпринимательские проекты.

В ст. 2 Федерального закона от 2 августа 2019 г. № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ» раскрывается значение термина «инвестиционная платформа» как информационной системы в информационно-телекоммуникационной сети Интернет, используемой для заключения с помощью информационных технологий и технических средств этой информационной системы договоров инвестирования, доступ к которой предоставляется оператором инвестиционной платформы. Факти-

чески данная информационная система – это веб-сайт с передовыми сервисами для совершения между инвесторами (как физическими, так и юридическими лицами) и получателями инвестиций дистанционно-цифровых сделок [4, с. 79].

Закономерно, что инвестиционная сфера тоже семимильными шагами перемещается в интернет-пространство [12, с. 95]. Уточним, что прямые инвестиции, предусматривающие вложения капиталов в материальные активы конкретных имущественных комплексов хозяйственных обществ в рамках реализации соответствующих проектов развития, по-прежнему требуют личного присутствия и деятельного участия инвесторов, и такая форма инвестирования по-прежнему успешно реализуется. Вместе с тем сделки с определенными инвестиционными объектами из года в год массово воспроизводятся в интернет-пространстве, разновидности таких сделок постоянно расширяются, и можно обоснованно говорить о том, что существует оборот объектов инвестирования.

Полагаем, что «инвестирование в интернет-пространстве» – это осуществление практических и имеющих правовые последствия действий с целью получения от дистанционного вложения активов прибыли и (или) приращения их стоимости. Вложение активов на условиях дистанционных сделок предусматривает передачу через интернет-сайты инвестиционных посредников инвесторами прав на их денежные средства и (или) объекты гражданских прав (имущество), имеющие денежную оценку, в собственность и (или) во владение и пользование получателям инвестиций, ведущим предпринимательскую деятельность.

Отметим, что инвестиционная платформа должна состоять в следующем: во-первых, программное обеспечение должно иметь две среды для пользования, где одна – для инвесторов, вторая – для пользователей; во-вторых, должна быть создана одна программная база, с помощью которой будут реализовываться инвестиционные отношения; в-третьих, обязательное дублирование программного обеспечения и сохранение его базы [5, с. 58]. Данные требования также указываются в ст. 11 Закона об инвестиционных платформах. Это связано с тем, что законодатель пытается обезопасить участников оборота электронных

эквивалентов от фикции сделки, совершенной на инвестиционной платформе Интернета.

Стоит отметить, чтобы добиться такой безопасности, законодатель предусматривает специального оператора финансовых цифровых активов. К нему относится юридическое лицо, которое является резидентом Российской Федерации. Требования, предъявляемые к нему довольно жесткие. Так, ст. 5, 6, 9 Федерального закона от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» указывают на правовую характеристику, требования к его деятельности, а также на ответственность за совершения правонарушений.

Создание и использование интернет-платформ для электронных расчетов и обмена электронными эквивалентами обязательств и требований позволяет существенно сократить временные и финансовые затраты на проведение расчетов. Это дает возможность улучшить эффективность инвестиционную деятельность и повысить конкурентоспособность компаний на рынке.

Еще одной важной особенностью интернет-платформ для оборота электронных эквивалентов обязательств является прозрачность процессов, которая обеспечивается системой блокчейн, что повышает надежность и безопасность операций. Кроме того, на платформах можно создать расширенную инфраструктуру для автоматизации процессов и управления данными [1, с. 89].

Веб-сайты, функционирующие в Интернете для привлечения инвестиций инициаторами предпринимательских проектов, можно дифференцировать на 2 группы по уровню подготовки участвующих в сделках инвесторов. Первая группа – инвестиционные площадки, предназначенные для совершения и исполнения сделок квалифицированными инвесторами; вторая группа – инвестиционные площадки, на которых могут осуществлять вложения капиталов неквалифицированные участники. Первая группа инвестиционных площадок характеризуется прежде всего крупными размерами денежных сумм, на которые осуществляются сделки; специфичностью самих объектов для инвестирования; сложностью дистанционных технологий инвестирования.

Вторая группа площадок предназначена для неквалифицированных участников и ведения несложных, стандартизированных сделок самым широким кругом инвесторов (народом).

Кроме того, дистанционные интернет-площадки, имеющие отношение к инвестиционной сфере, следует дифференцировать на 3 группы по инициаторам взаимодействия: банковские сайты; сайты инвестиционных посредников; веб-сайты прямых получателей инвестиций.

Выводы

В процессе проведенного исследования автор пришел к следующим выводам:

1. Вопросы правового регулирования выпуска и обращения электронных эквивалентов обязательств и требований в инвестициях, вопросы налогообложения операций с цифровой валютой и цифровыми финансовыми активами, а также вопросы судебной защиты обладателей цифровых финансовых активов и цифровой валюты в российском законодательстве требуют дальнейшей детальной проработки для закрепления в соответствующем законодательстве в целях надлежащего нормативно-правового урегулирования данной сферы правоотношений и обеспечения прав и законных интересов физических и юридических лиц.

2. Концепт «интернет-платформа» предлагается определять как экономическую среду, с помощью которой участники любых отношений могут вступать во взаимосвязь и совершать любые сделки, не противоречащие закону.

3. Для получения прибыли от вкладываемых активов и (или) приращения их стоимости российские физические и юридические лица интенсивно пользуются интернет-сайтами и дистанционно участвуют в обороте объектов инвестирования. Оборот объектов инвестирования представляет собой систематически совершаемые сделки с денежными средствами, иными объектами гражданских прав (имуществом), имеющими денежную оценку, по отчуждению и приобретению прав на них, как правило, по изменяющимся ценам. Сделки предусматривают получение инвесторами посредством интернет-сайтов предложений

об отчуждении и приобретении прав на активы от получателей инвестиций, а также сопутствующих услуг от инвестиционных посредников. Интернет-платформы являются эффективным инструментарием для расширения и модернизации оборота электронных эквивалентов обязательств и требований, что способствует сокращению временных и финансовых затрат на проведение расчетов и увеличению эффективности процессов в инвестиционной деятельности.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект №23-28-01141 «Правовые механизмы защиты прав физических лиц при осуществлении дистанционных инвестиционных сделок в интернет пространстве»).

The research was carried out with the financial support of the Russian Science Foundation (project No. 23-28-01141 “Legal mechanisms for protecting the rights of individuals in the implementation of remote investment transactions in the Internet space”).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Блажеев, В. В. Цифровое право / В. В. Блажеев ; под общ. ред. В. В. Блажеева, М. А. Егоровой. – М. : Проспект, 2020. – 640 с.
2. Боровик, А. И. Компонентно-ориентированная программная платформа для автономных необитаемых подводных аппаратов : автореф. дис. ... канд. техн. наук / Боровик Алексей Игоревич. – Владивосток, 2019. – 20 с.
3. Вайпан, В. А. Цифровое право: истоки, понятие и место в правовой системе / В. А. Вайпан // Право и экономика. – 2024. – № 1 (431). – С. 5–27.
4. Матыцин, Д. Е. Защита прав участников краудфандинга как электронно-цифрового способа привлечения инвестиций / Д. Е. Матыцин // Право и управление. XXI век. – 2020. – № 2 (55). – С. 76–82. – DOI: 10.24833/2073-8420-2020-2-55-76-82
5. Матыцин, Д. Е. Инвестиции в Интернете: дистанционные сделки с электронными эквивалентами обязательств и требований / Д. Е. Матыцин // Правовая парадигма. – 2022. – Т. 1, № 3. – С. 57–68. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2022.3.8>
6. Матыцин, Д. Е. Особенности заключения и исполнения инвестиционных сделок в дистанционно-цифровой форме в России и за рубежом / Д. Е. Матыцин // Образование и право. – 2021. – № 2. – С. 157–162. – DOI: 10.24412/2076-1503-2021-2-157-162

7. Матыцин, Д. Е. Цифровые финансовые активы в дистанционных инвестиционных сделках / Д. Е. Матыцин // Банковское право. – 2022. – № 1. – С. 39–47. – DOI: 10.18572/1812-3945-2022-1-39-47
8. Обзор ключевых показателей профессиональных участников рынка ценных бумаг : информ.-аналит. материал. – 2024. – № 2. – URL: https://cbr.ru/Collection/Collection/File/50587/review_broker_Q2_2024.pdf
9. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – М. : Азъ, 1994. – 907 с.
10. Указание Банка России от 02.12.2019 № 5337-У «О требованиях к внутреннему документу (документам) по управлению конфликтами интересов оператора инвестиционной платформы» // Вестник Банка России. – 2020. – № 5.
11. Указание Банка России от 03.12.2020 № 5646-У «О случаях и порядке зачисления цифровых финансовых активов номинальному держателю цифровых финансовых активов, который учитывает права на цифровые финансовые активы, принадлежащие иным лицам» // Вестник Банка России. – 2021. – № 6.
12. Хабриева, Т. Я. Право в условиях цифровой реальности / Т. Я. Хабриева, Н. Н. Черногор // Журнал российского права. – 2018. – № 1 (253). – С. 85–102. – DOI: 10.12737/art_2018_1_7
13. Directive 2014/65/EU of the European Parliament and of the Council of 15 May 2014 on markets in financial instruments and amending Directive 2002/92/EC and Directive 2011/61/EU. – URL: <https://www.esma.europa.eu/publications-and-data/interactive-single-rulebook/mifid-ii>
14. eIDAS Regulation. – URL: <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/policies/eidas-regulation>
15. Investment Advisers Act of 1940. – URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/COMPS-1878/pdf/COMPS-1878.pdf>
16. Investment Company Act of 1940. – URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/COMPS-1879/pdf/COMPS-1879.pdf>
17. Investor Bulletin: Initial Coin Offerings. Investor Alerts and Bulletins. 2017. – URL: https://www.sec.gov/oiea/investor-alerts-and-bulletins/ib_coinofferings
18. Securities Act of 1933. – URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/COMPS-1884/pdf/COMPS-1884.pdf>
19. Securities Exchange Act of 1934. – URL: <https://www.nyse.com/publicdocs/nyse/regulation/nyse/sea34.pdf>

REFERENCES

1. Blazheev V.V. *Cifrovoe pravo* [Digital Law]. Moscow, Prospekt Publ., 2020. 640 p.

2. Borovik A.I. *Komponentno-orientirovannaya programmaya platforma dlya avtonomnykh neobitaemykh podvodnykh apparatov: avtoref. dis. ... kand. tekhn. nauk* [Component-Oriented Software Platform for Autonomous Unmanned Underwater Vehicles. Cand. techn. sci. abs. diss.]. Vladivostok, 2019. 20 p.

3. Vaipan V.A. Cifrovoye pravo: istoki, ponyatie i mesto v pravovoy sisteme [Digital Law: Origins, Concept and Place in the Legal System]. *Pravo i ekonomika* [Law and Economics], 2024, no. 1 (431), pp. 5-27.

4. Matytsin D.E. Zashchita prav uchastnikov kraudfandinga kak elektronno-cifrovogo sposoba privlecheniya investitsiy [Protection of the Rights of Crowdfunding Participants as an Electronic-Digital Way of Attracting Investments]. *Pravo i upravlenie. XXI vek* [Law and Management. 21st Century], 2020, no. 2 (55), pp. 76-82. DOI: 10.24833/2073-8420-2020-2-55-76-82

5. Matytsin D.E. Investitsii v Internet: distantsionnye sdelki s elektronnyimi ekvivalentami obyazatelstv i trebovaniy [Investments on the Internet: Remote Transactions With the Electronic Equivalents of Obligations and Requirements]. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2022, vol. 21, no. 3, pp. 57-68. DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2022.3.8>

6. Matytsin D.E. Osobennosti zaklyucheniya i ispolneniya investitsionnykh sdelok v distantsionno-cifrovoy forme v Rossii i za rubezhom [Features of Conclusion and Execution of Investment Transactions in Remote Digital Form in Russia and Abroad]. *Obrazovanie i pravo* [Education and Law], 2021, no. 2, pp. 157-162. DOI: 10.24412/2076-1503-2021-2-157-162

7. Matytsin D.E. Cifrovye finansovye aktivy v distantsionnykh investitsionnykh sdelkakh [Digital Financial Assets in Remote Investment Transactions]. *Bankovskoe pravo* [Banking Law], 2022, no. 1, pp. 39-47. DOI: 10.18572/1812-3945-2022-1-39-47

8. *Obzor klyuchevykh pokazatelej professionalnykh uchastnikov rynka cennykh bumag: inform.-analit. material* [Review of Key Indicators of Professional Participants of the Securities Market. Inform.-Analytical Material], 2020, no. 4. URL: http://www.cbr.ru/collection/collection/file/32068/review_secur_20.pdf

9. Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. *Tolkovyy slovar russkogo yazyka* [Explanatory Dictionary of Russian Language]. Moscow, Az Publ., 1994. 907 p.

10. Ukazanie Banka Rossii ot 02.12.2019 № 5337-U «O trebovaniyakh k vnutrennemu dokumentu

(dokumentam) po upravleniyu konfliktami interesov operatora investitsionnoy platformy» [Decree of the Bank of Russia Dated Dec. 2, 2019 No. 5337-U “On the Requirements to the Internal Document(s) for Managing Conflicts of Interest of the Investment Platform Operator”]. *Vestnik Banka Rossii* [Bulletin of the Bank of Russia], 2020, no. 5.

11. Ukazanie Banka Rossii ot 03.12.2020 No. 5646-U «O sluchayah i poryadke zachisleniya cifrovyykh finansovykh aktivov nominalnomu derzhatelyu cifrovyykh finansovykh aktivov, kotoryj uchityvaet prava na cifrovyye finansovyye aktivy, prinadlezhashchie inym licam» [Directive of the Bank of Russia dated Dec. 3, 2020 No. 5646-U “On Cases and Procedure for Crediting Digital Financial Assets to the Nominee Holder of Digital Financial Assets, Which Accounts for the Rights to Digital Financial Assets Owned by Other Persons”]. *Vestnik Banka Rossii* [Bulletin of the Bank of Russia], 2021, no. 6.

12. Khabrieva T.Ya, Chernogor N.N. Pravo v usloviyakh cifrovoy realnosti [Law in the Conditions of Digital Reality]. *Zhurnal rossijskogo prava* [Journal of Russian Law], 2018, no. 1 (253), pp. 85-102. DOI: 10.12737/art_2018_1_7

13. *Directive 2014/65/EU of the European Parliament and of the Council of 15 May 2014 on Markets in Financial Instruments and Amending Directive 2002/92/EC and Directive 2011/61/EU*. URL: <https://www.esma.europa.eu/publications-and-data/interactive-single-rulebook/mifid-ii>

14. *eIDAS Regulation*. URL: <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/policies/eidas-regulation>

15. *Investment Advisers Act of 1940*. URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/COMPS-1878/pdf/COMPS-1878.pdf>

16. *Investment Company Act of 1940*. URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/COMPS-1879/pdf/COMPS-1879.pdf>

17. *Investor Bulletin: Initial Coin Offerings. Investor Alerts and Bulletins*, 2017. URL: https://www.sec.gov/oiea/investor-alerts-and-bulletins/ib_coinofferings

18. *Securities Act of 1933*. URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/COMPS-1884/pdf/COMPS-1884.pdf>

19. *Securities Exchange Act of 1934*. URL: <https://www.nyse.com/publicdocs/nyse/regulation/nyse/sea34.pdf>

Information About the Author

Denis E. Matytsin, Doctor of Sciences (Jurisprudence), Candidate of Sciences (Economics), Professor, Department of Civil and Private International Law (Base Department of the Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences), Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation; Senior Researcher, Volzhsky Institute of Economics, Pedagogy and Law, Sovetskaya St, 6, 404111 Volzhsky, Russian Federation, dmatytsin@yandex.ru, matytsin@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4038-4032>

Информация об авторе

Денис Евгеньевич Матыцин, доктор юридических наук, кандидат экономических наук, профессор кафедры гражданского и международного частного права (базовая кафедра ЮИЦ РАН), Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация; старший научный сотрудник, Волжский институт экономики, педагогики и права, ул. Советская, 6, 404111 г. Волжский, Российская Федерация, dmatytsin@yandex.ru, matytsin@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4038-4032>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2024.4.17>

UDC 347
LBC 67

Submitted: 18.10.2024
Accepted: 06.11.2024

GENETIC TESTING AS A COMPREHENSIVE SERVICE: THE SOURCES AND CONTENT OF THE LEGAL REGULATION¹

Elena S. Kryukova

Samara National Research University named after Academician S.P. Korolev, Samara, Russian Federation

Alexey N. Inyushkin

Samara National Research University named after Academician S.P. Korolev, Samara, Russian Federation

Introduction: the successful conduct of genetic research has allowed moving towards the introduction of individual approaches to the prevention, diagnosis, and treatment of diseases. The widespread use of innovations, in turn, has required proper legal support for genetic testing, which is the basis of personalized medicine focused on the genetic characteristics of the patient. Despite the obvious benefits, the active dissemination of the designated medical service is associated with a number of diverse problems and risks, whose effective elimination is facilitated by a comprehensive and coordinated approach to building the legal regulation. **Methods:** the methodological framework for the work is made up of both the general scientific and specific scientific research methods. **Results:** the analysis of the concept and species diversity of genetic testing has allowed substantiating the complex nature of the service under study, identifying the interdependence of testing and medical genetic counseling (both preliminary and subsequent), and tracing a close connection with the legal regime of the genetic information obtained during its implementation. The paper determines that the specifics of this procedure require its isolation in the system of medical services in terms of the legal regulation. Expanded regulation will make it possible to clearly and in detail establish the conditions, restrictions, implementation procedure, and stages of its provision, including subsequent routing for the patient. This approach will make it possible to ensure the quality of the service, distribute the areas of responsibility of its performers, and create additional guarantees for the protection of genetic information. **Conclusions:** as a result of the study, it is concluded that it is necessary to build a multi-level system for regulating the “genetic testing” service, within which it is proposed to fix the fundamental provisions in the basic sectoral law, the parties, conditions, and algorithm of provision in a separate special law, and the features of some types may be reflected in the departmental acts accompanying certain areas and spheres of medical care activities. The complex nature of the service will determine the content of the legal regulation. The issue of the fate of the information additionally identified during testing that is not related to the original purpose of providing the service is subject to the regulatory resolution.

Key words: genetic testing, service, personalized medicine, legal regulation, patient.

Citation. Kryukova E.S., Inyushkin A.N. Genetic Testing as a Comprehensive Service: The Sources and Content of the Legal Regulation. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2024, vol. 23, no. 4, pp. 130-136. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2024.4.17>

УДК 347
ББК 67

Дата поступления статьи: 18.10.2024
Дата принятия статьи: 06.11.2024

ГЕНЕТИЧЕСКОЕ ТЕСТИРОВАНИЕ КАК КОМПЛЕКСНАЯ УСЛУГА: ИСТОЧНИКИ И СОДЕРЖАНИЕ ПРАВОВОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ¹

Елена Сергеевна Крюкова

Самарский национальный исследовательский университет им. акад. С.П. Королева,
г. Самара, Российская Федерация

Алексей Николаевич Инюшкин

Самарский национальный исследовательский университет им. акад. С.П. Королева,
г. Самара, Российская Федерация

Введение: успешное проведение генетических исследований позволило перейти к внедрению индивидуальных подходов к профилактике, диагностике и лечению заболеваний. Широкое использование инноваций, в свою очередь, потребовало надлежащего правового сопровождения генетического тестирования, лежащего в основе персонализированной медицины, ориентированной на генетические характеристики пациента. Несмотря на очевидную пользу, активное распространение обозначенной медицинской услуги сопряжено с целым рядом разнородных проблем и рисков, эффективному устранению которых способствует всесторонний и согласованный подход при построении правового регулирования. Методологическую основу работы составили как общенаучные, так и частнонаучные **методы** исследования. **Результаты:** анализ понятия и видového многообразия генетического тестирования позволил обосновать комплексный характер исследуемой услуги, выявить взаимообусловленность тестирования и медико-генетической консультации (причем как предварительного, так и последующего), проследить тесную связь с правовым режимом полученной в ходе его проведения генетической информации. В работе определено, что специфика названной процедуры требует ее обособления в системе медицинских услуг в части правовой регламентации. Развернутое регулирование позволит четко и детально установить условия, ограничения, порядок осуществления, этапы ее оказания, включая последующую маршрутизацию для пациента. Такой подход даст возможность обеспечить качество услуги, распределить зоны ответственности ее исполнителей, создаст дополнительные гарантии защиты генетической информации. **Выводы:** в результате исследования сделан вывод о необходимости построения многоуровневой системы регулирования услуги «генетическое тестирование», в рамках которой принципиальные положения предлагается закрепить в базовом отраслевом законе, субъектный состав, условия и алгоритм оказания – в отдельном специальном законе, особенности же некоторых видов могут найти отражение в ведомственных актах, сопровождающих определенные направления и сферы медицинской деятельности. Комплексный характер услуги обусловит содержание правовой регламентации. Нормативному разрешению подлежит вопрос о судьбе дополнительно выявленной в ходе тестирования информации, не связанной с первоначальной целью оказания услуги.

Ключевые слова: генетическое тестирование, услуга, персонализированная медицина, правовое регулирование, пациент.

Цитирование. Крюкова Е. С., Инюшкин А. Н. Генетическое тестирование как комплексная услуга: источники и содержание правовой регламентации // *Legal Concept = Правовая парадигма.* – 2024. – Т. 23, № 4. – С. 130–136. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2024.4.17>

Введение

Успешное проведение генетических исследований в последние десятилетия позволило расширить спектр применения их результатов в различных отраслях общественной жизни, и в первую очередь – в здравоохранении. Так, развитие персонализированных подходов в медицине, прежде всего, основано на учете генетических характеристик пациента, полученных в процессе его генетического тестирования. В перспективе широкое внедрение генетического анализа может сыграть важную роль в эффективной профилактике, своевременной адресной диагностике и лечении заболеваний, позволит сориентировать медицинскую помощь на «специфический генетический “портрет” отдельных граждан и этнических групп» [4]. Однако со-

бранная по итогам проведения соответствующего анализа генетическая информация в силу ее особой ценности (в том числе в составе сведений о здоровье человека) как для самого пациента, так и его родственников требует построения строгого алгоритма ее использования и усиленного механизма охраны. Польза полученных в ходе генетического тестирования данных, позволяющих индивидуализировать медицинскую помощь, не оспорима, но активное распространение обозначенной медицинской услуги сопряжено с целым рядом проблем социального, этического, финансового, психологического и правового характера. На сегодняшний день назрела потребность в разработке слаженного разноотраслевого подхода при регулировании процесса организации и проведения названных медицинских услуг.

Комплексный всесторонний подход к организации и проведению генетического тестирования, создание всех необходимых условий его осуществления позволит свести потенциальное неблагоприятное воздействие скрининга к минимуму, а положительный эффект достигнет максимально возможного уровня [6]. Выработка системного подхода при регламентации услуги «генетическое тестирование» сопряжена с разрешением несколько узловых вопросов: закрепление развернутой характеристики услуги, включая нормативное указание оснований, этапов и определение составных элементов последней; формирование согласованной системы источников регулирования, отражающих обозначенные особенности.

Генетическое тестирование в системе медицинских услуг: правовой аспект

Согласно положениям Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (далее по тексту – Закон об охране здоровья) [9] медицинские услуги составляют ключевой элемент медицинской помощи и могут быть дифференцированы по различным критериям: в зависимости от форм и видов медицинской помощи, длительности, сложности, сферы оказания и т. п. Особенности отдельных видов и форм медицинской помощи, присущие и лежащим в их основе услугам, раскрыты в Законе об охране здоровья граждан. Номенклатура медицинских услуг обозначена в ведомственных актах. Договорное регулирование, в свою очередь, осуществляется на основе гражданского законодательства. Вместе с тем, специфика генетического тестирования не всегда вписывается в общие схемы регулирования медицинских услуг, заложенные как в гражданском, так и в медицинском законодательстве. Определение места генетического тестирования в структуре услуг и его развернутая правовая характеристика позволит выявить субъектный состав совершаемых действий, выделить функционал и зоны ответственности медицинского персонала, проследить последовательность и согласованность проводимых процедур. Четкое

обозначение всех составляющих оказываемой услуги способствует всесторонней оценке ее качества.

Генетическое тестирование – это анализ ДНК или биомаркеров в целях оценки одного или нескольких факторов риска для определенного заболевания или группы заболеваний. Различают тестирование по целям проведения, наличию рекомендаций врача, категориям пациентов, областям использования и пр.) [2, с. 140]. Применительно к вопросу о назначении тестирования целесообразно отметить, что многие исследователи настаивают на допустимости генетического анализа характеристик лица только в медицинских и научных целях [5]. По содержательному наполнению выделяют генотипирование, секвенирование, периодическое обследование лица на предмет выявления конкретных генетических мутаций, а также исследования, направленные на идентификацию личности [6]. В рамках отдельных направлений медицины применимы собственные классификации данной услуги по различным критериям, в частности, в сфере репродукции особого внимания заслуживает преимплантационное генетическое тестирование. Во многом условия, а значит и необходимость проведения тестирования, зависят от его вида. Применительно к последнему из указанных видов тестирования ряд авторов отмечает, что возможность его проведения должна быть обусловлена только теми расстройствами, которые приводят к тяжелым последствиям, а польза от применения процедуры превышает любые риски [3].

В целом в обществе наблюдается высокий интерес к генетическому тестированию, обусловленный различными причинами: забота о здоровье, направление врача, детализация уже имеющейся информации о состоянии здоровья и пр. При этом полученная информация воспринимается не только в контексте проверки состояния здоровья и корректировки образа жизни, но и пользы в отношении иных значимых решений. Как следствие, одной из остро стоящих проблем в теории справедливо названо не регламентированное законом стремительное распространение прямого потребительского генетического тестирования, выполняемого по инициативе заказчика в его личных целях [4].

Генетическое тестирование, охватывая все его видовое многообразие, следует обособить в системе медицинских услуг, принимая во внимание, прежде всего, его предназначение для персонализации медицинской отрасли. Такой выбор детерминирован не только необходимостью правового закрепления условий и порядка его проведения, но и потребностью в установлении последующего правового режима полученной в результате генетической информации. Последняя, в свою очередь, не только способствует индивидуализации охраны здоровья самого пациента, но, может затрагивать интересы его родственников, что требует выделения ее из общего массива информации о здоровье человека и соблюдения принципов биоэтики при ее обращении [1, с. 141]. Немаловажно учитывать и прогнозируемое на уровне стратегий и концепций стремление законодателя организовать генетическую паспортизацию населения, фундаментом которой послужат результаты генетического тестирования граждан. Безусловно, масштабное внедрение института генетического тестирования требует анализа всех существенных для ее развития факторов, включая как прогностическую ценность, так и экономическое обоснование.

Специфика правовой регламентации генетического тестирования

Фрагментарное правовое регулирование вызывает недоверие, как граждан, так и профессиональных сообществ к активному внедрению новых технологий. В данном контексте в науке обоснованно поднимается проблема достоверности генетического тестирования, особенно принимая во внимание бурный рост в последние годы расширенных генетических исследований человека на коммерческой основе. В этой связи ряд авторов обосновывает необходимость нормирования валидности генетической панели и выработки критериев достоверности теста [8]. Первостепенную роль играет и необходимость высокой квалификации персонала, работающего с генетической информацией, что требует модернизации современных образовательных программ.

Принимая во внимание вероятностный характер тестов, важно осуществлять грамот-

ное генетическое консультирование пациента. В ходе проведения процедуры не исключено получение ложноположительных и ложноотрицательных результатов. В любом случае возрастает роль врачей-генетиков, способных предложить конкретные стратегии пациенту: корректировка образа жизни, прием определенных лекарственных средств, профилактические мероприятия, мониторинг и пр. В свете сказанного значение приобретают все взаимосвязанные этапы генетического тестирования, что требует нормативного закрепления четкого алгоритма действий врача и пациента до и после проведения тестов и получения генетической информации.

Нуждается в легальном разрешении и вопрос о допустимости информирования пациентов о «случайных находках», выявленных при целевом тестировании. Необходимость сообщения полученных дополнительных данных, не связанных с целью тестирования, особенно остро стоит при высокой вероятности развития серьезного заболевания, сопряженного с обнаружением незапланированных сведений. Решение подобных дилемм требует также учета этической составляющей.

В части доступности такой услуги солидарны с авторами, поднимающими проблемы финансирования генетического тестирования, объем которого в пределах программ обязательного медицинского страхования не позволяет отдельным категориям граждан с потенциальными рисками своевременно ее получить [6].

При выборе системы, способа и объема регулирования следует исходить из того, что, с одной стороны, возникающие проблемы с отсутствием контроля за качеством оказываемых услуг и соблюдением требований к режиму полученных данных, способны устранить профессиональные сообщества посредством саморегулирования, с другой, принимая во внимание огромный потенциал обозначенных информационных ресурсов и закономерную заинтересованность в их использовании не только со стороны пациентов, но и третьих лиц, целесообразна детальная нормативная регламентация и закрепление жестких охраняемых механизмов. Анализ зарубежного законодательства в исследуемой сфере иллюстрирует различные пути регламентации гене-

тического тестирования: от прямых законодательных запретов отдельных видов тестирования и детализации условий проведения услуги в медицинских целях до полного отсутствия нормирования [4, с. 116]. При этом в ряде стран действуют специальные законы в данной области, достаточно подробно описывающие порядок оказания такой услуги. В частности, согласно Закона о генетической диагностике от 31 июля 2009 г. Германии анализ проводится по назначению врача с соответствующим подробным информированием пациента. При этом условиями проведения отдельных видов тестирования являются обстоятельное консультирование и рекомендации, санкции этического комитета, осуществление услуги только в специализированных центрах с соответствующим штатом и обязательное документирование всех ее этапов. Наряду с этим, специальные требования закреплены для получения информированного добровольного согласия пациентов на оказание подобного рода услуги [7; 10]. Сходный подход имеет место и в Законе Франции 2011-814 от 7 июля 2011 г. «О биоэтике» [11]. Большинство государств проводит отдельные виды генетического тестирования исключительно в медицинских целях, особенно в контексте более широкой этической дискуссии о допустимости тестирования в принципе.

Надлежащее правовое сопровождение инноваций в системе здравоохранения способствует использованию генетического тестирования в качестве эффективного средства в составе медицинского инструментария, призванного обеспечить должное и грамотное планирование и консультирование семьи, персонализированную диагностику и лечение пациентов. Нормативно проработанное генетическое тестирование не несет рисков дискриминации, при этом за пациентом всегда остается право выбора, возможность принятия обдуманного решения, что минимизирует дальнейшие риски.

Выводы

По итогам исследования можно сделать вывод о необходимости рассмотрения генетического тестирования как комплексной услуги, включающей несколько взаимообуслов-

ленных этапов ее оказания. Построение правового регулирования с учетом комплексного характера услуги позволит дать надлежащую всестороннюю оценку качеству оказываемой услуги и выявить зоны ответственности осуществляющих ее лиц. Кроме того, установленная взаимосвязь элементов во многом предопределяет содержательное наполнение правовой регламентации процесса организации и проведения такого анализа. Генетическое тестирование, включая все его видовое многообразие, следует обособить в системе медицинских услуг, принимая во внимание его базисное предназначение для персонализации медицинской отрасли.

Считаем, что нормирование отношений, связанных с генетическим тестированием, осуществляемое в рамках медицинского законодательства, должно носить многоуровневый характер. Прежде всего, в базовом законе в сфере здравоохранения в главе об организации охраны здоровья следует заложить общие основополагающие правила проведения генетического тестирования, в свою очередь, в специальном (для заданного направления) законодательном акте необходимо детально закрепить субъектный состав, цели, ограничения, условия, порядок проведения указанной процедуры, режим сопровождающего консультирования, а также отразить ее видовое многообразие как сложного многоэтапного процесса (включая предварительное информирование, собственно анализ, последующее консультирование и маршрутизацию). Кроме того, в последнем документе должна быть определена судьба выявленных в ходе генетического тестирования дополнительных (случайных) данных, имеющих медицинскую ценность, но не обусловленных целью такого анализа. Полагаем, что решение врача-специалиста об их сообщении (или умолчании) пациенту должно быть согласовано с этическими комитетами как специализированными структурами, которые в числе прочего функционала способны оказать содействие в разрешении подобного рода дилемм. Безусловно, нормы предлагаемого нормативного правового акта должны быть согласованы с нормами, определяющими правовой режим генетической информации.

Специфика отдельных медицинских направлений в разрезе проведения генетического тестирования может найти свое отражение в ведомственных актах, что, в частности, уже имеет место применительно к сфере использования вспомогательных репродуктивных технологий. Разработка подзаконных нормативных правовых актов поможет также синтезировать правовую и этическую стороны проведения названных манипуляций.

Системный законодательный подход, в свою очередь, потребует синхронной модернизации норм в образовательном, финансовом и страховом секторах.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00720, <https://rscf.ru/project/23-28-00720/>

The study was supported by the Russian Science Foundation grant No. 23-28-00720, <https://rscf.ru/project/23-28-00720/>

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Балтутите, И. В. Правовые проблемы использования искусственного интеллекта в сфере здравоохранения / И. В. Балтутите // *Legal Concept = Правовая парадигма*. – 2022. – Т. 21, № 2. – С. 140–148.
2. Баранова, Е. Е. Рекомендации по генетическому тестированию взрослых здоровых лиц, депонирующих свои образцы и информацию в биоресурсные коллекции и биобанки / Е. Е. Баранова [и др.] // *Кардиоваскулярная терапия и профилактика*. – 2021. – № 20 (8). – С. 135–146.
3. Богданова, Е. Е. Концептуальные основы защиты субъективных гражданских прав в сфере репрогенетики / Е. Е. Богданова // *Вестник Пермского университета. Юридические науки*. – 2021. – Вып. 51. – С. 30–56. – DOI: 10.17072/1995-4190-2021-51-30-56
4. Логачева, М. Д. Зарубежный опыт правового регулирования прямого потребительского генетического тестирования / М. Д. Логачева, В. С. Пушкарев // *Актуальные проблемы российского права*. – 2021. – № 16 (8). – С. 103–117. – DOI: <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2021.129.8.103-117>
5. Рассолов, И. М. Защита генетических данных при генетическом тестировании и генотерапевтическом лечении: информационно-правовые аспекты / И. М. Рассолов, С. Г. Чубукова // *Актуальные проблемы российского права*. – 2020. – Т. 15, № 5 (114). – С. 65–72. – DOI: 10.17803/1994-1471.2020.114.5.065-072

6. Реваян, К. З. Психосоциальные, этические, правовые и экономические аспекты генетического скрининга на носительство вариантов, вызывающих развитие моногенных рецессивных заболеваний / К. З. Реваян [и др.] // *Профилактическая медицина*. – 2021. – № 24 (2). – С. 102–108.

7. Романовский, Г. В. Правовое регулирование в сфере биомедицины в Германии: общий обзор / Г. В. Романовский // *Медицинское право*. – 2024. – № 2. – С. 40–43.

8. Терещенко, И. П. Проблема достоверности генетического тестирования в России / И. П. Терещенко. – URL: <https://medvestnik.ru>

9. Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» от 21.11.2011 № 323-ФЗ. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

10. Robiński, J. The New Law on Gene Diagnostics in Germany – An Overview About the Main Principles / J. Robiński // *Rev Derecho Genoma Hum.* – 2010. – Vol. 32. – P. 47–68.

11. France: New Bioethics Law. – URL: <https://www.loc.gov/item/global-legal-monitor/2011-07-18/france-new-bioethics-law/>

REFERENCES

1. Baltutite I.V. Pravovye problemy ispolzovaniya iskusstvennogo intellekta v sfere zdravoohraneniya [Legal Problems of Using Artificial Intelligence in the Field of Healthcare]. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2022, vol. 21, no. 2, pp. 140-148.
2. Baranova E.E., Fedulova K.D., Glotov A.S., Izhevsakaya V.A. Rekomendatsii po geneticheskomu testirovaniyu vzroslykh zdorovykh lits, deponiruyushchikh svoi obraztsy i informatsiyu v bioresursnyye kollektzii i biobanki [Recommendations for Genetic Testing of Healthy Adults Depositing Their Samples and Information in Bioresource Collections and Biobanks]. *Kardiovaskulyarnaya terapiya i profilaktika*, 2021, no. 20 (8), pp. 135-146.
3. Bogdanova E.E. Kontseptualnye osnovy zashchity subyektivnykh grazhdanskikh prav v sfere reprogenetiki [Conceptual Foundations for the Protection of Subjective Civil Rights in the Field of Reprogenetics]. *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki*, 2021, iss. 51, pp. 30-56. DOI: 10.17072/1995-4190-2021-51-30-56
4. Logacheva M.D., Pushkarev V.S. Zarubezhnyy opyt pravovogo regulirovaniya pryamogo potrebitelskogo geneticheskogo testirovaniya [Foreign Experience in the Legal Regulation of Direct Consumer Genetic Testing]. *Aktualnye problemy rossiyskogo prava*, 2021, no. 16 (8), pp. 103-117. DOI: <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2021.129.8.103-117>

5. Rassolov I.M., Chubukova S.G. Zashchita geneticheskikh dannyykh pri geneticheskom testirovanii i genoterapevticheskom lechenii: informatsionno-pravovye aspekty [Protection of Genetic Data in Genetic Testing and Gene Therapy Treatment: Information and Legal Aspects]. *Aktualnye problemy rossiyskogo prava*, 2020, vol. 15, no. 5 (114), pp. 65-72. DOI: 10.17803/1994-1471.2020.114.5.065-072

6. Revazyan K.Z., Meshkov A.V., Ershova A.I., Sivakova O.V., Drapkina O.M. Psikhosotsialnye, eticheskie, pravovye i ekonomicheskie aspekty geneticheskogo skrininga na nositelstvo variantov, vyzyvayushchikh razvitie monogennykh retsessivnykh zabolovaniy [Psychosocial, Ethical, Legal and Economic Aspects of Genetic Screening for the Carriage of Variants Causing the Development of Monogenic Recessive Diseases]. *Profilakticheskaya meditsina*, 2021, no. 24 (2), pp. 102-108.

7. Romanovskiy G.V. Pravovoe regulirovanie v sfere biomeditsiny v Germanii: obshchiy obzor

[Legal Regulation in the Field of Biomedicine in Germany: Overview]. *Meditinskoe pravo*, 2024, no. 2, pp. 40-43.

8. Tereshchenko I.P. *Problema dostovernosti geneticheskogo testirovaniya v Rossii* [Problem of the Reliability of Genetic Testing in Russia]. URL: <https://medvestnik.ru>

9. Federalnyy zakon «Ob osnovakh okhrany zdorovya grazhdan v Rossiyskoy Federatsii» ot 21.11.2011 № 323-FZ [Federal Law No. 323-FZ of November 21, 2011 “On the Basics of Public Health Protection in the Russian Federation”]. *Access from Reference Legal System KonsultantPlyus*.

10. Robiensi J. The New Law on Gene Diagnostics in Germany – An Overview About the Main Principles. *Rev Derecho Genoma Hum*, 2010, vol. 32, pp. 47-68.

11. *France: New Bioethics Law*. URL: <https://www.loc.gov/item/global-legal-monitor/2011-07-18/france-new-bioethics-law/>

Information About the Authors

Elena S. Kryukova, Candidate of Sciences (Jurisprudence), Associate Professor, Department of Civil and Business Law, Samara National Research University named after Academician S.P. Korolev, Moskovskoe Shosse, 34, 443086 Samara, Russian Federation, kr-elena1203@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0829-9855>

Alexey N. Inyushkin, Doctor of Sciences (Biology), Professor, Head of the Department of Human and Animal Physiology, Samara National Research University named after Academician S.P. Korolev, Moskovskoe Shosse, 34, 443086 Samara, Russian Federation, inyushkin.an@ssau.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3678-2636>

Информация об авторах

Елена Сергеевна Крюкова, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского и предпринимательского права, Самарский национальный исследовательский университет им. акад. С.П. Королева, Московское шоссе, 34, 443086 г. Самара, Российская Федерация, kr-elena1203@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0829-9855>

Алексей Николаевич Инюшкин, доктор биологических наук, профессор, заведующий кафедрой физиологии человека и животных, Самарский национальный исследовательский университет им. акад. С.П. Королева, Московское шоссе, 34, 443086 г. Самара, Российская Федерация, inyushkin.an@ssau.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3678-2636>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2024.4.18>

UDC 347
LBC 67.404

Submitted: 27.10.2024
Accepted: 15.11.2024

**THE THEORIES OF CAUSATION.
THE PROBLEMS OF ESTABLISHING CAUSATION
BETWEEN AN ILLEGAL ACT AND A HARMFUL CONSEQUENCE**

Yulia A. Fedorova

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot,
Moscow, Russian Federation

Introduction: in civil law, the issue of causation is one of the key issues in bringing to justice for harm caused. It is on the existence of this relationship that the possibility of compensation for harm to the victim depends. However, unfortunately, the current legislation does not define this concept. There are many scientific positions in the doctrine that ambiguously evaluate certain criteria of causation. For the most accurate understanding of the significance of the causal relationship in civil law, the development of additional criteria for its establishment, it is necessary to conduct an analysis at the theoretical level. Special attention is paid to the problems of establishing a causal relationship in difficult situations, for example, when there are many factors influencing the occurrence of harm or when the consequences are not a direct consequence of the actions of the person causing the harm. The author analyzes specific examples from judicial practice demonstrating the problems of the issue under study. The **purpose** is to analyze existing theories of causation, identify their advantages and disadvantages, and formulate additional criteria that will help optimize the establishment of cause-and-effect relationships in practice. To achieve this goal, the general scientific (the method of analysis and synthesis, systemic, dialectical) and the special (formal legal, comparative law) research **methods** are applied. Research **results:** the paper examines various theories of establishing causation, including foreign ones, which allow identifying the advantages and disadvantages of using certain approaches in establishing cause and effect. The specific examples from judicial practice are studied, which determine the viability of certain theories. The results obtained can become the basis for further research on the issue under study. **Conclusions:** the study of various scientific positions on the issue of establishing a causal relationship allows concluding that the presence of a causal relationship is the basis for the emergence of civil liability. Based on the analysis of various theories, the concept of direct causation seems to be the most reasonable. The necessity of using the criterion of concreteness to the existing criteria for establishing cause and effect is substantiated. The main characteristics of the concreteness criterion are formulated.

Key words: causation, harm, damage, consequences of harm, unlawful behavior, lawful behavior, civil liability.

Citation. Fedorova Yu. A. The Theories of Causation. The Problems of Establishing Causation Between an Illegal Act and a Harmful Consequence. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2024, vol. 23, no. 4, pp. 137-144. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2024.4.18>

УДК 347
ББК 67.404

Дата поступления статьи: 27.10.2024
Дата принятия статьи: 15.11.2024

**ТЕОРИИ ПРИЧИННО-СЛЕДСТВЕННЫХ СВЯЗЕЙ.
ПРОБЛЕМЫ УСТАНОВЛЕНИЯ СВЯЗЕЙ МЕЖДУ НЕЗАКОННЫМ ДЕЯНИЕМ
И ВРЕДНОСНЫМ ПОСЛЕДСТВИЕМ**

Юлия Александровна Фёдорова

Московский университет МВД России им. В.Я. Кикотя, г. Москва, Российская Федерация

Введение: в гражданском праве вопрос о причинно-следственной связи является одним из ключевых при привлечении к ответственности за причиненный вред. Именно от наличия этой связи зависит возможность возмещения вреда потерпевшему. Однако, к сожалению, действующее законодательство не дает определения данному понятию. В доктрине существует множество научных позиций, которые неоднозначно оценивают те или иные критерии причинно-следственных связей. Для наиболее точного понимания значимости причинно-следственной связи в гражданском праве, выработке дополнительных критериев ее установления необходимо провести анализ на теоретическом уровне. Особое внимание уделено проблемам установления причинно-следственной связи в сложных ситуациях, например когда имеется множество факторов, влияющих на наступление вреда, или когда последствия не являются непосредственным следствием действий лица – причинителя вреда. Автором проанализированы конкретные примеры из судебной практики, демонстрирующие проблемы изучаемого вопроса. **Целью** является на основе анализа существующих теорий причинно-следственных связей выявить их преимущества и недостатки, а также сформулировать дополнительные критерии, которые помогут оптимизировать установление причинно-следственных связей на практике. Для достижения поставленной цели применены общенаучные (метод анализа и синтеза, системный, диалектический) и специальные (формально-юридический, сравнительно-правовой) **методы** исследования. **Результаты исследования:** в статье рассмотрены различные теории установления причинной связи, в том числе зарубежные, позволяющие выявить преимущества и недостатки использования тех или иных подходов при установлении причины и следствия. Изучены конкретные примеры из судебной практики, определяющие жизнеспособность отдельных теорий. Полученные результаты могут стать основой для дальнейших исследований по изучаемому вопросу. **Выводы:** исследование различных научных позиций по вопросу установления причинной связи позволяет сделать вывод о том, что наличие причинной связи является основанием для возникновения гражданской ответственности. На основе проведенного анализа различных теорий наиболее обоснованной представляется концепция непосредственной причинной связи. Обосновывается необходимость к существующим критериям установления причины и следствия использовать критерий конкретности. Формулируются основные характеристики критерия конкретности.

Ключевые слова: причинно-следственная связь, вред, ущерб, последствия причинения вреда, противоправное поведение, правомерное поведение, гражданско-правовая ответственность.

Цитирование. Фёдорова Ю. А. Теории причинно-следственных связей. Проблемы установления связей между незаконным деянием и вредоносным последствием // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2024. – Т. 23, № 4. – С. 137–144. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2024.4.18>

Введение

В гражданском праве одной из важных задач является установление и привлечение к ответственности за причинение вреда. Для того чтобы возложить ответственность на лицо, причинившее вред, необходимо доказать наличие причинной связи между его незаконным деянием и возникшими негативными последствиями. Решение указанной проблемы достаточно сложное, в силу этого в гражданском праве существует плюрализм теоретических и практических подходов, связанных с установлением такой связи.

Установление причины и следствия, их крайне актуально, поскольку от этого зависит справедливое распределение ответственности между причинителями вреда и возмещение вреда пострадавшей стороне. Значение изучения указанной темы в настоящее время возрастает и с учетом развития информационно-коммуникационных технологий [16], где основная

сложность заключается в установлении взаимосвязи между действием конкретного субъекта (который может быть не идентифицирован в сети) и возникшими последствиями. С учетом сказанного представляется важным и актуальным рассмотреть основные проблемы, возникающие при установлении причинной связи между незаконным деянием и вредоносным последствием, проанализировать различные подходы к ее определению, а также обсудить практические аспекты применения данной правовой конструкции в судебной практике.

Основанием наступления гражданско-правовой ответственности является правонарушение [5]. Одно из важных мест в установлении гражданско-правовой ответственности в результате совершения правонарушения играет причинно-следственная связь. Установление причинно-следственной связи между деянием и вредоносным последствием является одним из ключевых элементов гражданской ответственности.

Причинно-следственная связь в гражданском праве представляет собой фактическое отношение между действием (бездействием) лица и наступившими негативными последствиями, при котором действие (бездействие) является непосредственной причиной возникновения вреда. Изучением толкования и сущностного содержания понятия «причинно-следственная связь» занимались такие научные деятели, как В.П. Грибанов [7], Т.В. Дерюгина [8], В.П. Егоров [9] и др. Но несмотря на достаточно глубокую проработку до настоящего времени не выработаны критерии, позволяющие точно установить причину и ее следствие.

В практической деятельности вызывают проблемы установления сложных причинно-следственных связей, где речь идет о цепочке действий и событий, влекущих одно последствие. И наоборот, когда одно событие или деяние влечет несколько, на первый взгляд не связанных правовых последствий.

Все эти проблемы требуют тщательной доктринальной проработки с целью выработки единого подхода к пониманию причины и следствия, выбору верных средств определения события, ставшего причиной, а также разработке дополнительных критериев, позволяющих облегчить правоприменительную деятельность.

Признаки, позволяющие установить причинно-следственные связи

В теории гражданского права [7; 9; 14; 15] выделяют несколько признаков, которые позволяют установить причинно-следственную связь в гражданском праве:

– фактическая связь: между деянием и вредоносным последствием должна быть доказана фактическая связь, то есть необходимо установить, что вред наступил именно в результате совершенного деяния, а не по другим причинам;

– необходимость: вред должен быть неотъемлемым следствием совершенного деяния, это означает, что вред не должен быть вызван какими-либо иными причинами, кроме действия лица, причинившего вред;

– вероятность: деяние должно быть вероятным основанием для возникновения вреда, это означает, что, с большой долей веро-

ятности, именно это деяние повлекло за собой наступление вреда;

– близость во времени и пространстве: вред должен быть тесно связан с деянием по времени и пространству.

Так же важное значение при установлении критериев причинно-следственной связи играют принципы разумности и добросовестности [11, с. 87].

В то же время, необходимо отметить, что при установлении причинно-следственной связи возникает ряд проблем, обусловленных сложностью фактических обстоятельств дела, как например:

– доказательство фактической связи между деянием и вредом может быть затруднительно, особенно при наличии нескольких потенциальных причин вреда;

– вред может быть вызван не только деянием лица, но и действиями других лиц или случайными событиями, что создает сложности при установлении причинно-следственной связи.

В научной литературе существует множество определений причинно-следственной связи. В частности, О.А. Красавчиков определял ее, как: «Причинная связь представляет собой объективную конкретную взаимосвязь двух явлений, одно из которых (причина) в силу объективных законов развития материального мира вызывает другое (новое, не тождественное) явление (следствие)» [14, с. 502].

Анализ данного определения дает возможность сформулировать некоторые характерные черты, присущие причинно-следственной связи. Первое, на что хотелось бы обратить внимание – это наличие не только самого события и/или действия, но и объективность, характеризующее причинно-следственную связь, как независимую от вины. Действие должно быть непосредственно связано с убытками, а не косвенно соотноситься с ними.

Помимо этого, на протяжении развития причинно-следственной связи именно данное поведение должно повлечь наступление неблагоприятных последствий. Так, в разъяснении Президиума ФАС России от 11 октября 2017 г. № 11 «По определению размера убытков, причиненных в результате нарушения антимонопольного законодательства» [2] указал, что прямая (непосредственная) причинно-

следственная связь существует тогда, когда в цепи последовательно развивающихся событий между противоправным поведением лица и убытками не существует каких-либо обстоятельств, имеющих значение для гражданско-правовой ответственности.

В подтверждении данной позиции можно привести пример из судебной практики. Коммерческое предприятие понесло убытки по причине нарушения органом государственной власти п. 2 ч. 1 ст. 15 Закона о защите конкуренции (необоснованное препятствование осуществлению деятельности хозяйствующими субъектами) [1]. Суд первой инстанции удовлетворил иск. Суд апелляционной инстанции, оставляя в силе решение, указал, что для данного спора необходимо учитывать непосредственную причинно-следственную связь между противоправным поведением ответчика и убытками истца. В приведенном деле, суд установил наличие прямой причинно-следственной связи между действиями ответчика и понесенными истцом расходами, что является основанием для применения ответственности в виде взыскания убытков [1].

Согласно действующему гражданскому законодательству (ст. 15 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ)), при нарушении субъективного гражданского права и появления последствие в виде убытков, они подлежат возмещению в полном объеме. При этом необходимо учитывать причинно-следственную связь, позволяющее установить, какое деяние стало причиной наступления неблагоприятных последствий.

Исследование мнений авторов по вопросу установления причинно-следственных связей показывает, что в большинстве случаев наличие хронологического признака и признака непосредственности недостаточно. Полагаем, что дополнительным признаком установления наличия причинно-следственных связей должен является признак конкретности. При этом конкретности также свойственны ряд признаков, о которых мы скажем ниже.

Полагаем, что под причинно-следственной связью следует понимать объективное, прямое, неизбежное, непосредственное и конкретное последствие определенного поведения субъекта правоотношения (причины).

Сущностно-субстациональный подход к теориям причинно-следственных связей

В науке существует несколько теорий причинно-следственных связей. Одной из ключевых – является теория необходимой и случайной связи, которая была предложена Б.С. Антимоновым [4, с. 98], П.Д. Каминской [13, с. 125]. Авторы теории исходят из того, что необходимо различать понятия «необходимой» и «случайной» связи, так как только одно из этих понятий имеет значение для наступления юридической ответственности. В этом случае только необходимые последствия можно предвидеть, а значит между противоправным поведением и созданными последствиями есть причинно-следственная связь. Случайная причинная связь не будет служить условием привлечения к ответственности, так как имеет незакономерные последствия, не характерные для такого рода причины.

В развитие указанной теории появилась теория необходимого условия, сторонником которой является В.П. Грибанов [7, с. 26]. Автор говорил, что случайных причинных связей нет, так как ничто не случайно и всем действиям присуща необходимая связь. Говоря о недостатках данной теории, хотелось бы вернуться к вопросу о различии понятий необходимости и случайности. Эти два понятия тесно взаимосвязаны в причинно-следственной связи, но их надо рассматривать с разных сторон, где понятие необходимости неизбежно и формируется на важной связи причины и следствия, а понятие случайности является формой проявления необходимости.

Следующая теория – это теория возможности и действительности или теория абстрактной и конкретной возможности, автором которой являлся О.С. Иоффе. Ученый полагал, что при определенных условиях возникают ситуации, в соответствии с которыми наступают неблагоприятные последствия. Однако необходимо учитывать не все обстоятельства, породившие те или иные последствия, а только те, которые влияют на специфику данного результата, «причиняющая сила которых получила выражение в индивидуальных – физических или общественных особенностях данного результата» [12, с. 118].

Одной из наиболее известных теорий, применяемых в судебной практике, является теория прямых и косвенных причинных связей, авторами которой являются Н.Д. Егоров [9, с. 127] и Т.И. Илларионова [10, с. 419]. Под прямой или как ее называют непосредственной связью понимается «в цепи последовательно развивающихся событий между противоправным поведением лица и убытками не существует каких-либо обстоятельств, имеющих значение для гражданско-правовой ответственности». Под косвенной (опосредованной) причинной связью имеется ввиду тот факт, что «когда между противоправным поведением лица и убытками присутствуют обстоятельства, которым гражданский закон придает значение в решении вопроса об ответственности» (противоправное поведение других лиц, действие непреодолимой силы и т. п.) [9, с. 127; 10, с. 419].

Некоторые ученые, например В.В. Витрянский, М.И. Брагинский [6], считают, что, установление причинной связи обладает значительной эпистемологической значимостью, становясь «*sine qua non*» для возникновения гражданско-правовой ответственности при возмещении ущерба. Иными словами, для того, чтобы лицо могло быть признано ответственным за причиненный ущерб, необходимо доказать каузальную связь между действиями (или бездействием) этого лица и возникшим ущербом. Указанная позиция нашла развитие в трудах Г.К. Матвеева, утверждающего, что установление причинной связи имеет значение не только для ответственности за возмещение убытков, но и для других форм гражданско-правовой ответственности, таких как неустойка [15, с. 134].

Именно указанный подход отражен в настоящее время в судебной практике [1; 3].

В контексте анализа причинной связи в зарубежной юридической мысли, одной из ранних концепций является теория равноценных условий (лат. *conditio sine qua non*), также известная как эквивалентная теория [11].

Теория равноценных условий основывается на логическом принципе дедукции, где из истинного суждения (наличие вредных последствий) выводится необходимое условие (действие ответчика). Критерий исключения позволяет отсеять нерелевантные факторы,

которые не являются *sine qua non* для возникновения ущерба. Например, если человек был поражен молнией, то факт того, что он был в этот момент на улице, не является *conditio sine qua non*, так как его гибель наступила бы независимо от этого фактора.

Стоит также отметить, что теория равноценных условий имеет некоторые несовершенства. Так, например, она не различает причинные связи разной силы: удар ножом и падение с высоты могут привести к смерти, но их причинная роль неодинакова. Теория также может быть неприменима в сложных ситуациях, где несколько факторов действуют одновременно, затрудняя выделение одного *sine qua non*. Тем не менее, теория равноценных условий послужила фундаментом для развития других, более сложных концепций причинности в праве.

При рассмотрении теорий, указанных выше, можно заметить, что все они не противоречат друг другу, а дополняют и раскрывают по-новому некоторые аспекты в понимании причинно-следственной связи.

При этом проведенный анализ показывает, что тех критериев определения причинно-следственных связей, которые существуют в настоящее время, недостаточно. Отсутствие дополнительных характеристик усложняет процесс установления связей. В силу этого, предлагая выше такой дополнительный критерий как конкретность, необходимо разработать характерные черты данного критерия, позволяющие упростить задачу установления причинно-следственной связи. Полагаем, что такими чертами должны быть определенность, точность, предметность, наличность, однозначность. Такой подход позволит более точно определять причину, влекущую за собой то или иное следствие.

Отдельные проблемы установления причинно-следственных связей

Сложности с определением причинно-следственных связей возникают и в тех случаях, когда одна причина влечет за собой серию негативных последствий.

Одним из интересных дел, иллюстрирующих причинно-следственную связь, можно увидеть в п. 19 Обзора практики рассмотрения судами дел по спорам о защите чести,

достоинства и деловой репутации, утв. Президиумом ВС РФ 16 марта 2016 г. [3]. Фирма обратилась в арбитражный суд с иском о защите деловой репутации. Вследствие распространения сведений, которые порочили ее деловую репутацию упали продажи. Арбитражный суд первой инстанции отказал в удовлетворении требований по причине недоказанности причинно-следственной связей между распространением информации и падением продаж. Истец обратился в апелляционный суд, который отменил решение и постановление вышеуказанного суда, указав на то, что «объективная сложность доказывания причинно-следственной связи между наличием убытков и распространением ложных и порочащих сведений не должна снижать уровень правовой защищенности участников гражданского оборота при доказанности факта нарушения». В соответствии со ст. 15 и 393 ГК РФ необходимо исходить из того, какие последствия возникли по причине распространения сведений, порочащих фирму.

В другом деле истцу неправомерно отказали в проведении техосмотра автомобиля, из-за чего истец не мог осуществлять свою деятельность. Суд отказал в взыскании упущенной выгоды по причине отсутствия прямой причинно-следственной связи [3].

Несмотря на различные подходы судов к пониманию и толкованию причинно-следственной связи, наличие прямой причинной связи ведет к обязательному наступлению гражданско-правовой ответственности и увеличению шансов на удовлетворение требований в суде.

При этом, как следует из проведенного анализа, установление причины и следствия и их взаимосвязи представляет достаточную сложность для судов. В силу этого судам необходимо опираться на те критерии, которые разработала доктрина. Как нами указывалось выше к ним следует отнести хронологический критерий, критерии объективности, непосредственности и предложенные нами критерий конкретности причинно-следственной связи.

Выводы

Полагаем, что причинно-следственная связь между неправомерным поведением (а в случаях, указанных в законе и правомер-

ным поведением) и наступившим вредом налицо лишь тогда, когда конкретное неправомерное действие является непосредственной причиной вреда.

Сформулировано понятие причинно-следственной связи – это объективное, прямое, неизбежное, непосредственное и конкретное последствие определенного поведения субъекта правоотношения (причины).

Установление причинно-следственной связи в гражданском праве является сложным процессом, требующим учета множества факторов. Применение различных подходов и тщательный анализ фактических обстоятельств дела позволяют суду правильно определить наличие или отсутствие причинно-следственной связи, что является основой для справедливого установления ответственности и возмещения вреда пострадавшей стороне. В силу этого, обоснована необходимость введения дополнительного признака установления наличия причинно-следственных связей – признака конкретности. Аргументировано, что признаку конкретности также свойственны ряд характерных особенностей – это определенность, точность, предметность, наличность, однозначность. Такой подход позволит более точно определять причину, влекущую за собой то или иное следствие.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 23.11.2018 г. по делу № А40-137763/2017. – URL: <https://sudrf.cntd.ru/document/551755808>
2. По определению размера убытков, причиненных в результате нарушения антимонопольного законодательства : разъяснение Президиума ФАС России от 11.10.2017 № 11 (утв. протоколом Президиума ФАС России от 11.10.2017 № 20). – URL: <https://sudact.ru/law/raziasnenie-prezidiuma-fas-rossii-ot-11102017-n/>
3. Обзор практики рассмотрения судами дел по спорам о защите чести, достоинства и деловой репутации : утв. Президиумом ВС РФ 16.03.2016. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_195322/
4. Антимонов, Б. С. Основания договорной ответственности социалистических организаций / Б. С. Антимонов. – М., 1962. – 175 с.

5. Аллахвердиев, С. С. Гражданское право Азербайджанской Республики. Ч. 1 / С. С. Аллахвердиев. – Баку : Дигеста, 2001. – 697 с.

6. Брагинский, М. И. Договорное право. Кн. 1: Общие положения / М. И. Брагинский, В. В. Витрянский. – Изд. 2-е, испр. – М. : Статут, 1999. – 681 с.

7. Грибанов, В. П. Осуществление и защита гражданских прав / В. П. Грибанов. – М. : Статут, 2000. – 248 с.

8. Дерюгина, Т. В. Дефекты установления причинно-следственной связи между оказанием медицинских услуг и наступившими последствиями / Т. В. Дерюгина // *Мировой судья*. – 2020. – № 12. С. 34–39.

9. Егоров, Н. Д. Причинная связь как условие юридической ответственности / Н. Д. Егоров // *Советское государство и право*. – 1981. – № 9. – С. 126–131.

10. Илларионова, Т. И. Ответственность по российскому гражданскому праву / Т. И. Илларионова // *Гражданское право : учеб. для вузов. Ч. I / под общ. ред. Т. И. Илларионовой, Б. М. Гонгало, В. А. Плетнева*. – М. : НОРМА – ИНФРА-М, 1998. – 453 с.

11. Иншакова, А. О. Правовые презумпции добросовестности и разумности осуществления предпринимательской деятельности / А. О. Иншакова // *Legal Concept = Правовая парадигма*. – 2024. – Vol. 23, № 2. – С. 86–93. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2024.2.11>

12. Иоффе, О. С. Обязательственное право / О. С. Иоффе. – М., 1975.

13. Каминская, П. Д. Основания ответственности по договорным обязательствам / П. Д. Каминская // *Вопросы гражданского права*. – М. : Юриздат, 1957. – 427 с.

14. Красавчиков, О. А. Гражданско-правовая ответственность / О. А. Красавчиков // *Советское гражданское право : учебник. В 2 т. Т. 1 / под ред. О. А. Красавчикова*. – М. : Высш. шк., 1985. – 544 с.

15. Матвеев, Г. К. Основания гражданско-правовой ответственности / Г. К. Матвеев. – М., 1970. – 309 с.

16. Матыцин, Д. Е. Развитие правового регулирования ключевых технологий Индустрии 4.0: цифровые токены как особые инвестиционные инструменты / Д. Е. Матыцин // *Legal Concept = Правовая парадигма*. – 2023. – Т. 22, № 2. – С. 109–113. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2023.2.14>

REFERENCES

1. *Postanovlenie Arbitrazhnogo suda Moskovskogo okruga ot 23.11.2018 g. po delu № A40-137763/2017* [Resolution of the Arbitration Court of the Moscow District Dated Nov. 23, 2018 in

Case No. A40-137763/2017]. URL: <https://sudrf.cntd.ru/document/551755808>

2. *Po opredeleniyu razmera ubytkov, prichinennykh v rezultate narusheniya antimonopolnogo zakonodatelstva: razyasnenie Prezidiuma FAS Rossii ot 11.10.2017 № 11 (utv. protokolom Prezidiuma FAS Rossii ot 11.10.2017 № 20)* [On Determining the Amount of Damages Caused as a Result of Violation of Antimonopoly Legislation. Clarification of the Presidium of the FAS Russia Dated Oct. 11, 2017 No. 11 (Approved by the Protocol of the Presidium of the FAS Russia Dated Oct. 11, 2017 No. 20)]. URL: <https://sudact.ru/law/razyasnenie-prezidiuma-fas-rossii-ot-11102017-n/>

3. *Obzor praktiki rassmotreniya sudami del po sporam o zashchite chesti, dostoinstva i delovoy reputacii: utv. Prezidiumom VS RF 16.03.2016* [Review of the Practice of Considering Cases by Courts on Disputes on the Protection of Honor, Dignity and Business Reputation. Approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on Mar. 16, 2016]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_195322/

4. Antimonov B.S. *Osnovaniya dogovornoj otvetstvennosti socialisticheskikh organizacij* [Bases of Contractual Responsibility of Socialist Organisations]. Moscow, 1962. 175 p.

5. Allahverdiev S.S. *Grazhdanskoe pravo Azerbajdzhanskoj Respubliki. Ch. I* [Civil Law of the Azerbaijan Republic. Pt. 1]. Baku, Digesta Publ., 2001. 697 p.

6. Braginskij M.I., Vitryanskij V.V. *Dogovornoe pravo. Kn. 1: Obshchie polozheniya* [Contract Law. Book 1: General Provisions]. Moscow, Statut Publ., 1999. 681 p.

7. Griбанov V.P. *Osushchestvlenie i zashchita grazhdanskih prav* [Implementation and Protection of Civil Rights]. Moscow, Statut Publ., 2000. 248 p.

8. Deryugina T.V. *Defekty ustanovleniya prichinno-sledstvennoj svyazi mezhdru okazaniem medicinskih uslug i nastupivshimi posledstviyami* [Defects in Establishing a Cause-And-Effect Relationship Between the Provision of Medical Services and the Resulting Consequences]. *Mirovoj sudya* [Justice of the Peace], 2020, no. 12, pp. 34-39.

9. Egorov N.D. *Prichinnaya svyaz kak uslovie yuridicheskoy otvetstvennosti* [Causal Connection as a Condition of Legal Responsibility]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo* [Soviet State and Law], 1981, no. 9, pp. 126-131.

10. Illarionova T.I. *Otvetstvennost po rossijskomu grazhdanskomu pravu* [Civil Law: Textbook for Universities]. Illarionova T.I., Gongalo B.M., Pletnev V.A. *Grazhdanskoe pravo: ucheb. dlya vuzov. Ch. I* [Civil Law. Textbook for Universities. Pt. 1]. Moscow, NORMA – INFRA-M Publ., 1998. 453 p.

11. Inshakova A.O. Pravovye prezumpcii dobrosovestnosti i razumnosti osushchestvleniya predprinimatelskoj deyatel'nosti [Legal Presumptions of Good Faith and Reasonableness of Doing Business]. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2024, vol. 23, no. 2, pp. 86-93. DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2024.2.11>

12. Ioffe O.S. *Obyazatel'stvennoe pravo* [Law of Obligations]. Moscow, 1975.

13. Kaminskaya P.D. Osnovaniya otvetstvennosti po dogovornym obyazatel'stvam [Bases of Liability Under Contractual Obligations]. *Voprosy grazhdanskogo prava* [Issues of Civil Law]. Moscow, Yurizdat, 1957. 427 p.

14. Krasavchikov O.A. Grazhdansko-pravovaya otvetstvennost' [Civil Liability]. *Sovetskoe*

grazhdanskoe pravo: uchebnik. V 2 t. T. 1 [Soviet Civil Law. Textbook. In 2 Vols. Vol. 1]. Moscow, Vyssh. shk. Publ., 1985. 544 p.

15. Matveev G.K. *Osnovaniya grazhdansko-pravovoj otvetstvennosti* [Foundations of Civil-Law Liability]. Moscow, 1970. 309 p.

16. Matytsin D.E. Razvitie pravovogo regulirovaniya klyuchevykh tekhnologij Industrii 4.0: cifrovye tokeny kak osobyie investicionnye instrumenty [The Legal Regulation Development of Key Technologies of Industry 4.0: Digital Tokens as Special Investment Instruments]. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2023, vol. 22, no. 2, pp. 109-113. DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2023.2.14>

Information About the Author

Yulia A. Fedorova, Candidate for a Degree, Department of Civil and Labor Law, Civil Procedure, Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot, akad. Volgina St, 12, 117997 Moscow, Russian Federation, jfedorova@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6622-4523>

Информация об авторе

Юлия Александровна Фёдорова, соискатель кафедры гражданского и трудового права, гражданского процесса, Московский университет МВД России им. В.Я. Кикотя, ул. акад. Волгина, 12, 117997 г. Москва, Российская Федерация, jfedorova@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6622-4523>

www.volsu.ru

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ПРЕСТУПНОСТИ И ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2024.4.19>

UDC 343.337
LBC 67.404

Submitted: 20.10.2024
Accepted: 07.11.2024

WAR CRIMES OF UKRAINE AGAINST THE CIVILIAN POPULATION DURING THE SPECIAL MILITARY OPERATION

Ivan N. Arkhiptsev

Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.D. Putilin,
Belgorod, Russian Federation

Alexander V. Sarychev

Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.D. Putilin,
Belgorod, Russian Federation

Julia A. Galtsova

Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.D. Putilin,
Belgorod, Russian Federation

Introduction: in the paper, the authors consider the war crimes committed by the authorities of Ukraine against the civilian population during the special military operation (hereinafter referred to as SVO). It is established that the direct perpetrators of these crimes are both citizens of Ukraine who are part of the armed forces of Ukraine, illegal armed formations, and mercenary militant groups formed from citizens (subjects) of foreign states (for short, in a generalized sense, and further in the text, the above-mentioned armed formations – militant groups (VFU)). They have been accused of perpetrating crimes related to terrorist acts, the use of prohibited means and methods of warfare, the genocide of citizens of the Russian Federation, the Russian-speaking population of Ukraine, as well as other civilians who do not support the policy of the Ukrainian authorities. These acts are committed in the form of rocket and artillery attacks on the settlements within the territory of the Russian Federation, including with the use of unmanned aerial vehicles, which has already led to a large number of victims and injured civilians. The law enforcement agencies of the Russian Federation are currently making decisions on bringing the perpetrators to criminal responsibility in absentia for committing criminal acts against the civilian population. The **purpose** of the study is to analyze the war crimes committed by the VFU on the orders of the Ukrainian authorities, as well as to develop proposals for optimizing the criminal legislation and the practice of its application in this area. To achieve this purpose, it is necessary to solve the following tasks: 1) to analyze the VFU war crimes committed within the territory of the Russian Federation against the civilian population; 2) to formulate proposals for optimizing the criminal legislation and the practice of its application. Research **methods:** the nature of the issues under consideration has determined the application of a set of complementary research methods: theoretical and empirical. The theoretical methods: the study and analysis of the literature and Internet resources. The empirical methods: based on both the periodicals and electronic publications on the Internet to study the war crimes committed by the VFU against the civilian population during the special military operation. The generalization method: the conclusions are drawn based on the results of the work as a whole. The **results** of the study: the war crimes of Ukraine against civilians are summarized; the proposals are formulated to improve the criminal legislation and the practice of its application for an effective and timely response to emerging threats in this area.

© Архипцев И.Н., Сарычев А.В., Гальцова Ю.А., 2024

Key words: Russian Federation, Ukraine, special military operation, Criminal Code of the Russian Federation, war crimes, crimes against the peace and security of mankind, terrorist act, military personnel, illegal armed formations.

Citation. Arkhiptsev I.N., Sarychev A.V., Galtsova Ju.A. War Crimes of Ukraine Against the Civilian Population During the Special Military Operation. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2024, vol. 23, no. 4, pp. 145-154. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2024.4.19>

УДК 343.337
ББК 67.404

Дата поступления статьи: 20.10.2024
Дата принятия статьи: 07.11.2024

ВОЕННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ УКРАИНЫ В ОТНОШЕНИИ ГРАЖДАНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ В ХОДЕ СПЕЦИАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ

Иван Николаевич Архипцев

Белгородский юридический институт МВД России им. И.Д. Путилина, г. Белгород, Российская Федерация

Александр Викторович Сарычев

Белгородский юридический институт МВД России им. И.Д. Путилина, г. Белгород, Российская Федерация

Юлия Александровна Гальцова

Белгородский юридический институт МВД России им. И.Д. Путилина, г. Белгород, Российская Федерация

Введение: в статье авторами рассматриваются военные преступления, совершенные властями Украины в отношении гражданского населения в ходе специальной военной операции (далее – СВО). Установлено, что непосредственными исполнителями данных преступлений выступают как граждане Украины, входящие в состав вооруженных сил Украины, незаконны вооруженных формирований, так и наемнические вооруженные формирования, образованные из граждан (подданных) иностранных государств (для краткости обобщенно и далее по тексту указанные вооруженные формирования – вооруженные формирования Украины (ВФУ)), которые в ходе проведения СВО совершили преступления, связанные с террористическими актами, применением запрещенных средств и методов ведения войны, геноцидом граждан Российской Федерации, русскоговорящего населения Украины, а также других гражданских лиц, которые не поддерживают политику властей Украины. Эти деяния совершаются в виде ракетных и артиллерийских обстрелов населенных пунктов, расположенных на территории Российской Федерации, в том числе, с применением беспилотных летательных аппаратов, что уже на сегодняшний день привело к большому количеству жертв и пострадавших со стороны гражданского населения. Правоохранительными органами Российской Федерации в настоящее время принимаются решения о привлечении виновных лиц заочно к уголовной ответственности за совершение преступных деяний в отношении гражданского населения. **Целью** исследования является анализ военных преступлений, совершенных ВФУ по приказам властей Украины, а также выработка предложений по оптимизации уголовного законодательства и практики его применения в данной сфере. Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие **задачи:** 1) проанализировать военные преступления ВФУ, совершенные на территории Российской Федерации против гражданского населения; 2) сформулировать предложения по оптимизации уголовного законодательства и практики его применения. **Методы исследования:** характер рассматриваемых вопросов определил применение комплекса взаимодополняющих методов исследования: теоретических и эмпирических. Теоретические методы: изучение и анализ литературы, интернет-ресурсов. Эмпирические методы: на базе периодических изданий, так и в электронных публикациях Интернета изучить военные преступления, совершенные ВФУ против гражданского населения в период проведения специальной военной операции. Метод обобщения: сделаны выводы по результатам работы в целом. **Результаты исследования:** обобщены военные преступления Украины против мирных граждан, сформулированы предложения по совершенствованию уголовного законодательства и практики его применения для эффективного и своевременного реагирования на возникающие угрозы в этой области.

Ключевые слова: Российская Федерация, Украина, специальная военная операция, Уголовный кодекс Российской Федерации, военные преступления, преступления против мира и безопасности человечества, террористический акт, военнослужащие, незаконные вооруженные формирования.

Цитирование. Архипцев И. Н., Сарычев А. В., Гальцова Ю. А. Военные преступления Украины в отношении гражданского населения в ходе специальной военной операции // *Legal Concept = Правовая парадигма*. – 2024. – Т. 23, № 4. – С. 145–154. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2024.4.19>

Введение

Сегодня повышенное внимание российских государственных и общественных институтов, средств массовой информации приковано к гражданам Украины, находящимся в различном правовом статусе: военнослужащих, имеющих профессиональную подготовку; военнослужащих, прибывших для прохождения военной подготовки (вне зависимости от срока нахождения на территории военного расположения); представителей незаконных вооруженных формирований (например, националистических батальонов «Азов»* [1], «Днепр-1»* [2], «Кракен»), а также относящиеся к наемническим вооруженным формированиям, состоящим из иностранных граждан (подданных), которые совершили и по настоящее время продолжают совершать преступные деяния в отношении гражданского населения Российской Федерации, русскоговорящего населения Украины, а также иных гражданских лиц, которые не поддерживают официальные власти Украины. Обладая специальными навыками и знаниями, позволяющими использовать и применять оружие, взрывчатые вещества, взрывные устройства, беспилотные летательные аппараты, а также зная в совершенстве правила обращения с ними и технику безопасности, указанные лица неоднократно, в ходе проведения СВО, совершали преступления на территории РФ в отношении мирного населения.

Председателем Следственного комитета Российской Федерации Александром Бастрыкиным поручено расследование военных уголовно-наказуемых деяний, по которым уже многим лицам предъявлено обвинение в заочной форме по факту совершения действий, направленных на геноцид населения нашей страны [3].

Военные преступления вооруженных формирований Украины против гражданского населения

К числу уголовно-наказуемых деяний, совершаемых ВФУ следует отнести неоднократные террористические атаки на различные

объекты гражданской инфраструктуры, где располагалось мирное население, применение запрещенных методов и средств ведения войны, в частности, зажигательных и кассетных боеприпасов, использование дронов для атак на мирное население и гражданские объекты. В результате преступных действий ВФУ, пострадало и до сих пор страдает мирное население, причем это не только граждане РФ, но и граждане самой Украины, доведение граждан до истощения, путем создания препятствий при движении поставок снабжения провизией, повреждение и уничтожение узлов водоснабжения. Также ВФУ неоднократно применяли замаскированную военную технику с символикой международных организаций в ходе ведения боевых действий.

Кроме того, к уголовно-наказуемым деяниям также можно отнести и незаконное лишение свободы журналистов, уничтожение мирного населения при наличии информации о том, что среди них имеются те, кто симпатизирует Российской Федерации, применение мины «Лепесток», фосфорных и термитных и иных запрещенных международными конвенциями боеприпасов, а также размещение военной и иной техники, используемой для ведения боевых действий на территории объектов, не предназначенных для этого, например, таких как: учебные заведения (школы, вузы и т. д.), больницы, объекты водоснабжения, бомбоубежища, жилые дома, нежилые постройки гражданского населения (гаражи, пристройки, сельскохозяйственные сооружения и постройки и т. д.) [4].

Военные преступления в отношении гражданского населения, совершаются по прямым приказам властей Украины, поощряются и поддерживаются правительствами отдельных зарубежных государств (например, открытую поддержку властям Украины сейчас оказывают США, Великобритания, Франция, Германия и ряд других стран). В связи с этим, полагаем, что вся полнота ответственности за военные преступления целиком, и полностью лежит на властях Украины и руководстве недружественных России стран.

*Террористическая организация, деятельность которой запрещена на территории Российской Федерации.

Военные преступления грубо нарушают нормы, установленные международными документами, а, именно 4-й Женевской конвенцией 1949 г. [5]. В частности, к подобным действиям можно отнести следующие противоправные деяния властей Украины в отношении гражданского населения:

1) атаку на г. Донецк 14.03.2022 г. с применением «Точки-У» с кассетным зарядом, выпущенная в центральный район города, при этом погибли 21 и было ранено 26 мирных граждан, в том числе и дети (рис. 1);

2) атаку на г. Белгород 30.12.2023 г., в результате которой погибли 25 человек, включая детей, также 109 получили ранения. Вместо празднования наступающего Нового 2024 г. мирное население находилось в страхе (рис. 2) [7]. По факту обстрела центра

г. Белгорода, Следственный комитет РФ возбудил уголовное дело в отношении военнослужащих ВСУ сразу по трем статьям: «Покушение на убийство» (ч. 3 ст. 30 УК РФ), «Убийство» (ст. 105 УК РФ), «Умышленное уничтожение или повреждение имущества» (ст. 167 УК РФ);

3) нанесение ракетного удара по рынку «Меркурий» в микрорайоне Текстильщик в г. Донецке 21.01.2024. Украинские военные обстреляли рынок, на котором по воскресеньям всегда многолюдно, в результате чего пострадали и погибли мирные жители (см. рис. 3). В связи с произошедшим террористическим актом 22 января 2024 г. признано траурным днем в городе Донецке [9].

4) 15.02.2024 г. Белгород подвергся артиллерийскому удару со стороны Украины.

Рис. 1. Место падения украинской ракеты в г. Донецк 14.03.2022

Примечание. Источник: [6].

Рис. 2. Последствия обстрела г. Белгорода 30.12.2023

Примечание. Источник: [8].

Дежурными средствами ПВО было сбито 14 реактивных снарядов типа «Vampire». Обломки разлетелись по разным районам, причинив значительный ущерб торговому центру на и школьному стадиону. В ходе обстрела погибло 7 человек, 19 пострадало (рис. 4) [11].

5) 30.08.2024 украинские военные в очередной раз совершили военное преступление, выпустив по жилым кварталам густонаселенного района города Белгорода полный пакет РСЗО. Как сообщил губернатор Белгородской области, в результате массированного обстрела погибло 5 мирных жителей, а количество пострадавших составило 46 человек. Этот день стал очередной черной датой в истории Белгорода (см. рис. 5) [12].

Следует отметить, что начиная с 10 марта по 7 апреля 2024 г., ВФУ продолжали ежедневно обстреливать город Белгород и Белгородскую область с целью уничтожения и устрашения как можно большего количества мирного населения. Только за указанный период количество погибших составило 18 человек, а пострадавших 98. В городе Шебекино и Шебекинском районе, городе Белгороде и Белгородском районе, а также других районах Белгородской области зачастую по несколько раз в сутки объявляется ракетная или авиационная опасность либо опасность атаки БПЛА.

Жители приграничных с Украиной районов Белгородской области с тревогой ожидают, ког-

Рис. 3. Последствия обстрела г. Донецка 21.01.2024

Примечание. Источник: [10].

Рис. 4. Последствия обстрела г. Белгорода 15.02.2024

Примечание. Источник: [11].

Рис. 5. Последствия обстрела г. Белгорода 30.08.2024

Примечание. Источник: [12].

да начнется следующий обстрел, при этом многие граждане сразу после обстрела выходят за продуктами, поскольку это самое безопасное время. Город Белгород и другие населенные пункты области ежедневно подвергаются обстрелам из различного оружия как ракетного, так и артиллерийского по типу РСЗО Вампир, Оляха, Град и т. д., также ВФУ запускают беспилотные летательные аппараты, начиненные осколочными боеприпасами и металлическими суббоеприпасами, для большего поражения и уничтожения граждан. Наиболее массивные удары ВФУ наносили по г. Белгороду 30 декабря 2023 г. и 30 августа 2024 г., с целью как можно сильнее утратить гражданское население. В настоящее время мирное население может надеяться только на своевременную работу российских войск ПВО, и надеяться, что в будущем ежедневные обстрелы когда-нибудь закончатся и наступит мирное время.

В настоящее время ВФУ продолжают терроризировать мирное население приграничных районов России, не оставляя попыток прорыва государственной границы, с целью оккупации исконно русской, так называемой «старой» территории, а также геноцида проживающего там населения. Так, 6 августа 2024 г. вооруженные формирования Украины осуществили массивную атаку с использованием беспилотников самолетного типа и при поддержке тяжелой техники вторглись на территорию

Курской области, в результате чего было захвачено 28 населенных пунктов. На оккупированных территориях ВФУ бесчинствуют, убивают невинных жителей, уничтожают жилищную и социальную инфраструктуру, а также занимаются мародерством. Известно многочисленные случаи убийства женщин и детей, с целью истребления нации, препятствия эвакуационных мероприятий посредством обстрела транспорта и применения FPV-дронов. В силу чего многим жителям приходится покидать свои дома в ночное время суток без использования транспортного средства. На данный момент Министерство обороны РФ задействуют все силы и средства для вытеснения противника за пределы государственной границы. По факту вторжения ВСУ в Курскую область Следственным комитетом были возбуждены уголовные дела, которые увеличились до 200 томов [13].

Стоит отметить, что в связи с последними событиями на территориях Курской, Белгородской и Брянской областей, Национальным антитеррористическим комитетом было принято решение о введении правового режима контртеррористической операции, в ходе которой применяются определенные меры и ограничения в соответствии со ст. 11 Федерального закона от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» [14]. Также в Белгородской и Курской областях в целях ста-

билизации обстановки действует режим чрезвычайной ситуации федерального уровня, который регулируется федеральным законом «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» №2 68-ФЗ от 21 декабря 1994 г. [15].

На данный момент продолжается возбуждение уголовных дел в отношении представителей ВФУ за военные преступления на территории Российской Федерации. Значительная часть из них уже понесла уголовное наказание. Так, 21 февраля 2024 г. суд Донецкой Народной Республики вынес приговор о пожизненном лишении свободы иностранному наемнику из Грузии – Мамуке Гацарелия, состоявшего в террористической группировке ВСУ. 1 апреля 2022 г. грузинский наемник безжалостно расстрелял четверых российских военнослужащих в Мариуполе, за что теперь отбывает наказание. Суд ДНР признал Гацарелия виновным по ст. 317 УК РФ, а также ч. 3 ст. 359 УК РФ [16]. Также, в качестве примера, можно упомянуть о вынесенном приговоре бойцам «Азова» (запрещенная в России террористическая организация), получившие от 25 до 28 лет лишения свободы за нанесенные массированные удары по мирным жителям сел ДНР [17]. Следует отметить, что многие обвиняемые в совершении тяжких и особо тяжких преступлений в отношении мирных граждан России, военнослужащих, не могут быть доступны для суда, в частности, если они находятся за пределами территории Российской Федерации, либо же сознательно уклоняются от совершения правосудия, в отношении них выносятся заочные приговоры. Например, 2-м Западным окружным военным судом 4 сентября 2024 г. по совокупности преступлений был вынесен заочный приговор к пожизненному сроку в отношении командира артиллерийской бригады ВСУ Дмитрия Храпача. Он являлся основным организатором, отвечающим за неоднократные умышленные обстрелы Белгородской области, в ходе которых погибло большое количество гражданских лиц, а также был нанесен крупный размер ущерба Министерству обороны РФ, который, в соответствии с приговором суда, Храпач обязан возместить. В отношении военнослужащего ВСУ суд возбудил уголовные дела террористической направленности [18]. Следует отметить, что у военных преступле-

ний отсутствует срок давности. Все, кто совершал и по сей день совершает злостные военные преступления, будет обязательно наказаны в соответствии с российским законодательством.

Исходя из изложенного можно сделать вывод, что при грубом нарушении действующего законодательства РФ, а также Женевской конвенции, при применении запрещенных указанным международным правовым актом оружия и предметов, представляющих повышенную опасность для окружающих, к уголовной ответственности следует привлекать всех лиц, указанных нами ранее (военнослужащих, имеющих профессиональную подготовку, военнослужащих, прибывших для прохождения военной подготовки (вне зависимости от срока нахождения на территории военного расположения), представителей незаконных вооруженных формирований, а также гражданских лиц, находящиеся в запасе), вина которых в совершении международных и террористических преступлений будет доказана. Это обусловлено тем, что такие лица безусловно осознают общественную опасность, которую они создали при применении указанного оружия и предметов (БПЛА и иных средств вооружения), что прямо прописано в действующем международном законодательстве и за что они несут уголовную ответственность. Неправильная квалификация данных деяний, по нашему мнению, влечет нарушение принципов уголовного и уголовно процессуального права, а также норм, установленных Конституцией РФ, и не позволяет применять нормы права, закрепленные в УК РФ.

Предложения по совершенствованию уголовного законодательства и оптимизации практики его применения

Подводя итог изложенному, считаем целесообразным, сформулировать предложения по совершенствованию уголовного законодательства, а также практики его применения, которые сводятся к следующему.

Во-первых, полагаем, что для оптимального и отвечающего сегодняшним обстоятельствам, в которых находится наше государство и российское общество законодательного регулирования военных преступлений следует рассмотреть возможность возвращения в Уголов-

ный кодекс Российской Федерации такого признака как «неоднократность», в свое время исключенного из уголовного закона. В свое время, выдающийся русский юрист Н.С. Таганцев в работе «О повторении преступлений», рассматривал повторение преступления как обстоятельство, усиливающее вину и наказание. Так, он отмечал, что, несмотря на значительное изменение системы увеличивающих вину обстоятельств в сторону их постепенного уменьшения, общим признаком, увеличивающим виновность лица, признается почти во всех действующих законодательствах только одно – повторение преступления. Объяснение этому он видел в том, что «повторение особенно сильно возбуждает беспокойство в обществе, усиливает соблазн дурного примера, еще сильнее изменения, вносимые в элемент субъективный: в нем мы встретим и усиление злонамеренности, и привычку, и неисправимость» [19, с. 5, 43, 47]. Поэтому, следовало бы, на наш взгляд, предусмотреть «неоднократность» как отягчающее наказание обстоятельство в п. «а» ч. 1 ст. 63 УК РФ, поскольку совершаемые в отношении гражданского населения военные преступления обычно совершаются неоднократно и представляют собой повышенную общественную опасность, а лица, их совершающие не неся ответственности, и дальше продолжают совершать тяжкие военные преступления.

Во-вторых, принимая во внимание позицию Конституционного Суда РФ, вместе с тем считаем, что для наиболее эффективного предупреждения таких преступлений и соблюдения принципа справедливости, следует предусмотреть возможность применения наказания в виде смертной казни в отношении лиц, совершивших военные преступления против гражданского населения. Далеко за примером ходить не надо, та же Республика Беларусь, с которой Россия в этом году отмечает создание Союзного государств, применяет данное наказание. Кроме того, до ратификации соглашения с ДНР, Уголовный кодекс последней предусматривал наказание в виде смертной казни.

И, наконец, в-третьих, и как считаем, самое главное мы очень надеемся, что будет дана надлежащая правовая оценка действиям должностных лиц властей Украины, по приказу которых совершались и, к сожалению, до

сих пор еще совершаются преступления против мирного населения, как на территории, закрепленной в Конституции РФ, так и на территории Украины и все виновные в многочисленных военных преступлениях понесут заслуженное наказание и не избегут справедливого возмездия. Думаем, это не только исключительно наше личное мнение, и его, безусловно, разделяет подавляющее большинство жителей нашей страны. Также считаем важным, чтобы в работе будущего трибунала по военным преступникам обязательно принимали участие сами украинцы, чтобы они собственными глазами, не затуманенными как прежде лживой пропагандой, увидели все ужасы совершенных злодеяний и дали им правильную оценку.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Националистический батальон Азов запрещен в Российской Федерации и признан террористической организацией. – URL: <http://nac.gov.ru/hronika-sobytyj/terroristicheskaya-organizaciya-ukrainskoe-voenizirovannoe.html>
2. Националистический батальон Днепр-1 запрещен в Российской Федерации и признан террористической организацией. – URL: <https://ria.ru/20240903/fsb-1970371915.html>
3. ВСУ // РТ на русском. – URL: <https://russian.rt.com/ussr/article/1015325-lnr-ukraina-voennye-prestupleniya-vsu>
4. «Молодая гвардия» направила обращение генсеку ООН по факту военных преступлений Украины 12.08.2022 // ТАСС. – URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/15457239>
5. Женевская конвенция от 12 августа 1949 года о защите гражданского населения во время войны. Принята 12 августа 1949 года Дипломатической конференцией для составления международных конвенций о защите жертв войны, заседавшей в Женеве с 21 апреля по 12 августа 1949 года. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/geneva_civilian_32.shtml
6. Военные преступления Вооруженных сил Украины во время специальной военной операции России на Украине // Руни РФ. – URL: https://руни.рф/Военные_преступления_Вооруженных_сил_Украины_во_время_специальной_военной_операции_России_на_Украине
7. Имена погибших при обстреле Белгорода 30 декабря // БЕЛ.RU. – URL: <https://bel.ru/news/2024-01-06/odin-neizvestnyy-nazvany-imena-24-iz-25-pogibshih-pri-obstrele-belgoroda-30-dekabrya-3146446>

8. Белгород после обстрела. Фотографии // rbc.ru. – URL: <https://www.rbc.ru/photoreport/30/12/2023/659039809a7947f2a7f42890>

9. «Дым, дым вокруг»: ВСУ нанесли ракетный удар по рынку в Донецке // Известия. – URL: <https://iz.ru/export/google/amp/1637533>

10. Черный день в истории города // Комсомольская правда. – URL: <https://www.donetsk.kp.ru/daily/27556.5/4881167/>

11. «Смешанные чувства». Белгород снова переживает страшную трагедию и хоронит близких // БЕЛ.RU. – URL: <https://bel.ru/news/2024-02-15/smehannye-chuvstva-belgorod-snova-perezhiivaet-strashnuyu-tragediyu-i-horonit-blizkih-4999893>

12. Число пострадавших при обстреле Белгорода увеличилось до 46 // Открытый Белгород. – URL: <https://openbelgorod.ru/news/SVO/2024-08-31/chislo-postradavshih-pri-obstrele-belgoroda-uvlechilos-do-46-403289>

13. Уголовное дело по нападению Украины на Курскую область насчитывает более 200 томов // ТАСС. – URL: <https://tass.ru/proisshestiya/21852953>

14. На территориях Белгородской, Брянской и Курской областей введен правовой режим КТО // Национальный антитеррористический комитет. – URL: <http://nac.gov.ru/kontrterroristicheskie-operacii/na-territoriyah-belgorodskoy-bryanskoy-i-kurskoy.html>

15. Режим ЧС. Где он действует, что меняет для жителей белгородского приграничья и почему его вводят выборочно // FONAR.TV. – URL: <https://fonar.tv/article/2024/07/18/rezhim-chs-gde-on-deystvuet-chto-menyaet-dlya-zhiteley-belgorodskogo-prigranichya-i-pochemu-ego-vvodyat-vyborochno?ysclid=m1e2gky4j931848853>

16. В ДНР наемника из Грузии осудили пожизненно за убийство троих российских военных // ТАСС. – URL: <https://tass.ru/proisshestiya/20036865?ysclid=m23rdfs3bq485124904>

17. Суд приговорил семерых бойцов «Азова» к срокам от 25 до 28 лет за обстрелы сел ДНР // ТАСС. – URL: <https://tass.ru/proisshestiya/19996131?ysclid=m23rksdbfa115175316>

18. «Командир артиллерийской бригады ВСУ Храпач заочно приговорен к пожизненному сроку» // 2-й Западный окружной военный суд. – URL: <http://2zovs.msk.sudrf.ru/>

19. Таганцев, Н. С. О повторении преступлений / Н. С. Таганцев. – СПб. : Журн. М-ва юстиции, 1867. – 296 с.

REFERENCES

1. *Natsionalisticheskii batalyon Azov zapreshchen v Rossiiskoi Federatsii i priznan terroristicheskoi organizatsiei* [Nationalist Azov

Battalion Is Banned in the Russian Federation and Recognized as a Terrorist Organization]. URL: <http://nac.gov.ru/hronika-sobytiy/terroristicheskaya-organizaciya-ukrainskoe-voenizirovannoe.html>

2. *Natsionalisticheskii batalyon Dnepr-1 zapreshchen v Rossiiskoi Federatsii i priznan terroristicheskoi organizatsiei* [Nationalist Battalion Dnepr-1 Is Banned in the Russian Federation and Recognized as a Terrorist Organization]. URL: <https://ria.ru/20240903/fsb-1970371915.html>

3. VSU [Ukrainian Armed Forces]. *RTna russkom* [RT in Russian]. URL: <https://russian.rt.com/ussr/article/1015325-lnr-ukraina-voennie-prestupleniya-vsua>

4. «Molodaia gvardiia» napravila obrashchenie genseku OON po faktu voennykh prestuplenii Ukrainy 12.08.2022 [“Young Guard” Sent an Appeal to the UN Secretary General Regarding War Crimes by Ukraine Aug. 12, 2022]. *TASS*. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/15457239>

5. *Zhenevskaiia konventsiiia ot 12 avgusta 1949 goda o zashchite grazhdanskogo naseleniia vo vremia voiny. Priniata 12 avgusta 1949 goda Diplomaticheskoi konferentsiei dlia sostavleniia mezhdunarodnykh konventsii o zashchite zhertv voiny, zasedavshei v Zheneve s 21 apreliia po 12 avgusta 1949 goda* [Geneva Convention of August 12, 1949 Concerning the Protection of Civilian Persons in Time of War. Adopted on August 12, 1949 by the Diplomatic Conference for the Drawing up of International Conventions for the Protection of Victims of War, Meeting in Geneva from April 21 to August 12, 1949]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/geneva_civilian_32.shtml

6. *Voennye prestupleniia Vooruzhennykh sil Ukrainy vo vremia spetsialnoi voennoi operatsii Rossii na Ukraine* [War Crimes of the Armed Forces of Ukraine During the Special Military Operation of Russia in Ukraine]. *Runi RF*. URL: https://руни.рф/Военные_преступления_Вооруженных_сил_Украины_во_время_специальной_военной_операции_России_на_Украине

7. *Imena pogibshikh pri obstrele Belgoroda 30 dekabria* [Names of Those Killed in the Shelling of Belgorod on December 30]. *BEL.RU*. URL: <https://bel.ru/news/2024-01-06/odin-neizvestnyy-nazvaniy-imen-24-iz-25-pogibshih-pri-obstrele-belgoroda-30-dekabrya-3146446>

8. *Belgorod posle obstrela. Fotografii* [Belgorod After the Shelling. Photographs]. *rbc.ru*. URL: <https://www.rbc.ru/photoreport/30/12/2023/659039809a7947f2a7f42890>

9. «Dym, dym vokrug»: VSU nanesli raketnyi udar po rynku v Donetske [“Smoke, Smoke All Around”: Ukrainian Armed Forces Launched a Missile Strike on a Market in Donetsk]. *Izvestiia*. URL: <https://iz.ru/export/google/amp/1637533>

10. Chernyi den v istorii goroda [Black Day in the History of the City]. *Komsomolskaia pravda*. URL: <https://www.donetsk.kp.ru/daily/27556.5/4881167/>

11. «Smeshannyye chuvstva». Belgorod snova perezhivayet strashnuyu tragediyu i khoronit blizkikh [“Mixed Feelings.” Belgorod Again Experiences a Terrible Tragedy and Buries Loved Ones]. *BEL.RU*. URL: <https://bel.ru/news/2024-02-15/smeshannyye-chuvstva-belgorod-snova-perezhivaet-strashnuyu-tragediyu-i-horonit-blizkikh-4999893>

12. Chislo postradavshikh pri obstrele Belgoroda uvelichilos do 46 [Number of Victims in the Shelling of Belgorod Increased to 46]. *Otkryti Belgorod*. URL: <https://openbelgorod.ru/news/SVO/2024-08-31/chislo-postradavshih-pri-obstrele-belgoroda-uvelichilos-do-46-403289>

13. Ugolovnoe delo po napadeniiu Ukrainy na Kurskuiu oblast naschityvaet bolee 200 tomov [Criminal Case on Ukraine’s Attack on Kursk Oblast Contains More Than 200 Volumes]. *TASS*. URL: <https://tass.ru/proisshestviya/21852953>

14. Na territoriiakh Belgorodskoi, Bryanskoi i Kurskoi oblastei vveden pravovoi rezhim KTO [In the Territories of Belgorod, Bryansk and Kursk Regions, the Legal Regime of the CTO Was Introduced]. *Natsionalnyi antiterroristicheskii komitet*. URL: <http://nac.gov.ru/kontrterroristicheskie-operacii/naterritoriyah-belgorodskoy-bryanskoy-i-kurskoy.html>

15. Rezhim ChS. Gde on deystvuet, chto meniaet dlia zhitelei belgorodskogo prigranichia i pochemu ego vvodiat vyborochno [Emergency Regime. Where Does It Operate, What Changes Does It Make for Residents of the Belgorod Border Region and Why Is It Being Introduced Selectively]. *FONAR.TV*. URL: <https://fonar.tv/article/2024/07/18/rezhim-chs-gde-on-deystvuet-chto-menyaet-dlya-zhiteley-belgorodskogo-prigranichya-i-pochemu-ego-vvodyat-vyborochno?ysclid=m1e2gky4j931848853>

16. V DNR naemnika iz Gruzii osudili pozhiznenno za ubiystvo troikh rossiiskikh voennykh [In the DPR, a Mercenary from Georgia Was Sentenced to Life for the Murder of Three Russian Soldiers]. *TASS*. URL: <https://tass.ru/proisshestviya/20036865?ysclid=m23rdfs3bq485124904>

17. Sud prigovoril semerykh boitsov «Azova» k srokam ot 25 do 28 let za obstrely sel DNR [Court Sentenced Seven Azov Fighters to Terms of 25 to 28 Years for Shelling DPR Villages]. *TASS*. URL: <https://tass.ru/proisshestviya/19996131?ysclid=m23rksdbfa115175316>

18. «Komandir artilleriiskoi brigady VSU Khrapach zaochno prigovoren k pozhiznennomu sroku» [“Commander of the Artillery Brigade of the Armed Forces of Ukraine Khrapach Sentenced in Absentia to Life Imprisonment”]. *2-i Zapadnyi okružnoi voennoi sud*. URL: <http://2zovs.msk.sudrf.ru/>

19. Tagantsev N.S. *O povtoreni prestuplenii* [About the Repetition of Crimes]. Saint Petersburg, Zhurn. M-va yustitsii, 1867. 296 p.

Information About the Authors

Ivan N. Arkhipsev, Candidate of Sciences (Jurisprudence), Associate Professor, Department of Criminal Law Disciplines, Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.D. Putilin, Gorkogo St, 71, 308024 Belgorod, Russian Federation, ArhipsevIN@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2307-2712>

Alexander V. Sarychev, Deputy Head of the Course, Faculty of Law Enforcement, Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.D. Putilin, Gorkogo St, 71, 308024 Belgorod, Russian Federation, w0773@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2115-3191>

Julia A. Galtsova, Cadet, Faculty of Law Enforcement of the Ordinary Police, Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.D. Putilin, Gorkogo St, 71, 308024 Belgorod, Russian Federation, julia.galtsova@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0002-9770-863X>

Информация об авторах

Иван Николаевич Архипцев, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин, Белгородский юридический институт МВД России им. И.Д. Путилина, ул. Горького, 71, 308024 г. Белгород, Российская Федерация, ArhipsevIN@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2307-2712>

Александр Викторович Сарычев, заместитель начальника курса факультета правоохранительной деятельности, Белгородский юридический институт МВД России им. И.Д. Путилина, ул. Горького, 71, 308024 г. Белгород, Российская Федерация, w0773@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2115-3191>

Юлия Александровна Гальцова, курсант факультета правоохранительной деятельности рядовой полиции, Белгородский юридический институт МВД России им. И.Д. Путилина, ул. Горького, 71, 308024 г. Белгород, Российская Федерация, julia.galtsova@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0002-9770-863X>

ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ПРАВО: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2024.4.20>

UDC 343.14
LBC 67.410.204.0

Submitted: 16.08.2024
Accepted: 13.09.2024

THE JUDICIAL INQUIRY OF A CRIMINAL CASE: COLLECTING OR EXAMINING EVIDENCE?

Sergey B. Rossinsky

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Introduction: today, in the system of criminal procedure regulation, there are some contradictions between the provisions of the law defining the general rules, primarily the structure, of working with evidence and the norms establishing the procedure for conducting a judicial inquiry as one of the basic stages of proof. The paper deals both with the consideration of these issues and the search for solutions to the doctrinal and practical problems arising in this regard. The **purpose** of the paper is to identify criteria for distinguishing collecting evidence and examining evidence as two independent components of criminal procedural evidence. **Methods:** in preparing the paper, the general scientific research methods were used: the dialectical method of cognition, the method of system analysis, the formal logical methods, etc., as well as the special research methods: the formal legal method, the historical legal method, etc. The **results** of the study have made it possible to substantiate the independent nature and own role of examining evidence in the general mechanism for establishing circumstances relevant to a criminal case and the argumentation of law enforcement decisions. **Conclusions:** the judicial inquiry, as one of the phases of criminal procedural proof, is characterized by all the main components of its structure, including collecting and examining evidence. Moreover, these different in purpose and methodologically autonomous stages of working with evidence can be carried out both jointly and separately, depending on the nature and direction of the relevant judicial actions.

Key words: examining evidence, investigative actions, collecting evidence, structure of evidence, judicial inquiry, judicial actions, forming evidence.

Citation. Rossinsky S.B. The Judicial Inquiry of a Criminal Case: Collecting or Examining Evidence? *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2024, vol. 23, no. 4, pp. 155-163. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2024.4.20>

УДК 343.14
ББК 67.410.204.0

Дата поступления статьи: 16.08.2024
Дата принятия статьи: 13.09.2024

СУДЕБНОЕ СЛЕДСТВИЕ ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ: СОБИРАНИЕ ИЛИ ИССЛЕДОВАНИЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ?

Сергей Борисович Россинский

Институт государства и права РАН, г. Москва, Российская Федерация

© Россинский С.Б., 2024

Введение: на сегодняшний день в системе уголовно-процессуального регулирования наблюдаются некоторые противоречия между положениями закона, определяющими общие правила, в первую

очередь структуру, работы с доказательствами, и нормами, устанавливающими порядок проведения судебного следствия как одного из базовых этапов доказывания. Настоящая статья посвящается как рассмотрению данных вопросов, так и поиску решения возникающих в этой связи доктринальных и практических проблем. **Цель** статьи сводится к выявлению критериев для разграничения собирания доказательств и исследования доказательств как двух самостоятельных компонентов уголовно-процессуального доказывания. **Методы:** при подготовке статьи использовались общенаучные методы исследования: диалектический метод познания, метод системного анализа, формально-логические методы, и др., а также специальные методы исследования: формально-юридический метод, историко-правовой метод и др. **Результаты** проведенного исследования позволили обосновать самостоятельный характер и собственную роль исследования доказательств в общем механизме установления имеющих значения для уголовного дела обстоятельств и аргументации правоприменительных решений. **Выводы:** судебному следствию как одному из фазисов уголовно-процессуального доказывания присущи все основные компоненты его структуры, включая собирание и исследование доказательств. Причем эти разные по предназначению и методологически автономные этапы работы с доказательствами могут осуществляться как совместно, так и по раздельности – в зависимости от характера и направленности соответствующих судебных действий.

Ключевые слова: исследование доказательств, следственные действия, собирание доказательств, структура доказывания, судебное следствие, судебные действия, формирование доказательств.

Цитирование. Россинский С. Б. Судебное следствие по уголовному делу: собирание или исследование доказательств? // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2024. – Т. 23, № 4. – С. 155–163. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2024.4.20>

Введение

Что такое судебное следствие? Казалось бы, любой имеющий отношение к уголовной юстиции специалист, способен четко ответить на этот вопрос. Скорее всего, каждый прокурорский работник, адвокат и, тем более, судья, не раздумывая, скажет, что под судебным следствием надлежит понимать один из важнейших этапов рассмотрения уголовного дела в первой либо апелляционной инстанциях. Одновременно будет обращено внимание на его познавательную направленность, выраженную в установлении имеющих значение для уголовного дела обстоятельств путем исследования судом совместно со сторонами находящихся в их распоряжении доказательств. Такие же либо предполагающие определенные оттенки позиции присущи и многим доктринальным источникам [11, с. 93; 14, с. 918; и др.], в частности научным публикациям, прямо посвященным проблематике судебного следствия [2, с. 6–7; 19, с. 7].

Вместе с тем при более детальном и обстоятельном погружении в уголовно-судебную проблематику все подобные взгляды начинают представляться хотя и лежащими в правильном направлении, но далеко

не безупречными – находящимися в явном противоречии с нормами гл. 11 Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее – УПК РФ / Кодекс), предполагающими трехзвенную структуру доказывания, сводящуюся к известной формуле: «собирание доказательств → проверка доказательств → оценка доказательств». Более того, наблюдаемое противоречие видится не случайным. С одной стороны, оно обусловлено несовершенством теоретических подходов к сущности и формам накопления и исследования доказательственного материала, тогда как с другой – несколько поверхностным отношением самого «коллективного законодателя» (читай, разработчиков проекта Кодекса) к требующему гораздо большего внимания воплощению данных подходов в положениях УПК РФ.

Намерения внести определенную ясность в возникающие в этой связи вопросы, а также попытаться устранить существующие теоретические и нормативно-правовые шероховатости побудили автора к очерченному «раунду» научных изысканий, посвященных никак не поддающимся разрешению проблемам уголовно-процессуального доказывания, предопределили потребность в подготовке ряда научных публикаций, в частности настоящей статьи.

Шероховатости в нормативной регламентации доказывания и судебного следствия

Итак, имея познавательную направленность, судебное следствие по уголовному делу в целом сводится к осуществлению судом совместно со сторонами в присутствии прочих участников заседания и «судебной публики» различных судебных действий (судебных действий следственного характера)¹. Таковыми, как известно, являются предусмотренные гл. 37 УПК РФ когнитивно-удостоверительные приемы, состоящие в накоплении и фиксации сведений, относящихся к предмету доказывания и подлежащих дальнейшему использованию для обоснования приговоров (некоторых иных судебных актов).

Потребность в проведении подобных действий обычно связывается с необходимостью исследования и проверки доказательств как важнейших атрибутов судебного доказывания [2, с. 20; 3, с. 171; 5, с. 256–257; 7, с. 208; 13, с. 113; 15, с. 60; и др.]. При этом на указанную выше нормативную шероховатость обычно не обращается никакого внимания – ученые процессуалисты либо не замечают, либо стараются не замечать несоответствия своих взглядов предусмотренной ст. 85 УПК РФ трехчленной формуле доказывания.

Однако при более серьезном осмыслении сущности судебного следствия невольно возникает ряд вытекающих один из другого вопросов. Куда все-таки «потерялось» требование о сборании судом доказательств? Стоит ли толковать положения гл. 37 УПК РФ как освобождающие суды от подобных полномочий, ограничив их роль лишь исследованием и проверкой доказательств, собранных органами дознания и предварительного следствия? Как в таком случае быть с состязательностью и равноправием сторон – одним принципов уголовного судопроизводства (ст. 15 УПК РФ), находящим закономерное отражение в общих условиях судебного разбирательства (ст. 244 УПК РФ)? Как понимать смысл судебных приемов, направленных на получение принципиально новых, вообще не попавших зону дознательского либо следственного внимания сведений: допросов каких-то новых свидетелей (ст. 278 УПК РФ), приобщений к уголов-

ным делам каких-либо новых материалов (ст. 286 УПК РФ) и т. д.?

Конечно, эти вопросы могут показаться несколько наивными и несуразными. Оппоненты, скорее всего, заявят о неверном понимании автором настоящей статьи ряда положений уголовно-процессуального закона. Одновременно будет указано на ч. 1 ст. 86 УПК РФ, прямо наделяющую суд полномочиями по сборанию доказательств. Вместе с тем такие возражения не возымеют никакого принципиального значения – их принятие к сведению приведет лишь к нивелированию наблюдаемой шероховатости, но не повлияет на ее исчезновение. Тем более, что соответствующие научные позиции ограничиваются не более чем голословными призывами к «правильному» толкованию закона.

Таковыми, в частности, представляются взгляды С.П. Гришина. С одной стороны, справедливо обращая внимание на «нестыковку» положений гл. 11 и 37 УПК РФ, автор пытается найти в подобных нормативных расхождениях некий тайный смысл – пишет о «неслучайности выбора используемой законодателем терминологии». Однако, с другой стороны, на этом его доводы и заканчиваются: подлинную причину, побудившую разработчиков Кодекса к отказу от единообразных подходов к механизмам досудебного и судебного накопления доказательственной информации, ученый так и не сообщает, а лишь констатирует, что судебному доказыванию присущи все три предусмотренных ст. 85 УПК РФ элемента доказывания. Причем процессуальные формы их воплощения в судебном следствии он почему-то усматривает в механизмах представления и исследования доказательств [9, с. 21–22]. Схожую точку зрения занимает и О.А. Машовец. Говоря о той же самой нормативной «нестыковке», она пишет о необходимости более широкого по сравнению с «традиционным» подходом понимания сущности судебного следствия. Одновременно автор заявляет о включении в содержание этой деятельности любых процессуальных приемов, связанных с представлением доказательств, собранных в ходе досудебного производства, с сборанием и закреплением новых доказательств, а также с исследованием и оценкой всего имеющегося доказательственного материала. [16, с. 16–17].

Спорить с подобными доктринальными позициями нет никакого смысла – в целом они вполне справедливы. Вместе с тем в этих взглядах все же усматривается какая-то недосказанность, вышеуказанная голословность, а если быть точнее – интуитивность. Создается впечатление, что авторы формулируют свои позиции, преимущественно опираясь на какое-то внутреннее чутье, на свою пронзительность, на неосознанные «инстинкты», подкрепленные лишь профессиональным опытом и здравым смыслом. По крайней мере, никаких весомых научных аргументов, убеждающих читателей в правильности подобных воззрений, ни в одной из публикаций обнаружить так и не удалось.

Собирание и исследование доказательств как самостоятельные компоненты уголовно-процессуального доказывания

И это не удивительно! Ведь такие доводы надлежит искать не столько в правовой регламентации судебного следствия и даже не в сопоставлении ряда положений гл. 37 УПК РФ с близкими по смыслу требованиями, предъявляемыми к досудебному производству, сколько в системных ошибках разработчиков проекта Кодекса, допущенных при формировании нормативной основы самого доказывания. Причем, в первую очередь, причину наблюдаемых шероховатостей следует связывать именно с ущербностью все той же ст. 85 УПК РФ, сводящей работу с доказательствами лишь к их собиранию, проверке и оценке.

В этой связи необходимо вспомнить, что в публикациях автора настоящей статьи неоднократно обосновывалась потребность в использовании достаточно широкого, как бы универсального подхода к сущности доказывания, максимально соответствующего «естественным», «данным свыше», не зависящим от изобретенных людьми и установленных уголовно-процессуальным законом правил закономерностям гносеологии и формальной логики и, таким образом, обеспечивающего аутентичную взаимосвязь теории с реалиями правоприменительной практики [18, с. 18–22; и др.]. Доказыванием предлагалось считать специальную практическую деятельность

участников уголовно-процессуальных правоотношений, состоящую в совокупности взаимосвязанных когнитивно-удостоверительных приемов и мыслительно-логических операций, способствующих установлению имеющих значение для уголовного дела обстоятельств и аргументации predeterminedенных ими приговоров либо иных правоприменительных актов [18, с. 22]. Исходя из подобного и, по мнению автора, наиболее правильного методологического подхода, ущербность легально определенной структуры доказывания становится достаточно очевидной. Сразу возникает осознание потребности в ее дополнении еще двумя обязательными элементами: исследованием доказательств и использованием доказательств. И если использование доказательств состоит в мыслительно-логических операциях, проводимых в целях обоснования процессуальных решений органов предварительного расследования, суда и позиций сторон, то посредством исследования доказательств обеспечивается процессуальное познание.

На сегодняшний день, спустя более двадцати лет с момента принятия Кодекса, уже достаточно сложно выявить подлинные причины, predeterminedелившие пробелы в нормативной регламентации правил работы с доказательствами. Во всяком случае они не были связаны с намерением разработчиков проекта УПК РФ сохранить преемственность по отношению к действовавшему ранее советскому закону. Ведь Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР 1960 г. никакой четкой структуры доказывания не предусматривал; подобное правотворческое решение фактически было реализовано впервые. В этой связи остается ограничиваться лишь некоторыми гипотезами, например, версией о сильном влиянием положений так называемой кибернетической (информационной) концепции доказывания со всеми присущими ей недостатками и т. д.

Ввиду ограниченного объема настоящей статьи от изначально возникшего намерения подробно изложить такие гипотезы, пришлось отказаться². Тем более, что в принципе они не так уж и важны. Гораздо важнее другое: сама потребность в пополнении легализованной в УПК РФ структуры доказывания дополнительными элементами, в частности ис-

следованием доказательств³. К слову, на такую потребность уже обращали внимание некоторые ученые-процессуалисты [6, с. 367; 10, с. 22]; кроме того, справедливо указывалось об отсутствии легальной дефиниции исследования доказательств [8, с. 43].

Конечно, на первый взгляд, данные предложения могут показаться излишними и надуманными. Ведь законом вроде бы уже предусматриваются познавательно-ориентированные, направленные на восприятие полезных сведений компоненты доказывания, в первую очередь сбориание доказательств. Однако подобное впечатление является достаточно обманчивым – при более детальном и обстоятельном погружении в тонкости когнитивно-удостоверительной деятельности субъектов доказывания различия в сбориании и исследовании доказательств становятся достаточно очевидными.

Так, под сборианием доказательств надлежит понимать накопление относящихся к предмету доказывания предметов, документов, сведений, сопровождаемое их юридическим преобразованием, в предрасположенные к использованию по назначению и установленные ч. 2 ст. 74 УПК РФ информационные активы: в показания, в протоколы, в вещественные доказательства и т. п. Причем ввиду различной природы и различных свойств подобных активов законодателем предусматриваются два разных механизма сбориания доказательств: 1) формирование – путем проведения следственных действий, судебных действий (судебных действий следственного характера), судебных экспертиз и 2) приобщение доказательств к уголовному делу – путем придания им требуемого юридического состояния посредством вынесения государственно-властных актов о признании доказательствами и приобщении к уголовному делу.

Замысел настоящей статьи не предполагает подробного освещения проблем разграничения доказательств на формируемые и приобщаемые (так называемые паратусные), а также связанных с ними научных дискуссий – данные вопросы достаточно обстоятельно рассмотрены в других публикациях автора. Вместе с тем все же хотелось бы заострить внимание на одном важном обстоятельстве – на признании собственной ошибки, не-

смотрительно допущенной в ходе прежних изысканий. Ведь ранее формирование доказательств расценивалось автором в качестве механизма, предполагающего сочетание познавательных и фиксационных приемов, то есть интеграцию когнитивного и удостоверительного компонентов доказывания в единую и неразрывную общность. Тогда как приобщение доказательств рассматривалось исключительно в качестве удостоверительного механизма, начисто лишённого какой-либо когниции. Вместе с тем в результате дальнейших научных поисков и размышлений пришло осознание неточности таких взглядов, возникла убежденность в необходимости частичного пересмотра подобной позиции.

Сами по себе следственные и судебные действия, а также судебные экспертизы по-прежнему видятся достаточно сложными по характеру способами накопления информационных активов, сочетающими когнитивные и удостоверительные приемы работы органов предварительного расследования и суда, то есть, с одной стороны, направленными на получение каких-либо актуальных сведений, а с другой – предполагающими одновременную возможность преобразования этих сведений в новые доказательства. Однако такая интеграция более не представляется сущностным признаком механизма формирования, отличающим его от механизма приобщения предметов и документов к уголовному делу.

Думается, что в реальности сугубо когнитивные приемы работы не характерны ни для формирования доказательств, ни для их приобщения к материалам дознавательских, следственных либо судебных производств. И формирование, и приобщение надлежит признавать не более чем различными способами юридического удостоверения получаемых доказательственных продуктов, дифференцированными формами процессуальной регистрации таких продуктов в качестве пригодных к использованию (допустимых) средств доказывания. А критерии для их разграничения следует усматривать исключительно в разной природе и разных свойствах подлежащих накоплению информационных активов: формированием считать преобразование полезных сведений в доказательства посредством процессуально-созидательных действий, то есть путем

создания, «сотворения» новых продуктов, а приобщением – легализацию уже существующих, то есть возникших или созданных за рамками процессуальных правоотношений предметов или документов.

Одновременно представляется, что подлинно когнитивные приемы присущи не столько собиранию, сколько исследованию доказательств, – безусловно взаимосвязанному с собиранием доказательств, но, тем не менее, самостоятельному, автономному компоненту доказывания. Именно исследование доказательств состоит в перцепции материальных либо идеальных «следов преступления» (следов в широком смысле, то есть любых отображений объективной реальности), в извлечении из них полезных для уголовного дела сведений. Именно оно – исследование – осуществляется посредством восприятия и распознавания дознавателями, следователями, судьями, многими другими участниками судопроизводства внешних признаков и содержания predisposed к приобщению, формируемых либо уже имеющих в уголовном деле информационных активов в целях обеспечения возможности их дальнейшей проверки, оценки и использования для установления входящих в предмет доказывания обстоятельств и обоснования правоприменительных решений. К слову, подобные взгляды фрагментарно высказывались еще советскими учеными [1, с. 48; 4, с. 8–9; 17, с. 5]; схожие позиции, можно встретить и в публикациях некоторых современных авторов [10, с. 21–22; 12, с. 188].

Правда конкретные приемы по собиранию и исследованию доказательств будучи интегрированными в единые когнитивно-уверительные операции: в осмотры, обыски, допросы и пр. – могут настолько сильно переплетаться между собой, смешиваться в единое целое, что их практическое размежевание, «раскалывание по полочкам» является весьма затруднительным. Кстати, схожие проблемы наблюдаются и в вопросах практического отграничения исследования от проверки – еще одного компонента работы с доказательствами.

Причем самые серьезные трудности в подлинном осознании автономности собирания и исследования, а заодно и проверки доказательств наблюдаются части досудебно-

го производства. Тогда как судебные действия (судебные действия следственного характера) гораздо более predisposed к распознаванию разницы между этими компонентами доказывания. Ведь в силу понятных причин суду и сторонам в отличие от органов предварительного расследования приходится гораздо чаще сталкиваться с необходимостью когниции уже имеющих в уголовном деле доказательств, с исследованием доказательств «в чистом виде». Для этого законом даже специально предусматриваются не свойственные дознавательской и следственной деятельности познавательные процедуры: оглашения показаний, протоколов следственных действий, прочих материалов досудебного производства, осмотры вещественных доказательств и пр. Несвязанность всех подобных действий ни с формированием доказательств, ни с их приобщением к уголовному делу должна быть очевидна любому человеку, пусть даже имеющему самое посредственное представление о механизмах уголовного судопроизводства континентального типа.

Выводы

Таким образом, на основании всего изложенного можно констатировать, что судебному следствию как одному из фазисов уголовно-процессуального доказывания присущи все основные компоненты его структуры, включая и собирание, и исследование доказательств. Причем эти разные по предназначению и методологически автономные этапы работы с подлежащими дальнейшему использованию информационными активами могут осуществляться как совместно, так и по раздельности – в зависимости от характера и направленности соответствующих судебных действий.

Судебными действиями, предполагающими сочетание собирания и исследования доказательства, их переплетение, смешение в единое целое, наложит признавать когнитивно-уверительные приемы, имеющие четкие досудебные аналоги и сводящиеся к решению двух самостоятельных задач: 1) к формированию новых информационных активов (показаний, заключений эксперта и отражаемых в протоколах судебных заседаний результатов невербальных судебных действий); 2) к одновременному

уяснению воспринимаемых сведений. К таким следует относить различные судебные допросы, осмотры местности и помещения, эксперименты, предъявления для опознания, освидетельствования и судебные экспертизы.

Судебными действиями, предполагающими исключительно исследование ранее собранных доказательств, надлежит признавать различные оглашения показаний и материалов уголовного дела, а также осмотры вещественных доказательств.

И наконец, к действиям, направленным лишь на сбориание доказательств, разумно относить приобщения к материалам уголовного дела вещественных доказательств и представленных в судебное заседание документов.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Необходимо обратить внимание, что предусмотренные гл. 37 УПК РФ когнитивно-удостоверительные приемы в научных публикациях нередко называются по-другому: «следственные действия в судебном разбирательстве», «следственные действия, производимые на стадии судебного следствия», «судебно-следственные действия» и т. д.

² Эти гипотезы автор планирует подробно рассмотреть в других публикациях.

³ Неким правотворческим ориентиром в данном случае может послужить новое уголовно-процессуальное законодательство Казахстана. Так, ст. 127 действующего Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан прямо называется «Исследование доказательств». Она предписывает подвергать собранные доказательства всестороннему и объективному исследованию, включающему их анализ, сопоставление с другими доказательствами, сбориание дополнительных доказательств, проверку источников получения доказательств. Правда такой ориентир не должен восприниматься догматично. Ведь казахский законодатель фактически смешал исследование доказательств с их проверкой, что тоже представляется не вполне разумным. Однако эти вопросы уже выходят за предмет настоящей статьи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белкин, Р. С. Сбориание, исследование и оценка доказательств / Р. С. Белкин. – М.: Наука, 1966. – 295 с.

2. Бозров, В. М. Судебное следствие. Вопросы теории и практики / В. М. Бозров, В. М. Кобяков. – Екатеринбург : Каменный пояс, 1992. – 144 с.

3. Бурмагин, С. В. Процессуальные стандарты доказывания в особых судебно-уголовных производствах / С. В. Бурмагин // *Legal Concept = Правовая парадигма*. – 2022. – Т. 21, № 4. – С. 168–177. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2022.4.23>

4. Василенко, В. П. Исследование доказательств на предварительном следствии : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Василенко Василий Пахомович. – М. : Академия МВД СССР, 1978. – 21 с.

5. Васяев, А. А. Теория исследования доказательств в российском уголовном процессе / А. А. Васяев. – М. : Юрлитинформ, 2016. – 472 с.

6. Газетдинов, Н. И. Реализация принципов уголовного судопроизводства / Н. И. Газетдинов. – М. : Изд. группа «Юрист», 2007. – 431 с.

7. Головинская, И. В. Производство по уголовным делам в суде первой инстанции : учеб. пособие / И. В. Головинская. – Владимир : Изд-во Владимир. гос. ун-та, 2022. – 208 с.

8. Григорян, В. Л. Судебное разбирательство – центральная стадия российского уголовного процесса? / В. Л. Григорян // *Библиотека криминалиста*. – 2017. – № 3 (32). – С. 42–49.

9. Гришин, С. П. Судебное следствие в смешанном уголовном процессе / С. П. Гришин. – М. : Юрлитинформ, 2008. – 472 с.

10. Жусипбекова, А. М. Исследование доказательств как элемент доказывания по уголовному делу / А. М. Жусипбекова // *Вестник Уральского юридического института МВД России*. – 2022. – № 3. – С. 19–23.

11. Загорский, Г. И. Актуальные проблемы судебного разбирательства по уголовным делам : учеб.-практ. пособие. – М. : Проспект, 2014. – 312 с.

12. Конин, В. В. Исследование доказательств в уголовном судопроизводстве: дискуссионные вопросы / В. В. Конин // *Научный вестник Орловского Юридического института МВД России им. В.В. Лукьянова*. – 2024. – № 2 (99). – С. 185–191.

13. Корчагин, А. Ю. Судебное разбирательство уголовных дел: понятие, организация, тактика / А. Ю. Корчагин. – М. : Юрид. мир, 2007. – 141 с.

14. Курс уголовного процесса / под ред. Л. В. Головки. – М. : Статут, 2016. – 1278 с.

15. Лазарева, В. А. Доказательство как категория уголовно-процессуального права: новые (старые) подходы / В. А. Лазарева // *Legal Concept = Правовая парадигма*. – 2019. – Т. 18, № 2. – С. 55–62. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2019.2.8>

16. Машовец, А. О. Судебное следствие в уголовном процессе России. – М. : Юрлитинформ, 2016. – 451 с.

17. Пашкевич, П. Ф. Объективность судебного исследования уголовного дела / П. Ф. Пашкевич // *Советская юстиция*. – 1961. – № 10. – С. 4–6.

18. Россинский, С. Б. Уголовно-процессуальное доказывание – совокупность познавательных

удостоверительных приемов и аргументационно-логических операций / С. Б. Россинский // Труды Академии управления МВД России. – 2023. – № 1 (65). – С. 16–24.

19. Чеджемов, Т. Б. Судебное следствие / Т. Б. Чеджемов ; отв. ред. В. В. Шубин. – М. : Юрид. лит., 1979. – 96 с.

REFERENCES

1. Belkin R.S. *Sobiranie, issledovanie i ocenka dokazatelstv* [Collection, Examination and Evaluation of Evidence]. Moscow, Nauka Publ., 1966. 295 p.

2. Bozrov V.M., Kobayakov V.M. *Sudebnoe sledstvie. Voprosi teorii i praktiki* [Judicial Investigation. Theoretical and Practical Issues]. Yekaterinburg, Kamennii poyas Publ., 1992. 144 p.

3. Burmagin S.V. *Processualnye standarty dokazyvaniya v osobykh sudebno-ugolovnykh proizvodstvakh* [Procedural Standards of Proof in Special Judicial and Criminal Proceedings]. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2022, vol. 21, no. 4, pp. 168-177. DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2022.4.23>

4. Vasilenko V.P. *Issledovanie dokazatelstv na predvaritelnom sledstvii: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Examination of Evidence During the Preliminary Investigation. Cand. jurid. sci. abs. diss.]. Moscow, Akademiya MVD SSSR, 1978. 21 p.

5. Vasyaev A.A. *Teoriya issledovaniya dokazatelstv v rossiiskom ugolovnom processe* [Theory of Evidence Research in Russian Criminal Procedure]. Moscow, Yurlitinform Publ., 2016. 472 p.

6. Gazetdinov N.I. *Realizaciya principov ugolovnogogo sudoproizvodstva* [Implementation of the Principles of Criminal Procedure]. Moscow, Izd. gruppya «Yurist», 2007. 431 p.

7. Golovinskaya I.V. *Proizvodstvo po ugolovnym delam v sude pervoi instancii: ucheb. posobie* [Criminal Proceedings in the Court of First Instance. Textbook]. Vladimir, Izd-vo Vladimir. gos. un-ta, 2022. 208 p.

8. Grigoryan V.L. *Sudebnoe razbiratelstvo – centralnaya stadiya rossiiskogo ugolovnogogo processa?* [Judicial Review – Central Stage of Russian Criminal Proceedings?]. *Biblioteka kriminalista* [Criminologist's Library], 2017, no. 3 (32), pp. 42-49.

9. Grishin S.P. *Sudebnoe sledstvie v smeshannom ugolovnom processe* [Judicial Investigation in Mixed Criminal Procedure]. Moscow, Yurlitinform Publ., 2008. 472 p.

10. Zhusipbekova A.M. *Issledovanie dokazatelstv kak element dokazyvaniya po ugolovnomu delu*

[Examination of Evidence as an Element of Proof in a Criminal Case]. *Vestnik Uralskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii* [Bulletin of the Ural Law Institute of the Russian Ministry of Internal Affairs], 2022, no. 3, pp. 19-23.

11. Zagorskiy G.I. *Aktualnye problemy sudebnogo razbiratelstva po ugolovnym delam: ucheb.-prakt. posobie* [Actual Problems of Judicial Review in Criminal Cases. Practical Textbook]. Moscow, Prospekt Publ., 2014. 312 p.

12. Konin V.V. *Issledovanie dokazatelstv v ugolovnom sudoproizvodstve: diskussionnye voprosy* [Examination of Evidence in Criminal Proceedings: Controversial Issues]. *Nauchnii vestnik Orlovskogo Yuridicheskogo instituta MVD Rossii im. V.V. Lukyanova* [Scientific Bulletin of the Oryol Law Institute of the Russian Ministry of Internal Affairs Named After V.V. Lukyanov], 2024, no. 2 (99), pp. 185-191.

13. Korchagin A.Yu. *Sudebnoe razbiratelstvo ugolovnih del: ponyatie, organizaciya, taktika* [Judicial Review in Criminal Cases: Concept, Organization, Tactics]. Moscow, Yurid. mir Publ., 2007. 141 p.

14. Golovko L.V., ed. *Kurs ugolovnogogo processa* [Course of Criminal Procedure]. Moscow, Statut Publ., 2016. 1278 p.

15. Lazareva V.A. *Dokazatelstvo kak kategoriya ugolovno-processualnogo prava: novye (starye) podhody* [Evidence as a Category of Criminal Procedure Law: New (Old) Approaches]. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2019, vol. 18, no. 2, pp. 55-62. DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2019.2.8>

16. Mashovets A.O. *Sudebnoe sledstvie v ugolovnom processe Rossii* [Judicial Investigation in Russian Criminal Procedure]. Moscow, Yurlitinform Publ., 2016. 451 p.

17. Pashkevich P.F. *Obektivnost sudebnogo issledovaniya ugolovnogogo dela* [Objectivity of Judicial Examination of a Criminal Case]. *Sovetskaya yusticiya* [Soviet Justice], 1961, no. 10, pp. 4-6.

18. Rossinskiy S.B. *Ugolovno-processualnoe dokazivanie – sovokupnost poznavatelno-udostoveritelnykh priemov i argumentacionno-logicheskikh operacii* [Criminal Procedural Proof – Set of Cognitive-Certificatory Techniques and Argumentative-Logical Operations]. *Trudi Akademii upravleniya MVD Rossii* [Works of the Academy of Management of the Russian Ministry of Internal Affairs], 2023, no. 1 (65), pp. 16-24.

19. Chedzhemov T.B. *Sudebnoe sledstvie* [Judicial Investigation]. Moscow, Yurid. lit. Publ., 1979. 96 p.

Information About the Author

Sergey B. Rossinsky, Doctor of Sciences (Jurisprudence), Professor, Chief Researcher, Sector of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminology, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Znamenka St, 10, 119019 Moscow, Russian Federation, s.rossinskiy@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-3862-3188>

Информация об авторе

Сергей Борисович Россинский, доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора уголовного права, уголовного процесса и криминологии, Институт государства и права РАН, ул. Знаменка, 10, 119019 г. Москва, Российская Федерация, s.rossinskiy@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-3862-3188>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2024.4.21>

UDC 343.17
LBC 67.410.2

Submitted: 01.07.2024
Accepted: 25.08.2024

FORMS OF DISCRETION IN RUSSIAN LEGAL THEORY

Ekaterina S. Azarova

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Introduction: the paper analyzes the forms of discretion in accordance with the classifications on various grounds proposed by domestic jurists. Judicial discretion is a concept in the Russian legal system that has long attracted the attention of legislators because of its importance to the work of the courts. However, the interpretation of this concept contains many ambiguities that remain relevant to this day. An attempt is made to generalize all forms into a single classification, and appropriate conclusions are drawn on the need for the legislative inclusion of the concept of judicial discretion. The necessity of a comprehensive study of forms of discretion is substantiated. The author's **methods:** the methodological framework consists of the methods of historicism, systematics, and comparative law. **Results:** a unified classification of various forms of discretion is presented. **Conclusions:** as a result of the study, it is revealed that discretion can be classified in relation to hypothesis, disposition, factual circumstances, and legal consequences.

Key words: discretion, judicial discretion, classification, forms, criminal procedure.

Citation. Azarova E.S. Forms of Discretion in Russian Legal Theory. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2024, vol. 23, no. 4, pp. 164-168. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2024.4.21>

УДК 343.17
ББК 67.410.2

Дата поступления статьи: 01.07.2024
Дата принятия статьи: 25.08.2024

ФОРМЫ УСМОТРЕНИЯ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПРАВОВОЙ ТЕОРИИ

Екатерина Сергеевна Азарова

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Введение: в данной статье проводится анализ форм усмотрения в соответствии с классификациями по различным основаниям, предложенными отечественными правоведами. Судебное усмотрение представляет собой понятие в российской системе права, которое на протяжении долгого времени привлекало внимание законодателей из-за его значимости для работы судов. Однако трактовка этого понятия содержит много неясностей, которые остаются актуальными и по сегодняшний день. Также предпринята попытка обобщения всех форм в единую классификацию и сделаны соответствующие выводы по вопросу о необходимости законодательного включения понятия судебного усмотрения. Обосновывается необходимость комплексного исследования форм усмотрения. **Методы:** методологическую основу составляют методы историзма, системности, сравнительно-правовой. **Результаты:** представлена единая классификация различных форм усмотрения. **Выводы:** в результате исследования выявлено, что усмотрение можно классифицировать в отношении к гипотезе, диспозиции и фактических обстоятельств и правовых последствий.

Ключевые слова: усмотрение, судебное усмотрение, классификация, формы, уголовный процесс.

Цитирование. Азарова Е. С. Формы усмотрения в отечественной правовой теории // *Legal Concept = Правовая парадигма*. – 2024. – Т. 23, № 4. – С. 164–168. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2024.4.21>

Введение

Возможность выбора варианта поведения возникает перед органами публичной вла-

сти при: определении наличия или отсутствия субъективных прав и необходимости несения юридической ответственности; определении правовых коллизий и путей их преодоления;

конкретизации правовых норм и содержания юридических предписаний в процессе их применения и во многих других случаях, когда закон позволяет властным субъектам принимать законные решения по своему усмотрению, но в границах, установленных законодателем. Такая возможность, возникающая в процессе отправления правосудия, в науке именуется судебным усмотрением, в трудах отдельных правоведов нередко можно встретить термин «судебная дискреция».

К вопросу о правоприменительном усмотрении

Правоприменительное усмотрение, в соответствии с позицией Л.Н. Берг, является элементом правоприменительной деятельности, цель которого заключается в выборе мотивированного, обоснованного и законного решения по конкретному делу уполномоченным субъектом в пределах, установленных нормой права [1, с. 332]. На наш взгляд, указанное определение является неполным и более точно по поводу толкования термина высказался Ю.В. Оносов, в соответствии с мнением которого «усмотрение в праве – это деятельность субъектов права в пределах властных полномочий по выбору субъективно-оптимального решения в правотворческой, правоприменительной и правоинтерпретационной деятельности, а также результат этой деятельности (решение, мнение субъекта права), выраженный в конкретных содержательных элементах правового акта» [6, с. 38]. По нашему мнению, принципиальное различие толкований заключается в наличии у последнего автора формулировки «субъективно-оптимального решения». Ведь, одним из признаков правоприменительного усмотрения является выбор решения, совершаемый в процессе правоприменительной деятельности, по усмотрению судейского корпуса [11]. Как верно отмечает А.О. Иншакова, «в контексте реформы 2015 г. интерес к обязательственному праву и особенно к его обновленным положениям лишь возрос, что выражается как в наличии не утихающих до настоящего времени теоретических дискуссий о преимуществах и недостатках конкретных редакций нормативных положений, претерпевших изменения в ходе рефор-

мы, новых институтах обязательственного права, так и различном их правопонимании со стороны правоприменителей, что, в свою очередь, приводит к формированию практики, характер которой может не совпадать с изначальными целями, которые преследовал законодатель, принимая решение о необходимости совершенствования конкретных законоположений» [5, с. 8].

Одним из наиболее наглядных примеров судебной дискреции является наличие в Уголовном кодексе РФ ст. 76 «Освобождение от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим». В соответствии с указанной нормой лицо, которое впервые совершило преступление небольшой или средней степени тяжести, может быть освобождено от уголовной ответственности в том случае, если оно примирилось и загладило свою вину перед потерпевшим. Таким образом, судом может быть принято одно из двух вариантов: освободить или нет виновное лицо от юридической ответственности. При этом, оба возможных решения будут законными [12].

Впрочем, в зависимости от ряда критериев выделяется множество форм дискреции. С целью анализа форм судебного усмотрения, предпримем попытку их классификации по различным основаниям, предложенным отечественными правоведом. К слову, многими авторами, рассматривающими данный вопрос и приводящими свои примеры классификации, отождествляются понятия «форма» и «вид» [4, с. 62].

Одним из первых российских правоведов, кто задумался о классификации судебного усмотрения, стал К.И. Комиссаров, по мнению которого судебная дискреция возможна в трех формах: конкретизация субъективных прав; использование факультативных норм; применение аналогии закона и права [3]. Отметим, что в данной трактовке под конкретизацией ученый понимает определение объема и содержания субъективных прав судом, а также наличие у суда права на принятие по своему усмотрению решения, оговоренные в законе.

В.В. Ершовым также было выделено три формы усмотрения: использование альтернативных и факультативных норм права; детализация нормативных актов; разрешение спорных моментов при наличии законодательных

пробелов [2]. Итак, мы видим, что данная классификация по своему объему шире предыдущей. Тем не менее оба автора ограничиваются исключительно правоприменительной сферой, в то время как Д.М. Чечот полагал, что свобода усмотрения также распространяется и на установление юридических фактов, однако стройный перечень форм (видов) судебной дискреции не предложил.

Организованную структуру форм и подформ судебного усмотрения предприняла попытку составить О.А. Папкова. Она выделила две формы и три подформы следующим образом: дискреция, осуществляемая при использовании относительно-определенных (ситуационных и альтернативных) и управомочивающих (факультативных) норм [7, с. 112].

Тем не менее, именно Л.Н. Берг, на наш взгляд, удалось более полно систематизировать по конкретным критериям. По источникам возникновения выделяются: во-первых, дискреция, возникающая на основе относительно-определенных форм [10, с. 51]. Такие судебные усмотрения возникают в результате того, что такие нормы не содержат достаточно полных указаний и позволяют решить дело с учетом конкретных обстоятельств.

В свою очередь, данная категория подразделяется на подформы:

– усмотрение при применении ситуационных норм (в данном случае судом определяется объем субъективных прав и обязанностей, в том числе устанавливается их объем и содержание);

– дискреция при применении альтернативных норм (правоприменительному органу позволено применение одного из нескольких обозначенных законом вариантов). К рассматриваемой категории также относится вариант использования факультативной альтернативы (одно из решений является основным, а другой или другие, если их несколько, в качестве исключения в индивидуальном порядке).

Во-вторых, правоприменительная дискреция при применении аналогии. В таких случаях российское законодательство не освобождает суд, ссылаясь на неполноту закона, от обязанности вынесения решения. В случае если суд откажется разрешать дело по существу в таких обстоятельствах, будет трактоваться

как отказ от правосудия. При наличии законодательного пробела суд должен в обязательном порядке разрешить спор и преодолеть законодательные пробелы и коллизии.

В правовой теории существует только два вида аналогии: закона и права. Очевидно, что в данной категории дискреции выделяется два соответствующих подвида: усмотрение при аналогии закона (это значит, что нормы для рассмотрения конкретного случая не существует и будет применяться схожая, на основе которой дело разрешится юридическими средствами); усмотрение при аналогии права («...происходит аккумуляция общих начал и принципов соответствующего института или отрасли права и их преломление в конкретном деле, решение дела на основе этих начал и принципов» [8], то есть дело рассматривается на основе общеправовых началах и принципах). Как отмечает Н.А. Соловьева, «право на свободу является основным правом участника уголовного судопроизводства, которое гарантировано Основным законом России, общепризнанными принципами и нормами международного права и международными договорами нашего государства, допускающими возможность ограничения права на свободу только в той мере, в какой оно требуется для государственной и общественной безопасности, обусловленной защитой конституционных человеческих ценностей» [9, с. 14].

В-третьих, дискреция на основе использования оценочных понятий. В таких случаях внимание уделяется индивидуальным особенностям предмета спора и особенностей дела путем указания на их общие характеристики в отдельных элементах нормы. В зависимости от характера признаков выделяются качественные (например, сведения, порочащие честь) и количественные (к примеру, степень ущерба) оценочные понятия.

Также правоприменительное усмотрение можно классифицировать по тому, в каком именно элементе нормы содержится усмотрение. Так, выделяются: 1 – усмотрение в отношении гипотезы; 2 – правоприменительное усмотрение в отношении диспозиции (санкции); 3 – одновременное усмотрение в отношении фактических обстоятельств и правовых последствий.

Л.Н. Берг также предлагает классификацию правоприменительного усмотрения на основании стадий применения права. К слову, с такой точки зрения классификация усмотрения в науке еще не приводилась. Автор выделяет усмотрение на первоначальной стадии правоприменения, то есть при установлении фактических обстоятельств (на этом этапе уже должны быть определены фактические обстоятельства дела, образующих основу дела); на второй стадии правоприменительного процесса, заключающаяся в юридической квалификации (на этом этапе дискреция возникает в связи с выбором и анализом правовой нормы. Тогда же происходит и оценка жизненной ситуации с точки зрения буквы закона); на третьей стадии правоприменительного процесса, когда принимается решение по юридическому делу.

Вывод

Кроме представленных выше оснований градации усмотрения выделяется классификация, возникающая в соответствии с нормативной основой. Так, усмотрение подразделяется на виды: при применении норм материального (например, суд осуществляет выбор, с учетом обстоятельств, между верхними и нижними пределами санкции ч. 1-3 ст. 205 УК РФ «Террористический акт») и процессуального права (ст. 173 ГПК, позволяющая утвердить мировое соглашение или отказ истца от иска).

Судебное усмотрение может быть градуировано по различным основаниям и в зависимости от избираемых критериев. На наш взгляд, в первую очередь необходимо выдвигать такие «деления», которые в полной мере выражали бы существенные особенности, а также преимущественные характеристики судебного усмотрения, которые позволили бы увидеть позитивные черты и действие рассматриваемого явления.

Таким образом, само по себе судебное усмотрение имеет огромное значение для правоприменительного процесса в целом. Это обуславливается тем, что, так или иначе, деятельность органов, чьей функцией является правоприменение, сопряжена с какой-либо мерой усмотрения, которая позволяет учитывать индивидуальные особенности конкрет-

ного рассматриваемого юридического дела. То есть, дискреция, как правовое явление, вне зависимости от форм ее применения, должна найти свое законодательное закрепление. Такая мера целесообразна для прекращения научных дискуссий по поводу того, что дискреция является проявлением нигилизма и самоуправства, кои недопустимы при отправлении судопроизводства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Берг, Л. Н. Теория права: правовое воздействие и правовое регулирование/ Л. Н. Берг, Е. А. Березина. – М. : Юрайт, 2023. – 393 с.
2. Ершов, В. В. Судебное правоприменение: (Теорет. и практ. пробл.) / В. В. Ершов. – М., 1991. – 95 с.
3. Комиссаров, К. И. Задачи судебного надзора в сфере гражданского судопроизводства / К. И. Комиссаров. – Свердловск, 1971. – 167 с.
4. Игнатъев, А. С. Виды (формы) усмотрения в отечественной правовой теории и проблемы его классификации при осуществлении судопроизводства в Конституционном Суде Российской Федерации / А. С. Игнатъев // Управленческое консультирование. – 2013. – № 4. – С. 62–68.
5. Иншакова, А. О. Особенности правового развития обязательственных правоотношений в современной России / А. О. Иншакова // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2023. – Т. 22, № 4. – С. 6–12. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2023.4.1>
6. Оносов, Ю. В. К вопросу о понятии усмотрения в праве / Ю. В. Оносов // Право и политика. – 2019. – № 10. – С. 32–39.
7. Папкова, О. А. Усмотрение суда / О. А. Папкова. – М. : Статут, 2005. – 411 с.
8. Пиголкин, А. С. Обнаружение и преодоление пробелов в праве / А. С. Пиголкин // Советское государство и право. – 1970. – № 3. – С. 49–57.
9. Соловьева, Н. А. Оценочные понятия и их значение в обеспечении прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства / Н. А. Соловьева, Ю. В. Францифоров // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2019. – Т. 18, № 2. – С. 12–18. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2019.2.2>
10. Комиссаров, К. И. Судебное усмотрение в советском гражданском процессе / К. И. Комиссаров // Советское государство и право. – 1969. – № 4. – С. 49–56.
11. Колоколов, Н. А. Адвокат суду не враг, адвокат суду помощник! / Н. А. Колоколов, А. В. Рагулин // Евразийская адвокатура. – 2014. – № 2 (9). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/advokat-sudu-ne-vrag-advokat-sudu-pomoschnik>

12. Никитин, А. А. Правовое усмотрение: теория, практика, техника : дис. ... д-ра юрид. наук / Никитин Александр Александрович. – Саратов, 2021. – 514 с.

REFERENCES

1. Berg L.N., Berezina E.A. *Teoriya prava: pravovoe vozdejstvie i pravovoe regulirovanie* [Theory of Law: Legal Impact and Legal Regulation]. Moscow, Yurajt Publ., 2023. 393 p.
2. Ershov V.V. *Sudebnoe pravoprimenenie: (Teoret. i prakt. probl.)* [Judicial Law Enforcement: (Theory and Practice Probl.)]. Moscow, 1991. 95 p.
3. Komissarov K.I. *Zadachi sudebnogo nadzora v sfere grazhdanskogo sudoproizvodstva* [Tasks of Judicial Supervision in the Field of Civil Proceedings]. Sverdlovsk, 1971. 167 p.
4. Ignatyev A.S. Vidy (formy) usmotreniya v otechestvennoj pravovoj teorii i problemy ego klassifikacii pri osushchestvlenii sudoproizvodstva v Konstitucionnom Sude Rossijskoj Federacii [Types (Forms) of Discretion in the Domestic Legal Theory and Problems of its Classification in the Conduct of Legal Proceedings in the Constitutional Court of the Russian Federation]. *Upravlencheskoe konsultirovanie* [Management Consulting], 2013, no. 4, pp. 62-68.
5. Inshakova A.O. Osobennosti pravovogo razvitiya obyazatelstvennih pravootnoshenii v sovremennoj Rossii [Features of the Legal Development of Debt Relationships in Modern Russia]. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2023, vol. 22, no. 4, pp. 6-12. DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2023.4.1>
6. Onosov Yu.V. K voprosu o ponyatii usmotreniya v prave [On the Question of the Concept of Discretion in Law]. *Pravo i politika* [Law and Politics], 2019, no. 10, pp. 32-39.
7. Papkova O.A. *Usmotrenie suda* [Discretion of the Court]. Moscow, Statut Publ., 2005. 411 p.
8. Pigolkin A.S. Obnaruzhenie i preodolenie probelov v prave [Detecting and Overcoming Gaps in Law]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo* [Soviet State and Law], 1970, no. 3, pp. 49-57.
9. Solovieva N.A., Frantsiforov Yu.V. Ochenochne ponyatiya i ih znachenie v obespechenii prav i zakonnih interesov uchastnikov ugolovnogo sudoproizvodstva [Evaluative Concepts and Their Significance in Ensuring the Rights and Legitimate Interests of Participants in Criminal Proceedings]. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2019, vol. 18, no. 2, pp. 12-18. DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2019.2.2>
10. Komissarov K.I. Sudebnoe usmotrenie v sovetskom grazhdanskom processe [Judicial Discretion in the Soviet Civil Pprocess]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo* [Soviet State and Law], 1969, no. 4, pp. 49-56.
11. Kolokolov N.A., Ragulin A.V. Advokat sudu ne vrag, advokat sudu pomoshchnik! [Lawyer Is Not an Enemy to the Court, Lawyer Is an Assistant to the Court!]. *Evrazijskaya advokatura* [Eurasian Advocacy], 2014, no. 2 (9). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/advokat-sudu-ne-vrag-advokat-sudu-pomoshchnik>
12. Nikitin A. A. *Pravovoe usmotrenie: teoriya, praktika, tekhnika: dis. ... d-ra jurid. nauk* [Legal Dscretion: Theory, Practice, Technique. Dr. jurid. sci. diss.]. Saratov, 2021. 514 p.

Information About the Author

Ekaterina S. Azarova, Candidate of Sciences (Jurisprudence), Associate Professor, Department of Procedural Law and Criminology, Volgograd State University, Prosp. Universitetskij, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, aes130804@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5130-1653>

Информация об авторе

Екатерина Сергеевна Азарова, кандидат юридических наук, доцент кафедры процессуального права и криминалистики, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, aes130804@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5130-1653>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2024.4.22>

UDC 343.1
LBC 67.410.2

Submitted: 11.07.2024
Accepted: 25.08.2024

THE CRIMINAL PROCEDURE MECHANISM FOR ENSURING THE EFFECTIVENESS OF THE FINAL STAGE OF THE INVESTIGATION

Marina V. Romashova

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Y. Kikot (Ryazan Branch),
Ryazan, Russian Federation

Introduction: the criminal procedure for the ending of inquiry is part of the mechanism that guarantees compliance with the rule of law, the exercise of individual rights during the preliminary investigation, and ensures the implementation of an unhindered trial. The insufficient legal regulation of the final stage of the inquiry leads to errors of a law enforcement nature and low quality of the investigation of cases, which indicates the relevance of the issue of ensuring the effectiveness of the procedure for completing the inquiry by drafting an indictment. The **purpose** of the study is to eliminate the doubts existing among the law enforcement agencies that arise at the final stage of the preliminary investigation in the form of an inquiry and to formulate proposals for improving the regulatory model of the considered stage of criminal proceedings. In the course of the study, such **methods** of cognition as the formal legal method in the form of a study of the norms of law, specifically the sociological and comparative law ones, were applied. **Results:** the paper formulates the conclusions and suggestions to improve the efficiency of the completion of the inquiry. **Conclusions:** the recommendations set out in the paper are aimed at eliminating the legislative defects, ensuring legal certainty in criminal procedure law, developing a uniform practice of conducting an inquiry, and can be used in the teaching of criminal procedure disciplines, as well as in the practical activities of employees of preliminary investigation bodies, prosecutors and courts.

Key words: preliminary investigation, indictment, inquiry, criminal proceedings, participants in the proceedings.

Citation. Romashova M.V. The Criminal Procedure Mechanism for Ensuring the Effectiveness of the Final Stage of the Investigation. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2024, vol. 23, no. 4, pp. 169-177. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2024.4.22>

УДК 343.1
ББК 67.410.2

Дата поступления статьи: 11.07.2024
Дата принятия статьи: 25.08.2024

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ МЕХАНИЗМ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОГО ЭТАПА ПРОИЗВОДСТВА ДОЗНАНИЯ

Марина Владимировна Ромашова

Рязанский филиал Московского университета МВД России им. В.Я. Кикотя,
г. Рязань, Российская Федерация

© Ромашова М.В., 2024

Введение: уголовно-процессуальный порядок окончания дознания является частью механизма, гарантирующего соблюдение режима законности, реализацию прав личности в ходе предварительного расследования и обеспечивающего осуществление беспрепятственного судебного разбирательства. Недостаточная правовая регламентация окончательного этапа дознания приводит к ошибкам правоприменительного характера и низкому качеству расследования дел, что свидетельствует об актуальности вопроса обеспечения эффективности процедуры завершения дознания составлением обвинительного акта. **Цель** исследования: устранить существующие у правоприменительных органов сомнения, возникающие на завершающем этапе предварительного расследования в форме дознания, и сформулировать предложения по совершенствованию регулятивной модели рассматриваемой стадии уголовного судопроизводства. В ходе исследования были

применены такие **методы** познания, как формально-юридический в виде исследования норм права, конкретно-социологический и сравнительно-правовой. **Результаты:** в статье сформулированы выводы и предложения по повышению эффективности завершения дознания. **Выводы:** рекомендации, изложенные в статье, направлены на устранение законодательных дефектов, обеспечение правовой определенности в уголовно-процессуальном законе, выработку единообразной практики производства дознания и могут быть использованы в образовательном процессе в ходе преподавания дисциплин уголовно-процессуального цикла, а также в практической деятельности сотрудников органов предварительного расследования, прокуратуры и судов.

Ключевые слова: предварительное расследование, обвинительный акт, дознание, уголовное судопроизводство, участники судопроизводства.

Цитирование. Ромашова М. В. Уголовно-процессуальный механизм обеспечения эффективности заключительного этапа производства дознания // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2024. – Т. 23, № 4. – С. 169–177. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2024.4.22>

Введение

Особое значение завершающего этапа производства дознания обусловлено необходимостью выполнения ряда процессуальных действий, позволяющих оценить законность и достаточность собранных доказательств, обеспечить соблюдение и реализацию прав участников судопроизводства, а также предотвратить вынесение неправоудного судебного решения. Несоблюдение уголовно-процессуального механизма окончания дознания может стать препятствием осуществлению справедливого правосудия, причиной возвращения материалов уголовного дела в органы прокуратуры в целях устранения существенных недостатков и нарушений норм уголовного или процессуального права, допущенных в ходе расследования, либо поставить под сомнение законность судебного акта, вынесенного в соответствии с предъявленным обвинением.

Число уголовных дел, расследование по которым закончено вынесением обвинительного акта, сохраняется последние годы на достаточно высоком уровне. В 2023 г. количество поступивших в суды уголовных дел с обвинительным актом достигло 39,6 %, что в абсолютных показателях соответствует 287 976 уголовным делам. В 2000 г. доля уголовных дел о преступлениях, расследованных в форме дознания, составляла 38,02 %, в 2001 г. – 39,2 %, в 2022 г. – 47,6 % [8].

Стабильный рост числа возвращенных судьями прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ уголовных дел о преступлениях, расследованных в форме дознания соответствии с гл. 32 УПК РФ, подтверждает наличие трудностей правоприменительного характера при

составлении обвинительного акта и ошибок при осуществлении процессуальных действий, препятствующих рассмотрению дела судом и вынесению правосудного решения. В 2023 г. количество возвращенных прокурору уголовных дел с обвинительным актом для устранения существенных недостатков составило 1 811 (15,4 %). В 2000 г. этот показатель соответствовал 11,5 %, в 2021 г. – 13 %, в 2022 г. – 14,2 % [8].

Наличие нерешенных вопросов, возникающих на завершающем этапе дознания, в том числе о содержании обвинительного акта, порядке его процессуального оформления и реализации прав участников судопроизводства, свидетельствуют об актуальности вопроса обеспечения эффективности окончания предварительного расследования дознавателем.

Содержание и правовая основа стадии завершения дознания

Заключительный этап предварительного расследования в форме дознания представляет собой совокупность взаимосвязанных последовательно реализуемых дознавателем или следователем процессуальных действий, направленных на завершение досудебного производства, создание достаточных фактических и юридических оснований для составления итогового процессуального документа в виде обвинительного акта, а также обеспечения возможности последующего поддержания обвинения в суде и вынесения судом законного, обоснованного и мотивированного решения по существу дела.

Содержание завершающей стадии дознания составляют правоотношения, склады-

вающиеся между следователем, дознавателем, прокурором, судом, потерпевшим, обвиняемым, их представителями и иными участниками, вовлеченными в уголовное судопроизводство, в связи с выполнением следственных и процессуальных действий в целях проверки и оценки собранных доказательств, обеспечения прав участников судопроизводства и беспрепятственного рассмотрения уголовного дела судом [9, с. 193]. Некоторые исследователи предлагают выделить этап окончания предварительного расследования в самостоятельную стадию уголовного судопроизводства, придав ей особое значение, обусловленное выполнением значительного количества процессуальных действий, нацеленных на восполнение предварительного расследования, эффективное восстановление нарушенных органами дознания прав участников судопроизводства и создание условий для справедливого судебного разбирательства [7, с. 25].

Законодательная база производства дознания, включающая нормы гл. 32 УПК РФ, отличается несовершенством и нуждается в уточнении и устранении противоречий, особенно в части регламентации вопросов, связанных с процедурой окончания дознания и реализацией прав участников на данном этапе, поскольку в ст. 223 УПК РФ «Порядок и сроки дознания» нет указания на возможность использования дознавателем правовых норм гл. 30 УПК РФ, закрепляющей порядок завершения расследования, ознакомления сторон с материалами уголовного дела, разрешения ходатайств и направления дела прокурору. В данной ситуации практические сотрудники вынуждены прибегать к аналогии закона и использовать нормы гл. 30 УПК РФ, а также положения ст. 11 УПК РФ о необходимости разъяснять участникам процесса их права и обеспечивать возможность их реализации. Однако в связи с особенностями производства дознания многие вопросы процедуры окончания предварительного расследования остаются нерешенными, неминуемо вызывают сложности правоприменительного плана и препятствуют созданию единообразной практики производства дознания. Несмотря на возможность применения аналогии закона в уголовно-процессуальном праве, значительные пробелы, сопряженные с возможностью наруше-

ния и необоснованного ущемления прав участников судопроизводства, должны быть устранены. В этих целях очевидно следует указать гл. 30 УПК РФ в качестве правовой основы производства дознания и отразить это в ч. 1 ст. 223 УПК РФ.

Совершенствование формы обвинительного акта и уточнение требований к его содержанию

Итоговым процессуальным документом, вынесением которого завешается дознание, является обвинительный акт, представляющий собой разновидность актов-решений обобщающего характера, поскольку содержит окончательное обвинение, собранные доказательства, а также выводы фактического и правового характера, сформулированные дознавателем, следователем путем мыслительной, оценочной деятельности. Вынесение обвинительного акта влечет изменение статуса лица, привлекаемого к ответственности, с подозреваемого на обвиняемого, что также определяет особую значимость данного документа.

Важно отметить, что формулировка обвинения в обвинительном акте должна совпадать с диспозицией статьи уголовного закона, вменяемой обвиняемому по данному делу, и отражать все обязательные признаки состава данного преступления. Если обвиняемый совершил несколько преступлений, то требуется формулировать обвинение по каждому преступлению, при совершении группового преступления обвинение излагается в отношении каждого соучастника. Следует указать, что в случае вменения лицу нескольких эпизодов обвинения нет необходимости отражать в обвинительном акте одни и те же доказательства применительно к разным эпизодам. Данный способ изложения сведений в обвинительном акте является допустимым и не противоречит требованиям закона. Так, уголовное дело в отношении Горлова Д.С. 10 июня 2020 г. было необоснованно возвращено прокурору по причине того, что Горлову Д.С. было предъявлено обвинение в совершении двух преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 157 УК РФ, однако доказательства изложены в обвинительном акте без разделения на вменяемые составы преступлений. Липецкий об-

ластной суд, пересмотрев постановление суда о возвращении уголовного дела прокурору в порядке апелляционного производства, не выявил нарушений в действиях дознавателя и содержании обвинительного акта, в связи с чем своим постановлением отменил решение суда нижестоящей инстанции как незаконное и необоснованное [3].

Вне зависимости от способа изложения обвинительный акт должен быть законным и обоснованным, содержать перечень собранных в ходе расследования допустимых и достоверных доказательств виновности лица в совершении уголовно наказуемого деяния. В связи с особым значением обвинительного акта требования к его форме и содержанию должны быть четко зафиксированы в законе.

Анализ правоприменительной практики позволил выявить случаи существенного нарушения порядка составления и утверждения обвинительного акта, выражающегося в указании неточного места совершения преступления, неполных данных о личности обвиняемого, неверных паспортных данных, отсутствии сведений о судимости, отметки об утверждении обвинительного акта прокурором, вынесении обвинительного акта неуполномоченным должностным лицом, неразъяснении обвиняемому права на рассмотрение дела судом с участием присяжных заседателей в соответствии с п. 1 ч. 5 ст. 217 УПК РФ.

Например, по уголовному делу в отношении М.В. Карева, обвиняемого по ст. 264.1 УК РФ, при изложении фабулы преступления не были указаны прежние судимости. В ходе предварительного расследования по делу в отношении А.Л. Лукьянова, осуществлявшего лов рыбы не на главном судовом ходу, а на правом берегу реки М. Обь в затоне (заливе), дознаватель ОМВД России на транспорте, превысив свои полномочия, завершил производство дознания и составил обвинительный акт, при этом в соответствии с правилами подследственности должен был передать дело прокурору для направления в территориальный орган ОМВД. Кроме того, выявлены случаи отсутствия отметки об утверждении обвинительного акта прокурором [10]. При изучении уголовного дела в отношении С.А. Прокопьева, обвиняемого по ч. 1 ст. 112 УК РФ, судом обнаружены нарушения в виде невер-

но указанного наименования органа, выдавшего паспорт гражданина, и отсутствии отметки о разъяснении обвиняемому при ознакомлении с материалами уголовного дела права, предусмотренного п. 1 ч. 5 ст. 217 УПК РФ [1]. Олюторский районный суд Камчатского края выявил ошибку в тексте обвинительного акта при указании названия реки, являющейся местом совершения преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 256 УК РФ [2].

В связи с наличием значительного числа выявленных нарушений закона, допускаемых дознавателями на завершающем этапе расследования, в том числе при составлении обвинительного акта, вопрос уточнения требований к форме и содержанию итогового процессуального документа, завершающего дознание, отличается актуальностью и практической значимостью.

Анализ уголовно-процессуальных норм позволил выявить фрагментарность правового регулирования порядка завершения дознания составлением обвинительного акта. Исходя из формального толкования ст. 225 УПК РФ, текст обвинительного акта не должен содержать сведений о таких участниках процесса, как гражданский истец и гражданский ответчик, что очевидно является упущением. В связи с этим будет целесообразным дополнить ч. 1 ст. 225 УПК РФ пунктом 8.1 «данные о гражданском истце и гражданском ответчике».

Необоснованно в законе отсутствует указание на должностное лицо, уполномоченное утверждать обвинительный акт, составленный следователем Следственного комитета РФ при завершении производства дознания в отношении специальных субъектов в случаях, предусмотренных в п. 7 ч. 3 ст. 151 УПК РФ, что порождает не урегулированную законом процессуальную деятельность. Следуя принципам разумности логичным будет возложить такую обязанность на руководителя соответствующего следственного органа и отразить это положение в ч. 4 ст. 225 УПК РФ, что устранил сомнения и неясности при составлении и утверждении обвинительного акта.

Несмотря на то, что уголовные дела, поступившие в суды с обвинительным актом, с учетом требований ст. 30 УПК РФ не подлежат рассмотрению коллегиальным соста-

вом из трех профессиональных судей и с участием коллегии присяжных заседателей, обвиняемым при производстве дознания по аналогии с предварительным следствием необходимо при выполнении процедуры ознакомления с материалами уголовного дела разъяснить права, касающиеся определения состава суда, предусмотренные п.п. 1, 1.1 ч. 5 ст. 217 УПК РФ, ввиду единства процессуального статуса обвиняемого при любой форме предварительного расследования и недопустимости дифференциации в правах лиц одной категории, что соответствует принципу равенства перед законом [6].

Обеспечение прав участников уголовного судопроизводства на заключительной стадии дознания

Уголовно-процессуальное законодательство гарантирует участникам судопроизводства на завершающем этапе дознания возможность осуществления их прав, направленных на проверку законности всего предварительного расследования, дополнение дознания в целях обеспечения достаточности доказательств и создание условий для всестороннего и объективного судебного разбирательства.

Процессуальный механизм окончания дознания предполагает неукоснительное выполнение требований закона о порядке ознакомления сторон с материалам уголовного дела, разрешения заявленных на данном этапе ходатайств и жалоб, составления обвинительного акта с необходимыми приложениями, полного оформления уголовного дела в целях обеспечения сохранности и закрепления порядка расположения документов, а также направления дела прокурору для осуществления контрольно-надзорной деятельности. Правовая регламентация выполнения указанных обязанностей отличается отсутствием необходимых юридических норм и четких формулировок, что предопределяет формирование неоднозначной правоприменительной практики, ослабляющей гарантии государственной защиты прав и законных интересов участников судопроизводства.

Уголовно-процессуальное законодательство не предусматривает в ходе дознания обязанность предъявления обвинения и последу-

ющего допроса лица, предполагающих разъяснение сути обвинения и процессуальных прав лица, закрепленных в ст. 47 УПК РФ. Исключение составляют случаи, указанные в ч. 3 ст. 224 УПК РФ. Данная ситуация неизбежно влечет нарушение уголовно-процессуальных принципов равенства перед законом, охраны прав и свобод гражданина. Для обеспечения соблюдения должностными лицами процессуальных прав обвиняемого и соблюдения принципа процессуальной эффективности целесообразным будет закрепление в законе обязанности осуществления в ходе дознания процедуры предъявления обвинения, предполагающей разъяснение обвиняемому сути обвинения и положений ст. 47 УПК РФ.

Средством уголовно-процессуальной защиты является право сторон на ознакомление после окончания следственных действий с материалами уголовного дела, что неразрывно связано с правом обвиняемого иметь возможность для подготовки линии защиты от обвинения. В случае нарушения процедуры ознакомления с делом действия и решения дознавателя могут быть обжалованы в порядке, установленном ст. 124 и 125 УПК РФ, для реализации обеспечительно-восстановительной функции в отношении процессуальных прав участников. Традиционно руководящую роль при разрешении правовых споров отводят правосудию, отвечающему требованиям равенства и справедливости. При этом суды осуществляют проверку законности принятого дознавателем решения, не затрагивая вопроса его целесообразности.

Регулятивная модель завершения дознания составлением обвинительного акта вызывает ряд вопросов на практике. Согласно положениям ч. 2 и 3 ст. 225 УПК РФ, дознаватель обязан представить для ознакомления вместе со всеми материалами дела обвинительный акт, подлежащий утверждению начальником органа дознания и прокурором. В связи с этим обоснованно возникают сомнения относительно последовательности производства данных процессуальных действий и возможности ознакомления с обвинительным актом до утверждения уполномоченными лицами. Представление для ознакомления документа, не утвержденного в установленном порядке и не оформленного надлежащим

образом, является, на наш взгляд, недопустимым, в связи с чем предлагаем отказаться от осуществления процедуры ознакомления с обвинительным актом и предусмотреть в законе обязанность дознавателя предъявлять обвинение по аналогии с предварительным следствием, поскольку однородные по своей природе правоотношения должны регулироваться одинаковым образом. Это обеспечит право обвиняемого на получение достоверной информации о предъявленном ему обвинении и предоставит возможность выработать свою линию защиты.

Законодатель предусмотрел возможность ознакомления с материалами дела для обвиняемого, защитника, потерпевшего и его представителя, что зафиксировано в ч. 2 и ч. 3 ст. 225 УПК РФ, в связи с чем обоснованно возникает вопрос о возможности реализации данного права гражданским истцом и гражданским ответчиком. В целях реализации прав указанных участников на справедливое и законное разрешение гражданского иска в ходе уголовного судопроизводства, с учетом принципов состязательности и равенства в правоприменении полагаем необходимым закрепить право гражданского истца и гражданского ответчика на ознакомление с материалами дела, касающимися гражданского иска.

В случае совершения преступления группой лиц следователь самостоятельно определяет очередность ознакомления обвиняемых с материалами дела, что не противоречит принципам справедливости и равенства всех перед законом. Согласно разъяснению Конституционного Суда РФ, последовательность предоставления для ознакомления материалов уголовного дела обвиняемым не влияет на их правовой статус и не свидетельствует о преимуществах одних перед другими [4]. Кроме того, допускается возможность ознакомления с материалами дела нескольких обвиняемых одновременно, например, с разными томами дела.

Помимо норм об объеме предоставляемых материалов для ознакомления гарантией прав сторон является положение о запрете ограничения во времени. В случае злоупотребления данным правом со стороны обвиняемого или адвоката при явном затягивании времени ознакомления дознаватель, следователь

вправе обратиться в суд с ходатайством об установлении конкретного срока для ознакомления с делом согласно ч. 3 ст. 217 УПК РФ. Процедура установления срока ознакомления с материалами дела судом распространяется также на случаи ознакомления с материалами потерпевшего и лица, представляющего его интересы.

Для подтверждения факта затягивания процесса путем необоснованно длительного срока ознакомления с делом дознаватель, следователь вправе составить график ознакомления данного участника с делом. Подобный график законом не предусмотрен, но в практической деятельности его применение является целесообразным нередко осуществляется, в связи с чем необходимо законодательно закрепить данный способ фиксации процесса ознакомления участников с материалами дела, что исключит возможный отказ кого-либо из участников производства от подписи графика ознакомления. В данном графике должностные лица указывают сведения о дате, времени ознакомления и листах дела, с которыми лицо ознакомлено. В случае необходимости обращения в суд для ограничения времени ознакомления с делом кого-либо из участников указанный график возможно использовать для обоснования судебного решения. Поскольку возможность составления графика ознакомления законодательно не закреплена, для оптимизации производства дознания предлагаем дополнить ст. 225 УПК РФ ч. 5, в которой зафиксировать правомочие дознавателя заполнять график при ознакомлении с материалами дела обвиняемого, защитника, потерпевшего и его представителя.

Следует отметить, что процедура ограничения судом времени ознакомления обвиняемого и его защитника с материалами уголовного дела не противоречит положению ч. 3 ст. 217 УПК РФ, поскольку она наступает только в случае злоупотребления правом иметь достаточное время и возможность для выработки тактики защиты. Суд выносит постановление об установлении времени ознакомления с учетом исследования конкретных обстоятельств дела и соблюдением требований законности и обоснованности. Указанные судебные решения не ущемляют право обвиняемого на защиту, поскольку обусловлены

недобросовестным использованием стороной защиты своих правомочий и явным затягиванием процесса ознакомления [5]. Наличие уважительной причины для затягивания процедуры ознакомления с делом оценивает суд с учетом фактических обстоятельств дела, индивидуальных особенностей лица воспринимать информацию, возможности использования технических средств для изготовления копий и их последующего изучения. В любом случае постановление суда должно основываться на всестороннем исследовании фактических обстоятельств дела, включая оценку достоверности соответствующих сведений, содержать ссылки нормы материального и процессуального права для подтверждения законности принятого решения.

Выводы

Анализ законодательства и практики производства дознания позволяет констатировать наличие трудностей правоприменительного характера, влекущих нарушение законности и необоснованное ущемление процессуальных прав участников судопроизводства на заключительном этапе дознания, в связи с чем требуется совершенствование законодательного регулирования данной стадии предварительного расследования для обеспечения в правоприменении гарантированных Конституцией РФ и уголовно-процессуальным законом прав и законных интересов участников судопроизводства. В целях законодательного уточнения содержания нормативных предписаний представляется целесообразным внести следующие изменения в уголовно-процессуальное законодательство: указать в ч. 1 ст. 223 УПК РФ гл. 30 УПК РФ в качестве правовой основы производства дознания; дополнить ч. 1 ст. 225 УПК РФ пунктом 8.1 «данные о гражданском истце и гражданском ответчике»; закрепить норму об утверждении обвинительного акта, составленного следователем Следственного комитета РФ в соответствии с п. 7 ч. 3 ст. 151 УПК РФ, руководителем соответствующего следственного органа; предусмотреть в законе обязанность осуществления в ходе дознания процедуры предъявления обвинения, предполагающей разъяснение обвиняемому сути обвинения и положений ст. 47 УПК РФ; отра-

зить в ч. 3 ст. 225 УПК РФ право гражданского истца и гражданского ответчика на ознакомление с материалами уголовного дела в части, касающейся иска о возмещении вреда; дополнить ст. 225 УПК РФ ч. 5, в которой зафиксировать возможность составления дознавателем графика ознакомления с материалами уголовного дела обвиняемого, защитника, потерпевшего и его представителя для подтверждения фактов явного затягивания процесса ознакомления сторонами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Апелляционное постановление Верхневеличского районного суда Республики Саха (Якутия) от 23 ноября 2023 г. по делу № 10-3/2022 // Верхневеличский районный суд Республики Саха (Якутия) : [офиц. сайт]. – URL: https://vvilyui-jak.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=14725317&delo_id=4&new=4&text_number=1
2. Апелляционное постановление Камчатского краевого суда № 22-1027/2023 от 21 ноября 2023 г. по делу № 1-3/2023 // Камчатский краевой суд : [офиц. сайт]. – URL: https://oblsud-kam.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=6478281&delo_id=4&new=4&text_number=1
3. Апелляционное постановление Липецкого областного суда № 22-818/2020 от 28 июля 2020 г. по делу № 1-186/2020 // Липецкий областной суд : [офиц. сайт]. – URL: https://oblsud-lpk.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=2217888&delo_id=4&new=4&text_number=1
4. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Васильева Максима Игоревича на нарушение его конституционных прав положением части первой статьи 217 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 15 июля 2008 г. № 736-О-О. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
5. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Младова Евгения Николаевича на нарушение его конституционных прав частью третьей статьи 217 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 27 мая 2021 г. № 900-О. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
6. Об отказе в принятии к рассмотрению запроса мирового судьи судебного участка № 29 Карымского района Читинской области о проверке конституционности положений статей 217, 225 и 476 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации

Федерации : определение Конституционного Суда РФ № 152-О/2004. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

7. Резяпов, А. А. Окончание предварительного расследования с обвинительным заключением (актом, постановлением) и направление уголовного дела в суд : дис. ... канд. юрид. наук / Резяпов Айдар Айратович. – Ижевск, 2014. – 259 с.

8. Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей. Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции // Судебный департамент при Верховном Суде РФ : [офиц. сайт]. – URL: <http://www.cdep.ru/?id=79>

9. Скоропупова, М. Ю. К вопросу о проблемах окончания расследования уголовного дела и направления дела прокурору / М. Ю. Скоропупова // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. – 2018. – № 4. – С. 193–197.

10. Справка Ханты-Мансийского суда ХМАО – Югры от 18 июня 2021 г. по результатам обобщения судебной практики применения положений судами 1 инстанции статьи 237 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, касающихся возвращения уголовного дела прокурору для устранения препятствий его рассмотрения судом за 2020 год // Суд Ханты-Мансийского автономного округа – Югры : офиц. сайт. – URL: http://files.sudrf.ru/1520/user/Dokumenti_suda/2020_g_ug_st_237_UPK_RF.pdf

REFERENCES

1. Apellyacionnoe postanovlenie Verkhnevilyujskogo rajonnogo suda Respubliki Saha (Yakutiya) ot 23 noyabrya 2023 g. № 10-3/2022 [Appeal Decision of the Verkhnevilyuysky District Court of the Republic of Sakha (Yakutia) Dated November 23, 2023 No. 10-3/2022]. *Verkhnevilyujskij rajonnyj sud Respubliki Saha (Yakutiya): ofic. sajt* [Verkhnevilyuysky District Court of the Republic of Sakha (Yakutia). Official Website]. URL: https://vvilyui—jak.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=14725317&delo_id=4&new=4&text_number=1

2. Apellyacionnoe postanovlenie Kamchatskogo kraevogo suda № 22-1027/2023 ot 21 noyabrya 2023 g. po delu № 1-3/2023 [Appeal Decision of the Kamchatka Regional Court No. 22-1027/2023 Dated November 21, 2023 in Case No. 1-3/2023]. *Kamchatskij kraevoj sud: ofic. sajt* [Kamchatka Regional Court. Official Website]. URL: https://oblsud—kam.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=6478281&delo_id=4&new=4&text_number=1

3. Apellyacionnoe postanovlenie Lipeckogo oblastnogo suda № 22-818/2020 ot 28 iyulya 2020 g.

po delu № 1-186/2020 [Appeal Decision of the Lipetsk Regional Court No. 22-818/2020 Dated July 28, 2020 in Case No. 1-186/2020]. *Lipeckij oblastnoj sud: ofic. sajt* [Lipetsk Regional Court. Official Website]. URL: https://oblsud—lpk.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=2217888&delo_id=4&new=4&text_number=1

4. Ob otkaze v prinyatii k rassmotreniyu zhaloby grazhdanina Vasilyeva Maksima Igorevicha na narushenie ego konstitucionnyh prav polozheniem chasti pervoj statyi 217 Ugolovno-processualnogo kodeksa Rossijskoj Federacii: opredelenie Konstitucionnogo Suda RF ot 15 iyulya 2008 g. № 736-O-O [On the Refusal to Accept for Consideration the Complaint of Citizen Maxim Vasiliev for Violation of His Constitutional Rights by the Provision of Part One of Article 217 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation. Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation Dated July 15, 2008 No. 736-O-O]. *Access from Reference Legal System “KonsultantPlyus”*.

5. Ob otkaze v prinyatii k rassmotreniyu zhaloby grazhdanina Mladova Evgeniya Nikolaevicha na narushenie ego konstitucionnyh prav chastyu tretej statyi 217 Ugolovno-processualnogo kodeksa Rossijskoj Federacii: opredelenie Konstitucionnogo Suda RF ot 27 maya 2021 g. № 900-O [On the Refusal to Accept for Consideration the Complaint of Citizen Evgeny Mladov for Violation of His Constitutional Rights by Part Three of Article 217 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation. Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation Dated May 27, 2021 No. 900-O]. *Access from Reference Legal System “KonsultantPlyus”*.

6. Ob otkaze v prinyatii k rassmotreniyu zaprosa mirovogo sudyi sudebnogo uchastka № 29 Karymskogo rajona Chitinskoj oblasti o provere konstitucionnosti polozhenij statej 217, 225 i 476 Ugolovno-processualnogo kodeksa Rossijskoj Federacii: opredelenie Konstitucionnogo Suda RF № 152-O/2004 [On the Refusal to Accept for Consideration the Request of the Justice of the Peace of the Judicial District No. 29 of the Karymsky District of the Chita Region to Verify the Constitutionality of the Provisions of Articles 217, 225 and 476 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation. Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 152-O/2004]. *Access from Reference Legal System “KonsultantPlyus”*.

7. Rezyapov A.A. *Okonchanie predvaritelnogo rassledovaniya s obvinitelnym zaklyucheniem (aktom, postanovleniem) i napravlenie ugovnogo dela v sud: dis. ... kand. yurid. nauk* [End of the Preliminary Investigation with an Indictment (Act, Resolution) and the Referral of the Criminal Case to the Court]. Izhevsk, 2014. 259 p.

8. Svodnye statisticheskie svedeniya o deyatel'nosti federalnykh sudov obshchej yurisdikcii i mirovykh sudej. Otchet o rabote sudov obshchej yurisdikcii po rassmotreniyu ugovolnykh del po pervoj instancii [Summary Statistical Information on the Activities of Federal Courts of General Jurisdiction and Magistrates. Report on the Work of the Courts of General Jurisdiction on the Consideration of Criminal Cases in the First Instance]. *Sudebnyj departament pri Verhovnom Sude RF: ofic. sajt* [Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation. Official Website]. URL: <http://www.cdep.ru/?id=79>

9. Skoropupova M.Yu. K voprosu o problemah okonchaniya rassledovaniya ugovol'nogo dela i napravleniya dela prokuroru [On the Issue of the Problems of Ending the Investigation of a Criminal Case and Sending the Case to the Prosecutor]. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomicheskie i yuridicheskie nauki* [Proceedings of Tula State University. Economic and Legal Sciences], 2018, no. 4, pp. 193-197.

10. Spravka Hanty-Mansijskogo suda HMAO – Yugry ot 18 iyunya 2021 g. po rezultatam obobshcheniya sudebnoj praktiki primeneniya polozhenij sudami 1 instancii statyi 237 Ugolovno-processual'nogo kodeksa Rossijskoj Federacii, kasayushchihsya vozvrashcheniya ugovol'nogo dela prokuroru dlya ustraneniya prepyatstvij ego rassmotreniya sudom za 2020 god [Certificate of the Khanty-Mansiysk Court of the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug of June 18, 2021 Based on the Results of a Generalization of Judicial Practice in the Application of the Provisions of Article 237 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation by the Courts of the 1st Instance Concerning the Return of a Criminal Case to the Prosecutor to Eliminate Obstacles to Its Consideration by the Court for 2020]. *Sud Hanty-Mansijskogo avtonomnogo okruga – Yugry: ofic. sajt* [Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug – Yugra Court. Official Website]. URL: http://files.sudrf.ru/1520/user/Dokumenty_suda/2020_g_ug_st_237_UPK_RF.pdf

Information About the Author

Marina V. Romashova, Candidate of Sciences (Jurisprudence), Senior Lecturer, Department of Criminal Procedure, Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Y. Kikot (Ryazan Branch), 1-ya Krasnaya St, 18, 390043 Ryazan, Russian Federation, romashova_m_rfmu@mail.ru, rfmu@mvd.ru, <https://orcid.org/0009-0001-4094-3420>

Информация об авторе

Марина Владимировна Ромашова, кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры уголовного процесса, Рязанский филиал Московского университета МВД России им. В.Я. Кикотя, ул. 1-я Красная, 18, 390043 г. Рязань, Российская Федерация, romashova_m_rfmu@mail.ru, rfmu@mvd.ru, <https://orcid.org/0009-0001-4094-3420>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2024.4.23>

UDC 343.13
LBC 67.410.21

Submitted: 25.07.2024
Accepted: 25.08.2024

IMPROVING THE STAGE OF INITIATION OF A CRIMINAL CASE

Pavel P. Fantrov

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Introduction: the problem of improving the stage of initiation of a criminal case is of particular scientific and practical importance. This aspect is the focus of research interest of both procedural scientists and practitioners in the field of criminal justice, which is due to the complex of determinants that are subject to detailed analysis within the framework of the study. The stage of initiation of a criminal case, acting as a kind of “procedural filter”, plays a key role in ensuring a balance between the protection of constitutional rights and freedoms of citizens and the effective investigation of crimes. The relevance of improving the considered stage is due to the following factors: the imperative to increase the effectiveness of the filtration function; the presence of conflicts related to the procedural status of some of its participants; the expediency of abolishing this stage of criminal proceedings. The **purpose** of the study is to develop and scientifically substantiate proposals for optimizing the statutory regulation of the stage of initiation of a criminal case in the context of the modern paradigm of Russian criminal proceedings. **Research objectives:** 1) to carry out a conceptual analysis and systematization of existing theoretical approaches to the problem of the expediency of maintaining or abolishing the stage of initiation of criminal proceedings as an autonomous stage of criminal proceedings; 2) to identify and describe fundamental legal conflicts determined by the uncertainty of the procedural status of individual subjects at the stage of initiation of criminal proceedings; 3) to develop scientifically reasoned recommendations for improving the legislation in the field of regulating the initial stage of criminal proceedings. **Methods:** the methodological framework for the research is formed by a complex of the general scientific (analysis, synthesis, analogy, comparison, etc.) and specific scientific (systemic, historical-legal, comparative law, logical-legal) methods. **Results:** the expediency of maintaining the first stage of criminal proceedings is substantiated since it performs the function of a “filter” that prevents unjustified criminal prosecution; despite its fundamental importance, the stage under consideration needs significant modernization; in particular, it is proposed to implement a number of new procedural categories in the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation. **Conclusions:** the domestic legislator should initiate a comprehensive revision of the provisions of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation regulating the stage of initiation of a criminal case. The purpose of such an audit should be the formation of a coherent system of procedural statuses of participants in the criminal case initiation stage, which will minimize legal uncertainty and increase the level of legal protection of citizens. It is proposed to include a number of new articles in the Criminal Procedure Code of the Russian Federation: Article 46 “The person in respect of whom a crime report is being checked (suspected)”; Article 42 “Victim”; Article 56 “Eyewitness”.

Key words: initiation of a criminal case, suspect, victim, eyewitness, criminal process, pre-investigation check, procedural actions.

Citation. Fantrov P.P. Improving the Stage of Initiation of a Criminal Case. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2024, vol. 23, no. 4, pp. 178-186. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2024.4.23>

УДК 343.13
ББК 67.410.21

Дата поступления статьи: 25.07.2024
Дата принятия статьи: 25.08.2024

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

Павел Петрович Фантров

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Введение: проблематика совершенствования стадии возбуждения уголовного дела приобретает особую научно-практическую значимость. Данный аспект находится в фокусе исследовательского интереса,

как ученых-процессуалистов, так и практикующих специалистов в области уголовного судопроизводства, что обусловлено комплексом детерминант, подлежащих детальному анализу в рамках настоящего исследования. Стадия возбуждения уголовного дела, выполняя функцию своеобразного «процессуального фильтра», играет ключевую роль в обеспечении баланса между защитой конституционных прав и свобод граждан и эффективным расследованием преступлений. Актуальность совершенствования рассматриваемой стадии обусловлена следующими факторами: императив повышения эффективности фильтрационной функции; наличие коллизий, связанных с процессуальным статусом некоторых ее участников; целесообразность упразднения указанной стадии уголовного судопроизводства. **Цель исследования:** разработать и научно обосновать предложения по оптимизации нормативно-правового регулирования стадии возбуждения уголовного дела в контексте современной парадигмы российского уголовного судопроизводства. **Задачи исследования:** 1) осуществить концептуальный анализ и систематизацию существующих теоретических подходов к проблеме целесообразности сохранения или упразднения стадии возбуждения уголовного дела как автономного этапа уголовного процесса; 2) выявить и описать фундаментальные правовые коллизии, детерминированные неопределенностью процессуального статуса отдельных субъектов на стадии возбуждения уголовного дела; 3) разработать научно аргументированные рекомендации по совершенствованию законодательства в сфере регулирования начального этапа уголовного судопроизводства. **Методологическую основу** исследования образуют комплекс общенаучных (анализ, синтез, аналогия, сравнение и пр.) и частно-научных (системный, историко-правовой, сравнительно-правовой, логико-юридический) методов. **Результаты:** обосновывается целесообразность сохранения первой стадии уголовного судопроизводства, поскольку она выполняет функцию «фильтра», предотвращающего необоснованное уголовное преследование; несмотря на свою фундаментальную значимость, рассматриваемая стадия нуждается в существенной модернизации, в частности, предлагается имплементировать в УПК РФ ряд новых процессуальных категорий. **Выводы:** отечественному законодателю инициировать всестороннюю ревизию положений УПК РФ, регламентирующую стадию возбуждения уголовного дела. Целью такой ревизии должно стать формирование когерентной системы процессуальных статусов участников стадии возбуждения уголовного дела, что позволит минимизировать правовую неопределенность и повысить уровень правовой защищенности граждан. Предлагается включение в УПК РФ ряда новых статей: ст. 46¹ «Лицо, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении (заподозренный)»; ст. 42¹ «Пострадавший»; ст. 56² «Очевидец».

Ключевые слова: возбуждение уголовного дела, заподозренный, пострадавший, очевидец, уголовный процесс, доследственная проверка, процессуальные действия.

Цитирование. Фантров П. П. Совершенствование стадии возбуждения уголовного дела // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2024. – Т. 23, № 4. – С. 178–186. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2024.4.23>

Введение

Актуальность модернизации стадии возбуждения уголовного дела в современной парадигме российского уголовно-процессуального права детерминирована наличием существенных лакун в нормативно-правовом регулировании процессуального статуса ряда участников, вовлеченных в данную стадию уголовного судопроизводства. Особого научного дискурса заслуживает процессуальное положение лица, в отношении которого имеются основания полагать о его причастности к совершению преступного деяния. Находясь *de facto* в состоянии правовой неопределенности, данный субъект лишен возможности эффективной реализации своего конституционного права на защиту, что вступает в антагонизм с фундаментальными принципами справедливого правосудия и верховенства закона. Ана-

логичная коллизия наблюдается в отношении лиц, пострадавших от преступных посягательств, которые на этапе процессуальной проверки сообщения о преступлении зачастую оказываются лишеными адекватных механизмов защиты своих прав и законных интересов. Данная ситуация создает предпосылки для формирования негативных тенденций в правоприменительной практике, потенциально ведущих к нарушению баланса интересов участников уголовного судопроизводства. В контексте изложенного, представляется целесообразным проведение комплексного научного исследования, направленного на выявление и систематизацию существующих проблем в нормативно-правовом регулировании стадии возбуждения уголовного дела.

Сложившаяся ситуация требует комплексного пересмотра доктринальных и нормативных подходов к регулированию стадии возбуждения

уголовного дела. Необходимо не только элиминировать существующие правовые пробелы, но и сформировать эффективную систему процессуальных гарантий для всех участников доследственной проверки, что позволит привести российское уголовно-процессуальное законодательство в соответствие с современными стандартами защиты прав человека и повысить эффективность уголовного судопроизводства на его начальном этапе. Требуется комплексная ревизия нормативно-правовой базы с целью нивелирования существующих правовых лагун, четкой дефиниции процессуального статуса всех участников доследственной проверки и обеспечения эффективной защиты их прав на данном этапе уголовного судопроизводства.

Процессуальное значение стадии возбуждения уголовного дела в современном российском уголовном процессе

Эволюция института возбуждения уголовного дела в российском уголовно-процессуальном законодательстве представляет собой комплексное явление, характеризующееся диалектическим взаимодействием консервативных и инновационных тенденций. Принятие нового УПК РФ ознаменовало не только сохранение, но и существенное укрепление автономности первой стадии уголовного судопроизводства, что нашло отражение в структуре УПК РФ: ей посвящен отдельный раздел, включающий две главы и десять статей.

Первоначальная редакция УПК РФ характеризовалась акцентом на следственных действиях при отсутствии традиционных проверочных мероприятий, то последующие законодательные изменения существенно расширили инструментарий правоохранительных органов на рассматриваемой стадии уголовного судопроизводства [8, с. 121]. Примечательно, что при детальной регламентации процедурных аспектов, процессуальный статус личности, вовлеченной в стадию возбуждения уголовного дела, остался в правовом вакууме, унаследованном от советской правовой системы. Данное обстоятельство создает уникальную коллизию, при которой процессуальные действия получили четкую норматив-

ную основу, а их участники остались вне рамок правового регулирования.

Законодательные новеллы 2003–2013 гг. можно охарактеризовать как последовательную трансформацию института возбуждения уголовного дела. Поэтапное расширение круга проверочных действий, включение в их число ряда следственных мероприятий, а также предоставление следователю и дознавателю права давать поручения о проведении оперативно-розыскных мероприятий фактически привело к «...размыванию границы между доследственной проверкой и предварительным расследованием» [9, с. 296].

Особого внимания заслуживают изменения 2013 г., которые можно квалифицировать как качественный скачок в развитии института возбуждения уголовного дела. Законодатель не просто расширил перечень проверочных действий, но фактически создал своеобразную модель предварительного расследования в рамках доследственной проверки. Это породило уникальную ситуацию, когда формально не возбужденное уголовное дело *de facto* расследуется с использованием широкого спектра следственных и процессуальных действий.

В современной отечественной уголовно-процессуальной науке наблюдается устойчивая тенденция к переосмыслению роли и места стадии возбуждения уголовного дела в системе досудебного производства. Несмотря на формальное укрепление данного института в действующем УПК РФ, в научном сообществе продолжается активная полемика относительно целесообразности сохранения стадии возбуждения уголовного дела и перспектив дальнейшего ее развития [12, с. 136].

Анализ научной уголовно-процессуальной литературы позволяет выделить две основные концептуальные позиции по рассматриваемой проблематике. Первая группа исследователей, придерживающаяся радикального подхода, аргументирует необходимость полной ликвидации стадии возбуждения уголовного дела. Вторая группа ученых-процессуалистов отстаивает тезис о необходимости сохранения автономности первой стадии уголовного процесса, указывая на ее значимость для обеспечения законности и обоснованности начала уголовного преследования.

Сторонники радикальных преобразований, среди которых следует отметить таких ученых-процессуалистов, как Ю.В. Деришев, Б.Я. Гаврилов и С.И. Гирько, выдвигают тезис о необходимости выведения деятельности, составляющей содержание стадии возбуждения уголовного дела, за пределы уголовно-процессуального регулирования. В частности, Ю.В. Деришев характеризует данный институт как «реликт социалистической законности», подчеркивая его несоответствие современным реалиям уголовного судопроизводства [6, с. 34].

Б.Я. Гаврилов, развивая данную концепцию, предлагает «...фундаментальную реорганизацию порядка инициации уголовного судопроизводства, предполагающую исключение из УПК РФ норм о возбуждении и отказе в возбуждении уголовного дела» [4, с. 18]. Данный подход представляет собой радикальную трансформацию существующей модели и требует тщательного анализа потенциальных правовых и организационных последствий его имплементации.

Особого внимания заслуживает точка зрения С.И. Гирько, который выдвинул концепцию инициации производства по делу посредством подачи заявления о фактических событиях, содержащих признаки состава преступления [5, с. 16]. Данная идея коррелирует с международной практикой и заслуживает детального изучения в контексте возможности ее адаптации к российским правовым реалиям.

А.И. Макаркин предлагает «...альтернативную интерпретацию процессуальной природы возбуждения уголовного дела, рассматривая его исключительно как формальный акт инициации производства по уголовному делу» [10, с. 76–77], что фактически низводит данный институт до уровня процессуального этапа. Подобный подход потенциально способен оптимизировать уголовный процесс, однако требует тщательной проработки механизмов обеспечения прав и законных интересов участников уголовного процесса.

Заслуживает пристального внимания доктринальная модель уголовно-процессуального доказательственного права Российской Федерации, разработанная коллективом ученых-процессуалистов. Авторы данной концепции предлагают «...заменить стадию возбуж-

дения уголовного дела процедурой «Начало досудебного уголовного производства», основанной на регистрации сообщения о преступлении в специализированном Реестре досудебных производств» [2, с. 55]. Данная модель представляет собой попытку синтеза оптимальных элементов отечественной и зарубежной систем уголовного процесса и, безусловно, заслуживает всестороннего научного анализа.

Примечательно, что разработчики законопроекта акцентируют внимание на практических аспектах предлагаемых изменений, указывая на потенциальную оптимизацию деятельности следователей и дознавателей путем устранения дублирования процессуальных действий на различных этапах досудебного производства. Данный подход свидетельствует о стремлении не только к концептуальному совершенствованию модели досудебного производства по уголовным делам, но и к решению ряда проблем правоприменительной практики.

Научная дискуссия о перспективах совершенствования стадии возбуждения уголовного дела выходит за рамки сугубо теоретической полемики, затрагивая фундаментальные вопросы эффективности и справедливости досудебного производства по уголовным делам. Многообразие предлагаемых концептуальных подходов свидетельствует о сложности и многоаспектности рассматриваемой проблематики, а также о необходимости дальнейших научных исследований в направлении разработки оптимальной модели инициации уголовного процесса, учитывающей как исторические традиции российского процессуального права, так и современные тенденции развития уголовного судопроизводства.

Коллизии, связанные с приобретением процессуального статуса отдельных категорий граждан в стадии возбуждения уголовного дела

Проблематика процессуального статуса ряда ключевых субъектов (пострадавший, очевидец, заподозренный), принимающих участие на стадии возбуждения уголовного дела, продолжает оставаться недостаточно урегулированной, что в определенной степени кор-

релирует с аналогичной ситуацией, имевшей место в советской правовой системе. Несмотря на внесение в 2013 г. изменений в ст. 144 УПК РФ, законодательно закрепивших комплекс конституционных гарантий для субъектов, вовлеченных в процесс инициирования уголовного преследования, главы 6–8 УПК РФ по-прежнему не содержат исчерпывающего перечня статусных характеристик для указанных участников рассматриваемой стадии уголовного процесса.

В рамках современной парадигмы уголовно-процессуального права особую актуальность приобретает проблема нормативно-правовой регламентации статуса лица, в отношении которого осуществляется проверка сообщения о преступлении (заподозренный). Парадоксальность сложившейся ситуации заключается в том, что заподозренный, *de facto* являясь центральной фигурой процессуальной проверки, *de jure* лишен четко регламентированного правового статуса. Данное обстоятельство создает предпосылки для потенциальных нарушений конституционных прав и законных интересов лица, оказавшегося в фокусе внимания правоохранительных органов на начальном этапе уголовного судопроизводства.

Отсутствие надлежащей нормативной базы, определяющей процессуальное положение заподозренного, порождает ряд теоретических и практических проблем, среди которых следует выделить:

- неопределенность объема прав и обязанностей заподозренного;
- отсутствие эффективных механизмов защиты прав и законных интересов данного субъекта.

Следует отметить, что признание законодателем в 2013 г. факта уголовного преследования на стадии возбуждения уголовного дела стало значимым шагом в развитии отечественного уголовно-процессуального права. Однако данное нововведение породило ряд новых вопросов, в частности, касающихся регламентации избличительной деятельности органов дознания и предварительного следствия на данной стадии [13, с. 192]. В рамках дискурса о модернизации уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации представляется целесообразным рассмотреть вопрос об имплементации институ-

та «уведомления о подозрении» в качестве нового процессуального инструмента. Он может создать дополнительные процессуальные гарантии против необоснованной пролонгации доследственной проверки, поскольку факт вручения «уведомления о подозрении» может рассматриваться как основание для установления императивных сроков принятия процессуального решения о возбуждении уголовного дела либо об отказе в таковом. «Уведомление о подозрении» должно подлежать вручению субъекту при инициальном значимом взаимодействии с представителем органов предварительного расследования, осуществляющим проверку сообщения о преступлении. Данный подход потенциально способен разрешить ряд актуальных проблем, связанных с неопределенностью правового статуса лица на стадии возбуждения уголовного дела.

Более того, «уведомление о подозрении» может выступить в качестве эффективного механизма балансировки интересов стороны обвинения и стороны защиты уже на этапе доследственной проверки. Получение такого уведомления предоставит субъекту возможность более осознанно и эффективно реализовывать свое право на защиту, в том числе посредством привлечения защитника на стадии возбуждения уголовного дела. Однако имплементация подобного института требует тщательной научной разработки ряда вопросов. В частности, необходимо определить точные критерии для вручения «уведомления о подозрении», установить его процессуальные последствия, а также разработать механизмы контроля за обоснованностью его применения.

Не менее актуальной является проблема процессуального положения пострадавшего. Парадоксально, но *de facto* лицо, подавшее заявление о преступлении, оказывается в своеобразном «правовом вакууме» до момента возбуждения уголовного дела. Эта ситуация правовой неопределенности может привести к существенным затруднениям в реализации прав и законных интересов пострадавшего на начальном этапе уголовного судопроизводства.

Критический анализ положений ч. 2 ст. 42 УПК РФ показывает, что право на ознакомление с материалами уголовного дела, являющееся фундаментальным элементом процессу-

ального статуса потерпевшего, не находит адекватного отражения применительно к материалам проверки сообщения о преступлении. Изложенный юридический факт создает правовой вакуум, ставящий пострадавшего в уязвимое положение на начальном этапе уголовного процесса. Более того, действующее уголовно-процессуальное законодательство демонстрирует отсутствие эффективного механизма информирования пострадавшего о принятых процессуальных решениях в ситуациях дифференциации субъектов заявителя и пострадавшего. Данное обстоятельство потенциально может привести к фактическому ограничению доступа пострадавшего к правосудию и нарушению принципа своевременности уголовного судопроизводства.

Несмотря на наличие определенных гарантий прав пострадавшего на стадии возбуждения уголовного дела, существующая нормативная база характеризуется рядом существенных недостатков. Данная проблематика приобретает особую актуальность в свете научной дискуссии об упразднении стадии возбуждения уголовного дела, получившей практическое воплощение в ряде постсоветских государств. Однако в российской правовой системе стадия возбуждения уголовного дела сохраняет свою автономность, что обуславливает необходимость совершенствования процессуальных гарантий для лиц, пострадавших от преступных посягательств [1, с. 28].

Анализ доктринальных позиций позволяет выделить две концептуальные парадигмы решения данной проблемы. Первая предполагает экстенсивное расширение нормативного определения статуса потерпевшего, распространяя его на этап доследственной проверки. Вторая парадигма, представляющаяся более обоснованной с точки зрения юридической техники, заключается в конструировании отдельного процессуального статуса для пострадавшего, который бы учитывал специфику его правового положения до формального возбуждения уголовного дела. Тем не менее, несмотря на расширение инструментария органов, осуществляющих проверку сообщений о преступлениях, правовое положение ключевых участников этой стадии, включая пострадавших, остается недостаточно урегулированным. В этой связи представляется целесооб-

разным введение в УПК РФ новой статьи 42¹ «Пострадавший», закрепляющей процессуальный статус данного участника уголовного судопроизводства.

Особого внимания научного сообщества заслуживает вопрос о процессуальном статусе очевидца – субъекта, обладающего «...значимой информацией для установления оснований возбуждения уголовного дела, но не относящегося к категории заподозренных или пострадавших» [3, с. 26]. Этимологический анализ данного концепта указывает на его непосредственную корреляцию с визуальным восприятием события. Однако, в контексте уголовно-процессуальной деятельности подобная интерпретация представляется чрезмерно рестриктивной. Предлагается расширить семантическое поле термина «очевидец», включив в него лиц, воспринимавших событие преступления посредством различных сенсорных модальностей [7, с. 25]. Данный подход позволит более полно учитывать специфику объективной стороны различных составов преступлений и особенности их совершения.

Действующая редакция УПК РФ оперирует термином «очевидец» лишь единожды – как основание для задержания подозреваемого (п. 2 ч. 1 ст. 91 УПК РФ). Подобное ограниченное использование данного термина не отражает реальной значимости очевидцев в системе уголовного судопроизводства. В связи с этим представляется обоснованным введение в УПК РФ отдельной нормы, регламентирующей процессуальный статус очевидца, его права и обязанности на стадии возбуждения уголовного дела [11, с. 326]. Предлагается разработать и внести в УПК РФ новую статью 56² «Очевидец».

Отдельного исследования заслуживает проблематика допустимости и пределов использования технических средств фиксации очевидцами события преступления. Необходимо нормативно урегулировать порядок приобщения таких материалов к уголовному делу и определить их процессуальный статус.

Комплексное реформирование института очевидца в уголовном процессе позволит не только повысить эффективность стадии возбуждения уголовного дела, но и создаст дополнительные гарантии объективности и всесторонности расследования преступлений,

что в конечном итоге будет способствовать реализации принципа законности в уголовном судопроизводстве.

Выводы

Результаты проведенного многоаспектного исследования позволяют сформулировать ряд фундаментальных теоретических положений и прикладных рекомендаций относительно целесообразности сохранения стадии возбуждения уголовного дела в структуре российского уголовного судопроизводства. Комплексный анализ нормативно-правовой базы и массива доктринальных источников свидетельствует о том, что данная стадия досудебного производства, первоначально концептуализированная, как механизм верификации сведений о предполагаемом преступном деянии, сохраняет свою актуальность и функциональную значимость в качестве автономной процессуальной стадии.

Аргументация в пользу данного подхода базируется на концепции обеспечения прав и свобод личности в уголовном процессе. Стадия возбуждения уголовного дела выступает в качестве процессуального механизма, препятствующего необоснованному применению мер процессуального принуждения на этапе, когда факт совершения преступления еще не верифицирован с достаточной степенью достоверности. Можно сказать, что она выполняет функцию своеобразного «процессуального фильтра», минимизирующего риски неправомерного ограничения конституционных прав граждан.

Вместе с тем, проведенный анализ выявил ряд системных проблем в нормативном регулировании данной стадии, требующих законодательного разрешения. В частности, актуализируется вопрос о необходимости более детальной регламентации процессуального статуса участников доследственной проверки, расширения спектра их прав и процессуальных гарантий.

Следует отметить, что сохранение стадии возбуждения уголовного дела не исключает необходимости ее качественного совершенствования. Перспективы развития данного этапа уголовного судопроизводства во многом детерминированы готовностью законодателя к имплементации системных изменений, учитывающих как накопленный эмпирический

материал, так и современные тенденции развития уголовно-процессуальной науки.

Следует отметить, что современное состояние правового регулирования статуса личности в стадии возбуждения уголовного дела не в полной мере соответствует конституционным императивам. Особую озабоченность вызывает отсутствие четкой нормативной регламентации процессуального положения заподозренных лиц, пострадавших и очевидцев. Законодатель, *de facto*, оставил этих участников уголовного судопроизводства в своеобразном правовом вакууме, не определив исчерпывающим образом их права, обязанности и процессуальные гарантии.

В связи с этим представляется целесообразным внести в УПК РФ ряд новых статей, дополнив главы 6-8 УПК РФ следующими нормами:

– ст. 46¹ «Лицо, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении (заподозренный)»;

– ст. 42¹ «Пострадавший»;

– ст. 56² «Очевидец».

Такая нормативная новелла позволит не только устранить существующий пробел в законодательстве, но и создаст необходимую правовую основу для эффективной защиты прав и законных интересов указанных лиц на начальных этапах уголовного судопроизводства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Азарова, Е. С. Координация деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью / Е. С. Азарова, В. И. Внуков // *Legal Concept = Правовая парадигма*. – 2021. – Т. 20, № 2. – С. 26–32. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.2.4>

2. Александров, А. С. Доктринальная модель уголовно-процессуального доказательственного права Российской Федерации и комментарии к ней / А. С. Александров, Н. Н. Ковтун, С. А. Грачев, В. В. Терехин, М. В. Лапатников, А. О. Машовец, М. А. Никонов, П. С. Пастухов, И. А. Александрова, И. В. Бандорина, И. Г. Воронин, С. В. Костюнин, С. И. Кувычков, М. В. Лелетова, Э. Ф. Лугинец, И. И. Никитченко, Т. В. Хмельницкая, В. Н. Тангриева. – М. : Юрлитинформ, 2015. – 299 с.

3. Бульжкин, А. В. Проблемные вопросы обеспечения прав лиц, вовлекаемых в процесс на стадии возбуждения уголовного дела / А. В. Бульжкин // *Научный вестник Орловского юридического*

института МВД России им. В.В. Лукьянова. – 2019. – № 1. – С. 24–28.

4. Гаврилов, Б. Я. Современное уголовно-процессуальное законодательство и реалии его правоприменения / Б. Я. Гаврилов // Российский следователь. – 2010. – № 15. – С. 17–20.

5. Гирько, С. И. О некоторых проблемных вопросах процессуальной регламентации ускоренного досудебного производства / С. И. Гирько // Российский следователь. – 2010. – № 15. – С. 14–16.

6. Деришев, Ю. В. Стадия возбуждения уголовного дела – реликт «социалистической законности» / Ю. В. Деришев // Российская юстиция. – 2003. – № 8. – С. 34–36.

7. Казначей, И. В. Фантомы уголовного судопроизводства – заявитель и очевидец как участники проверки сообщения о преступлении / И. В. Казначей, С. Д. Назаров // Вестник Уральского юридического института МВД России. – 2018. – № 2. – С. 21–26.

8. Косенко, А. М. К вопросу о назначении судебной экспертизы в стадии возбуждения уголовного дела / А. М. Косенко // Алтайский юридический вестник. – 2019. – № 2. – С. 119–124.

9. Магомедова, К. Б. Прокурорский надзор на стадии возбуждения уголовного дела / К. Б. Магомедова, Т. Б. Рамазанов // Евразийский юридический журнал. – 2022. – № 12. – С. 295–297.

10. Макаркин, А. И. Состязательность на предварительном следствии / А. И. Макаркин ; науч. ред. В. В. Вандышев. – СПб. : Юрид. центр Пресс, 2004. – 265 с.

11. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка : 80000 слов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – 4-е изд. – М.: А ТЕМП, 2006. – 938 с.

12. Россинский, С. Б. Стадия возбуждения уголовного дела: безоговорочно упразднить либо попытаться понять подлинные причины ее возникновения? / С. Б. Россинский // Актуальные проблемы российского права. – 2021. – № 6. – С. 133–139.

13. Соловьева, Н. А. Совершенствование процессуального порядка проверки поводов и оснований для возбуждения уголовного дела / Н. А. Соловьева, П. П. Фантров, В. М. Шинкарук // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2021. – Т. 20, № 4. – С. 189–194. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.4.26>

no. 2, pp. 26-32. DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.2.4>

2. Aleksandrov A.S., Kovtun N.N., Grachev S.A., Terekhin V.V., Lapatnikov M.V., Mashovec A.O., Nikonov M.A., Pastuhov P.S., Aleksandrova I.A., Bandorina I.V., Voronin I.G., Kostyunin S.V., Kuvychkov S.I., Leletova M.V., Luginec E.F., Nikitchenko I.I., Hmelnickaya T.V., Tangrieva V.N. *Doktrinalnaya model ugolovno-processualnogo dokazatelstvennogo prava Rossijskoj Federacii i kommentarii k nej* [Doctrinal Model of Criminal Procedural Evidentiary Law of Russian Federation and Comments to It]. Moscow, Yurlitinform Publ., 2015. 299 p.

3. Bulyzhkin A.V. Problemnye voprosy obespecheniya prav lic, vovlekaemyh v process na stadii vzbuzhdeniya ugolovnogo dela [Problematic Issues of Ensuring the Rights of Persons Involved in the Process at the Stage of Initiation of Criminal Proceedings]. *Nauchnyj vestnik Orlovskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii im. V.V. Lukyanova* [Scientific Bulletin of Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. V. Lukyanov], 2019, no. 1, pp. 24–28.

4. Gavrilov B.Ya. Sovremennoe ugolovno-processualnoe zakonodatelstvo i realii ego pravoprimeneniya [Modern Criminal Procedural Legislation and the Realities of its Enforcement]. *Rossijskij sledovatel* [Russian Investigator], 2010, no. 15, pp. 17–20.

5. Girko S.I. O nekotoryh problemnyh voprosah processualnoj reglamentacii uskorennoogo dosudebnogo proizvodstva [About Some Problematic Issues of Procedural Regulation of Accelerated Pre-trial Proceedings]. *Rossijskij sledovatel* [Russian Investigator], 2010, no. 15, pp. 14–16.

6. Derishev Yu.V. Stadiya vzbuzhdeniya ugolovnogo dela – relikt «socialisticheskoy zakonnosti» [Stage of Initiation of Criminal Proceedings – a Relic of “Socialist Legality”]. *Rossijskaya yusticiya* [Russian Justice], 2003, no. 8, pp. 34–36.

7. Kaznachej I.V., Nazarov S.D. Fantomy ugolovnogo sudoproizvodstva – zayavitel i ochevidec kak uchastniki proverki soobshcheniya o prestuplenii [Phantoms of Criminal Proceedings – Applicant and Eyewitness as Participants in the Verification of a Crime Report]. *Vestnik Uralskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii* [Bulletin of Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2018, no. 2, pp. 21–26.

8. Kosenko A.M. K voprosu o naznachenii sudebnoj ekspertizy v stadii vzbuzhdeniya ugolovnogo dela [To the Issue of Appointing a Forensic Examination at the Stage of Initiation of Criminal Proceedings]. *Altajskij yuridicheskij vestnik* [Altai Legal Bulletin], 2019, no. 2, pp. 119–124.

9. Magomedova K.B., Ramazanov T.B. Prokurorskij nadzor na stadii vzbuzhdeniya ugolovnogo dela

REFERENCES

1. Azarova E.S., Vnukov V.I. Koordinaciya deyatelnosti pravoohranitelnyh organov po borbe s prestupnostyu [The Coordination of Activities of the Law Enforcement Agencies in the Fight Against Crime]. *Legal Concept = Pravovaya paradihma*, 2021, vol. 20,

[Prosecutor's Supervision at the Stage of Initiation of Criminal Proceedings]. *Evrazijskij juridicheskiy zhurnal* [Eurasian Law Journal], 2022, no. 12, pp. 295-297.

10. Makarkin A.I. *Sostyazatel'nost' na predvaritel'nom sledstvii* [Adversarial Nature of the Preliminary Investigation]. Saint Petersburg, Yurid. centr Press, 2004. 265 p.

11. Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. *Tolkovyy slovar russkogo yazyka: 80000 slov i frazeologicheskikh vyrazhenij* [Explanatory Dictionary of Russian Language: 80,000 Words and Phraseological Expressions]. Moscow, A TEMP Publ., 2006. 938 p.

12. Rossinskij S.B. Stadiya vzbuzhdeniya ugolovnoogo dela: bezogovorochno uprazdnit libo

popytatsya ponyat podlinnye prichiny ee vuznikoveniya? [Stage of Initiation of Criminal Proceedings: To Abolish Unconditionally or to Try to Understand the Real Reasons for Its Emergence?]. *Aktualnye problemy rossijskogo prava* [Actual Problems of Russian Law], 2021, no. 6, pp. 133-139.

13. Solovieva N.A., Fantrov P.P., Shinkaruk V.M. Sovershenstvovanie processual'nogo poryadka proverki povodov i osnovanij dlya vzbuzhdeniya ugolovnoogo dela [The Improvement of the Procedural Order for Checking the Reasons and Grounds for Initiating a Criminal Case]. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2021, vol. 20, no. 4, pp. 189-194. DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.4.26>

Information About the Author

Pavel P. Fantrov, Candidate of Sciences (Politics), Senior Lecturer, Department of Procedural Law and Criminology, Volgograd State University, Prosp. Universitetskiy, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, pavelfantrov@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9832-6169>

Информация об авторе

Павел Петрович Фантров, кандидат политических наук, старший преподаватель кафедры процессуального права и криминалистики, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, pavelfantrov@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9832-6169>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2024.4.24>

UDC 343.148

LBC 67.410.204.15

Submitted: 10.09.2024

Accepted: 02.10.2024

THE IMPORTANCE OF EXPERT OPINION FOR FORMING MORAL CERTAINTY OF PARTIES TO A TRIAL

Vladimir M. Shinkaruk

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Introduction: the issues of the use of special knowledge in criminal proceedings, its role and importance in proving criminal cases, despite the obvious demand for the use of such, do not cease to be relevant and widely discussed. This is due to the fact that this topic is multidimensional, which means there will always be a subject of research, unsolved problems and prospects for scientific research. The problems related to the significance of expert opinions in forming moral certainty of parties to a trial still remain in the shadow of significant and important topics. **Purpose:** to identify the factors influencing the expert opinion on forming moral certainty of parties to a trial. **Methods:** the dialectical, systemic and logical methods (general scientific) were used in the course of the study. Among the specific scientific research methods, the formal legal and generalization methods prevailed. **Results:** the formation of moral certainty is a complex process that depends not only on the personality of the expert, the quality of expert work, conclusions, but also on the subjective properties of parties to a trial, their professional training and erudition. That is why an expert should always take into account in their work the addressee of the evidence, i.e. those whom they should help in forming their moral certainty. **Conclusions:** the certainty in the correctness of the expert's conclusions should be determined, first of all, by objective factors – the completeness and scientific validity of the conclusion, its clarity and obviousness, the correspondence of conclusions and answers to questions to other evidence, the expert's deep special knowledge – and then subjective factors related to the personality of the expert.

Key words: expert, special knowledge, moral certainty, scientificity, reliability, verifiability, expert initiative, expert authority, trust.

Citation. Shinkaruk V.M. The Importance of Expert Opinion for Forming Moral Certainty of Parties to a Trial. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2024, vol. 23, no. 4, pp. 187-193. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2024.4.24>

УДК 343.148

ББК 67.410.204.15

Дата поступления статьи: 10.09.2024

Дата принятия статьи: 02.10.2024

ЗНАЧЕНИЕ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ЭКСПЕРТА ДЛЯ ФОРМИРОВАНИЯ ВНУТРЕННЕГО УБЕЖДЕНИЯ УЧАСТНИКОВ СУДЕБНОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА

Владимир Маркович Шинкарук

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Введение: вопросы использования специальных знаний в уголовном процессе, их роль и значение в доказывании по уголовным делам, несмотря на очевидную востребованность применения таковых, не перестают быть актуальными и широко обсуждаемыми. Связано это с тем, что данная тематика многоаспектна, а значит, всегда найдутся предмет исследования, нерешенные задачи и перспективы научного поиска. Проблемы, относящиеся к значению заключений эксперта в русле формирования внутреннего убеждения участников судебного разбирательства, до сих пор остаются в тени значимых и важных тем. **Цель:** выявить факторы влияния заключения эксперта на формирование внутреннего убеждения участников судебного разбирательства. **Методы:** в ходе исследования использовались диалектические, системные и логические методы (общенаучные). Среди частнонаучных методов исследования превалировали формально-юридический

и методы обобщения. **Результаты:** формирование внутреннего убеждения – сложный процесс, который зависит не только от личности эксперта, качества экспертной работы, выводов, но и от субъективных свойств участников судебного разбирательства, их профессиональной подготовки и эрудиции. Вот почему эксперт должен учитывать всегда в своей работе и адресата доказывания, то есть тех, кому он должен помочь в формировании внутреннего убеждения. **Выводы:** убеждение в правильности выводов эксперта должно определяться в первую очередь объективными факторами – полнотой и научной обоснованностью заключения, его доходчивостью и наглядностью, соответствием выводов и ответов на вопросы другим доказательствам, наличием у эксперта глубоких специальных знаний, а потом и уже субъективными факторами, связанными с личностью эксперта.

Ключевые слова: эксперт, специальные знания, внутреннее убеждение, научность, достоверность, проверяемость, экспертная инициатива, авторитет эксперта, доверие.

Цитирование. Шинкарук В. М. Значение заключения эксперта для формирования внутреннего убеждения участников судебного разбирательства // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2024. – Т. 23, № 4. – С. 187–193. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2024.4.24>

Введение

Судебная экспертиза является одним из важнейших и веских доказательств на стадии предварительного расследования и в ходе судебного разбирательства, производство которой детально регламентировано в гл. 27 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [8, с. 21]. Задача судебной экспертизы – выявить именно те доказательства, которые могут подтвердить либо опровергнуть факты, имеющие правовое значение при производстве предварительного расследования и судебного следствия [5, с. 313].

Проверяя и оценивая заключения эксперта, судьи и другие участники судебного разбирательства приходят к какому-либо убеждению по поводу исследуемых фактов.

Отвечая на вопросы, составляя и затем излагая свое заключение, эксперт использует свои специальные знания, опыт, эрудицию, технические средства, способы демонстрации, чтобы доказать правильность своего мнения. Это доказывание является не чем иным, как передачей сведений, каждое из которых эксперт обосновывает соответствующими доказательствами.

Судебная экспертиза представляет собой самостоятельную и специфическую разновидность исследования в ходе судебного разбирательства [7, с. 49]. Процессуальное действие, состоящее из проведения исследований и дачи заключения экспертом по вопросам, разрешение которых требует специальных знаний в области науки, техники, искусства или ремесла и которые поставлены перед

экспертом органом или лицом, имеющим право назначать судебную экспертизу, в целях установления обстоятельств, подлежащих доказыванию по конкретному делу, а также при проверке сообщения о преступлении [9, с. 136].

Факторы, влияющие на формирование внутреннего убеждения участников судебного разбирательства

Убеждение, возникающее у адресатов доказывания, зависит от многих причин.

Немаловажным фактором, формирующим внутреннее убеждение участников судебного разбирательства по поводу тех или иных фактов, устанавливаемых при помощи экспертизы, является личность самого эксперта.

Если участники судебного разбирательства знают эксперта, уверены в его объективности, высоких моральных качествах, глубоких знаниях и большом опыте, у них по отношению к нему возникает доверие.

Большинство судебных экспертов работает в настоящее время в экспертных учреждениях, поэтому судьи, прокуроры, адвокаты с ними сталкиваются постоянно. Длительные деловые контакты, постоянное общение благоприятствуют созданию авторитета большинства судебных экспертов.

Доверие к эксперту помогает ему убедить в правильности своих выводов, а следовательно, сформулировать у участников судебного разбирательства внутреннее убеждение.

Производя исследование и выявляя различные признаки объекта, эксперт не может прийти к какому-либо выводу только на осно-

вании определенного количества этих признаков, хотя это и имеет немаловажное значение. Основным является качество этих признаков, их индивидуальность, редкая встречаемость. Это означает, что эксперт не может опираться на формальные критерии при окончательной оценке выявленных признаков, а должен оценить их совокупность на основе своих специальных знаний, личного и обобщенного экспертного опыта. Поэтому и экспертная оценка носит в известной степени субъективный характер, хотя и опирается полностью на объективные исходные данные и методы исследования.

Личная ответственность, которая возлагается на эксперта, с профессиональных и правовых позиций оправдана только тогда, когда эксперт убежден в своих выводах. Внутреннее убеждение эксперта, воплощенное в его ответах и заключении, в какой-то степени передается участникам судебного разбирательства, формируя их внутреннее убеждение. Отсюда можно заключить, что убедить других эксперта удастся только тогда, когда он сам убежден в правильности своих выводов и может это доказать.

Ответы на устные вопросы и выводы эксперта не могут быть основаны на его предположениях или догадках. Только точно установленные им факты, которые подвергались тщательной научной проверке, могут служить основой выводов. Вот почему внутреннее убеждение участников судебного разбирательства по поводу тех или иных факторов находится в прямой зависимости от категоричности и обоснованности ответов или выводов эксперта.

В основу приговора наряду с другими доказательствами может быть положено только категорическое заключение эксперта.

Внутреннее убеждение участников судебного разбирательства в отношении фактов, устанавливаемых с помощью экспертизы, формируется постепенно. Каждая справка, любой ответ на поставленные вопросы, разъяснение ранее данного заключения в суде – это этапы на пути формирования внутреннего убеждения. Значит, каждая ступень этого сложного и чрезвычайно важного процесса должна быть пройдена экспертом очень осторожно, внимательно и вместе с тем основательно.

От самого незначительного аргумента до основного научного положения – все должно быть хорошо продумано и в совокупности устанавливать достоверность факта, являющегося доказательством. Малейшее противоречие, неясности, необоснованность в системе аргументации эксперта сразу же влияют на убежденность участников судебного разбирательства и правильность его выводов.

Способы доказывания могут быть использованы самые разнообразные. В этом разнообразии способов и умелом их сочетании заключается основная сила учреждения.

Эксперт широко использует такой способ, как ссылка на обобщенный, зафиксированный в различных научных изданиях, методических пособиях, справочной литературе. Выводы могут аргументироваться ссылками на опыт экспертного учреждения или личный опыт эксперта в определенных видах исследований.

Не менее убедительным является объяснение произведенных экспериментов, примененной техники, а также воспроизведение этапов исследования перед участниками судебного разбирательства.

Особое место среди арсенала средств, формирующих внутреннее убеждение участников судебного разбирательства, занимают наглядные методы демонстрации выводов эксперта в суде.

Значительные трудности возникают в тех случаях, когда эксперт должен убедить участников судебного разбирательства в групповой принадлежности тех или иных материалов и веществ.

Оценить выводы эксперта в этих случаях очень трудно, так как эксперты их не всегда излагают достаточно ясно, не во всех случаях дают оценку результатам сравнительного исследования.

Полное и всестороннее установление природы исследуемых объектов и четкое изложение результатов исследования и выводов создает у участников судебного разбирательства глубокое убеждение в их правильности и помогает выявить существенные обстоятельства преступления.

Убедительность доводов эксперта и ее роль в формировании внутреннего убеждения у присутствующих в зале судебного заседания относительно устанавливаемых фактов

находятся в прямой зависимости от состояния развития той или иной отрасли науки, техники, искусства или ремесла. Уже завоеванный авторитет представляемой экспертом отрасли знаний и авторитет самого эксперта создает благоприятную атмосферу доверия к его выводам.

Если же эксперт оперирует мало проверенными практикой категориями или использует вовсе не проверенные методики исследования, суд и все присутствующие в зале заседания испытывают необходимость в обязательной перепроверке экспертных выводов с помощью других доказательств.

Может быть, что в случае, если какой-нибудь вопрос, известный участникам судебного разбирательства, не был исследован, они смогут сразу же опровергнуть вывод эксперта (например, вывод о точном времени производства выстрела, сделанный экспертом при исследовании нагара в канале ствола оружия). Подобный вывод эксперта также создает внутреннее убеждение, но это будет убеждение в его некомпетентности.

Окончательное формулирование внутреннего убеждения по поводу выводов эксперта происходит после сопоставления этих выводов с другими доказательствами по делу. Убеждение в достоверности выводов эксперта складывается, если они совпадают с другими доказательствами. Вместе с тем, несовпадение выводов эксперта с другими доказательствами еще не означает неправильности этих выводов.

Суд не может принимать на веру, без тщательной проверки, выводы эксперта только потому, что тот обладает специальными знаниями, которых нет у участников судебного разбирательства. Но, с другой стороны, нельзя без самой скрупулезной оценки и сопоставления с другими доказательствами отклонить заключение эксперта. Необходимые гарантии этого содержатся в законе. Отклонение выводов эксперта может произойти только в результате твердого внутреннего убеждения суда в их ошибочности и изложением соответствующих мотивов.

На формирование внутреннего убеждения судей определенное влияние оказывает внутреннее убеждение прокурора, защитника и других участников судебного разбирательства.

Если эксперт сумел убедить в своей правоте всех или некоторых участников судебного разбирательства, вполне естественно, что при проверке его выводов возникает гораздо меньше вопросов, выдвигается меньше возражений. В этих случаях судьям легче сопоставить выводы эксперта с другими доказательствами и убедиться в их правильности. Высокая достоверность заключения во многом достигается за счет методически и законодательно правильного проведения исследований [4, с. 31].

Когда у участников судебного разбирательства формируется единое глубокое внутреннее убеждение в правильности выводов эксперта, это оказывает большое воздействие и на всех присутствующих в зале заседания. К таким результатам должен стремиться каждый эксперт, употребляя для этого свои знания, опыт, умение и инициативу. Однако упомянутая идеальная ситуация в судебной практике встречается сравнительно редко. В большинстве случаев кто-либо из участников судебного разбирательства с выводами эксперта бывает не согласен, выдвигает против них существенные аргументы или даже представляет доказательства. Суд вынужден самым тщательным образом проверить не только выводы эксперта, но и выдвинутые против них аргументы и представленные доказательства. Эта проверка осуществляется путем допроса эксперта, сопоставления, как выводов эксперта, так и указанных доказательств со всеми иными доказательствами по делу, а также путем назначения повторной экспертизы.

Такие действия суда позволяют либо установить правильность выводов эксперта и несостоятельность противоречащих им доказательств, либо опровергнуть выводы эксперта. В обоих случаях у суда, других участников судебного разбирательства и публики, присутствующей в зале, создается правильное представление о существе вопросов, разрешавшихся экспертизой.

Безмотивное же отрицание выводов эксперта или принятие их на веру, всякой оценки, не может способствовать формированию правильного убеждения и, следовательно, отрицательно отражается на качестве приговора.

К сожалению, в судебной практике бывает и так, что авторитет личности эксперта,

его эрудиция и опыт, а иногда и занимаемое им положение настолько воздействуют на участников судебного разбирательства, что устраняют элементы контроля и трезвой оценки, необходимые в отношении любого доказательства. Тогда создается положение, при котором объективность оценки притупляется и неправильное внутреннее убеждение возникает главным образом под влиянием личности эксперта.

С другой стороны, аргументированные, научно-обоснованные выводы молодого, неизвестного еще эксперта иногда разбиваются о стену недоверия, воздвигнутую предвзятым отношением к нему.

Если в первом случае внутреннее убеждение будет неоправданно непоколебимым, то во втором случае оно вообще может не сформироваться, и очевидные выводы по простейшим вопросам будут многократно перепроверяться.

Обе указанные крайности только вредят делу установления всех обстоятельств по делу.

Убеждение в правильности выводов эксперта должно определяться, в первую очередь, объективными факторами – полнотой и научной обоснованностью заключения, его доходчивостью и наглядностью, соответствием выводов и ответов на вопросы другим доказательствам, наличием у эксперта глубоких специальных знаний, а потом уже субъективными факторами, связанными с личностью эксперта, о которых говорилось выше.

Формирование внутреннего убеждения – сложный процесс, который зависит не только от личности эксперта, качества экспертной работы, выводов, но и от субъективных свойств участников судебного разбирательства, их профессиональной подготовки и эрудиции. Вот почему эксперт должен учитывать всегда в своей работе и адресат доказывания, то есть тех, кому они должен помочь в формировании внутреннего убеждения.

Возможность лично перепроверять выводы эксперта, принять участие в судебном исследовании, увидеть то, о чем пишет эксперт в заключении, укрепляет убеждение в достоверности его выводов.

Суждения и разъяснения, представляемые специалистом, оказывающим помощь участникам процесса в проверке и оценке зак-

ключения судебной экспертизы, также могут быть оформлены в письменной форме в предложенной нами выше структуре [2, с. 11]. Если же сведущее лицо проводит по запросу участника процесса экспертное исследование объектов, то оформление консультации специалиста недопустимо. В этом случае следует составлять заключение эксперта [3].

Таким образом, заключение эксперта в уголовном процессе зачастую выступает в качестве одного из основных доказательств, предъявляемых в суде стороной обвинения. Точное соблюдение экспертом принципов государственной судебно-экспертной деятельности при производстве судебной экспертизы, а также профессиональный опыт эксперта способны придать заключению эксперта статус «неопровержимого доказательства». Именно на подобных доказательствах базируется единственно верное решение по уголовному делу [6, с. 157].

Вместе с тем следует подчеркнуть, что в настоящее время экспертное заключение, как и другие доказательства, не имеет заранее установленной силы и подлежит обязательной всесторонней оценке. Только строгая научность и обоснованность проводимых экспертных исследований, базирующихся на общенаучных методах, позволяет говорить о доказательственном значении заключения эксперта и обеспечить в полной мере законность, обоснованность и мотивированность процессуальных решений, принимаемых на его основе при разрешении уголовного дела.

Выводы

Заключение эксперта приобретает статус неопровержимого доказательства только при выполнении следующих условий [6]:

1) соблюдение процессуального порядка назначения и производства экспертизы, оформления ее результатов;

2) научная обоснованность (использование общепринятых и научно обоснованных методик исследования, прошедших обязательную процедуру валидации);

3) категоричность выводов эксперта (положительный либо отрицательный вывод).

Кроме этого, доказательственное значение экспертного заключения, а в конечном ито-

ге его неоспоримость обусловлены компетенцией судебного эксперта, которому поручено производство судебной экспертизы [10, с. 178].

Компетентность как профессиональная характеристика эксперта основана не только на его профессиональных качествах, но и на профессиональном опыте, что не может не отразиться на объективности и качестве экспертного заключения, что, в свою очередь, влияет на формирование внутреннего убеждения участников судебного разбирательства.

Убеждение в правильности выводов эксперта, которое формируется с его помощью, претворяется прокурором, адвокатом и иными участниками судебного разбирательства в конкретные процессуальные действия. Прокурор использует установленные экспертом факты во время допросов, заявления ходатайств, представления своих заключений, а также в обвинительной речи и репликах. Адвокат, со своей стороны, использует их при допросах, заявлении ходатайств, защитительной речи и репликах. Подсудимый ссылается на выводы эксперта в своих ответах на вопросы, при постановке вопросов, в объяснениях, заявлениях, последнем слове. Подобным же образом используют выводы эксперта и иные участники судебного разбирательства.

Судьи свое внутреннее убеждение реализуют в широком диапазоне действий, вытекающих из прав, предоставленных им законом, и главным образом, при вынесении приговоров. Процесс доказывания является детерминантом по отношению к формированию внутреннего убеждения суда. Причина такого рода соподчинения связана с зависимостью процесса [1, с. 50].

Уважение и доверие к науке и научным методам установления фактов делает экспертизу незаменимым орудием в борьбе с преступлениями, а также с возможными ошибками в судебной работе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Азарова, Е. С. Влияние внутреннего убеждения суда на оценку доказательств: цивилизационный подход / Е. С. Азарова // Правовая парадигма. – 2023. – № 1. – С. 47–55.

2. Дьяконова, О. Г. Нормативная регламентация альтернативной (несудебной) экспертизы: pro

and contra / О. Г. Дьяконова // Вестник криминалистики. – 2022. – № 3. – С. 6–17.

3. Дьяконова, О. Г. Рецензия специалиста на заключение судебной экспертизы: понятие, сущность, нормативное регулирование / О. Г. Дьяконова // Журнал российского права. – 2023. – № 4. – С. 84–97.

4. Ершова, Г. В. Заключение эксперта в системе доказательств оценки тяжести вреда здоровью / Г. В. Ершова, Ю. А. Парфенов, С. А. Парфенов // Российская юстиция. – 2019. – № 10. – С. 30–32.

5. Загорьян, С. Г. Некоторые вопросы производства судебных экспертиз до возбуждения уголовного дела / С. Г. Загорьян // Вестник ВГУ. Серия: Право. – 2018. – № 4. – С. 307–314.

6. Лазарева, Л. В. К вопросу о доказательности экспертных выводов / Л. В. Лазарева, С. В. Покровский // Актуальные проблемы российского права. – 2021. – № 4. – С. 152–159.

7. Мишин, А. В. Судебная экспертиза / А. В. Мишин; под ред. А. Ю. Епихина. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2016. – 112 с.

8. Москалькова, Т. Н. Обеспечение прав участников уголовного процесса при проведении судебной экспертизы / Т. Н. Москалькова // Уголовное судопроизводство. – 2024. – № 1. – С. 18–23.

9. Яковлева, О. А. Особенности назначения и производства отдельных видов судебных экспертиз (экологический аспект) / О. А. Яковлева // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2019. – Т. 18, № 2. – С. 134–138. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2019.2.22>

10. Яковлева, О. А. Экспертные технологии как фактор, определяющий доказательственную базу при расследовании экологических преступлений / О. А. Яковлева // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2023. – Т. 22, № 1. – С. 176–180. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2023.1.24>

REFERENCES

1. Azarova E.S. Vliyanie vnutrennego ubezhdeniya suda na ocenku dokazatelstv: civilizacionnyj podhod [Influence of the Internal Conviction of the Court on the Evaluation of Evidence: Civilizational Approach]. *Legal Concept=Pravovaya paradigma*, 2023, no. 1, pp. 47-55.

2. Dyakonova O.G. Normativnaya reglamentaciya alternativnoj (nesudebnoj) ekspertizy: pro and contra [Normative Regulation of Alternative (Non-Judicial) Expertise: pro and contra]. *Vestnik kriminalistiki*, 2022, no. 3, pp. 6-17.

3. Dyakonova O.G. Recenziya specialista na zaklyuchenie sudebnoj ekspertizy: ponyatie, sushchnost, normativnoe regulirovanie [Specialist's

Review of the Forensic Expertise Conclusion: Concept, Essence, Normative Regulation]. *Zhurnal rossijskogo prava* [Journal of Russian Law], 2023, no. 4, pp. 84-97.

4. Ershova G.V., Parfenov Yu.A., Parfenov S.A. Zaklyuchenie eksperta v sisteme dokazatelstv ocenki tyazhesti vreda zdorovyu [Expert's Conclusion in the System of Evidence to Assess the Severity of Health Damage]. *Rossijskaya yusticiya* [Russian Justice], 2019, no. 10, pp. 30-32.

5. Zagoryan S.G. Nekotorye voprosy proizvodstva sudebnyh ekspertiz do vozbuzhdeniya ugolovnogogo dela [Some Issues of Production of Forensic Examinations Before the Initiation of Criminal Proceedings]. *Vestnik VGU. Seriya: Pravo* [Vestnik VSU. Series: Law], 2018, no. 4, pp. 307-314.

6. Lazareva L.V., Pokrovskij S.V. K voprosu o dokazatelnosti ekspertnyh vyvodov [To the Issue of Evidentiary Value of Expert Conclusions]. *Aktualnye problemy rossijskogo prava* [Actual Problems of Russian Law], 2021, no. 4, pp. 152-159.

7. Mishin A.V. *Sudebnaya ekspertiza* [Forensic Expertise]. Kazan, Izd-vo Kazan. un-ta, 2016. 112 p.

8. Moskalkova T.N. Obespechenie prav uchastnikov ugolovnogogo processa pri provedenii sudebnoj ekspertizy [Ensuring the Rights of Participants in Criminal Proceedings in Conducting a Forensic Examination]. *Ugolovnoe sudoproizvodstvo* [Criminal Procedure], 2024, no. 1, pp. 18-23.

9. Yakovleva O.A. Osobennosti naznacheniya i proizvodstva otdelnyh vidov sudebnyh ekspertiz (ekologicheskij aspekt) [Features of the Appointment and Production of Certain Types of Forensic Examinations (Environmental Aspect)]. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2019, vol. 18, no. 2, pp. 134-138. DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2019.2.22>

10. Yakovleva O.A. Ekspertnye tekhnologii kak faktor, opredelyayushchij dokazatelstvennyuyu bazu pri rassledovanii ekologicheskikh prestuplenij [Expert Technologies as a Factor Determining the Evidence Base in the Investigation of Environmental Crimes]. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2023, vol. 22, no. 1, pp. 176-180. DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2023.1.24>

Information About the Author

Vladimir M. Shinkaruk, Candidate of Sciences (Jurisprudence), Associate Professor, Department of Procedural Law and Criminalistics, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, shinkaruk@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5215-6299>

Информация об авторе

Владимир Маркович Шинкарук, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры процессуального права и криминалистики, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, shinkaruk@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5215-6299>

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО И СРАВНИТЕЛЬНОЕ ПРАВОВЕДЕНИЕ

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2024.4.25>

UDC 341
LBC 67

Submitted: 10.08.2024
Accepted: 10.09.2024

THE LEGAL DEFINITION OF A “NUCLEAR INSTALLATION” UNDER FRENCH LEGISLATION AND IN EU LAW

Yulia V. Lebedeva

Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

Introduction: France, being the leading country among the EU member states in the field of nuclear industry and technology, has detailed public legislation in the nuclear field. The **purpose** of the study is to adopt and develop the basic definition of “nuclear installation” in France and EU nuclear law. The research uses the **methods** of scientific cognition based on dialectical and historical materialism, logical, system-structural and comparative law analysis. **Results:** the author’s position, justified in the work, is based on the analysis of French legislation, EU law and the opinions of the competent scientific community abroad on the role of French legislation on EU law in the nuclear field. **Conclusion:** as a result of the study, the influence of French legislation on the adoption of a particularly important definition of a “nuclear installation” in EU law in the field of regulation of the nuclear industry is revealed, which accordingly affects the legislation of all EU member states through EU directives.

Key words: nuclear installation, French legislation, EU law, nuclear energy, Council Directive 2009/71/EURATOM on nuclear safety of nuclear installations.

Citation. Lebedeva Yu.V. The Legal Definition of a “Nuclear Installation” Under French Legislation and in EU Law. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2024, vol. 23, no. 4, pp. 194-199. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2024.4.25>

УДК 341
ББК 67

Дата поступления статьи: 10.08.2024
Дата принятия статьи: 10.09.2024

ПРАВОВОЕ ОПРЕДЕЛЕНИЕ «ЯДЕРНОЙ УСТАНОВКИ» ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ ФРАНЦИИ И В ПРАВЕ ЕС

Юлия Вячеславовна Лебедева

Министерство иностранных дел Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация

Введение: Франция, являясь ведущей страной среди стран – членов ЕС в области атомной промышленности и технологий, имеет детально разработанное публичное законодательство в атомной области. **Целью** исследования стало принятие и развитие основной дефиниции «ядерная установка» в ядерном праве Франции и ЕС. В ходе исследования были использованы **методы** научного познания на основе диалектического и исторического материализма, логического, системно-структурного и сравнительно-правового анализа. **Результаты:** обоснованная в работе авторская позиция опирается на анализ французского законодательства, право ЕС и мнения компетентной научной зарубежной среды по вопросу роли французского законодательства в праве ЕС в атомной области. **Вывод:** в результате исследования выявлено влияние законодательства Франции на принятие особого важного определения «ядерной установки» в праве ЕС в области регули-

рования атомной промышленностью, что, соответственно, влияет через директивы ЕС на законодательство всех стран – членов ЕС.

Ключевые слова: ядерная установка, законодательство Франции, право ЕС, атомная энергетика, Директива Совета 2009/71/ЕВРАТОМ о ядерной безопасности ядерных установок

Цитирование. Лебедева Ю. В. Правовое определение «ядерной установки» по законодательству Франции и в праве ЕС // *Legal Concept = Правовая парадигма.* – 2024. – Т. 23, № 4. – С. 194–199. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2024.4.25>

Введение

Исследования атома, рентгеновского излучения, открытия полония, радия, тория и другие всемирно известные открытия французских ученых Анри Беккерель, Пьера и Марии Кюри, Э. Резерфорда, Ф. Жолио, Ирен Кюри, Ганс фон Хальбана, Лью Коварски, Ф. Перрена и др. внесли свой значимый вклад в развитие ядерной физики. Первые эксперименты по выделению энергии в результате цепной реакции во Франции начали проводиться с июля 1939 г., но Вторая мировая война и оккупация Франции фашистской Германией вынудила остановить эти работы. Продолжить разработки в атомной области Франция смогла только после освобождения своей территории от немецко-фашистских захватчиков. 18 октября 1945 г. Шарль де Голль учредил Комиссариат по атомной энергии, который проводил научно-технические исследования с целью использования атомной энергии в различных областях промышленности, науки и национальной обороны. Была утверждена первая ядерная программа Франции с 1945 по 1952 г. В связи с этим правовая база Франции, которая регулировала правоотношения в области атомной промышленности начала активно развиваться с 1946 г. Надо отметить, что Франция – это единственная страна из «ядерного клуба» (СССР / Россия, КНР, США, Великобритания, Франция), чье законодательство детально регламентирует практически весь ядерный топливный цикл и новые технологии, придерживаясь полной открытости в области «мирного атома» в послевоенный период и по настоящее время.

Правовое определение «ядерной установки» во французском законодательстве

Во Франции впервые был принят самостоятельный правовой акт в 1963 г., который

регулировал деятельность ядерных установок, – это Декрет № 63-1228 о ядерных установках от 11 декабря 1963 г. [1], в котором в ст. 2 было сформулировано правовое определение «ядерным установкам», в которые французский законодатель включил ядерные реакторы, за исключением тех, которые являются частью транспортного средства; ускорители частиц, характеристики которых определены совместным постановлением министра национального образования, министра промышленного и научного развития и министра здравоохранения; заводы по приготовлению, производству или переработке радиоактивных веществ, то есть любых природных или искусственных веществ, испускающих прямо или косвенно ионизирующее излучение, в частности: заводы по приготовлению ядерного топлива, разделению изотопов ядерного топлива, переработке облученного ядерного топлива, а также заводы по производству и переработке радиоактивных веществ или обращения с радиоактивными отходами (РАО); установки, предназначенные для хранения, депонирования или использования радиоактивных веществ, включая отходы, особенно те, которые предназначены для облучения [1].

При этом заводы и установки для хранения определялись, как базовые ядерные установки, если количество или общая активность радиоактивных веществ, которые могут на них содержаться, превышает минимальный уровень, установленный в зависимости от типа установки и рассматриваемого радиоактивного вещества совместным постановлением министра промышленного развития и энергетики, министра здравоохранения и министра, отвечающего за охрану природы и окружающей среды [1].

Все оборудование, входящее в периметр завода, сооружения, хранилище, на строительство которых требовалось разрешение, являлось частью базовой ядерной установки [1].

В настоящее время Декрет № 63-1228 отменен Декретом № 2007-830 от 11 мая 2007 г. о номенклатуре базовых ядерных установок [2] и Декретом № 2007-1557 от 2 ноября 2007 г. о базовых ядерных установках и контроле в области ядерной безопасности при транспортировке радиоактивных веществ [3].

В настоящее время во Франции базовые ядерные установки регулируются положениями Закона № 2006-686 от 13 июня 2006 г. о ядерной транспарентности и безопасности [4]. Закон № 2006-686 предоставил Франции всеобъемлющий законодательный арсенал, позволив Управлению по ядерной безопасности (Autorité de sûreté nucléaire – ASN) стать независимым органом и обеспечив законодательную основу для базовых ядерных установок, регулируя каждую фазу жизненного цикла ядерной установки, их мониторинг и санкции. До этого закона во Франции ядерное регулирование было разрозненным, с рядом общих положений, вводимых по мере развития ядерных технологий и расширения атомной энергетики. Поэтому Закон № 2006-686 является особенно важным законодательным актом, который гарантирует правовую определенность в атомном секторе, и одна из целей которого – «ядерная прозрачность» – представлена как гарантия улучшения ядерной безопасности и ее приемлемости.

В соответствии со ст. 28 Закона Французской Республики № 2006-686 от 13 июня 2006 г. под «ядерной установкой» понимается ядерные реакторы, то есть устройства, в которых иницируется и контролируется самоподдерживающаяся ядерная цепная реакция; установки, используемые для подготовки, обогащения, производства, переработки или хранения ядерного топлива или для переработки, хранения или складирования РАО, соответствующие характеристикам, определенным в Декрете № 2007-830 от 11 мая 2007 г.; установки, содержащие радиоактивные или делящиеся вещества и соответствующие характеристикам, определенным в Декрете № 2007-830 от 11 мая 2007 г.; ускорители частиц, соответствующие характеристикам, определенным в Декрете № 2007-830 от 11 мая 2007 г. [4].

Система лицензирования и классификация ядерных установок изложена в Декрете № 2007-1557 от 2 ноября 2007 года. Ядерные

установки делятся по трем основным категориям: базовые ядерные установки (installations nucléaires de base – INB), установки для защиты окружающей среды (installations classées pour la protection de l'environnement – ICPE), в которых осуществляется деятельность с использованием радиоактивных веществ, и ядерные установки и виды деятельности, связанные с обороной (installations et activités nucléaires intéressant la défense – IANID) [3].

Ст. 2 Декрета Франции № 2007-830 от 11 мая 2007 г. [2] более детально раскрывает правовое понятие базовых ядерных установок, отражая стадии ядерного топливного цикла, который применяется в настоящее время во Франции, в частности, к базовыми ядерными установками относятся: во-первых, установки по подготовке, обогащению, производству, переработке или хранению ядерного топлива, а также связанные с ними установки по переработке или хранению образующихся на них отходов, если эти установки имеют коэффициент добротности ¹ более 10^6 (п. 1 ст. 2 Декрета Франции № 2007-830); во-вторых, это установки по переработке или хранению РАО, которые имеют коэффициент добротности более 10^9 (п. 2 ст. 2 Декрета Франции № 2007-830); в-третьих, это установки, предусмотренные ст. L.542-10-1 Экологического кодекса Франции [5], и любые другие установки для хранения РАО, если они имеют коэффициент добротности более 10^9 (п. 3 ст. 2 Декрета Франции № 2007-830); в-четвертых, установки, на которых могут храниться радиоактивные вещества, когда сумма коэффициента Q , рассчитанного для радиоактивных веществ, находящихся в форме закрытых источников, равна 10^{11} , и коэффициента Q , рассчитанного для радиоактивных веществ, не находящихся в форме закрытых источников, равна 10^9 , больше, чем сумма коэффициента Q , рассчитанного для радиоактивных веществ, находящихся в форме закрытых источников (п. 4 ст. 2 Декрета Франции № 2007-830); в-пятых, установки, на которых может храниться расщепляющийся материал, если сумма соотношений между массами делящихся материалов, упомянутых ниже, и их исходными массами превышает единицу. Контрольная масса, подлежащая учету при этом расчете, установлена на уровне 200 г для плутония-239, 200 г для

урана-233, 400 г для урана-235, содержащегося в уране, обогащенном более чем на 6 %, и 800 г для урана-235, содержащегося в уране обогащен в пропорции от 1 до 6 % (п. 5 ст. 2 Декрета Франции № 2007-830) [2].

Ст. 2 Декрета Франции № 2007-830 от 11 мая 2007 г. содержит изъятия, определяя, какие ядерные установки не имеют характера базовых ядерных установок, а именно: установки, упомянутые в п. 1 ст. 2 Декрета Франции № 2007-830, которые реализуют радиоактивные вещества исключительно в виде урановой руды, остатков или продуктов переработки этой руды; хранилища или хранилища РАО, указанные в п. 2, 3 ст. 2 Декрета Франции № 2007-830, которые содержат радиоактивные вещества исключительно в виде остатков переработки урановой, ториевой или радиевой руды или продуктов переработки этих руд; установки, указанные в п. 4, 5 Декрета Франции № 2007-830, на которых хранятся радиоактивные вещества исключительно в виде урановой, ториевой или радиевой руды или остатков или продуктов переработки этих руд [2].

Таким образом, законодательство Франции в определении «ядерной установки» исходит из инженерно-прикладного подхода с опорой на технологическую документацию завода, использующего ядерную установку.

Правовое определение «ядерной установки» по праву ЕС

В Договоре об учреждении Европейского сообщества по атомной энергии 1957 г. (Евратом) не было дано правовое определение ядерной установки. Ст. 197 Договора о Евратоме давала только правовые определения «специально расщепляющиеся материалы», «уран», «сырьё», «руды», поскольку правоотношения стран – членов ЕС складывались в то время в атомной области в основном по вопросу распределения радиоактивных материалов. Интеграционные процессы на начальном этапе создания и развития Евратома не были так глубоко развиты [9], чтобы страны – члены ЕС обсуждали и принимали общие директивы, регулирующие вопросы ядерной безопасности ядерных установок. С другой стороны, не все страны – члены ЕС активно занимались атомными проектами [8]. Изначально Франция, которая начала разработку и развитие своей на-

циональной атомной промышленности, была среди европейских стран в авангарде. Особенно активно шли разработки в атомной области, как в мирных, так для военных целей в 1952–1969 гг. во Франции, где были разработаны и пущены в производство уран-графитовые ядерные реакторы. Впоследствии они послужили основой для создания во Франции графито-газовых ядерных реакторов для АЭС. До 1970 г. во Франции было построено 10 реакторов различной мощности. Франция стояла также у истоков создания Евратома и принимала самое активное участие в создании этого сообщества. Поэтому влияние французского законодательства на разработку и принятие европейских директив в атомной области было очень велико. При разработке директивы ЕС 2009 г. о ядерной безопасности ядерных установок было практически использована формулировка «ядерной установки» Закона Французской Республики № 2006-686 от 13 июня 2006 г. [10]. Таким образом, в праве ЕС впервые было дано правовое определение «ядерная установка», которое было сформулировано в п. 1 ст. 3 Директивы Совета 2009/71/ЕВРАТОМ от 25 июня 2009 г. о создании рамок Сообщества для обеспечения ядерной безопасности ядерных установок. В частности, ядерная установка была определена как АЭС, завод по обогащению, завод по изготовлению ядерного топлива, завод по переработке, исследовательская ядерная установка, хранилище отработавшего ядерного топлива, а также хранилище радиоактивных отходов, находящихся на одной площадке и непосредственно, связанные с вышеперечисленными ядерными установками [6].

Позже в 2014 г. Директивой Совета 2014/87/ЕВРАТОМ (п. 3 ст. 1) в формулировку «ядерная установка» была внесена корректировка «исследовательская ядерная установка» заменялась на «исследовательский реактор» [7]. Таким образом, правовое понятие «ядерной установки» было сужено. Исследовательская ядерная установка – это довольно расплывчатый термин, под который попадает любая ядерная установка с целью исследования в любой области. Например, кардиостимулятор, который работает на ядерной батарейке. Исследовательский реактор – это более узкое и целевое определение, это, так называемые, неэнергетические реакторы, под которыми понимают

ядерные реакторы, которые применяются в основном для получения и использования нейтронов и концентрации излучения для исследовательских целей. Детализация и сужение правового термина «ядерная установка» в праве ЕС были предложены французской стороной в связи пересмотром ядерной безопасности в ЕС после ядерной аварии в Японии на Фукусиме в 2011 г. [10].

Вывод

Законодательство Франции повлияло на формулировку правового определения «ядерной установки» в европейском атомном праве, поскольку среди стран – членов ЕС Франция была и остается государством, которое активно сразу после Второй мировой войны занималось национальным атомным проектом, провело последовательно ряд пятилетних ядерных программ и продолжает в настоящее время развитие своей атомной промышленности – с 2022 г. во Франции возобновлена ядерная программа. В настоящее время Франция играет ключевую роль в ЕС в дальнейшей работе над передовыми технологиями в атомной промышленности. При этом все достижения в атомной области и правоотношения, возникающие в связи с ее развитием, регулируются французским законодательством, которое в свою очередь также влияет на разработку и принятие новых положений в европейском атомном праве, в том числе и на его понятийный аппарат. Таким образом, посредством европейских директив в атомной области французское право привносит в законодательство стран – членов ЕС соответствующие изменения, создавая правовую платформу для дальнейшего развития атомных программ в мирных целях в странах – членах ЕС.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Коэффициент добротности определяется как разница между суммой масс исходных реагентов и суммой масс конечных продуктов в единицах энергии (обычно в МэВ).

REFERENCES

1. *Décret № 63-1228 du 11 décembre 1963 relatif aux installations nucléaires*. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/loda/id/JORFTEXT000000490634>
2. *Décret № 2007-830 du 11 mai 2007 relatif à la nomenclature des installations nucléaires de base*. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/loda/id/JORFTEXT000000428384/2019-03-31/?isSuggest=true>
3. *Décret № 2007-1557 du 2 novembre 2007 relatif aux installations nucléaires de base et au contrôle, en matière de sûreté nucléaire, du transport de substances radioactives*. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/loda/id/LEGIARTI000006868968/2007-11-03/>
4. *Loi № 2006-686 du 13 juin 2006 relative à la transparence et à la sécurité en matière nucléaire*. URL: https://www.legifrance.gouv.fr/loda/id/JORFTEXT000000819043?init=true&page=1&query=№+2006-686+&searchField=ALL&tab_selection=all
5. *Code de l'environnement*. URL: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/section_lc/LEGITEXT000006074220/LEGISCTA000006159291?init=true&page=1&query=L.+542-10-1+du+code+de+l%27environnement+&searchField=ALL&tab_selection=all&anchor=LEGIARTI000032933871#LEGIARTI000032933871
6. *Council Directive 2009/71/Euratom of 25 June 2009 Establishing a Community Framework for the Nuclear Safety of Nuclear Installations*. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A32009L0071>
7. *COUNCIL DIRECTIVE 2014/87/EURATOM of 8 July 2014 Amending Directive 2009/71/Euratom Establishing a Community Framework for the Nuclear Safety of Nuclear Installations*. URL: <https://faolex.fao.org/docs/pdf/eur137592.pdf>
8. Furfari S. *Le retour du nucléaire au sein de l'Union européenne*. URL: https://factuel.media/blogs/blog-articles/le-retour-du-nucleaire-au-sein-de-l-union-europeenne_ba_20601353
9. Andoura S., Hancher L., Van der Woude M. *Vers une Communauté européenne de l'énergie: un projet politique*, 2010. URL: <https://institutdelors.eu/wp-content/uploads/2018/01/commeuropeenneenergieandoura-hancher-vanderwoudenejuil10.pdf?pdf=ok>
10. Jurgensen C. *L'Europe, la France et la dissuasion nucléaire*. *Revue Défense Nationale*, 2019, vol. 6 (no. 821), pp. 56-68.

Information About the Author

Yulia V. Lebedeva, Candidate of Sciences (Jurisprudence), Advisor, Historical and Documentary Department, Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Smolenskaya-Sennaya Sq., 32/34, 119200 Moscow, G-200, Russian Federation, y.lebedeva.68@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4902-1657>

Информация об авторе

Юлия Вячеславовна Лебедева, кандидат юридических наук, советник Историко-документального департамента, Министерство иностранных дел Российской Федерации, Смоленская-Сенная площадь, 32/34, 119200 г. Москва, Г-200, Российская Федерация, y.lebedeva.68@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4902-1657>

Миссия журнала «Legal Concept = Правовая парадигма» – поддержка научных исследований в области юриспруденции, создание международной дискуссионной площадки для обсуждения исторических закономерностей и актуальных проблем современного права как теоретического, так и прикладного характера; публикация основных результатов, полученных в ходе написания диссертационных работ на соискание ученой степени кандидата и доктора юридических наук, а также научных исследований, издаваемых при финансовой поддержке научных фондов. Миссия журнала реализуется посредством формирования высокопрофессиональной и этичной редакционной политики, позволяющей выпускать издание высокого качества, в котором поддерживаются лучшие практики высшей школы, традиции академической культуры и публикуются творческие оригинальные научные статьи, хроники научной жизни, критические и библиографические обзоры российских и зарубежных исследователей.

Журнал «Legal Concept = Правовая парадигма» включает следующие рубрики: Главная тема номера; Теория и практика государственно-правового развития; Вопросы частноправового регулирования: история и современность; Правовые проблемы охраны окружающей среды и использования природных ресурсов; Процессуальное право: вопросы теории и правоприменения; Противодействие преступности и дифференциация уголовной ответственности; Международное право и сравнительное правоведение; Критика и библиография; Хроника научной жизни.

Совокупность рубрик журнала «Legal Concept = Правовая парадигма» соответствует группе научных специальностей 5.1. Право Номенклатуры специальностей научных работников.

The mission of *Legal Concept = Pravovaya paradigma* journal is to support research in the field of law; to provide an international platform for discussing historical patterns and urgent issues of modern law, both theoretical and applied ones; to publish the main results obtained in the course of writing theses for the degree of Candidate and Doctor of Sciences (Jurisprudence), as well as studies funded by scientific foundations. The mission of the journal is implemented through forming a highly professional and ethical editorial policy, which allows to create a high-quality publication, which supports the best practices of higher education, traditions of academic culture and publishes creative original scientific articles, chronicles of scientific life, criticism and bibliographic reviews of Russian and foreign researchers.

Legal Concept = Pravovaya paradigma journal includes the following sections: Mainstream Issue; Theory and Practice of State and Legal Development; Private Law Regulation Issues: History and Contemporaneity; Legal Issues of Environmental Protection and Use of Natural Resources; Procedural Law: Theory and Law Enforcement Issues; Crime Prevention and Legal Liability Differentiation; International Law and Comparative Jurisprudence; Criticism and Bibliography; Chronicle of Scientific Life.

The sections of *Legal Concept = Pravovaya paradigma* journal correspond to the group of scientific specialities 5.1. Law according to the Nomenclature of specialities of academic researchers.

УСЛОВИЯ И ПРАВИЛА ОПУБЛИКОВАНИЯ СТАТЕЙ В ЖУРНАЛЕ

1. Редакционная коллегия журнала принимает к печати оригинальные авторские статьи.

2. Подача, рецензирование, редактирование и публикация статей в журнале являются бесплатными.

3. Авторство должно ограничиваться теми, кто внес значительный вклад в концепцию, дизайн, исполнение или интерпретацию опубликованного исследования. Все они должны быть указаны в качестве соавторов.

4. Статья должна быть актуальной, обладать новизной, содержать постановку задач (проблем), описание основных результатов исследования, полученных автором, выводы. Представляемая для публикации статья не должна быть ранее опубликована в других изданиях.

5. Авторы несут полную ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, цитат, статистических и социологических данных, имен собственных, географических названий и прочих сведений, за точность библиографической информации, содержащейся в статье.

6. В случае обнаружения ошибок или неточностей в своей опубликованной работе автор обязан незамедлительно уведомить редактора журнала (или издателя) и сотрудничать с ним, чтобы отменить или исправить статью.

7. Автор обязан указать все источники финансирования исследования.

8. Представленная статья должна соответствовать **принятым журналом правилам оформления**.

9. Текст статьи представляется по электронной почте на адрес редколлегии журнала (vestnik5@volsu.ru). Бумажный вариант не требуется. **Обязательно** наличие сопроводительных документов.

10. Полнотекстовые версии статей, аннотации, ключевые слова, информация об авторах на русском и английском языках размещаются в **открытом доступе (Open Access)** в Интернете.

Отправка автором рукописи статьи и сопроводительных документов на e-mail редакции vestnik5@volsu.ru является формой **акцепта оферты** на принятие договора (публичной оферты) предоставления права использования произведения в периодическом печатном издании «Legal Concept = Правовая парадигма».

Редколлегия приступает к работе со статьей после получения всех сопроводительных документов по электронной почте. Решение о публикации статей принимается после рецензирования. Редакция оставляет за собой право отклонить или отправить представленные статьи на доработку. Переработанные варианты статей рассматриваются заново. Среднее количество времени между подачей и принятием статьи составляет восемь недель.

Подробнее о процессе подачи, направления, рецензирования и опубликования научных статей см.: <https://j.volsu.com> (раздел «Для авторов»).

CONDITIONS AND RULES OF PUBLICATION IN THE JOURNAL

1. The editorial staff of the journal publishes only original articles.

2. The submission, reviewing, editing and publication of articles in the journal are free of charge. No author fees are involved.

3. Authorship should be limited to those who have made a significant contribution to the conception, design, execution, or interpretation of the reported study. All those who have made significant contributions should be listed as co-authors.

4. An article must be relevant, must have novelty and include a task (issue) statement, the description of main research results and conclusions. The submitted article must not be previously published in other journals.

5. The author bears full responsibility for the selection and accuracy of facts, citations, statistical and sociological data, proper names, geographical names, bibliographic information and other data contained in the article.

6. When the author discovers a significant error or inaccuracy in his/her own published work, it is the author's obligation to promptly notify the journal editor or publisher and cooperate with the editor or publisher to retract or correct the article.

7. The author must disclose all sources of the financial support for the article.

8. The submitted article must comply with the **journal's format requirements**.

9. Articles should be submitted in electronic format only via e-mail vestnik5@volsu.ru. The author **must** submit the article accompanied by cover documents.

10. Full-text versions of published articles and their metadata (abstracts, key words, information about the author(s) in Russian and English) are available in the **Open Access** on the Internet.

Submitting an article and cover documents via the indicated e-mail vestnik5@volsu.ru the author **accepts the offer** of granting rights (public offer) to use the article in *Legal Concept = Pravovaya paradigma* printed periodical.

The editorial staff starts the reviewing process after receiving all cover documents via e-mail.

The decision to publish articles is made by the editorial staff after reviewing. The editors reserve the right to reject or send submitted articles for revision on the basis of the relevant opinions of the reviewers. Revised versions of articles are reviewed repeatedly.

The review usually takes 8 weeks.

For more detailed information regarding the submission, review, and publication of academic articles please refer to the journal's website <https://j.volsu.com/index.php/en/> (section "For Author").

ISSN 2587-8115

9 772587 811003

65>

